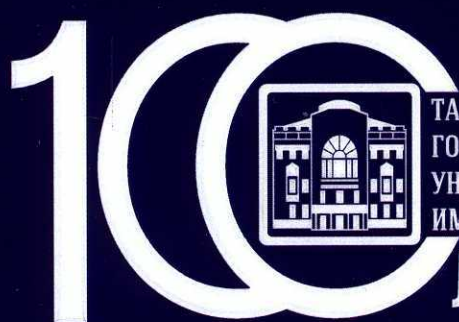

ВЕСТНИК ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ТОМ 23, № 172, 2018

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ЛЕТ

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 13.00.00 – педагогические науки; 07.00.00 – исторические науки и археология)

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

- 7 *Д.В. Митрофанов* Интеллектуальная культура студентов: диагностика уровня развития

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

- 15 *А.А. Дружинина* Подготовка будущих специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия как важного направления решения проблем населения
- 23 *Е.А. Уваров* Выстраивание жизненной перспективы как альтернатива состоянию безнадежности

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

- 35 *С.В. Титова,
Е.К. Данилина* Экспериментальное внедрение модели организации формирующего и текущего контроля письменно-речевых умений на базе мобильных технологий студентов неязыкового вуза
- 43 *Т.Г. Бортникова* Формирование коммуникативной компетентности студентов в рамках курса «Деловой английский»
- 49 *А.А. Беляев* Цели, структура и содержание методического проектирования

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

- 60 *Л.Е. Савиных* Социализация детей с ограниченными возможностями различных нозологических групп средствами физической культуры и спорта
- 65 *М.Х. Ташакова,
Э.М. Османов* Возможности использования методов математической статистики в разработке технологий отбора перспективных волейболистов

ПЕДАГОГИКА НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

- 72 *Е.А. Миленко* Обоснование педагогических условий организации учебного сотрудничества младших школьников

МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- 81 *Т.И. Бакланова,
О.И. Киселева,
Э.И. Медведь* О проекте преемственной системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для этнокультурной деятельности в образовательных организациях и учреждениях культуры
- 87 *И.В. Ловцова* Проблемы формирования учебного материала и форм его трансляции в учебниках, учебных пособиях в области изобразительного искусства
- 94 *Н.В. Белякова,
С.А. Чеботарев* Традиции восточной культуры в развитии технологий экспериментальной режиссуры русского театра

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 102 *Ю.В. Васильева* Особенности воспитания патриотизма у подростков

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- 111 *Р.Р. Джаббаров* Представители общественной мысли о монархической власти в XVIII веке: С.Н. Глинка о Петре Великом
- 119 *Д.В. Стрекалов,
Н.В. Стрекалова* Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова)
- 131 *Г.С. Махрачев* Деятельность земств в отношении неземледельческих промыслов крестьян Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века
- 140 *изумен Пимен
(И.А. Семилетов)* Демографический состав Тамбовских монастырей во второй половине XIX – начале XX века
- 151 *протоиерей
Виктор Лисюнин* Консервативное православное духовенство как общественно-политическая сила в начале XX века (по материалам Тамбовской епархии)

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- 161 *Н.С. Жирова* Создание индийского центра партии «Гадар» (1923–1928 гг.)
- 167 *О.С. Кулькова* Некоторые аспекты британского вмешательства в политику африканских стран к югу от Сахары в 1960–1980-е гг. в современной зарубежной историографии

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
(392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР к. юрид. н. В.Ю. Стромов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. пед. н., проф. П.В. Сысоев (научный редактор) (г. Тамбов, Российская Федерация), И.В. Ильина (отв. секретарь) (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. А.Г. Айрапетов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва, Российская Федерация), д. истории, проф. Тьерри Гробуа (г. Люксембург, Люксембург), д. пед. н., проф. М.И. Долженкова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Канищев (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.Г. Кашенко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Т.Э. Мангер (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис (г. Тамбов, Российская Федерация), д. педагогики, проф. П.Дж. Митчелл (г. Томск, Российская Федерация; г. Дерби, Великобритания); д. филос. н., проф. И.В. Налетова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.А. Нефедов (г. Екатеринбург, Российская Федерация), д. пед. н., проф. А.Г. Пашков (г. Курск, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.С. Подымова (г. Москва, Российская Федерация), д. пед. н., проф. О.Г. Поляков (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Романов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва, Российская Федерация), доктор, проф. истории Хок Стивен Л. (г. Три-Ситис, США), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов (г. Тамбов, Российская Федерация).

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: +7 (4752)-72-34-34 доб. 0440.

E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru.

Интернет: <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about.html>; <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about-eng.html>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70574 от 3 августа 2017 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге АО Агентства «Роспечать».

Редактор: А.А. Манаенкова, М.И. Филатова.

Редакторы английских текстов: С.Ю. Можаров, Т.А. Сустина.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2018. – Т. 23, № 172. – 184 с. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172

Подписано в печать 06.03.2018. Выход в свет 23.03.2018.

Формат 60×84 1/8. Печ. л. 23,01. Усл. печ. л. 21,39. Тираж 1000 экз. Заказ № 18026. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2018

© Оформление. Редакция журнала «Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки», 2018
При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (group of scientific specialties: 13.00.00 – Pedagogical Sciences; 07.00.00 – Historical Sciences and Archeology)

CONTENTS

PEDAGOGY OF HIGHER SCHOOL

- 7 *D.V. Mitrofanov* Students' intellectual culture: diagnostics of development level

QUESTIONS OF SOCIAL PEDAGOGY AND SOCIAL WORK

- 15 *A.A. Druzhinina* Preparation of future specialists in the social sphere for the organization of interdepartmental interaction as an important direction for solving the problems of the population
- 23 *E.A. Uvarov* Building a life perspective as an alternative to the state of hopelessness

THEORY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

- 35 *S.V. Titova,
E.K. Danilina* Experimental implementation of organization mobile technology model of formative and summative assessment of students' writing skills in a nonlinguistic university
- 43 *T.G. Bortnikova* Communicative competence development of students within the course "Business English"
- 49 *A.A. Belyaev* Objectives, structure and subject of a methodological planning

THEORY AND METHODS OF PHYSICAL TRAINING TEACHING

- 60 *L.E. Savinykh* Socialization of children with disabilities of various nosological groups by means of physical culture and sports
- 65 *M.Kh. Tashakova,
E.M. Osmanov* The possibilities of using mathematical statistics methods in the development of technologies for selection promising volleyball players

PEDAGOGY OF ELEMENTARY SCHOOL

- 72 *E.A. Milenko* Objectivation of pedagogical conditions of the organization of younger schoolchildren learning collaboration

METHODS OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY ORGANIZATION

- 81 *T.I. Baklanova,
O.I. Kiseleva,
E.I. Medved* On the project of continuity of the educational system, further training and personnel development for ethnocultural activity in educational organizations and cultural establishments
- 87 *I.V. Lovtsova* Problems of the formation of educational material and forms of its translation in textbooks, teaching aids in the field of fine arts
- 94 *N.V. Belyakova,
S.A. Chebotarev* Eastern culture traditions in development of experimentative directing technologies of the Russian theatre

PROBLEMS OF YOUTH'S SOCIALIZATION IN MODERN WORLD

- 102 *Y.V. Vasileva* Peculiarities of patriotism education among teenagers

NATIONAL HISTORY

- 111 *R.R. Dzhabbarov* The representatives of public thought about monarchical power in 18th century: S.N. Glinka about Peter the Great
- 119 *D.V. Strekalov,
N.V. Strekalova* Structure and typology of a provincial urban family at the end of the 18th – the first half of the 19th century (on materials of Tambov)
- 131 *G.S. Makhrachev* The functioning of zemstvos towards the non-agricultural work of peasants of the Tambov Governorate during the end of 19th – the beginning of the 20th century
- 140 *Hegumen Pimen
(I.A. Semiletov)* The demographic composition of the Tambov monasteries in the second half of 19th – early 20th centuries
- 151 *Archpriest
Viktor Lisyunin* Conservative orthodox clergy as public-social power at the beginning of 20th century (basing on the materials of Tambov eparchy)

FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

- 161 *N.S. Zhirova* The establishment of “Gadar” Party Hindustan Centre (1923–1928)
- 167 *O.S. Kulkova* Some aspects of British intervention in the internal politics of sub-Saharan African countries in the 1960–1980s in modern foreign historiography

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin”
(392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya St.)

EDITOR-IN-CHIEF Candidate of Jurisprudence V.Y. Stromov.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoyev (Scientific Editor) (Tambov, Russian Federation), I.V. Ilyina (Executive Editor) (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor A.G. Airapetov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigoreva (Moscow, Russian Federation), Doctor of History, Professor Thierry Grosbois (Luxembourg, Luxembourg), Doctor of Pedagogy, Professor M.I. Dolzhenkova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.N. Makarova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor T.E. Manger (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor Y.A. Mizis (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor P.J. Mitchell (Tomsk, Russian Federation; Derby, Great Britain), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Naletova (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor O.G. Polyakov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Romanov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow, Russian Federation), Doctor, Professor of History Hoch Steven L. (Tri-Cities, USA), Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov (Tambov, Russian Federation).

Editors address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

Tel. number: +7 (4752)-72-34-34 extension 0440.

E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru.

Internet: <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about.html>; <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about-eng.html>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass

Media (Roskomnadzor). Certificate of registration ПИ № ФС77-70574 of August 3, 2017.

Subscription index in the catalogue of the Stock company Agency “Rospechat” is 83371.

Editor: A.A. Manaenkova, M.I. Filatova.

English texts editors: S.Y. Mozharov, T.A. Sustina.

Computer layout T.Y. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2018. – Vol. 23, no. 172. – 184 p. – ISSN 1810-0201. – DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172

Podpisano v pechat' 06.03.2018. Vykhod v svet 22.03.2018.

Format 60×84 1/8. Pech. l. 23,0. Usl. pech. l. 21,39. Tirazh 1000 ekz. Zakaz № 18026. Svobodnaya tsena.

Adres izdatel'ya: 392000, g. Tambov, ul. Internatsional'naya, d. 33. FGBOU VO «Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G.R. Derzhavina».

Otpechatano v Izdatel'skom dome Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni G.R. Derzhavina.
392008, g. Tambov, ul. Sovetskaya, d. 190g.

© FSBEI of HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2018

© Execution. The editorial of the journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2018

The reference is obligatory while reprinting and citation of materials.

The author is responsible for the contents of publications.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ: ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ РАЗВИТИЯ

© Дмитрий Викторович МИТРОФАНОВ

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

394064, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А

E-mail: mitrofanovd@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты диагностического этапа исследования сформированности интеллектуальной культуры студентов вуза. Исследование, в котором приняли участие 126 респондентов, проводилось на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Анализ сформированности интеллектуальной культуры студентов проводился на основе выделенных критериев и соответствующих им показателей: критерий мотивации к интеллектуальному развитию и самореализации (показатели: ориентация на интеллектуальное развитие и саморазвитие, открытость новым знаниям и опыту, восприимчивость к побудительным воздействиям в направлении интеллектуального развития); критерий содержательно-деятельностной способности к решению интеллектуальных задач (показатели: наличие знаний и опыта решения интеллектуальных задач, сформированность логического мышления, интеллектуальная саморегуляция студентов); критерий реализации творческих способностей в интеллектуальном развитии (показатели: творческая активность в интеллектуальной деятельности, самостоятельная творческая позиция, творческое самосовершенствование). Дан подробный количественный и качественный анализ полученных экспериментальных данных, выявлены проблемные зоны развития исследуемого вида культуры. Представлена критериальная характеристика адаптивного, репродуктивного и креативного уровней сформированности исследовательской культуры студентов вуза.

Ключевые слова: интеллектуальная культура; студент; констатирующий эксперимент; критерии и показатели; уровни; диагностика

Интеллектуальная культура студента представляет собой интегративную характеристику личности, отличительными чертами которой являются ориентация на интеллектуальное саморазвитие и самообразование, владение знаниями и умениями рационального решения задач, готовность к творческому преодолению возникающих противоречий в учебной и повседневной деятельности, а также владение различными технологиями решения задач, требующих актуализации интеллектуальных ресурсов личности и потребности в их совершенствовании, в результате чего студенты активно продвигаются в направлении интеллектуального и творческого саморазвития.

Формирование интеллектуальной культуры студентов (ИКС) – важная часть их профессионального становления в процессе обучения в вузе, переоценить значение которой трудно [1]. Работа в этом направлении связана с созданием определенных педагогических условий, с качественно иным отбором содержания учебной деятельности, выбором методов и форм работы, с использованием

современных образовательных технологий, в том числе и информационных. Однако разработка технологии формирования ИКС и ее апробация на практике требуют диагностики исходного уровня сформированности отдельных компонентов исследовательской культуры, чему и было посвящено наше исследование, осуществленное на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в течение 2014–2016 гг.

В опытно-экспериментальной работе приняли участие 126 студентов: экспериментальная группа (64 студента) – направление подготовки «Педагогическое образование» (профиль – Начальное образование); направление подготовки «Социальная работа» и направление подготовки «Специальное (дефектологическое образование)»; контрольная группа (62 студента) – направление подготовки «Педагогическое образование» (профиль – Дошкольное образование); направление подготовки «История» и направление подготовки «Социология».

Эмпирическое исследование проводилось в 3 этапа, на каждом из них решались

свои цели и задачи: на диагностическом этапе было выявлено отношение студентов к исследуемому понятию и исходный уровень сформированности ИКС; на формирующем создавались условия для развития всех компонентов ИКС, выделенных нами в ходе теоретического анализа проблемы; на итоговом этапе отслеживалось качество изменений в интеллектуальной культуре студентов, сравнивались исходные и полученные данные.

В данной статье представлены результаты констатирующего этапа эксперимента, в ходе которого использовались опросные методы, включенное наблюдение, тестирование, методы математической обработки данных. Выбор методов исследования осуществлялся в соответствии с целями и задачами этапа, которые состояли не только в определении исходного уровня сформированности ИКС, но и в выявлении представлений респондентов о сущности исследуемого понятия, их отношения к интеллектуальной культуре как личностному образованию, в определении зависимости уровня развития ИКС от качества предметной подготовки, в выявлении педагогических условий, способствующих эффективному развитию интеллектуальной культуры студентов в вузе.

Первичное анкетирование о понятийной и содержательной стороне ИКС убедило нас в том, что у большинства студентов, участвующих в эксперименте, отсутствует представление о сущности понятия «интеллектуальная культура», для характеристики которого они чаще всего использовали такие синонимические понятия, как «высокий уровень мышления», «интеллектуальная грамотность». 31,75 % студентов затруднились ответить, что такое интеллектуальная культура. Остальные предложили определения, в которых использовались разрозненные структурные компоненты ИК («способность мыслить творчески», «использование интеллектуального потенциала в целях саморазвития», «умение мыслить нестандартно», «умение находить информацию и творчески ее перерабатывать» и т. п.) или происходила подмена понятий («интеллект», «разум», «интеллектуальная деятельность»).

Анализ сформированности интеллектуальной культуры респондентов проводился нами на основе ранее выделенных критериев и их показателей:

– *критерий мотивации к интеллектуальному развитию и самореализации* (показатели: ориентация на интеллектуальное развитие и саморазвитие, открытость новым знаниям и опыту, восприимчивость к побудительным воздействиям в направлении интеллектуального развития);

– *критерий содержательно-деятельностной способности к решению интеллектуальных задач* (показатели: наличие знаний и опыта решения интеллектуальных задач, сформированность логического мышления, интеллектуальная саморегуляция студентов);

– *критерий реализации творческих способностей в интеллектуальном развитии* (показатели: творческая активность в интеллектуальной деятельности, самостоятельная творческая позиция, творческое самосовершенствование).

Для оценки качества сформированности первого из критериев использовались следующие методики: методика КОТ (В.Н. Бузин, Э.Ф. Вандерлик), тест-опросник А. Мехрабиана на измерение мотивации достижения (модифицирован М.Ш. Магомед-Эминовым), методика изучения мотивов учебной деятельности студентов (В.А. Якунин, А.А. Реан) [2; 3]. Уровень сформированности второго критерия оценивался по результатам тестирования по методике TSI (М. Амтхауэр, Р. Хейм) и спринт-проверок (методика П. Торренса, тест С. Медника) [4; 5], направленных на определение вербальной креативности, комплексности и объема знаний и интеллектуальных умений, а также на выявление у студентов опыта решения интеллектуальных задач, его качества и способности к саморегуляции в интеллектуальной деятельности. Третий критерий в структуре ИКС исследовался при помощи ориентировочной анкеты и методики на определение творческих способностей (В.И. Андреев), диагностики творческой активности (Л.А. Волович, М.И. Рожков), опросника креативности Д. Джонсона (модификация Е.Е. Туник), теста «Оценка способности к саморазвитию и самообразованию» (Т.В. Блинова) [6]. Фиксация результатов проводилась в соответствующих бланках опросников и протоколах индивидуальных бесед с респондентами.

Результаты исследования по первому критерию – мотивация к интеллектуальному

развитию и самореализации – представлены на рис. 1.

Ориентация на интеллектуальное развитие и саморазвитие – первый показатель критерия мотивации к интеллектуальному развитию и самореализации оценивался на основе краткого ориентировочного теста В.Н. Бузина и Э.Ф. Вандерлика. В ходе исследования у 51,1% респондентов был выявлен средний уровень его сформированности, что проявляется в учебной работе как увлеченность интеллектуальными заданиями при некоторой боязни продемонстрировать низкий результат интеллектуального труда. Для таких студентов также характерна состоятельность в сочетании с необходимостью прикладывать существенные волевые усилия и временные затраты для организации интеллектуальной деятельности. Выявленные особенности свидетельствуют о том, что для обучающихся этой группы характерны личностные мотивы интеллектуального труда, среди которых, прежде всего, мотивы образования, развития и самоутверждения.

Низкий уровень сформированности первого показателя продемонстрировали 31,65 % респондентов. Для них, скорее, характерна внутренняя неприязнь и отрицание интеллектуальной деятельности как способа удовлетворения потребностей ввиду сложности ее выполнения, а основным мотивом является мотив прагматический, состоящий в получении определенной отметки по изучаемым дисциплинам.

Сформированность первого показателя первого критерия на высоком уровне продемонстрировали 17,25 % студентов. Их интеллектуальная активность разнообразна, связана с потребностью расширения поля интеллектуальной деятельности, с освоением новых способов ее организации и осуществления, что обуславливает не только реализацию личностных мотивов (развивающего, образовательного), но и мотивов социальных (профориентационного, деятельностного).

Второй показатель первого критерия (открытость новым знаниям и опыту) оценивался на основе теста измерения мотивации достижения М.Ш. Магомед-Эминова. Высокий уровень его сформированности продемонстрировали 15,95 % респондентов. Эта группа студентов воспринимает интеллектуальное затруднение положительно, рассматривая его как средство развития и получения нового опыта. Для 37,8 % испытуемых характерен средний уровень открытости новым знаниям, что свидетельствует не о систематической и спланированной интеллектуальной работе, а об импульсивном и эпизодическом обращении к поиску информации для решения проблемы, который не обязательно доводится до конца и заканчивается успешно. Низкий уровень сформированности данного показателя характерен для 46,25 % студентов. Им свойственна стабильность и консервативность в выборе способов интеллектуальной деятельности, негативное отношение к новшествам в учебной работе, потеря спо-

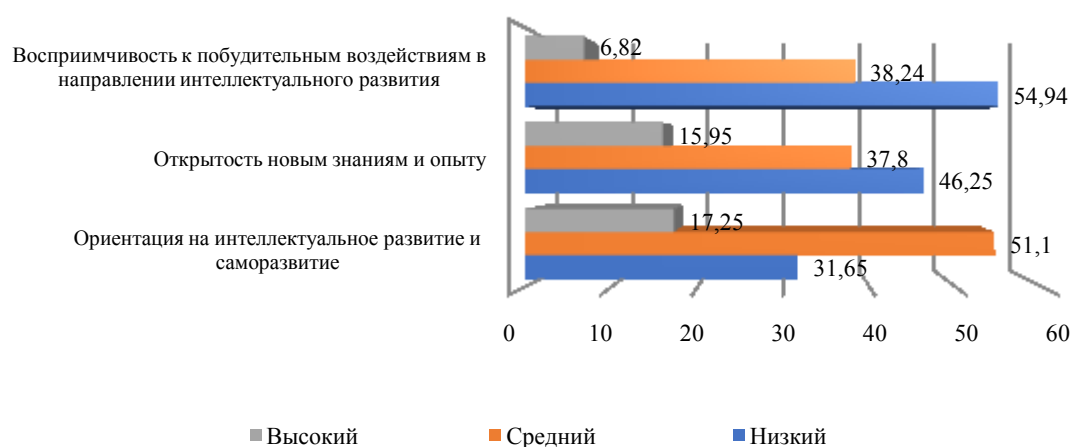

Рис. 1. Исходный уровень сформированности показателей ИКС по критерию «Мотивация к интеллектуальному развитию и саморазвитие» (в %)

способности к сосредоточению в измененных или неопределенных условиях ее осуществления.

Третий показатель первого критерия – восприимчивость к побудительным воздействиям в направлении интеллектуального развития – оценивался при помощи теста-опросника направленности мотивации учебной деятельности. У 38,24 % респондентов он выражен на среднем уровне. Это значит, что основным внешним мотивом для них является направляющий мотив. Для 6,82 % тестируемых характерно проявление инициативы и интенсификации усилий в формировании ИК без побуждающего воздействия педагога. Они продемонстрировали высокий уровень сформированности данного показателя. Низкий уровень выраженности исследуемого показателя характерен для 54,94 % опрошенных. В этом случае мы будем иметь дело не с побуждающим воздействием педагога, а с управляющим, поддерживаемым контролем и коррекцией. И даже в таких условиях включение студентов в интеллектуальную деятельность будет происходить на основе эпизодического интереса, спонтанно.

Результаты исследования степени выраженности второго критерия представлены на рис. 2.

Анализ выраженности первого показателя второго критерия ИКС (наличие знаний и

опыта решения интеллектуальных задач) оценивался нами на основе спринт-проверок и экспертных оценок педагогов, работающих со студентами экспериментальных групп. У 66,34 % респондентов выявлен низкий уровень выраженности данного показателя, что, на наш взгляд, связано с преобладанием утилитарных задач, скудостью интеллектуальной среды, в которую были включены эти студенты в процессе роста и развития на предыдущих стадиях. Для 25,68 % опрошенных характерен средний уровень выраженности данного показателя, свидетельствующий о потребности в решении интеллектуальных задач, возникающей в соответствии с жизнью и деятельностью респондента, но не имеющей самостоятельной ценности. 7,98 % студентов имеют высокий уровень сформированности опыта решения интеллектуальных задач. Для них интерес к интеллектуальной деятельности является самостоятельным и самооценным. В целом по итогам тестирования студенты данной группы продемонстрировали более высокий уровень интеллектуального развития.

Сформированность логического мышления – второй показатель второго критерия ИКС – оценивалась по результатам теста TSI Р. Амтхауэра. У 65,18 % респондентов структура интеллекта развита на низком уровне: они плохо совершают логический

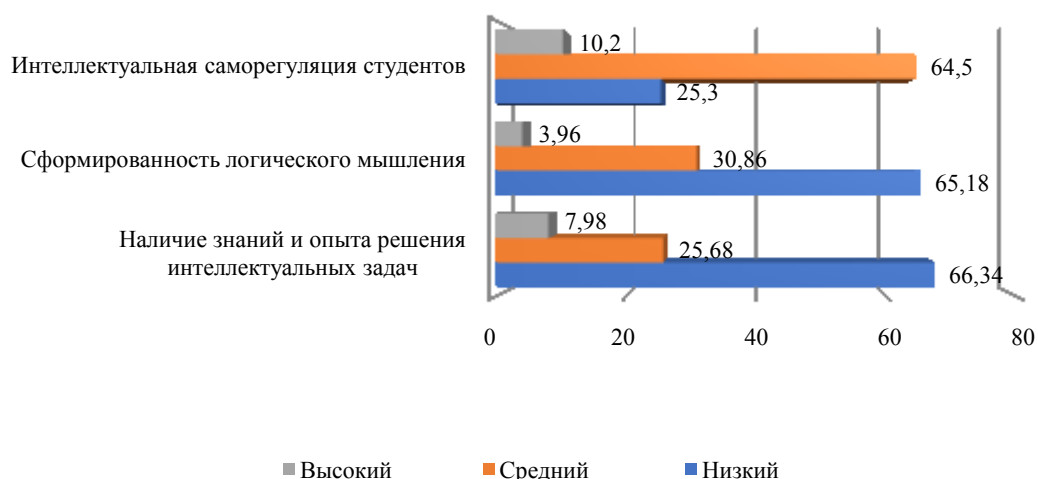

Рис. 2. Исходный уровень сформированности показателей ИКС по критерию «Содержательно-деятельностная способность к решению интеллектуальных задач» (в %)

отбор, слабо владеют способностью к категоризации, абстрагированию, совершению действий по аналогии. 30,86 % опрошенных показали средние результаты. Для них не доступен в полной мере ряд специальных методов и приемов логического мышления, но они имеют выраженные интеллектуальные ресурсы и достаточно развитую интуицию, что создает хорошие предпосылки для развития отдельных структурных компонентов мышления испытуемых. Высокий уровень выраженности данного показателя продемонстрировали 3,96 % студентов, участвующих в эксперименте. У них хорошо развиты способности к совершению основных логических операций: к обобщению, абстрагированию, аналогии и т. п.

Третий показатель второго критерия – способность к интеллектуальной саморегуляции – оценивался по результатам диагностики Э. Хейма. Способность к внутренней саморегуляции в интеллектуальной деятельности выражена в высокой степени у 10,2 % опрошенных, в средней – у 64,5 % респондентов, в низкой – у 25,3 % участников эксперимента. Мы считаем, что достаточно высокие результаты по данному показателю обусловлены развитием у студентов волевой регуляции, связанной не только с интеллектуальной и учебной деятельностью, но и с другими видами деятельности, в которых они могут быть более мотивированы и успешны.

Результаты исследования выраженности в структуре ИКС третьего критерия представлены на рис. 3.

Первый показатель третьего критерия – творческая активность в интеллектуальной деятельности – исследовался при помощи методики М.И. Рожкова и Л.А. Воловича. У 69,85 % респондентов его сформированность зафиксирована на низком уровне, у 24,6 % – на среднем и у 5,5 % – на высоком. Очевидно, что в процессе обучения испытуемых предпочтение отдавалось репродуктивным методам организации учебной деятельности, не способствующим развитию самостоятельности мышления, нестандартного видения проблемы, не создающим мотивации к поиску оригинальных и альтернативных путей решения интеллектуальных задач.

Второй исследуемый показатель третьего критерия – наличие самостоятельной творческой позиции – оценивался по продуктам творческой деятельности студентов, организованной как в учебной, так и во внеучебной работе. Нас интересовала их способность к созданию нового продукта и готовность отстаивать результаты своего интеллектуального творчества. Высокую степень выраженности данного показателя продемонстрировали 4,1 % опрошенных, среднюю – 36,25 %, низкую – 59,65 %, что означает, что большинство из них не только не способны к созданию собственного продукта, но и к защите его оригинальности, права

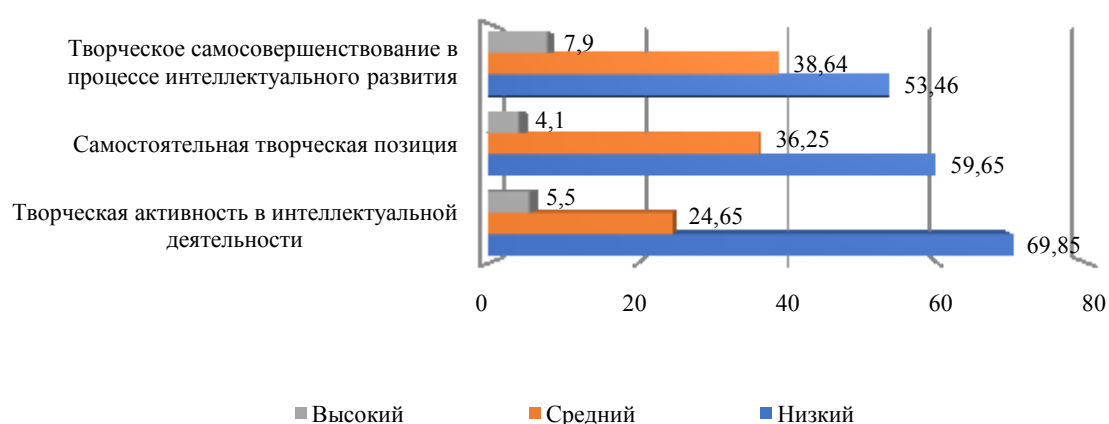

Рис. 3. Исходный уровень сформированности показателей ИКС по критерию «Реализация творческих способностей в процессе интеллектуального развития» (в %)

на существование в таком виде или осуществления таким способом. В целом полученный результат по данному критерию свидетельствует об инертности и косности мышления респондентов.

Последний показатель третьего критерия – готовность к творческому самосовершенствованию – оценивался на основе анализа творческих работ, заданий по выбору и методики оценки способности к саморазвитию. 7,9 % испытуемых обнаружили высокий уровень креативности и готовности к творческой самореализации в интеллектуальной деятельности, 38,64 % – средний уровень, для 53,46 % опрошенных характерен низкий уровень развития ИК по данному показателю, что отражается в отсутствии интереса к интеллектуальной деятельности и нежелании ею заниматься.

На наличие предпосылок к изменению ситуации указывает тот факт, что 41,67 % студентов видят себя в дальнейшей профессиональной деятельности только на основе развития навыков самообразования и самосовершенствования, 33,59 % опрошенных считают необходимым повышение уровня собственной интеллектуальной культуры.

Итоговые показатели диагностики исходного уровня развития ИКС рассчитывались на основе балльной системы, где низкий уровень соответствовал 0, средний – 1, а высокий – 2 баллам; были описаны и качественные характеристики каждого показателя по соответствующим уровням развития. Полученные на первом этапе результаты исследования представлены в табл. 1. Приведенные данные позволяют констатировать, что все компоненты ИКС выражены у испытуемых на недостаточном уровне, что требует

тщательного рассмотрения условий их развития и организации целенаправленной работы по формированию интеллектуальной культуры студентов в вузе.

Адаптивный уровень характеризуется отсутствием или минимальным уровнем сформированности у студента интеллектуальной культуры. Ориентация к интеллектуальному развитию и саморазвитию отсутствует, открытость новым знаниям и опыту минимальная, консервативный подход к нововведениям в учебном процессе. Практически не выражена внутренняя мотивация к интеллектуальному развитию, восприимчивость к внешним воздействиям выражена слабо. Достаточно низкий уровень сформированности интеллектуальных умений. Мотивацией к интеллектуальному развитию занимается педагог. Решение интеллектуальных задач вызывает сильное затруднение. Креативность в интеллектуальной деятельности отсутствует. У студента нет необходимости в самосовершенствовании.

Репродуктивный уровень указывает на наличие знаний и опыта решения интеллектуальных задач. В деятельности проявляется открытость новым знаниям и опыту, отмечается внутренняя мотивация к интеллектуальному развитию и саморазвитию, однако основополагающими продолжают оставаться внешние мотивы, сохраняется восприимчивость к внешним воздействиям в процессе развития интеллектуальной культуры. Студент владеет навыками логического мышления и интеллектуальной саморегуляции, хотя в отдельных случаях деятельность такого рода вызывает у него определенные затруднения. Однако еще слабо проявляется интерес к самостоятельному интеллектуальному

Таблица 1

Исходный уровень сформированности критериев интеллектуальной культуры студентов вуза (%)

Название	Уровни		
	низкий (адаптивный)	средний (репродуктивный)	высокий (креативный)
Мотивация к интеллектуальному развитию и самореализации	48,81	44,05	7,14
Содержательно-деятельностная способность к решению интеллектуальных задач	51,19	47,62	1,19
Реализация творческих способностей в процессе интеллектуального развития	66,67	33,33	0,00
Интеллектуальная культура студентов вуза	53,57	46,43	0,00

развитию, креативность в процессе интеллектуальной деятельности проявляется далеко не всегда, в большей степени студент склонен пользоваться «готовыми шаблонами», предлагаемыми педагогом. Появляется внутренняя необходимость в самосовершенствовании в процессе интеллектуального развития, однако, на данном уровне она еще слабо проявляется.

Креативный уровень характеризуется сформированностью всех компонентов интеллектуальной культуры студентов на высоком уровне. Студенты открыты новым знаниям и опыту, сильно выражена внутренняя мотивация к интеллектуальному развитию и саморазвитию, вместе с тем высока восприимчивость к внешним воздействиям. Отмечаются глубокие знания и общая эрудиция, четко выражена ориентация на эвристическую деятельность, интеллектуальные навыки применяются самостоятельно. Налицо креативный подход к решению задач. Существует выраженная потребность в дальнейшем самосовершенствовании в процессе интеллектуального развития.

Педагогическими условиями, способствующими формированию интеллектуальной культуры студентов в вузе, мы считаем:

- содействие процессу формирования и закрепления познавательного интереса студента в обучении, возникновения личностной значимости образования и интеллектуальной деятельности;
- совершенствование и актуализацию технологического и содержательного компонентов обучения, ориентированных на использование достижений науки и практики и личностный смысл освоения новой информации и способов деятельности;
- педагогическую поддержку и развитие навыков самоорганизации и саморегуля-

ции интеллектуальной деятельности обучающихся.

Проведенная на первом этапе опытно-экспериментальной работы исследования диагностика исходного уровня сформированности ИКС позволила нам сделать вывод о необходимости целостного развития компонентов интеллектуальной культуры студентов в процессе реализации специальной разработанной технологии, включающей совокупность средств, как созданных внешними субъектами образовательного процесса, так и конструируемыми для себя самими обучающимися. Реализация данной технологии должна строиться таким образом, чтобы формирование и повышение уровня интеллектуальной культуры проходило на основе предоставления студентам максимальной самостоятельности и возможности быть субъектами учебной деятельности.

Список литературы

1. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб., 2002.
2. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб., 2007.
3. Психодиагностика / под ред. А.К. Белоусовой, И.И. Юматовой. Ростов н/Д., 2017.
4. Психологические тесты: в 2 т. / под ред. А.А. Карелина. М., 2003.
5. Диагностика познавательных способностей. Методики и тесты / под ред. В.Д. Шадрикова. М., 2009.
6. *Беломестнова Н.В.* Клиническая диагностика интеллекта. М., 2003.

Поступила в редакцию 20.09.2017 г.

Отрецензирована 18.10.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Митрофанов Дмитрий Викторович, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра. Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: mitrofanovd@mail.ru

Для цитирования

Митрофанов Д.В. Интеллектуальная культура студентов: диагностика уровня развития // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 7-14. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-7-14.

STUDENTS' INTELLECTUAL CULTURE: DIAGNOSTICS OF DEVELOPMENT LEVEL

Dmitriy Viktorovich MITROFANOV

Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin
54A Starykh Bolshevikov St., Voronezh 394064, Russian Federation
E-mail: mitrofanovd@mail.ru

Abstract. The diagnostical stage results of the research of the university students' intellectual culture formedness are presented. The research with 126 respondents was carried out on the base of Tambov State University named after G.R. Derzhavin. The analysis of students' intellectual culture formedness was carried out on the basis of chosen criteria and corresponding indices: motivation to intellectual development and self-realization criteria (indices: orientation on intellectual development and self-development, openness to new knowledge and experience, perceptibility to stimulating influence in the direction of intellectual development); meaningful activity abilities to the solution of intellectual tasks criteria (indices: presence of knowledge and experience of solving intellectual tasks, logical thinking formedness, students' intellectual self-direction); creative abilities realization in intellectual development (indices: creative activity in intellectual work, individual creative position, creative self-improvement). Detailed quantitative and qualitative analysis of received experimental data is given. Problem areas of researched type of culture are identified. Criterial characteristics of adaptive, reproductive and creative levels of university students' research culture formedness is presented.

Keywords: intellectual culture; student; ascertaining experiment; criteria and indices; levels; diagnostics

References

1. Kholodnaya M.A. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of the Intellect: Research Paradoxes]. St. Petersburg, 2002. (In Russian).
2. Druzhinin V.N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey* [Psychology of Common Abilities]. St. Petersburg, 2007. (In Russian).
3. Belousova A.K., Yumatova I.I. (eds.). *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnosics]. Rostov-on-Don, 2017. (In Russian).
4. Karelin A.A. (ed.). *Psikhologicheskie testy: v 2 t.* [Psychological Tests: in 2 vols.]. Moscow, 2003. (In Russian).
5. Shadrikov V.D. (ed.). *Diagnostika poznavatel'nykh sposobnostey. Metodiki i testy* [Diagnostics of Cognitive Abilities. Methods and Tests]. Moscow, 2009. (In Russian).
6. Belomestnova N.V. *Klinicheskaya diagnostika intellekta* [Clinical Diagnostics of the Intellect]. Moscow, 2003. (In Russian).

Received 20 September 2017

Reviewed 18 October 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Mitrofanov Dmitriy Viktorovich, Senior Research Worker of Scientific and Research Centre. Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Voronezh, Russian Federation. E-mail: mitrofanovd@mail.ru

For citation

Mitrofanov D.V. Intellektual'naya kul'tura studentov: diagnostika urovnya razvitiya [Students' intellectual culture: diagnostics of development level]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 7-14. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-7-14. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ К ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ВАЖНОГО НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ НАСЕЛЕНИЯ

© Анастасия Александровна ДРУЖИНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: drugininaan@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено межведомственное взаимодействие как основа реализации социальной политики, приоритетная технология социальной работы с населением. Отмечено, что межведомственность, являясь важным принципом при разработке государственных программ и создании информационных систем и документов, обслуживающих социальную сферу, также является ресурсом развития организаций социальной сферы. Установлено, что деятельность специалистов социальной сферы основана на межведомственном принципе. Межведомственное взаимодействие требует особых компетенций: понимание междисциплинарности, знание границ своей профессиональной компетенции, способность реализации междисциплинарного и межведомственного взаимодействия и координации деятельности специалистов. Определены базовые категории исследования: понятия «межведомственное взаимодействие», «система межведомственного взаимодействия», этапы организации межведомственного взаимодействия, барьеры, затрудняющие процессы межведомственного взаимодействия. Представлены результаты анкетирования студентов, направленного на изучение процесса подготовки будущих специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия как важного направления решения проблем населения. Результаты анкетирования подчеркивают важность этого процесса. Установлено, что взаимодействие в междисциплинарной команде требует наличия ключевой – руководящей фигуры, которая должна помочь организовать взаимодействие. Специалист по социальной работе с учетом специфики своего образования и полученных компетенций может стать такой фигурой. Представлены элементы практических занятий, направленных на подготовку будущих специалистов социальной сферы к межведомственному взаимодействию как важному направлению работы с населением. Проведенное исследование показывает необходимость усиления содержательной компоненты образовательной программы для специалистов социальной сферы с учетом работы в мультидисциплинарной команде.

Ключевые слова: социальная сфера; специалист социальной сферы; социальная работа; межведомственное взаимодействие; вузовская подготовка

На современном этапе от эффективности межведомственного взаимодействия зависит качество и скорость предоставления социальных услуг, а в целом уровень и качество жизни населения. Межведомственное взаимодействие – основа реализации социальной политики, приоритетная технология социальной работы с населением. Межведомственность также является ресурсом развития организаций социальной сферы.

Важно учитывать, что новые социальные и экономические условия ставят перед современной социальной работой новые цели не только в области адресной социальной поддержки и помощи «незащищенных» социальных групп, но и в области планирования, организации, контроля и координации межведомственного взаимодействия государственных, общественных организаций, сфере социального предпринимательства в

профилактике и решении проблем населения, в обеспечении социального благополучия отдельного человека и общества в целом.

Принцип межведомственности все чаще применяется при разработке государственных программ и создании информационных систем и документов, обслуживающих социальную сферу. В современных условиях внедряются порядки и регламенты межведомственного взаимодействия, реализованы пилотные проекты по созданию комплексной системы оказания помощи детям с расстройствами аутистического спектра и их семьям, начата работа по проекту отработки пилотной модели по созданию системы комплексной реабилитации людей с инвалидностью [1, с. 117].

В.В. Рубцов отмечает, что «существенная роль в обеспечении межведомственных взаимодействий <...> бесспорно принадле-

жит профессиональным стандартам социальной сферы, имеющим межведомственный характер. Сейчас в работе находятся следующие профстандарты: Руководитель организации социального обслуживания, Социальный работник, Специалист по социальной работе, Руководитель учреждения медико-социальной экспертизы, Специалист по медико-социальной экспертизе, Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере, Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних, Специалист по работе с семьей, Психолог в социальной сфере» [2, с. 92]. Деятельность этих специалистов социальной сферы основана на межведомственном принципе.

Профессионал, работающий в социальной сфере, находясь в центре социальной жизни, должен эффективно выполнять свои функциональные обязанности, поэтому подготовка специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия позволит обеспечить социальные учреждения конкурентоспособными специалистами, которые будут содействовать эффективному функционированию организации, а также гармоничному и устойчивому развитию общества.

Согласно Ю.М. Забродину и В.В. Рубцову, «механизм межведомственного взаимодействия может обеспечить высокое качество работы в различных областях социальной сферы: в системе образования, при психолого-медико-педагогическом обследовании и сопровождении детей с особыми образовательными потребностями, в процессе психолого-педагогического консультирования обучающихся, педагогических работников и их родителей (законных представителей), в службах ранней помощи, в органах опеки и попечительства несовершеннолетних граждан, в учреждениях социальной защиты населения и др.» [3, с. 21].

Следовательно, необходимо готовить специалистов этих областей с учетом специфики их деятельности, которая носит межведомственный характер, в том числе и специалистов по социальной работе.

В современных условиях специалист, работающий в социальной сфере, должен быть менеджером, который умеет комплексно применять различные технологии и методы решения проблем клиента, формировать

междисциплинарную команду, разрабатывать и реализовывать межведомственные социальные проекты и программы, устанавливать контакты, организовывать, осуществлять и контролировать социальное партнерство.

Растущее многообразие социальных проблем, модернизация социальной политики, сферы образования обуславливают изменения в вузовской подготовке специалистов социальной сферы. Учитывая потребности государства, общества, работодателей, клиентов социальных учреждений необходимо разрабатывать инновационные модели и образовательные технологии подготовки специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия.

В.Г. Бочарова, описывая концептуальную платформу управления социальной работой в современных условиях, отмечает важность ее интегративности и межведомственности: «работа социальных служб «по одиночке» малоэффективна и неэкономична. Нужна межведомственная система социальных служб, структурные компоненты которой органически взаимосвязаны так же, как все проблемы человека (психологические, медицинские, правовые, экономические, экологические и др.)» [4, с. 82].

Анализ работ по проблемам межведомственного взаимодействия в социальной сфере позволил выделить базовые категории. Рассмотрим содержательное наполнение понятия «межведомственное взаимодействие».

Для определения понятия «межведомственное взаимодействие» важной является позиция Т.Н. Протасовой, которая определяет «межведомственное взаимодействие в социальной сфере как процесс согласования форм, средств и способов решения общезначимых социальных проблем с учетом интересов населения и территориально-управленческой специфики взаимодействующих сторон. Межведомственный подход в работе учреждений социальной сферы усиливает позицию каждой взаимодействующей стороны, позволяет преодолеть ограниченность ведомственного управления, ведет к концентрации ресурсов и усилий учреждений на узловых проблемах» [5, с. 9]. То есть межведомственное взаимодействие – это процесс согласования деятельности различных организаций в решении социальных проблем клиентов.

Ю.Н. Замолоцких определяет «систему межведомственного взаимодействия как структурно-функциональную форму реализации государственной политики по конкретным специальным вопросам осуществления государственных функций» [6, с. 145].

Для исследования процесса межведомственного взаимодействия важно понимание его этапов. Например, А.С. Дудкин выделяет «этапы межведомственного взаимодействия в сфере обеспечения социального благополучия детей, попавших в трудную жизненную ситуацию: определение круга социальных партнеров; определение общих целей и задач; разработка единой методологии и методов работы; разработка механизма взаимодействия; разграничение функций и полномочий; координация деятельности социальных партнеров; изучение эффективности социальной поддержки» [7, с. 257].

Ю.А. Петровская в своей статье представляет барьеры, затрудняющие процессы межведомственного взаимодействия в общественных организациях:

«— инертность органов власти при организации межведомственного взаимодействия (инициатива совместных действий, как правило, исходит от представителей общественных организаций);

— личностные особенности руководителей организаций и учреждений (взаимодействие расценивается как дополнительная нагрузка, низкий уровень коммуникативных навыков, небольшое количество социальных связей, желание сосредоточить на своей организации то или иное направление деятельности и др.);

— присутствует определенная степень недоверия к общественным организациям (предубеждение, связанное с представлениями о низком уровне квалификации специалистов, работающих в них);

— отсутствует законодательная база, регламентирующая основные механизмы взаимодействия органов государственной власти и общественных объединений, а также ненадлежащее исполнение функции координирующим органом» [8].

Современное состояние социальной и экономической среды обуславливает необходимость сопряженной профессиональной деятельности будущих специалистов социальной сферы с профессиональной деятель-

ностью социальных педагогов, правоохранительных органов, медицинских работников, сотрудников социально-реабилитационных центров, некоммерческих организаций (НКО) и др. Такое взаимодействие требует особых компетенций: понимание междисциплинарности, знание границ своей профессиональной компетенции, способность реализации междисциплинарного и межведомственного взаимодействия и координации деятельности специалистов. Специалист по социальной работе становится частью междисциплинарной команды, работающей по принципу межведомственности.

С учетом анализа лучших социальных практик можно констатировать, что в современных условиях развития социальной работы, социальной сферы межведомственное взаимодействие является востребованным обществом, социальными организациями, получателями социальных услуг направлением работы с населением. Межведомственное взаимодействие позволяет организациям социальной сферы повышать качество и эффективность своей работы. Для осуществления межведомственного взаимодействия необходимо осуществлять подготовку будущих специалистов социальной сферы к межведомственному взаимодействию.

В Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина осуществляется подготовка будущих специалистов социальной сферы.

В ходе исследования было проведено анкетирование со студентами направления 39.03.02 «Социальная работа», направленное на изучение процесса подготовки будущих специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия как важного направления решения проблем населения.

Большинство студентов (80 %), участвующих в анкетировании, полагают, что межведомственное взаимодействие — это лишь обмен документами и информацией между организациями, то есть респонденты имеют «узкое» представление о межведомственном взаимодействии.

При перечислении существующих барьеров при организации и осуществлении межведомственного взаимодействия 67 % студентов назвали свыше 6 наименований (культурные, правовые, организационно-уп-

равленческие, психологические и др.) и только 13 % отметили, что не существует никаких барьеров¹.

При ответе на вопрос «Как Вы считаете, необходимо ли готовить специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия?» студенты отмечали: «Это поможет мне в моей дальнейшей профессиональной деятельности, поможет в организации сотрудничества с другими организациями и людьми. Поможет мне реализовать что-то новое».

Также студенты отмечают, что процесс подготовки будущих специалистов социальной сферы к межведомственному взаимодействию как важному направлению работы с населением должен включать как теоретическую, так и практическую части (студентами при ответе на этот вопрос назывались лекции, игры, кейсы и др.).

Результаты анкетирования подчеркивают важность подготовки будущих специалистов социальной сферы к межведомственному взаимодействию как важному направлению работы с населением.

Подготовка по направлению 39.03.02 «Социальная работа» включает следующие направления: теоретическое обучение, практика, проектная и волонтерская деятельность, участие в общественных движениях и организациях. Ниже рассмотрим ряд направлений по подготовке будущих специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия как важного направления решения проблем населения.

В ходе практических занятий студенты – будущие специалисты социальной сферы знакомятся с опытом организации межведомственного взаимодействия при решении проблем различных категорий населения. Например, опыт Московской области, где в аппаратах, обеспечивающих деятельность комиссии по делам несовершеннолетних и защите прав (КДН и ЗП), была введена дополнительная должность – координатор работы с несовершеннолетними. Координаторы реализуют свою деятельность во взаимодействии с различными ведомствами: опеки и попечительства, внутренних дел, социальной защиты населения, занятости, образова-

ния и иными субъектами системы профилактики и ведомствами. Координатор общается с каждым подростком и контролирует проведение индивидуального профилактического взаимодействия; работает с комиссиями в сфере решения проблем несовершеннолетних, связанных с их трудовым и бытовым устройством.

Также изучен опыт Республики Татарстан, где из представителей правоохранительных органов, организаций системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, общественных организаций и трудовых коллективов, органов государственной власти и местного самоуправления назначаются общественные воспитатели несовершеннолетних осужденных. Они анализируют среду общения и окружения несовершеннолетних осужденных, выявляют обстановку в семье, помогают родителям в воспитании несовершеннолетних осужденных, осуществляют контроль за несовершеннолетними осужденными, участвуют в защите их прав, оказывают комплексную помощь в социальной реабилитации несовершеннолетних. В рамках межведомственного взаимодействия несовершеннолетним правонарушителям и членам их семей оказывается социальная помощь: индивидуальные консультации различных специалистов, содействие в получении образования, содействие в трудоустройстве несовершеннолетним, освободившимся из учреждений закрытого типа, материальная помощь в натуральном и денежном выражении, содействие в организации оздоровления несовершеннолетним, содействие в восстановлении документов, содействие в оформлении регистрации по месту жительства [9, с. 66-67].

Важным моментом в разработке технологий подготовки «будущих специалистов социальной работы в вузе является соединение теоретического и практического обучения средствами учебного проектирования и организации студенческой практики. Социальный контекст будущей профессиональной деятельности, отношений будущих специалистов эффективнее всего отрабатывается в реальной практике, где есть возможность приобрести не только профессиональный опыт, но и социальный, личностный опыт, проявить свои личностные качества и социальную активность. Участие студентов в реальном

¹ Анкетирование предполагало возможность отметки нескольких позиций одновременно или ни одного ответа.

взаимодействии с клиентом, специалистами социальных организаций позволяет преодолеть разрыв между теорией и практикой» [10].

«Технологический компонент системы вузовской подготовки будущего социального работника должен включать не только базовые формы организации обучения (теоретическое и практическое обучение, самостоятельную работу студентов), но и методы, активизирующие студента, развивающие способности работать в междисциплинарной команде, в социуме; личностно-ориентированные методы развития организаторских и лидерских качеств, а также групповые и коллективные формы организации обучения, формирующие личностно-профессиональные компетенции» [11, с. 419].

В ходе обучения студенты активно участвуют в волонтерской деятельности, которая также позволяет осуществлять подготовку специалистов социальной сферы к межведомственному взаимодействию, это, прежде всего, умения и навыки планирования, организации волонтерской деятельности, эффективно использовать методы и формы привлечения и обучения волонтеров, ресурсы государственных организаций и НКО в реализации волонтерских социальных программ и проектов. Участие в социальных программах и проектах позволяет учащемуся самоутвердиться, дает возможность выстроить взаимодействия внутри коллектива, выявить и продемонстрировать свои лидерские и организаторские способности.

В ходе практических занятий происходит защита собственных, реализованных на практике, социальных проектов, направленных на организацию межведомственного взаимодействия в социальной сфере.

Например, социально-профилактический проект «Сделай свой выбор» студентки 4 курса. Актуальность данного проекта обусловлена необходимостью формирования у несовершеннолетних нравственных установок, выработки социально приемлемых форм поведения, профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Соответственно целью социально-профилактического проекта «Сделай свой выбор» является социальная профилактика, направленная на получение знаний у несовершеннолетних и представлений о своих правах и обязанностях. Базой реализации социально-профилактического

проекта «Сделай свой выбор» является подразделение по делам несовершеннолетних МО МВД «Уваровский», межведомственный партнер – МБОУ «Ржаксинская СОШ № 2 им. Героя Советского Союза Г.А. Пономарева».

Данный социально-профилактический проект был реализован в три этапа: подготовительный, основной и заключительный.

На подготовительном этапе социально-профилактического проекта «Сделай свой выбор» совместно с инспектором подразделения по делам несовершеннолетних, а также классным руководителем 9 класса была проведена входная диагностика учащихся – участников проекта. В ходе проведения входной диагностики были получены следующие результаты: анализ результатов анкетирования на знание своих прав и обязанностей показал, что всего 20 % опрошенных подростков знают свои права и обязанности, 80 % ответили, что не знают свои права и обязанности. При анализе социальных карт «трудного подростка» выявлено, что 5 подростков проживают в неполной семье, 7 подростков проживают в неблагоприятной обстановке, у 9 отмечаются конфликтные взаимоотношения с родителями, 2 подростка состоят на профилактическом учете в подразделении по делам несовершеннолетних в МО МВД «Уваровский».

Основной этап включал следующие мероприятия: проведение профилактической беседы «Правонарушения», тренинг «Учимся противостоять влиянию», проведение групповой дискуссии «Ответ за поступки», упражнение «Что я выиграю/что я потеряю», раздачу информационных листов, с помощью которых участники смогли дополнительно изучить свои права и обязанности.

В ходе реализации заключительного этапа была проведена выходная диагностика, включающая в себя проведение повторного анкетирования на знание своих прав и обязанностей подростками. Анализ результатов анкеты показал, что на сегодняшний момент повысилось количество подростков, знающих свои права и обязанности, на данный момент это 65 %.

В результате сравнения входной и выходной диагностики было обнаружено, что выполненные мероприятия и проведенная профилактическая беседа помогли повысить уровень знаний участников проекта об их

правах, обязанностях, причинах и последствиях правонарушений, на данный момент это 55 % подростков, снизилось количество подростков, не знающих свои права и обязанности, до 45 %. Повысился и уровень общительности подростков при взаимодействии между собой и специалистом на 10 %, количество частично расположенных и не расположенных к общению подростков сократилось на 5 %.

Проект получил положительные отзывы от всех участников межведомственного взаимодействия.

Культура взаимодействия с другими специалистами становится отдельной задачей подготовки специалистов социальной сферы. Взаимодействие в междисциплинарной команде требует наличия ключевой – руководящей фигуры, которая должна помочь организовать взаимодействие и в конечном итоге прийти к взаимопониманию и взаимодействию. Специалист по социальной работе с учетом специфики своего образования и полученных компетенций может стать такой фигурой.

Таким образом, полагаем, что перспективным направлением развития вузовской подготовки является подготовка будущих специалистов социальной сферы к межведомственному взаимодействию как важному направлению работы с населением, основной составляющей которого является способность к разработке, осуществлению, координации и контролю социальных проектов и программ на основе межведомственного взаимодействия. Подготовка к осуществлению межведомственного взаимодействия расширит возможности трудоустройства специалистов социальной сферы, обеспечит социальную мобильность и конкурентоспособность.

Проведенное исследование показывает необходимость усиления содержательной компоненты образовательной программы для специалистов социальной сферы с учетом работы в мультидисциплинарной команде с применением современных технологий фандрайзинга, социального партнерства, информационно-коммуникационных квалиметрических технологий, технологий социального предпринимательства, социального маркетинга.

Список литературы

1. *Алехина С.В., Фальковская Л.П.* Межведомственное взаимодействие как механизм развития психологической службы в образовании // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 3. С. 116-128.
2. *Рубцов В.В.* О межведомственном взаимодействии в реализации социальной и образовательной инклюзии для социально уязвимых групп населения // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 87-93.
3. *Забродин Ю.М., Рубцов В.В.* Апробация, внедрение и применение профессиональных стандартов при решении задач образования и социальной сферы: этапы и перспективы // Межведомственные модели оказания социальных и образовательных услуг и практика апробации и применения профессиональных стандартов работников образования и социальной сферы. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2016. С. 13-30.
4. *Бочарова В.Г.* Педагогика социальной работы. М.: Аргус, 1994. 207 с.
5. *Протасова Т.Н.* Межведомственное взаимодействие учреждений социальной сферы в решении проблем сиротства на территории: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Кемерово, 2004. 21 с.
6. *Замолоцких Ю.Н.* К вопросу о понятии «межведомственное взаимодействие» государственных органов исполнительной власти // Апробация. 2016. № 5 (44). С. 145-146.
7. *Дудкин А.С.* Проблемы межведомственного взаимодействия в оказании помощи детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию // Регионология. 2009. № 1. С. 255-261.
8. *Петровская Ю.А.* Организация межведомственного взаимодействия субъектов профилактики детской безнадзорности на региональном уровне (на примере Республики Карелия) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 1. С. 343-351.
9. Методические рекомендации по межведомственному взаимодействию органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам оказания помощи осужденным несовершеннолетним, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, и несовершеннолетним, освобождающимся из мест лишения свободы / под ред. Н.В. Сероштановой. М.: АНО «ЦНПРО», 2016. 81 с.
10. *Дружинина А.А.* Ресурсы образовательной среды вуза в формировании управленческой культуры студента – будущего социального работника // Вестник Тамбовского универси-

тета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 6 (110). С. 100-107.

11. Гарашкина Н.В., Дружинина А.А. Технологии формирования социальной инициативности студенческой молодежи // Психолого-со-

циальная работа в современном обществе: проблемы и решения. СПб., 2016. С. 418-420.

Поступила в редакцию 13.11.2017 г.
Отрецензирована 11.12.2017 г.
Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Дружинина Анастасия Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического и социального образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: drugininaan@yandex.ru

Для цитирования

Дружинина А.А. Подготовка будущих специалистов социальной сферы к организации межведомственного взаимодействия как важного направления решения проблем населения // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 15-22. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-15-22.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-15-22

PREPARATION OF FUTURE SPECIALISTS IN THE SOCIAL SPHERE FOR THE ORGANIZATION OF INTERDEPARTMENTAL INTERACTION AS AN IMPORTANT DIRECTION FOR SOLVING THE PROBLEMS OF THE POPULATION

Anastasia Aleksandrovna DRUZHININA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: drugininaan@yandex.ru

Abstract. Interdepartmental interaction as the basis for implementing social policy, the priority technology of social work with the population is considered. It is noted that interdepartmentalism, being an important principle in the development of state programs and the creation of information systems and documents serving the social sphere, is also a resource for the development of social organizations. It is established that the activity of specialists in the social sphere is based on an interdepartmental principle. Interdepartmental interaction requires special competence: understanding of interdisciplinarity, knowledge of the boundaries of its professional competence, the ability to implement interdisciplinary and interagency interaction and coordination of specialists' activities. The basic categories of research are defined: the concepts of "interdepartmental interaction", "interagency cooperation system", stages of organization of interdepartmental interaction, barriers that impede the processes of interagency cooperation. The results of the questionnaire survey of students aimed at studying the process of training future specialists in the social sphere to organize interdepartmental interaction as an important direction in solving population problems are presented. The results of the survey emphasize the importance of this process. It is established that interaction in an interdisciplinary team requires the presence of a key – a leading figure, which should help to organize interaction. A specialist in social work, taking into account the specifics of his education and his competences, can become such a figure. The elements of practical exercises aimed at training future specialists of the social sphere for interdepartmental interaction as an important area of work with the population are presented. The conducted research shows the need to strengthen the content component of the educational program for specialists in the social sphere, taking into account work in a multidisciplinary team.

Keywords: social sphere; social sphere specialist; social work; interdepartmental interaction; university training

References

1. Alekhina S.V., Falkovskaya L.P. Mezhhvedomstvennoe vzaimodeystvie kak mekhanizm razvitiya psikhologicheskoy sluzhby v obrazovanii [Interdepartmental interaction as a mechanism for the development of psychological service in education]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya – Psychological-Educational Studies*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 116-128. (In Russian).
2. Rubtsov V.V. O mezhhvedomstvennom vzaimodeystvii v realizatsii sotsial'noy i obrazovatel'noy inkluzii dlya sotsial'no uyazvimykh grupp naseleniya [Interdepartmental interaction in realization of social and educational inclusion for vulnerable groups]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 87-93. (In Russian).
3. Zabrodin Y.M., Rubtsov V.V. Aprobatsiya, vnedrenie i primeneniye professional'nykh standartov pri reshenii zadach obrazovaniya i sotsial'noy sfery: etapy i perspektivy [Approbation, implementation and use of professional standards deciding the tasks of education and social sphere: stages and prospects]. *Mezhvedomstvennye modeli okazaniya sotsial'nykh i obrazovatel'nykh uslug i praktika aprobatsii i primeneniya professional'nykh standartov rabotnikov obrazovaniya i sotsial'noy sfery* [Interdepartmental Models of Social and Educational Services Provision and Practice of Approbation and Use of Professional Standards of Workers of Educational and Social Sphere]. Moscow, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State University of Psychology & Education Publ., 2016, pp. 13-30. (In Russian).
4. Bocharova V.G. *Pedagogika sotsial'noy raboty* [Social Work Pedagogy]. Moscow, Argus Publ., 1994, 207 p. (In Russian).
5. Protasova T.N. *Mezhvedomstvennoe vzaimodeystvie uchrezhdeniy sotsial'noy sfery v reshenii problem sirotstva na territorii: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk* [Interdepartmental Interaction of Social Sphere Institutions in Problem Solving of Orphanage at the Territory. Cand. soc. sci. diss. abstr.]. Kemerovo, 2004, 21 p. (In Russian).
6. Zamolotskikh Y.N. K voprosu o ponyatii «mezhhvedomstvennoe vzaimodeystvie» gosudarstvennykh organov ispolnitel'noy vlasti [On the issue of “interdepartmental interaction” of state organs of the executive branch]. *Aprobatsiya* [Approbation], 2016, no. 5 (44), pp. 145-146. (In Russian).
7. Dudkin A.S. Problemy mezhhvedomstvennogo vzaimodeystviya v okazanii pomoshchi detyam, popavshim v trudnyuyu zhiznennuyu situatsiyu [Problems of interdepartmental interrelation in helping children in complicated reality situations]. *Regionologiya* [Regionology], 2009, no. 1, pp. 255-261. (In Russian).
8. Petrovskaya Y.A. Organizatsiya mezhhvedomstvennogo vzaimodeystviya subektov profilaktiki detskoj beznadzornosti na regional'nom urovne (na primere Respubliki Kareliya) [Organization of interdepartmental interaction of subjects of children's neglect subject at regional level (basing on the example of the Republic of Karelia)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika – Vestnik of St. Petersburg State University. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2011, no. 1, pp. 343-351. (In Russian).
9. Seroshtanova N.V. (ed.). *Metodicheskie rekomendatsii po mezhhvedomstvennomu vzaimodeystviyu organov i uchrezhdeniy sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh po voprosam okazaniya pomoshchi osuzhdenным nesovershennoletnim, otbyvayushchim nakazaniya, ne svyazannye s lisheniem svobody, i nesovershennoletnim, osvobozhdayushchimsya iz mest lisheniya svobody* [Methodic Recommendations in Interdepartmental Interaction of Organs and Institutions of the System of Prevention of Neglect and Infraction of Under Age in Issues of Help Provision of the Convicted Under Age Serving a Sentence not Connected with Imprisonment and Under Age, Disengaging from the Places of Deprivation of Freedom]. Moscow, Autonomous Nonprofit Organization “Center of Scientific and Practical Developments and Expertise in the Field of Education”, 2016, 81 p. (In Russian).
10. Druzhinina A.A. Resursy obrazovatel'noy sredy vuza v formirovaniі upravlencheskoy kul'tury studenta – budushchego sotsial'nogo rabotnika [Resources of educational environment of university in formation of administrative culture of student – future social worker]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University review. Series Humanities*, 2012, no. 6 (110), pp. 100-107. (In Russian).
11. Garashkina N.V., Druzhinina A.A. Tekhnologii formirovaniya sotsial'noy initsiativnosti studencheskoy molodezhi [Technologies of formation of social initiative of student youth]. *Psikhologo-sotsial'naya rabota v sovremennom obshchestve: problemy i resheniya* [Psycho-Social Work in Modern Society: Problems and Solutions]. St. Petersburg, 2016, pp. 418-420. (In Russian).

Received 13 November 2017

Reviewed 11 December 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Druzhinina Anastasia Aleksandrovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Psycho-Pedagogical and Social Education Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: drugini-naan@yandex.ru

For citation

Druzhinina A.A. Podgotovka budushchikh spetsialistov sotsial'noy sfery k organizatsii mezhhvedomstvennogo vzaimodeystviya kak vazhnogo napravleniya resheniya problem naseleniya [Preparation of future specialists in the social sphere for the organization of interdepartmental interaction as an important direction for solving the problems of the population]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 15-22. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-15-22. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 37.03
DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34

ВЫСТРАИВАНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОСТОЯНИЮ БЕЗНАДЕЖНОСТИ

© Евгений Алексеевич УВАРОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: kpivp@mail.ru

Аннотация. Исследовано жизненное пространство современного человека, для которого в условиях социальной неустойчивости характерны состояние безнадежности и многочисленные деструктивные проявления. Безнадежность рассматривается как один из ведущих предикторов, определяющих появление девиаций как у отдельно взятого индивида, так и общества в целом. Результаты приведенного эмпирического исследования подтверждают, что безнадежность размывает «энергетический центр» личности, ее смысловую оболочку, девальвирует способность человека к выстраиванию позитивного жизненного пространства. Обосновано, что альтернативой состоянию безнадежности выступает целенаправленное формирование жизненной перспективы, то есть ориентация на позитивное будущее. Будущее является тем психологическим пространством, где жизненные потребности человека трансформируются в отдаленные цели и поведенческие проекты, придавая жизни логичность, осмысленность и несомненную значимость. Отправным моментом в профилактике состояния безнадежности выступает ориентация на авторство личности в строительстве собственного жизненного пути.

Ключевые слова: временная перспектива; психологическое пространство; состояние безнадежности; выученная беспомощность; личностная суверенность; самоотношение; внутриличностный конфликт

Тезис, в свое время выдвинутый Ф. Тайгером, что наше будущее зависит от многих вещей, но, прежде всего, от нас самих, в современном мире приобретает сакральное значение. Поскольку создаваемая картина мира в известной мере носит образ личности ее творца, то смысл приведенного мнения особенно важен при конструировании устойчивого позитивного будущего. То есть умозрительно конструируя желаемое будущее, человек начинает более объективно понимать самого себя, свое место в неразрывной жизненной цепочке и формировать способность к реальному выстраиванию жизненного пространства.

Создавая ментальный конструкт будущего, человек через целеполагание выстраивает программу действий по его осуществлению, связывая в неразрывное целое прошлое, настоящее и будущее. Опираясь в своей жизни на прошлое, которое объясняет, каким образом в человеке происходила психологическая, личностная, духовная и мировоззренческая «закладка», человек, тем не менее, своей надеждой устремлен в будущее. Следует понимать, что от прочности конструкта будущего, того брошенного вперед ориентира во многом зависит гармония жизненного

пространства в целом. Разумеется, включая настоящее.

Можно долго дискутировать на предмет, что будущее является некой субъективной моделью, которая выступает в сознании человека в качестве еще не наступившего абстрактного ожидания. Но вместе с тем мы не можем отрицать, что оно выступает тем звеном человеческого существования, которое определяет целостность и гармонию жизненного пути человека. Именно конкретная выраженность виртуального образа будущего позволяет целенаправленно и осмысленно к нему стремиться. То есть будущее выступает своеобразным аттрактором действия, запускающим процесс жизнестроительства. Именно будущее придает «звучание» настоящему и во многом, как ни парадоксально это выглядит, формирует отношение к прошлому.

Ориентация на будущее, определяемая способностью выстраивать перспективу жизненного пути, рядом современных отечественных и зарубежных исследователей рассматривается как важная личностная характеристика, которая в первую очередь сопряжена со смысловой сферой человека [1–4]. Примечательна в этом отношении работа бельгийского психолога Ж. Нюттена, в кото-

рой он обосновывает, что будущее является тем психологическим пространством, где потребности человека трансформируются в отдаленные цели и поведенческие проекты [4].

К сожалению, отличительной особенностью современного общества является отсутствие ясных ориентиров выстраивания будущего, что приводит социум к перманентному кризисному состоянию и тревожному ожиданию негативных последствий происходящих изменений. Современный мир давно уже определен как «век тревоги», или «общество риска». В конечном итоге, характер социальных изменений приводит человека к глубинной психологической травме и личностной дезинтеграции.

Хаотичность и непредсказуемость социальных процессов не дают индивиду возможности адекватно оценить происходящее и тем более выработать конструктивный ответ на вызовы времени. Социальный коллаж, где в произвольности смешаны все краски, приводит к кардинальному изменению мировоззрения, а если судить более категорично, его искажению и разрушению. Следует напомнить, что мировоззрение является той основой, которая формирует систему взглядов на объективный мир, определяет место в нем человека и формирует способность адекватно конструировать свое жизненное пространство.

Э. Тоффлер в своей книге «Шок будущего», ставшей бестселлером для нескольких поколений читателей, приходит к выводу, что человечество впало в состояние «футурошока», для которого характерна катастрофическая и внезапная утрата чувства реальности [5]. Наблюдаемая экзистенциальная растерянность человека является психологической реакцией на запредельные внешние воздействия, рост которых в последнее время происходит с сингулярным увеличением. Американский футуролог пишет, что жертвы этих симптомов часто проявляют себя беспорядочными отклонениями во взглядах и интересах, что в первую очередь проявляется в псевдосоциализации, при которой человек превращается в социальную марионетку, откачивается от самого себя и начинает играть вмененную ему роль, что связано со страхом перед собственной жизнью.

В глубине души человек стремится «забыться в свою конуру», замкнуться посред-

вом социального, интеллектуального и эмоционального отчуждения от себя и окружающего мира. Такие люди при кажущейся видимости социального включения и невротической активности чувствуют себя затравленными и потерявшими покой. Конечно, они хотят, если не разрешить, то хотя бы уменьшить количество проблем, которые нужно сиюминутно решить. Но их усилия, как правило, тщетны, жизненная лавина накрывает с головой и перерабатывает в общую, бесцельно движущуюся массу, с трудно обнаруживающейся идентичностью отдельно взятого человека.

Современный кризис по своему влиянию на человека является эпохальным, поскольку разрушает ценностную сущность цивилизации и деформирует ядро культуры, созданное течением нескольких тысячелетий и, как итог, выбивает человека из традиционной жизненной ниши. Человек трансформируется и приобретает личностную выраженность, которая радикально отличается от той, которая существовала ранее. Конечно, имеется в виду не биологическая идентичность человека, мы остались такими, какими были сто, двести, тысячу лет назад. Изменился психологический облик человека, хотя даже не это настораживает. Тревожат темпы деформации высшего человеческого «слоя», то есть того слоя, который не так давно был достроен эволюцией. Увы, он оказался весьма уязвимым. К тому же мы не знаем, каков предел его прочности, то есть каковы адаптационные возможности личности человека. Но, самое, пожалуй, тревожащее в этом процессе – мы не знаем, как психологически человек будет выглядеть в будущем.

Зависимость современных изменений от неопределенного будущего находит свое подтверждение в одной из работ Ф. Скардеруда [6]. Норвежский психотерапевт пишет, что с исторической точки зрения человеческая культура представляет собой особый случай, поскольку она берет свои идеалы и картину мира из того, чего еще не существует, то есть из будущего. Сущность современности в том, продолжает Ф. Скардеруд, что она отходит от традиций и ставит на их место постоянное изменение и превращение. По сути, мы вступили в эпоху постмодерна, основой которого являются принципы «все во всем», то есть отсутствие принципа струк-

турированности и иерархичности при главенстве интерпретации. Интерпретация разрушает авторство любого процесса, явления, автор здесь попросту отсутствует. Неважно, что имел в виду создатель, представляя тот или иной продукт собственного творчества, главное – как понимает это интерпретатор.

Мы живем в эпоху психологического перевозбуждения, следствием которого стало наступление эпохи «веселого безумия», выступающего формой психологической защиты, единственной целью которой является бегство от самого себя в другую реальность. Пожалуй, это самая катастрофическая аддикция настоящего времени. Такого рода бегство стало следствием исчерпания пределов психологических возможностей. В результате человек исчез как нечто цельное и гармоничное, он в своей жизни и поведении все больше становится фрагментарным, непредсказуемым и хаотичным. Человек стал походить на существо, блуждающее в тумане и натыкающееся на препятствия, расставленные происходящими переменами. Все это приводит к появлению невроза нового времени, который в наших предыдущих работах определен как жизненная усталость.

Таким образом, социальный и личный абсурд, свидетелями и участниками которого становятся люди, во многом является причиной ухудшения способности адекватно оценить жизненное пространство и, соответственно, эффективно выстроить жизненную перспективу. Непредсказуемость создает негативные ожидания, разрушает чувство надежды на позитивное будущее и формирует состояние безнадежности, ставшее раковой опухолью современного человека.

Безнадежность как психологическое состояние в силу расплывчатости понятия и ограниченности возможности диагностики до некоторых пор являлась в большей степени объектом религиозного и философского рассмотрения. Лишь несколько десятилетий назад безнадежность стала активно изучаться психологической наукой, которая, прежде всего, в когнитивных объяснительных подходах А. Бека с соавторами и М. Селигмана определяется через набор негативных представлений и мыслей о будущем [7; 8]. Причинная обусловленность состояния безнадежности исходит из таких взаимосвязанных аспектов, как негативное отношение к будущему, потеря мотивации и негативные ожидания (рис. 1).

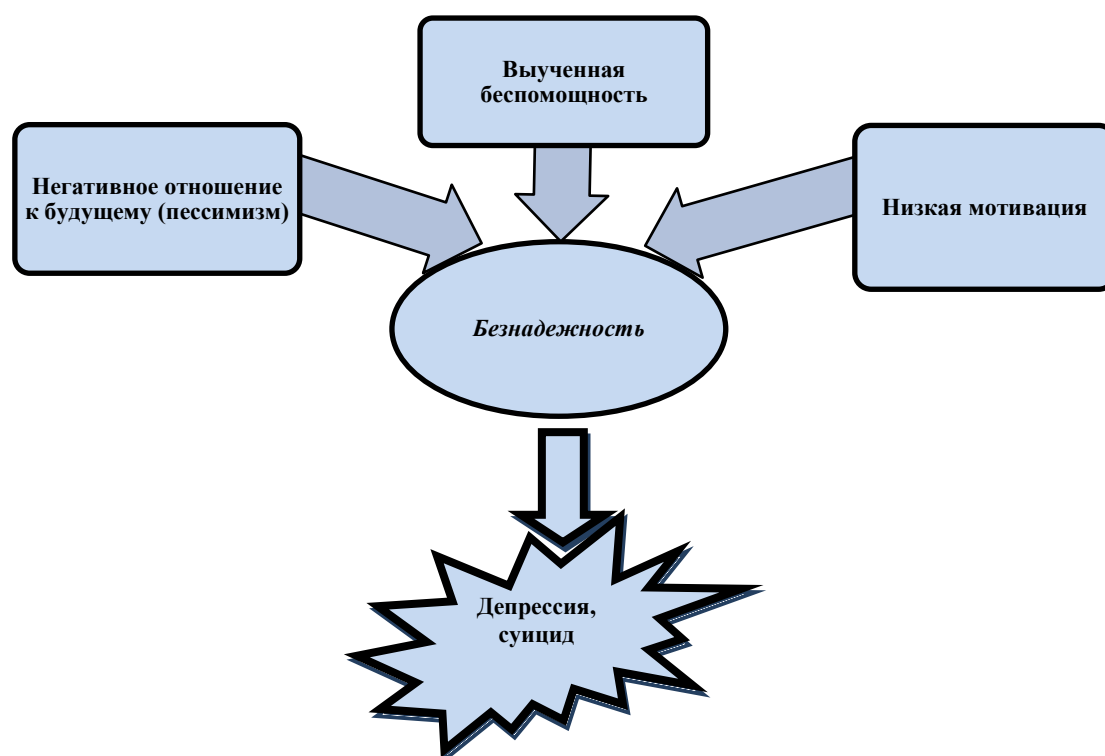

Рис. 1. Причинная обусловленность состояния безнадежности

В настоящее время безнадежность рассматривается как один из ведущих предикторов деструктивного поведения, часто приводящего к депрессивным состояниям и суицидальным намерениям. Когнитивная теория депрессии, основу которой, по А. Беку, составляет негативное мышление, была расширена М. Селигманом за счет открытия феномена выученной беспомощности [8].

Выученная беспомощность, как правило, приводит к появлению трех видов личностной недостаточности: мотивационной, когнитивной и эмоциональной. В целом формирование недостаточности происходит вследствие невозможности человека осуществлять контроль за каким-либо жизненным событием. В конечном итоге беспомощность приводит к личностной пассивности, жизненной апатии, отчуждению от самого себя и общества и, как крайний вариант, появлению депрессии.

При этом ранее предполагалось, что при столкновении с неконтролируемыми негативными событиями впасть в состояние депрессии рискует тот, кому свойственен пессимистический жизненный стиль. Но дальнейшие исследования показали, что применительно к человеку не все так однозначно. Если до этого человеком не переживалось состояние безнадежности, то не все, по крайней мере, кому свойственен пессимизм, могут впасть в состояние депрессии. Именно состояние безнадежности кратно увеличивает возможность появления депрессии и других негативных психических состояний, вплоть до внутриличностного коллапса.

Безнадежность в последних исследованиях определяется как восприятие отсутствия контроля над тем, что должно произойти в будущем. Перефразируя, это уверенность в том, что в жизни ни при каких собственных усилиях не произойдет желаемого позитивного исхода, а это, в свою очередь, делает невозможным наличие счастья и выстраивание позитивного жизненного сценария. Из чего следует, что безнадежности почти всегда предшествует несбывшаяся надежда. Другими словами, безнадежность представляет собой фатальность и отсутствие веры в будущее с непреодолимым разочарованием в жизненной перспективе.

В одной из своих работ К. Хорни указывает на безнадежность как первопричину

проявления невроза [9]. По словам автора, невротик настолько бывает парализован состоянием безнадежности, что чувствует себя навсегда отрезанным от всего, что делает его жизнь осмысленной и позитивной. Одним из признаков глубокой личностной безнадежности К. Хорни видит поглощенность человека предвидением будущего или его предсказанием исключительно в темных тонах и безысходности. В то время как источники безнадежности всегда носят бессознательный характер, само чувство безнадежности, как правило, осознается достаточно отчетливо.

Чувство собственной психологической гибели и внутренней пустоты, свойственное человеку в состоянии безнадежности, формирует покорность к жизни и в качестве психологической защиты вырабатывает принятие ее неизменности и предначертанности. Последнее проявляется в философском отношении к жизни. «Безнадежный» человек, принимая жизнь как данность, оправдывает это философскими рассуждениями о неизменности человеческой судьбы и собственной «ничтожности». К. Хорни пишет, что жизнь человека в состоянии безнадежности настолько бывает обременительной, а душа находится в постоянном упадке, что он походит на пустую отчаявшуюся оболочку. Или превращается в плоского человека, что во многом ограничивает глубину проживания и ощущение «вкуса» жизни [10].

С. Кьеркегор дал весьма основательное объяснение состоянию безнадежности, которое, пожалуй, до сих пор по своей глубине не имеет аналогов. Можно предположить, что датскому философу данное состояние было знакомо лично. В книге «Болезнь к смерти» он, взяв за основу евангельскую притчу о воскрешении Лазаря, отчаяние определяет как смертельную болезнь духа или собственного «Я» [11]. Метафоризм притчи символизирует паралич воли человека, оцепенение его от безысходности, отчаяние и отсутствие надежды на благоприятный исход.

В предисловии к книге С. Кьеркегора отечественные исследователи Н.В. Исаева и С.А. Исаев поясняют, что у С. Кьеркегора отчаяние приобретает три образа [11]. Первый из них – неистинное отчаяние, когда отчаявшийся не сознает своего «Я», он лишен рефлексии самосознания и безразличен к смыслу собственного существования. Маска,

которую в целях побега от себя человек когда-то надел, стала его истинным «Я». Отчаяние перешло на подсознательный уровень и выступает одной из форм копинг-стратегий. Уличить такого человека в неистинности не представляется возможным, поскольку тот живет в пусть измененной, искусственно созданной, но своей собственной реальности. Социальные роли, которые он исполняет, не заметны для «актера», так как он в них живет, но они бросаются в глаза окружающим.

Второй образ включает в себя два вида отчаяния, так называемого настоящего отчаяния. При первом виде отчаяния человек не желает быть самим собой и стремится избавиться от себя, пытаясь обрести иное «Я». Такой человек отказывается принять себя таким, какой он есть в действительности, поскольку его больше устраивает другой, обладающий, с его точки зрения, каким-либо несомненным достоинством. Воображаемая подмена своего действительного «Я» абсолютно безнадежна, так как, по словам С. Кьеркегора, приводит к ситуации, когда спасать уже нечего. Жизнь действительного и цельного «Я» сводится к «толкотне фантомных «Я-образов», к несостоявшимся возможностям и миражам воображения». Итог такого вида отчаяния весьма плачевен, его обладателя ждет «омертвевшая безличность, лишенная и подлинного стержня, и подлинных чувств». Происходит разрушение подлинного «Я». Все это приводит к тому, что фантазийный, некогда бурливший энергией поток высыхает и неминуемо приводит к «нарастающей импотенции сердца и иссушению чувств». Плоская и банальная жизнь обладателя «отчаяния-слабости» часто венчается отрицанием морали, социальным вызовом и вычурным поведением, что выступает как акт мести за собственную слабость.

Второй из названных видов настоящего отчаяния проявляется в безудержном стремлении быть самим собой и представляется как «отчаяние-вызов», или «мужественное отчаяние». Здесь строительство «Я» является высшей ценностью и всецело результатом свободного выбора человека, а не производным внешних жизненных условий. Нравственное желание быть самим собой, постоянные усилия по строительству собственного «Я» позволяют индивиду говорить о том, что

существующая реальность принадлежит исключительно ему. Выбор в пользу «мужества быть» бывает настолько сложен и даже трагичен, что не каждый может отважиться на его осуществление, поскольку часто это сопряжено с непониманием, неприятием и отторжением общественной средой.

Первоначальная самонадеянность человека в строительстве жизненного пространства часто останавливается перед принятием или неприятием главенства божественного и вечного. То есть той высшей силы, на которую человек возлагает ответственность жизнестроительства. Но как быть с искушением во главе всего сущего поставить собственное «Я», что, собственно, лежит в основе современного мировоззрения и является доминирующей идеологией? В этом случае «отчаяние-вызов», по определению С. Кьеркегора, является самым болезненным из всех видов отчаяния, поскольку в своей пиковой точке приводит к постановке вопроса: «А что же там дальше за пределами «Я»?».

Любое отчаяние своей сутью порождает состояние безнадежности и безысходности в стремлении когда-либо стать самим собой. К. Хорни пишет, что безнадежность, протекающая из отчаяния человека стать когда-либо искренней и целостной личностью, представляет продукт неразрешенных внутренних конфликтов. При этом попытки разрешить конфликты часто приводят к внутренней запутанности, что в значительной мере увеличивает отчуждение личности от самой себя. Безуспешные попытки добиться соответствия своего реального «Я» идеализированному образу дополнительно усугубляют состояние безнадежности. Безнадежность развивается не только потому, что человек не может достичь желаемого образа, но и потому, что он начинает презирать себя за невозможность соответствовать этому идеалу. Это в конечном итоге приводит к чувству вины и саморазрушению. Но здесь возникает весьма существенный момент, а именно, что лежит в основе создания идеального образца и каков его сущностный формат.

Основным механизмом, запускающим развитие безнадежности, является потеря надежды в достижении жизненной цели и придании смысла собственному жизненному пути. В конечном итоге, по словам К. Хорни,

механизмы безнадежности смещают центр личности на периферию, не позволяя человеку быть активным источником собственной жизни. Человек теряет веру в самого себя и свою жизненную перспективу, факт, который по своим последствиям сродни психологической смерти. В каком-то смысле у такого человека отсутствует «Я» или оно сильно деформировано. Такой человек является всего лишь функцией, формой без содержания, чем угодно, но не автором собственной жизни.

Примечательно, но по поводу потери «Я» С. Кьеркегор пишет, что такой человек может успешно функционировать, быть преуспевающим и даже добиваться значительных успехов в жизни. Более того, из-за пропавшего «Я», как правило, в социуме не поднимается переполох, если поднимается вообще. Ведь человеческое «Я» является такой вещью, по поводу которой общество менее всего склонно расстраиваться. Напротив, окружение бывает более всего обеспокоено, когда человек обладает ярко выраженным «Я», то есть является самим собой и имеет признаки, которые выделяют его из общей массы. Подсознательно такой человек для общества является чужим и представляет опасность для стабильности и общественного спокойствия.

Исходя из вышеприведенных теоретических рассуждений, в попытке обосновать

влияние безнадежности на выстраивание жизненного пространства, мы провели исследование среди лиц молодого возраста (возраст – 18–20 лет; $N = 85$ человек).

В качестве методов исследования использованы психодиагностические методики: опросник временной перспективы (Ф. Зимбардо), шкала безнадежности (А. Бек), тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев), опросник «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер). В результате корреляционного анализа были выявлены достаточно информативные связи показателя безнадежности с рядом показателей используемых диагностических методик.

Безнадежность и временная перспектива. Ранее мы писали, что жизненная перспектива определяется как предвосхищение или как представление о событиях будущей жизни, что акцентирует внимание на способности личности к планированию и прогнозированию будущего. Состояние безнадежности оказывает существенное негативное влияние на проявления такого рода способностей.

В нашем анализе обращает на себя внимание значимая отрицательная связь показателя **безнадежности** с показателем **позитивного прошлого** ($-0,354^*$) (рис. 2).

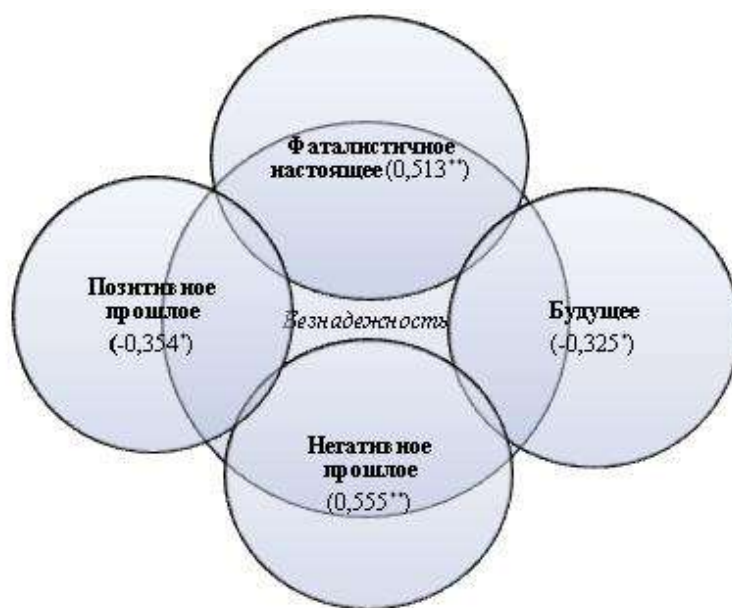

Рис. 2. Корреляционная связь показателей безнадежности и временной перспективы: ** – корреляция значима на уровне 0,01; * – корреляция значима на уровне 0,05

Следует напомнить, что прошлое является одним из лучших и наиболее доступных способов выстроить позитивное будущее. Именно благодаря прошлому человек имеет возможность осознавать неразрывность времени и находить свое место в целостном жизненном пространстве. Касательно позитивного прошлого следует сказать, что это своего рода ресурсное место, куда при необходимости человек может обратиться и откуда имеет возможность черпать жизненные силы для преодоления кризисных ситуаций.

В нашем случае мы видим, что безнадежность формирует негативное отношение к прошлому, представляя его в темных тонах, перекрывая тем самым доступ к истокам жизненного пути человека. Доказательством сказанного является положительная корреляционная связь **безнадежности с негативным прошлым** ($0,555^{**}$), это еще раз убеждает нас в том, что индивид с проявлением безнадежности отторгает свое прошлое, являя оторванность от своей исходной сущности.

Негативные представления о своей перспективе подтверждаются отрицательной связью **с будущим** ($-0,325^*$), это говорит о том, что респонденты в состоянии безнадежности не видят позитивного исхода в своем жизненном сценарии. Другими словами, они не чувствуют того аттрактора, который способен консолидировать их усилия в жизненном строительстве.

Согласно нашим исследованиям, респонденты в состоянии безнадежности ориентированы на **фаталистическое настоящее** ($0,513^{**}$). То есть в основе их жизненного строительства лежит ориентация на неподконтрольные внешние силы, преодолеть которые, по их мнению, они не в состоянии. Поэтому они склонны двигаться по течению, принимая доминанту и главенство внешнего влияния как данность. По сути, это и есть состояние выученной беспомощности, при котором человек отказывается от авторства собственной жизни и отбрасывает весло, которое дала ему жизнь.

Безнадежность и суверенность психологического пространства. Основное предназначение суверенности заключается в обеспечении регуляции взаимодействия с внешней средой. Личностная суверенность человека заключается в способности контролировать, защищать и развивать свое психологи-

ческое пространство. Согласно С.К. Нартовой-Бочавер, данный феномен позволяет человеку поддерживать личностную автономию, то есть независимость от внешних установок. В строительстве психологического пространства особое внимание отводится состоянию границ, то есть тем физическим и психологическим маркерам, которые дают человеку возможность эффективно (или нет) взаимодействовать с внешним миром. При возникновении жизненных трудностей может наблюдаться избыточная проницаемость или, напротив, прочность границ психологического пространства. При этом следует выделить два момента в определении последствий возникновения жизненных трудностей.

Первый из них заключается в выстраивании взаимодействия с социумом и говорит о возникновении депривированности и невротических проявлениях. Повышенный уровень невротизма характеризуется постоянной неадекватной тревожностью, когда она занимает центр личности, а человек начинает служить своим страхам и негативным переживаниям, становясь их психологическим рабом. Жизнь невротика превращается в череду дискомфортных состояний при, казалось бы, видимом внешнем благополучии.

Второй момент обращает внимание на депривированность, которая понимается как лишение или ограничение возможности удовлетворения каких-либо жизненно важных потребностей. Депривированность на фоне сверхсуверенности личности характеризует ее психотические проявления. Психотизм свидетельствует о склонности к асоциальному поведению, неадекватности эмоциональных реакций, вычурности, повышенной конфликтности индивида и т. д.

В рамках нашего исследования хотелось бы указать на ряд существенных моментов, раскрывающих влияние состояния безнадежности на выстраивание психологического пространства респондента. В подавляющих случаях нами обнаружена значимая отрицательная связь показателя состояния безнадежности и различных видов суверенности личности (рис. 3).

Так, **безнадежность** отрицательно связана с **суверенностью территории** ($-0,335^*$). Суверенность территории означает переживание безопасности физического пространства, в границах которого протекает жизнедея-

тельность человека. Субъективное ощущение потери личной территории не дает респонденту возможности испытывать чувство привязанности к пространству, на котором он живет, формируя чувство оторванности от базовых корней своего существования. Это может приводить к состоянию одиночества и неукорененности человека в собственном психологическом пространстве. Следует обратить внимание еще на один аспект, который сопряжен с потерей личной территории, это отчуждение от первоосновы своего бытия и самого себя.

Обнаруживается отрицательная связь **безнадежности с суверенностью привычек** ($-0,386^{**}$). Суверенность привычек выступает в качестве принятия той или иной формы организации жизни человека. По сути, это распорядок жизни, который регламентирует поведенческие нормы и который безнадежность разрушает. В состоянии безнадежности человек не имеет установленных ограничений и правил в организации своего жизненного пространства, отдавая течение жизни на откуп спонтанности, сиюминутности и хаоса.

Обратная связь **безнадежности с показателем суверенности ценностной сферы**

($-0,358^*$) говорит о негативном влиянии безнадежности на свободу принятия идеалов, формирования вкусов и в целом мировоззрения. Депривированность данного вида суверенности говорит о навязывании неблизких для испытуемых ценностных ориентиров. Другими словами, коль эти ценности привнесены извне, то они принимаются индивидом в качестве формальных жизненных установок без их внутреннего осмысления.

Состояние **безнадежности** деформирует **суверенность** в целом, что отражается в отрицательной корреляционной связи данных показателей ($-0,376^{**}$). Поскольку суверенность понимается как характеристика состояния границ психологического пространства, то приведенные данные дают основание утверждать о негативном влиянии безнадежности на автономность формирования психологического пространства испытуемых.

К сожалению, безнадежность как психическое состояние проявляется в ощущении ненужности, одиночестве, социальной дезадаптации, аддиктивных жизненных установках и других негативных психологических проявлениях, объединенных деструктивными тенденциями.

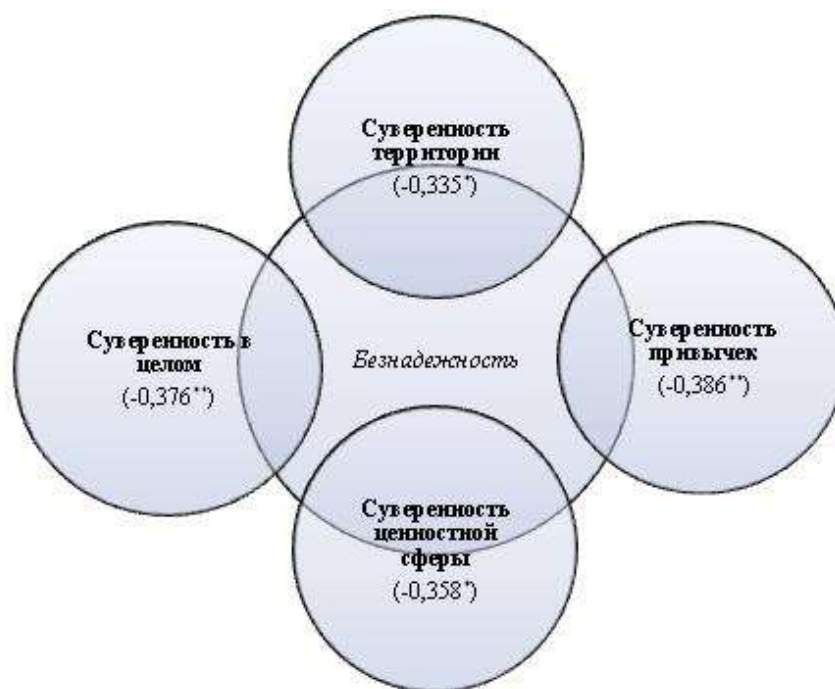

Рис. 3. Корреляционная связь показателей безнадежности и личностной автономии: ** – корреляция значима на уровне 0,01; * – корреляция значима на уровне 0,05

Безнадежность и самоотношение. Для изучения связи состояния безнадежности и отношения респондента к своему «Я» нами были взяты базовые шкалы теста «Самоотношение» (рис. 4).

Показатель шкалы **самоуважения** обнаруживает отрицательную связь с безнадежностью ($-0,431^{**}$), что говорит о том, что человек, испытывающий состояние безнадежности, находится в эмоциональном и содержательном неверии в свои силы и способности. Более того, он несамостоятелен в своем поведении и неспособен к контролю собственной жизни. Пожалуй, главное то, что он в полной мере не понимает самого себя. Показатели других шкал, входящих в данный базовый блок, также имеют значимые отрицательные связи с безнадежностью (**самопонимание** – $-0,360^*$; **самоуверенность** – $-0,332^*$). Обратная связь с самопониманием свидетельствует в пользу того, что способности индивида с безнадежностью к внутренним действиям по коррекции своего «Я» весьма ограничены. Относительно самоуверенности можно предположить о поверхностном понимании сущности самоуважения у человека

в состоянии безнадежности. Индивид, не принимающий себя как личность и не уважающий себя хотя бы за данность своего существования, не способен к адекватной и полноценной социальной адаптации.

Обратная связь показателей безнадежности и **аутосимпатии** ($-0,318^*$) свидетельствует о наличии враждебного отношения к своему «Я» у человека в состоянии безнадежности. Негативизм в отношении себя свидетельствует о низкой самооценке, самообвинении и самоуничижении индивида. Безнадежность как состояние приводит к отчуждению человека от самого себя, а в конечном итоге к депрессии и ощущению одиночества. Человек, находящийся в состоянии безнадежности, склонен к **самообвинению**, о чем свидетельствует значимая положительная связь рассматриваемых показателей ($0,326^*$). Прямое взаимодействие безнадежности и самообвинения запускает такие эмоциональные реакции, как презрение к себе, раздражение, вынесение самоприговоров и в конечном итоге приводит к убежденности «самого несчастного человека», неспособного к радикальным изменениям.

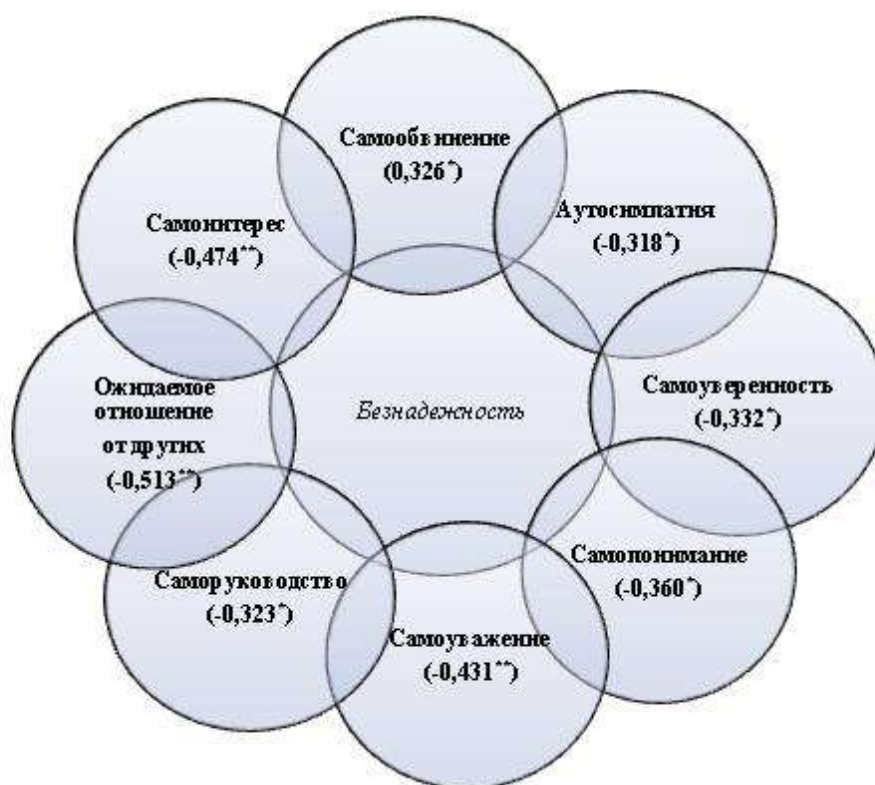

Рис. 4. Корреляционная связь показателей безнадежности и самоотношения: ** – корреляция значима на уровне 0,01; * – корреляция значима на уровне 0,05

Наконец, в нашем исследовании **само-интерес** и безнадежность имели значимую отрицательную связь, что говорит о том, что при росте значения безнадежности будет снижаться интерес к самому себе ($-0,474^{**}$). Интерес к самому себе отражает близость к своему внутреннему миру и возникающим в связи с этим чувствам и переживаниям. В целом данная личностная характеристика свидетельствует о желании исследовать свой внутренний мир, изучать процессы, связанные с собственными мыслями и протекающими эмоциями. То есть при наличии состояния безнадежности у человека затухают процессы саморефлексии, в результате чего он становится неинтересен себе, что может говорить о его внутреннем выгорании.

Другой момент, который обращает на себя внимание, это обратная связь безнадежности и **ожидаемого отношения от других** ($-0,513^{**}$). К сожалению, по представлениям «безнадежного» человека он не может рассчитывать на поддержку других, поскольку полагает, что окружение относится к нему заведомо отрицательно. Что особенно трагично, в круг отрицательных представителей в первую очередь попадает ближайшее окружение. То есть те, кто в социальном круге к респонденту находится ближе остальных и по логике является наиболее значимым и эмоционально более близким. Ориентация на внешнее окружение у такого индивида является всего лишь попыткой получить мнимую поддержку и очередной игрой, которая направлена на сокрытие своих внутренних проблем и нежелание что-либо менять в своей жизни. Игнорирование близких людей является производным страха самораскрытия и самоустранением от решения собственных проблем. Страх «безнадежного» человека перед возможной неудачей и неуверенность в себе базируются на порочной установке в своей непривлекательности для других и ожидании внешнего отторжения.

По сути, такой человек живет под покровом «самоисполняющихся пророчеств», только эти пророчества носят печать пессимизма, жизненных неудач и ожидания катастрофы. Это приводит к изолированности, одиночеству и замыканию на своих внутренних переживаниях. Таким образом, происходит замыкание невротического круга.

Человек, находящийся в состоянии безнадежности, неспособен к активному действию. «Ничего неделание» в силу внутренней установки вначале является ролевой игрой и, наконец, превращается в жизненное кредо. Создается впечатление, что у такого человека произошел сбой в главном «жизненном двигателе», который запускал процесс принятия себя как уникальной и неповторимой личности. Более того, такая внутренняя разбалансировка деформирует способность к принятию решения и выработке ответственности не только за отдельные действия, но и за свою жизнь. Наши рассуждения подтверждаются обнаруженной отрицательной связью безнадежности и **саморуководства** ($-0,323^{*}$).

По ходу анализа результатов исследования как итог нами выявлена значимая отрицательная связь показателей безнадежности и в целом **самоотношения** ($-0,378^{**}$). Анализ связи состояния безнадежности и установки на внутренние действия испытуемых в их отношении к собственному «Я» позволяет утверждать следующий момент, что безнадежность приводит к разрушению ядра личности, деформирует ее первооснову, а именно, самопринятие и осмысленное формирование собственного жизненного пространства.

Подводя итог промежуточному исследованию, следует обозначить ряд позиций, получивших подтверждение в его экспериментальной составляющей.

Во-первых, безнадежность негативно влияет на выстраивание жизненного пути (перспектива будущего), разрушает смысловую оболочку личности и нивелирует ее позитивную направленность на будущее.

Во-вторых, безнадежность является деструктивным состоянием, приводит к размыванию «энергетического центра» личности, непринятию самого себя, формальному отношению к собственному «Я».

В-третьих, безнадежность способствует возникновению глубокого внутриличностного конфликта, депрессии и суицидальных намерений.

В-четвертых, безнадежность девальвирует способность к личностной независимости, снижает возможность контролировать, защищать и развивать свое жизненное пространство, разрушает способность человека быть автором собственной жизни.

Наконец, возможно ли в эпоху экзистенциального кризиса остаться творцом своей жизни? Думаем, что да. Для этого необходимо всего лишь «Мужество быть!»

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 190 с.
3. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
4. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
5. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: Изд-во АСТ, 2004. 557 с.
6. *Скэрдеруд Ф.* Беспокойство. Путешествие в себя. Самара: Изд. дом «Бахрам-М», 2003. 480 с.
7. *Бек А., Раиш А., Шо Б., Эмери Г.* Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Изд. дом «Питер», 2003. 400 с.
8. *Селигман М.* Как научиться оптимизму. Измените взгляд на мир и свою жизнь. М.: Альпина Диджитал, 2013. 338 с.
9. *Хорни К.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Смысл, 1997. Т. 3. Наши внутренние конфликты. Невроз и развитие личности. 696 с.
10. *Уваров Е.А.* Жизненная усталость как ведущая девиация эпохи социальных перемен // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2015. № 1 (25). С. 32-45.
11. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти. Изложение христианской психологии ради наставления и пробуждения. М.: Академический проект, 2012. 157 с.

Поступила в редакцию 14.11.2017 г.
Отрецензирована 08.12.2017 г.
Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Уваров Евгений Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психолого-педагогического и социального образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: kpivp@mail.ru

Для цитирования

Уваров Е.А. Выстраивание жизненной перспективы как альтернатива состоянию безнадежности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 23-34. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34

BUILDING A LIFE PERSPECTIVE AS AN ALTERNATIVE TO THE STATE OF HOPELESSNESS

Evgeniy Alekseevich UVAROV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: kpivp@mail.ru

Abstract. The living space of a modern man is studied, for which a state of hopelessness and many destructive manifestations are characteristic in the conditions of social instability. Hopelessness is seen as one of the leading predictors determining the emergence of deviations in both a single individual and society as a whole. The results of this empirical study confirm that hopelessness dilutes the “energy center” of the individual, its semantic shell, devalues the person’s ability to build a positive living space. It is justified that the alternative state of hopelessness stands for the purposeful management of life prospects, that is, the orientation toward a positive future. The future is that psychological space where a person’s vital need is transformed into distant goals and behavioral projects, giving life a sense of logic, meaningfulness and undoubted significance. The

starting point in the prevention of the state of hopelessness is the orientation to the authorship of the individual in the construction of their own life path.

Keywords: time perspective; psychological space; a state of hopelessness; learned helplessness; personal sovereignty; self-relationship; intrapersonal conflict

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [The Strategy of Life]. Moscow, Mysl Publ., 1991, 299 p. (In Russian).
2. Golovakha E.I., Kronik A.A. *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological Time of a Person]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 190 p. (In Russian).
3. Zimbardo P., Boyd J. *Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'* [The Time Paradox: the New Psychology of Time That Will Change Your Life]. St. Petersburg, Rech Publ., 2010, 352 p. (In Russian).
4. Nuttin J. *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, Planning, and Action]. Moscow, Smysl Publ., 2004, 608 p. (In Russian).
5. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow, AST Publ., 2004, 557 p. (In Russian).
6. Skårderud F. *Bespokoystvo. Puteshestvie v sebya* [Anxiety. The Journey to Yourself]. Samara, Publishing House "Bakhran-M", 2003, 480 p. (In Russian).
7. Beck A., Rush A., Shaw B., Emery G. *Kognitivnaya terapiya depressii* [Cognitive Therapy of Depression]. St. Petersburg, Publishing House "Piter", 2003, 400 p. (In Russian).
8. Seligman M. *Kak nauchit'sya optimizmu. Izmenite vzglyad na mir i svoyu zhizn'* [Learned Optimism. How to Change Your Mind and Your Life]. Moscow, Alpina Didzhital Publ., 2013, 338 p. (In Russian).
9. Horney K. *Sobranie sochineniy: v 3 t. T. 3. Nashi vnutrennie konflikty. Nevroz i razvitie lichnosti* [Collected Works: in 3 vols. Vol. 3. Our Inner Conflicts. Neurosis and Human Growth]. Moscow, Smysl Publ., 1997, 696 p. (In Russian).
10. Uvarov E.A. Zhiznennaya ustalost' kak vedushchaya deviatsiya epokhi sotsial'nykh peremen [Life tiredness as a leading deviation of era of social changes]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus – Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2015, no. 1 (25), pp. 32-45. (In Russian).
11. Kierkegaard S. *Bolezn' k smerti. Izlozhenie khristianskoy psikhologii radi nastavleniya i probuzhdeniya* [The Sickness Unto Death. Christian Psychology Discourse for Edification and Awakening]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2012, 157 p. (In Russian).

Received 14 November 2017

Reviewed 8 December 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Uvarov Evgeniy Alekseevich, Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychological-Pedagogic and Social Education Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: kpivp@mail.ru

For citation

Uvarov E.A. Vystraivanie zhiznennoy perspektivy kak al'ternativa sostoyaniyu beznadezhnosti [Building a life perspective as an alternative to the state of hopelessness]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 23-34. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ВНЕДРЕНИЕ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ФОРМИРУЮЩЕГО И ТЕКУЩЕГО КОНТРОЛЯ ПИСЬМЕННО-РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ НА БАЗЕ МОБИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

© Светлана Владимировна ТИТОВА^{1,2)}, Екатерина Константиновна ДАНИЛИНА³⁾

¹⁾ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1

²⁾ ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

690091, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

³⁾ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»

690014, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

E-mail: stitova3@gmail.com

Аннотация. Изучены вопросы организации контроля и оценивания на базе мобильных приложений. Анализ научной литературы и нормативных документов указывает на актуальность данного вопроса для российского образования. Рассмотрены цели и задачи современного подхода к контролю учебной деятельности студентов при обучении иностранному языку. Целью исследования стало обоснование эффективности модели применения мобильных технологий для оптимизации формирующего и текущего контроля в ходе формирования иноязычных письменных-речевых умений студентов неязыкового вуза. В качестве задач было решено рассмотреть структурные компоненты предлагаемой экспериментальной модели, описать ход опытно-экспериментального внедрения модели. Описаны составляющие методической модели (целевой, содержательный, деятельностный, результативный блоки). Показано, что реализация опытно-экспериментального обучения проходила в три этапа в течение одного учебного года (2016/2017). Указаны способы интеграции предлагаемой модели в учебный процесс. В процессе совершенствования письменных-речевых умений (письмо прагматического характера) на базе мобильных приложений применялись такие виды формирующего оценивания, как само-, взаимно- и групповое оценивание. Результаты пилотирования предлагаемой модели указывают на наличие статистически значимых различий в уровнях владения иностранным языком контрольной и экспериментальной групп. Сделан вывод о возможной оптимизации системы контроля на базе мобильных технологий и, следовательно, об эффективности разработанной модели. В качестве перспектив дальнейших исследований видится детализация письменных-речевых навыков и умений и спецификация способов формирующего оценивания на базе мобильных технологий.

Ключевые слова: методика обучения иностранным языкам; английский язык как иностранный; мобильные технологии; контроль и оценивание; смешанное обучение

Федеральные государственные стандарты высшего образования (ФГОС ВПО 3+) рассматривают развитие системы образования на базе разработки электронных образовательных ресурсов и внедрения цифровых технологий. Согласно государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг., уже к 2020 г. студенты должны будут обучаться с применением мобильных технологий в значительной степени¹. ЮНЕСКО также подчеркивает необходимость использования мобильных технологий в образовании и отмечает, что «поскольку мощность и возможности мобиль-

ных устройств постоянно растут, они могут шире использоваться в качестве образовательных инструментов и занять центральное место как в официальном, так и в неформальном образовании»². Совокупность данных факторов составляет актуальность разработки способов интеграции мобильных технологий в обучение.

Целью нашего исследования стали разработка и апробация модели интеграции мобильных технологий в процесс формирования умений иноязычной письменной речи для организации формирующего и текущего контроля в неязыковом вузе. Для достижения

¹ Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 15.05.2013 № 792-р. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3409> (дата обращения: 25.10.2017).

² Рекомендации ЮНЕСКО по политике в области мобильного обучения. URL: <http://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214738.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).

поставленной цели были определены следующие задачи:

1) рассмотреть структурные компоненты предлагаемой модели;

2) описать проведение опытно-экспериментального внедрения модели.

Анализ литературы показывает, что актуальные вопросы развития и интеграции цифровых и мобильных технологий в обучение иностранному языку отражены в трудах зарубежных и отечественных авторов (Дж. Тракслер, Т. Андерсон, М. Шарлз, М. Алли, Г. Стоквелл; Е. Тихомирова, В.В. Бовт, Н. Соболева, В.Н. Платонов, С.В. Титова, А.П. Авраменко, И.Н. Голицына, В.А. Кулев, К.В. Капранчикова, П.В. Сысоев). Проблемам обучения на базе мобильных технологий посвящена работа многих международных конференций (MLearn, IAmLearn, IADIS Mobile Learning и др.) и проектов (MoLeNET и др.). Несмотря на то, что проводились также и проекты, направленные на внедрение мобильных технологий для проведения контроля и оценивания при обучении иностранному языку (Сингапур, 2005; Гонконг, 2006–2008; Иордания, 2010; Россия, 2011; Испания, 2015 [1–5]), данный вопрос остается достаточно актуальным для российской сферы образования ввиду недостаточной разработанности методик и их апробации.

Теоретико-методическая, или опытная модель используется для «исследования объекта и прогнозирования его будущих характеристик» [6]. Методическая система существует благодаря составляющим ее закономерностям, принципам и элементам [7]. Система принципов предлагаемой теоретико-методической модели состоит из основных положений, реализуемых в рамках основных психолого-педагогических подходов и включает в себя такие элементы, как цели и задачи обучения, содержание и способы организации учебного процесса и т. д. Таким образом, модель интеграции мобильных приложений в процесс контроля и оценивания состоит из четырех блоков: целевой, содержательный, деятельностный и результативный.

Целевой блок обеспечивает постановку комплексной дидактической цели: применение современных мобильных средств обратной связи и оценивания для контроля за формированием и развитием навыков и умений иноязычной письменноречевой компе-

тенции студентов в соответствии с требованиями ФГОС ВПО 3+ и Общеευропейской шкалы оценивания в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Сформулированная цель определяет *содержательный блок*. Содержание обучения предлагаемой методики основывается на компетентностном подходе и строится на требованиях и положениях нормативных документов Российской Федерации. Формирование содержания обучения и сопутствующего контроля за сформированностью письменноречевой компетенции базируется на общедидактических и лингводидактических принципах. Для эффективной организации системы текущего оценивания письменных умений было предложено использовать формирующий контроль на базе мобильных приложений голосования и тестирования. *Деятельностный блок* основывается на совокупности анализа структуры письменноречевых умений, включая микро- и макроумения [8–10], отбора форм и средств обучения, разработки и проектирования заданий для проведения формирующего и текущего контроля и оценивания. *Результативный блок* включает в себя необходимый комплекс мероприятий, направленный на решение ряда задач: оценить эффективность предлагаемой модели, определить эффективность обучения и проведения формирующего и текущего контроля на базе мобильных технологий в неязыковом вузе.

Проверка эффективности модели проводилась в ходе опытно-экспериментального обучения в 2016/2017 учебном году на базе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Участниками экспериментального обучения явились студенты 1 курса уровня бакалавриата, направления «Экономика». Были сформированы две группы – контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ) (26 и 23 человека соответственно). Уровень владения английским языком в обеих группах примерно одинаковый (A2 по общеευропейской шкале оценивания Common European Framework of Reference (CEFR)). В результате обучения планировалось познакомить студентов с различными видами письменных текстов прагматического характера, развить и улучшить письменноречевые умения, а также стимулировать спо-

способность критически и объективно оценивать работы одноклассников.

Эксперимент проводился в три этапа: вводный (констатирующий), формирующий, контрольный. На *вводном (констатирующем) этапе* был определен уровень информационно-коммуникативной (ИК) (мобильной) компетенции обучающихся, а также определен уровень владения английским языком и учтена техническая оснащенность студентов. Согласно результатам анкетирования на вводном этапе, 100 % учащихся имеют доступ к смартфонам или коммуникаторам/карманным персональным компьютерам (КПК) (98 и 2 % соответственно). Из перечисленных операционных систем (ОС) абсолютное большинство респондентов использует ОС Android (93 %) и ОС IOS (7 %). 100 % участвующих в опросе подтвердили регулярную возможность использования мобильных устройств во время занятий, 67 % студентов используют необучающие мобильные приложения (прогноз погоды, навигатор и т. д.), а также такие приложения, как словари и справочники (33 %). В целом 92 % выразили свое положительное отношение к интеграции мобильных приложений на занятиях иностранного языка. При этом 8 % выразили свою неуверенность относительно данного вопроса, однако, против никто не высказался. В соответствии с опросом были отобраны мобильные приложения, поддерживающиеся

операционной системой Android (Socrative Student, Socrative Teacher, Essay Writing Lite, Academic Writing English). Результаты тестирования на определение уровня владения английским языком показали, что студенты обеих групп находятся на уровне приблизительно А2 по Европейской шкале оценивания, их лексико-грамматические и письменные навыки и умения развиты примерно одинаково. По итогам вводного этапа сделан вывод, что студенты обладают достаточным уровнем ИК компетенции и готовы к регулярному использованию мобильных устройств для аудиторной и внеаудиторной (самостоятельной) работы.

На *формирующем этапе* проводилось обучение контрольной (26 человек) и экспериментальной (23 человека) групп на базе учебно-методического комплекса English Result Pre-intermediate. Контроль письменноречевых умений в контрольной группе проводился традиционными способами, в экспериментальной группе – в соответствии с разработанной моделью на базе мобильных приложений. За время экспериментального обучения (2016/2017 учебный год) проведены следующие виды контроля и оценивания: диагностический, текущий, формирующий, тематический, рубежный и итоговый. Предлагаемая модель предполагала обучение в 3 этапа: установочно-контролирующий, основной (творческий), итоговый (рефлексивный).

Рис. 1. Этапы обучения предлагаемой модели

Первый, установочно-контролирующий этап модели охватывал 4 занятия, в течение которых основным видом деятельности было выполнение тренировочных упражнений на формирование письменно-речевых умений. Непрерывный контроль обучения реализовывался через формирующее оценивание, которое осуществлялось в виде тестирования при помощи мобильных приложений Socrative. Студентам предлагалось ответить на вопросы, которые помогали преподавателю в режиме реального времени оценить трудности, которые испытывали обучающиеся, и скорректировать учебный процесс. В ходе занятия использовались такие виды работ, как парная (взаимооценивание), групповая (дискуссия), коллективная (упражнения), индивидуальная (самооценивание). Этап завершался проведением обратной связи. Всего было проведено 38 тестовых заданий в рамках формирующего контроля на базе приложения Socrative.

Второй этап модели занимал одно занятие, на котором студентам предлагалось выполнить письменное задание – написание письма личного характера, открытки при помощи мобильного приложения Essay Writing Lite. Оценивание данного задания также проводилось на базе приложения Essay Writing Lite в формате взаимооценивания согласно

разработанным критериям, этапам и требованиям к выполнению (табл. 1).

Итоговый или рефлексивный этап модели предполагал проведение контроля по всему учебному разделу в виде тестирования, завершался этап опросником на самооценивание и рефлексии. Результаты итогового тестирования были сопоставлены с результатами входного (диагностического) и промежуточного контроля контрольной и экспериментальной групп.

Для оценки статистической значимости различий средних величин независимых выборок (контрольная и экспериментальная группы) использовался t -критерий Стьюдента, рассчитываемый как разность средних значений, поделенная на сумму квадратов ошибок ($t = \frac{M1-M2}{\sqrt{m1^2+m2^2}}$).

Было проведено сравнение полученного значения t -критерия Стьюдента (8,4685) и критического (критический t -критерий при полученном числе степеней свободы и значении $p = 2,013$) при $p = 0,0001$ значением (то есть $p \leq 0,05$). Так как рассчитанное значение t -критерия больше критического, делается вывод о том, что наблюдаемые различия имеют нормальное распределение и статистически значимы.

Таблица 1

Этапы выполнения и условия реализации письменного задания на базе использования мобильного приложения Essay Writing Lite

1	Цель задания	Развить письменно-речевые навыки и умения
2	Уровень ИК компетенции	Пользовательский
3	Технические условия	1. Мобильное приложение Essay Writing Lite. Необходим доступ к сети Интернет. 2. Мобильная почта. Необходим доступ к сети Интернет
4	Уровень владения языком	Уровень A2/B1 согласно общеевропейской шкале оценивания (CEFR)
5	Формулировка задания	Write a letter to a holiday friend. Remember to follow the letter structure. Write no less than 180 words
6	Этапы реализации задания	1. Написание задания в приложении Essay Writing Lite. 2. Отправка письменного задания на мобильную почту своему партнеру. 3. Проверка письменного задания своего партнера согласно предложенным критериям оценивания, комментарии к работе. 4. Отправка на мобильную почту для контроля преподавателю. 5. Обсуждение работ и комментариев в парах/группах/коллективно
7	Планируемый результат	Развитие письменно-речевых умений, относящихся к жанру личной переписки
8	Организация работы	Самостоятельная, в парах
9	Время выполнения	30 мин
10	Критерии оценивания	1. Раскрытие темы задания. 2. Объем работы. 3. Структура письменной работы. 4. Соединительные слова, пройденный лексический и грамматический материал

Для сравнения результатов входного и промежуточного тестирований применялся парный t -тест. При полученном результате t -критерия Стьюдента контрольной группы ($9,457 > t$ критического ($2,06$) и $p \leq 0,05$, и полученном t -критерии экспериментальной группы ($12,726 > t$ критического ($2,074$) и $p \leq 0,05$ заключается вывод о статистически значимых различиях и, следовательно, положительной прогрессии (табл. 2).

Очевидно, что результаты тестирований в контрольной группе значительно превосходят по показателям данные в экспериментальной группе, так как исходный результат был выше в силу лучшей подготовленности студентов. Однако при сопоставлении исходных и итоговых данных можно видеть, что уровень владения языком в экспериментальной группе увеличился значительно по

сравнению с уровнем в контрольной группе (табл. 3, 4). Таким образом, в ходе обучения студенты экспериментальной группы улучшили свои показатели и значительно приблизились к уровню В1 по общеевропейской шкале оценивания.

На заключительном этапе студентам экспериментальной группы также предлагалось заполнить тест-опросники, составленные при помощи приложения Socrative (табл. 5). Целью опроса явились выявление самооценки, развитие критического мышления и побуждение студентов к академической успеваемости. Результаты опроса показали, что большинство обучающихся хорошо оценивают полученные учебные результаты с помощью выделенных критериев, контролируют свою учебную деятельность согласно установленным нормам.

Таблица 2

Сравнительный анализ входного и промежуточного тестирований контрольной и экспериментальной групп

Группа	Участники	Парный t -критерий Стьюдента	p -значение	Число степеней свободы	Среднее до эксперимента	Среднее после промежуточного тестирования
КГ	23 человека	9,457 (2,06)	$\leq 0,05$	25	$51,538 \pm 1,632$	$52,500 \pm 1,639$
ЭГ	26 человек	12,726 (2,074)	$\leq 0,05$	22	$35,304 \pm 0,944$	$36,613 \pm 0,956$

Таблица 3

Результаты итогового (контрольного) тестирования

Показатели	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Количество студентов	26	23
Среднее	53,781	39,391
Стандартное отклонение (SD)	9,332	4,845
Стандартная ошибка среднего (SEM)	1,830	1,010
t	6,6402	
Степень свободы (df)	47	
p-value	less than 0,0001	
Разница (mean of G1 – G2)	14,389	

Таблица 4

Сравнительный анализ входного, промежуточного и итогового тестирований контрольной и экспериментальной групп

Группа	Участники	Среднее до эксперимента	Среднее после промежуточного тестирования	Среднее после эксперимента
КГ	26 человек	51,5	52,5	53,7
ЭГ	23 человека	35,3	36,6	39,3

Таблица 5

Пример тестовых вопросов на самооценивание и рефлекссию

1	How many hours did I spend preparing for this test and writing task?	
2	What activities did my preparation include?	a. Attending classes regularly b. Reviewing studied material c. Self-checking d. Group studying e. Making mind maps, notes
3	What strategies did I use during the test and writing task?	a. Watched the clock b. Read the task carefully c. Made a mind map for extra ideas
4	How much of the tasks during this test did I complete?	a. All b. Most c. Half d. Less than a half
5	Did I keep to the essay topic?	a. Yes b. No
6	Did I check my writing (essay)?	a. Yes b. No
7	How did I lose my points in essay writing?	a. Didn't write enough words b. Didn't use topic vocabulary/linking words c. Made grammar mistakes d. Didn't follow the essay structure e. Didn't watch the time
8	One thing I will do during the next writing task	
9	One thing I will NOT do during the next writing task	

Данные, полученные в ходе экспериментального обучения, указывают на эффективность разработанной модели внедрения формирующего и текущего оценивания на базе мобильных приложений на занятиях иностранного (английского) языка студентов неязыковых специальностей и подтверждают поставленную гипотезу.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования могут считаться уточнение и детализация иноязычных письменноречевых навыков и умений, анализ свойств и функций мобильных приложений, необходимых для проведения формирующего и текущего контроля, уточнение моделей применения формирующего контроля при формировании письменных навыков.

Список литературы

1. Wong C.C., Sellan R., Lee L.Y. Assessment using mobile phone – An exploratory study. URL: http://www.iaea.info/documents/paper_1162a2913.pdf (accessed: 15.10.2017).
2. Clarke P., Keing C., Lam P., McNaught C. Using SMSs to engage students in language learning // ED-MEDIA 2008. Proceedings of the 20th Annual World Conference on Educational Multi-media, Hypermedia and Telecommunications / ed. by E.R. Weipp, J. Luca. Chesapeake: Association for the Advancement of Computers in Education, 2008. P. 6132-6141.
3. Тутова С.В., Талмо Т. Создание модели интерактивной лекции с помощью мобильной системы опроса SRS // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 49-63.
4. Alzu'bi M.A., Sabha M.R.N. Using mobile-based email for English foreign language learners // The Turkish Online Journal of Educational Technology. 2013. Vol. 12. Issue 1. P. 178-186.
5. Berns A., Palomo-Duarte M., Dodero J.M., Ruiz-Ladrón J.M., Calderón Márquez A. Mobile apps to support and assess foreign language learning // Critical CALL – Proceedings of the 2015 EUROCALL Conference / ed. by F. Helm, L. Bradley, M. Guarda, S. Thouësny. Dublin: Research-publishing.net, 2015. P. 51-56.
6. Богатырев И.А., Устинова И.М. Теоретические основы педагогического моделирования (сущность и эффективность). URL: http://www.rusnauka.com/SND/Pedagogica/2_bogatyrev%20a.i..doc.htm (дата обращения: 06.11.2017).
7. Бешенков С.А., Ракитина Е.А. Моделирование и формализация. М.: Лаборатория базовых знаний, 2002. 336 с.

8. Соловова Е.Н., Большакова Е.А. Формы записи как основа интегративных академических умений устной и письменной речи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 115-120.
9. Brown H.D. Language Assessment. Principles and Classroom Practices. White Plains: Pearson Education, 2004. 324 p.
10. Mozayan M. Materials to develop microskills and macroskills: Are there any principles? // ELT Voices. 2015. Vol. 5. Issue 6. P. 1-7.

Поступила в редакцию 21.11.2017 г.
Отрецензирована 19.12.2017 г.
Принята в печать 20.02.2018 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Титова Светлана Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, зам. декана по дополнительному образованию факультета иностранных языков и регионоведения. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; главный научный сотрудник, кафедра образования в области романо-германских языков Школы педагогики. Дальневосточный федеральный университет, филиал ДВФУ в г. Уссурийске, г. Уссурийск, Приморский край, Российская Федерация. E-mail: stitova3@gmail.com

Данилина Екатерина Константиновна, старший преподаватель, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Российская Федерация. E-mail: cathrine_d83@inbox.ru

Для корреспонденции: Титова С.В., e-mail: stitova3@gmail.com

Для цитирования

Титова С.В., Данилина Е.К. Экспериментальное внедрение модели организации формирующего и текущего контроля письменно-речевых умений на базе мобильных технологий студентов неязыкового вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 35-42. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-35-42.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-35-42

EXPERIMENTAL IMPLEMENTATION OF ORGANIZATION MOBILE TECHNOLOGY MODEL OF FORMATIVE AND SUMMATIVE ASSESSMENT OF STUDENTS' WRITING SKILLS IN A NONLINGUISTIC UNIVERSITY

Svetlana Vladimirovna TITOVA^{1,2)}, Ekaterina Konstantinovna DANILINA³⁾

¹⁾ Lomonosov Moscow State University

1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation

²⁾ Far Eastern Federal University

8 Sukhanova St., Vladivostok 690091, Russian Federation

³⁾ Vladivostok State University of Economics and Service

41 Gogolya St., Vladivostok 690014, Russian Federation

E-mail: stitova3@gmail.com

Abstract. The mobile-supported organization of assessment and evaluation of student writing skills are studied. The analysis of scientific literature and regulatory documents indicates the urgency of this issue for the Russian education. Modern approaches to the assessment of students' learning activity in foreign language teaching are considered. The objective of the research was to substantiate the effectiveness of the mobile technology application model for optimizing formative and summative assessment developing foreign-language writing skills of students. The components of the methodological model (target, content, activity, result blocks) and the ways of model integration are described. In the process of improving student writing skills (a letter of a pragmatic nature) on the basis of mobile applications, such kinds of formative evaluation as self-, peer- and group evaluation were employed. The model implementation took one academic year (2016/2017). The research data reveals statistically significant differences in language skills between the experimental and the control groups. Thus, the effectiveness of the developed model has been confirmed.

As prospects for further research, we see the analysis of writing and speech microskills and the specification of formative assessment approaches based on mobile technologies.

Keywords: foreign language teaching methodology; English as a foreign language; mobile technologies; control and assessment; blended learning

References

1. Wong C.C., Sellan R., Lee L.Y. *Assessment using mobile phone – An exploratory study*. Available at: http://www.iaea.info/documents/paper_1162a2913.pdf (accessed 15.10.2017).
2. Clarke P., Keing C., Lam P., McNaught C. Using SMSs to engage students in language learning. *ED-MEDIA 2008. Proceedings of the 20th Annual World Conference on Educational Multimedia, Hypermedia and Telecommunications*. Chesapeake, Association for the Advancement of Computers in Education Publ., 2008, pp. 6132-6141.
3. Titova S.V., Talmo T. Sozdanie modeli interaktivnoy lektzii s pomoshch'yu mobil'noy sistemy oprosa SRS [Creation of the model of interactive lecture with the help of mobile polling system SRS]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2015, no. 3, pp. 49-63. (In Russian).
4. Alzu'bi M.A., Sabha M.R.N. Using mobile-based email for English foreign language learners. *The Turkish Online Journal of Educational Technology*, 2013, vol. 12, issue 1, pp. 178-186.
5. Berns A., Palomo-Duarte M., Doderer J.M., Ruiz-Ladrón J.M., Calderón Márquez A. Mobile apps to support and assess foreign language learning. *Critical CALL – Proceedings of the 2015 EUROCALL Conference*. Dublin, Research-publishing.net Publ., 2015, pp. 51-56.
6. Bogatyrev I.A., Ustinova I.M. *Teoreticheskie osnovy pedagogicheskogo modelirovaniya (sushchnost' i effektivnost')* [Theoretical basis of pedagogical modeling (essence and efficiency)]. (In Russian). Available at: http://www.rusnauka.com/SND/Pedagogica/2_bogatyrev%20a.i..doc.htm (assessed 06.11.2017).
7. Beshenkov S.A., Rakitina E.A. *Modelirovanie i formalizatsiya* [Modeling and Formalization]. Moscow, Laboratoriya bazovykh znaniy Publ., 2002, 336 p. (In Russian).
8. Solovova E.N., Bolshakova E.A. Formy zapisi kak osnova integrativnykh akademicheskikh umeniy ustnoy i pis'mennoy rechi [Forms of notes as a basis of integrative academic skills of oral and written speech]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, no. 2, pp. 115-120. (In Russian).
9. Brown H.D. *Language Assessment. Principles and Classroom Practices*. White Plains, Pearson Education Publ., 2004, 324 p.
10. Mozayan M. Materials to develop microskills and macroskills: Are there any principles? *ELT Voices*, 2015, vol. 5, issue 6, pp. 1-7.

Received 21 November 2017

Reviewed 19 December 2017

Accepted for press 20 February 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Titova Svetlana Vladimirovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Dean for Further Education Programmes of Foreign Languages and Area Studies Faculty. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Chief Research Worker, Education in Romance and Germanic Languages Department of Education School. Far Eastern Federal University, Ussuriysk FEFU Branch Campus, Ussuriysk, Primorye Territory, Russian Federation. E-mail: stitova3@gmail.com

Danilina Ekaterina Konstantinovna, Senior Lecturer, Cross-Cultural Communication and Translation Studies Department. Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation. E-mail: cathrine_d83@inbox.ru

For correspondence: Titova S.V., e-mail: stitova3@gmail.com

For citation

Titova S.V., Danilina E.K. Eksperimental'noe vnedrenie modeli organizatsii formiruyushchego i tekushchego kontrolya pis'menno-rechevykh umeniy na baze mobil'nykh tekhnologiy studentov neyazykovogo vuza [Experimental implementation of organization mobile technology model of formative and summative assessment of students' writing skills in a nonlinguistic university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 35-42. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-35-42. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 378.4
DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-43-48

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В РАМКАХ КУРСА «ДЕЛОВОЙ АНГЛИЙСКИЙ»

© Татьяна Геннадиевна БОРТНИКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Аннотация. Проанализирована проблема формирования коммуникативной компетентности студентов-магистрантов направления «Экономика» в курсе изучения делового английского языка. Подчеркнуто, что развитие коммуникативной компетентности студентов направления «Экономика» может быть оптимизировано в курсе «Деловой английский» благодаря принципу дискуссионного решения проблемных бизнес-ситуаций и обсуждения стратегий сотрудничества с учетом межкультурных различий участников полилога. Степень успешности самого бизнеса во многом зависит от грамотно построенной деловой коммуникации, а также от умения начать диалог и спроектировать варианты его направлений. Изложена суть данного подхода. Уделено внимание определению факторов формирования компетентной, профессионально-динамичной личности; способам обогащения фоновых знаний о различных культурах для международного сотрудничества, формированию готовности к сотрудничеству, путям преодоления нестандартных профессиональных и жизненных ситуаций. Приведены примеры конкретных заданий, способствующих отработке навыков делового общения путем создания учебной дистанционной среды с определенным проблемным направлением. Сделан вывод, что обращение к учебной деятельности, базирующейся на принципе дискуссионного решения проблемных бизнес-ситуаций, значительно повысило как языковой и коммуникативный, так и профессиональный уровни студентов.

Ключевые слова: деловой английский; дискуссионное решение проблемных бизнес-ситуаций; межкультурные различия; магистранты; поиск информации; стратегии сотрудничества; коммуникативные и профессиональные навыки

Целью высших учебных заведений в настоящее время является подготовка высококвалифицированных кадров, отвечающих требованиям работодателей, так как проблема конкурентоспособности остается по-прежнему актуальной. Исследуемая проблема фокусирует внимание на путях обеспечения эффективности формирования коммуникативной компетентности и готовности к сотрудничеству в рамках обучения иностранному языку студентов-магистрантов направления «Экономика» в рамках курса «Деловой английский». Важно при этом помнить, что этот процесс может строиться только при условии гибкости мышления, коммуникативной толерантности, которые позволяют студентам легко адаптироваться в межкультурном пространстве и использовать иностранный язык для решения профессиональных задач.

Следует также отметить, что сами условия экономической деятельности на современном этапе требуют особого внимания наличию коммуникативной компетенции студентов направления «Экономика». На прак-

тике это проявляется, прежде всего, в умении быть инициатором коммуникативных контактов, вступать в деловое общение, выражать и отстаивать свою позицию. К умениям делового общения относится также оценка результатов как собственного общения, так и высказывания собеседника, а также владение коммуникативными навыками на разных уровнях: от индивидуальных бесед до коммуникации с малыми группами и большими аудиториями [1, с. 13].

В этой связи возникает необходимость дать определение самому понятию компетентности будущих экономистов, что является основой для успешного формирования условий их профессиональной подготовки. Коммуникативная компетентность как научная проблема рассматривалась многими отечественными и зарубежными исследователями: Л.Г. Антроповой, И.С. Багдасарьян, Е.Н. Емельяновым, Ю.А. Жуковым, Л.А. Петровской, В.В. Рыжовым, Д. Хаймсом и др. Поэтому мы не станем подробно рассматривать понятие коммуникативной компетентности, которая характеризуется исследовате-

лями как владение сложными коммуникативными навыками и умениями разработки поведенческих стратегий в разных социально-культурных условиях, на основе знания культурных норм, обычаев, традиций, этикета и их соблюдения согласно этнокультурному менталитету для решения профессиональных задач, так как коммуникативная компетентность в профессии выступает как качество личности, определяющее особенности ее субъектной позиции в профессиональной деятельности [2]. Однако, как правило, речь идет о накоплении фоновых культурологических знаний стран/страны изучаемого языка, изучению которых уделяется внимание и в школе, и в вузе (бакалавриат) в рамках курса иностранного языка. Но проблема состоит в том, что деловые контакты будущих профессионалов могут находиться в разных регионах. С одной стороны, знание английского языка как средства международного общения значительно облегчает решение профессиональных задач, но одновременно дает о себе знать нехватка знаний о культурах ведения бизнеса в других странах, чьи деловые культуры значительно отличаются как от российской, так и от британской или американской моделей.

Именно поэтому мы считаем, что необходим анализ проблемы формирования коммуникативной компетентности студентов-магистрантов направления «Экономика» в курсе изучения делового английского языка. Мы рассматриваем это понятие как владение умениями и навыками эффективного взаимодействия в рамках постоянно меняющихся в ходе делового общения межличностных и межкультурных отношений. Следует отметить, что развитие коммуникативной компетентности студентов-магистрантов направления «Экономика» может оптимизироваться в курсе «Деловой иностранный язык» на основе коммуникативно-ориентированного принципа, а именно дискуссионного решения проблемных бизнес-ситуаций (кейсов), обсуждения стратегий сотрудничества или полученной информации об изменении состояния рынков (фондового, валютного и т. д.) на английском языке с учетом межкультурных различий участников полилога. Суть этого подхода заключается в организации коммуникации, позволяющей выйти за рамки привычного диалога (преподаватель – студент,

студент – студент) и обеспечивающей полилогизацию учебного процесса с одновременным решением профессиональных задач в ходе «условной» межкультурной коммуникации.

В связи с обозначенной проблемой целями нашего исследования выступали:

- определение факторов формирования компетентной, профессионально-динамичной личности;
- наличие фоновых знаний о различных культурах для международного сотрудничества;
- готовность начать диалог сотрудничества и направить его по оптимально приемлемому руслу в соответствии с заданными условиями;
- успешное решение нестандартных профессиональных и жизненных ситуаций путем проектирования коммуникативных стратегий.

Как показывает практика, одним из наиболее успешных способов обучения иностранному языку является его освоение на основе коммуникации. Это связано с тем, что, несмотря на некоторые недостатки (неполное понимание механизмов языка, сформулированных в виде правил), он позволяет выйти за пределы механического изложения мыслей на другом языке к овладению культурой стран (страны) изучаемого языка и способов отражения в нем культурных реалий. Все это способствует формированию у студентов готовности к коммуникации как особой поведенческой стратегии, включающей профессиональные, интеллектуальные, эмоциональные, мотивационные и творческие стороны человека. Справедливым является мнение о том, что практическая готовность выпускника вуза включает осознанные и неосознанные установки, модели вероятного поведения, определение оптимальных способов деятельности, оценку своих возможностей в их соответствии с предстоящими трудностями и необходимостями достижения определенного результата в своей профессии [3].

Деловая коммуникация относится к такой категории деятельности, которая характеризует в первую очередь межличностное поведение. Но от умения начать диалог и спроектировать варианты его направлений зависит степень успешности самого бизнеса. Можно с уверенностью предположить, что

успешная коммуникация возможна только при условии владения коммуникативными стратегиями отдельными личностями, что и делает продуктивную коммуникацию основой формирования установок делового сотрудничества. Но здесь появляется новая проблема – проблема соответствия или несоответствия применения определенной стратегии в разных деловых культурах, непосредственно связанная с проявлением коммуникативной толерантности в рамках делового сотрудничества. Мы согласны с мнением, что коммуникативная толерантность, «...являясь одной из главных характеристик взаимодействия языковой личности, отражает уровень приемлемых или неприемлемых норм поведения во взаимоотношениях партнеров по общению. Как информативная составляющая языковой личности коммуникативная толерантность проявляет важные характеристики ее воспитания, опыт общения, ее ценности, темперамент, культурные установки, особенности мыслительного процесса и поведенческие нормы» [4, с. 77].

Именно в такой активной деятельности студенты-магистранты овладевают речевыми и поведенческими стратегиями решения деловых вопросов на английском языке в рамках различных деловых культур. Для осуществления этой задачи (коммуникативное обучение) предлагается строить обучение на основе интерактивных форм (деловые и ролевые игры, «круглые столы», презентации, решения коммуникативных задач и т. п.), которые способствуют использованию новых информационных технологий, учебных ситуаций (моделирующих ситуации будущего профессионального делового общения) и в совокупности позволяют студентам вырабатывать свои собственные линии коммуникативного поведения согласно их умениям и пониманию конкретной ситуации. Еще А.М. Матюшкин ввел понятие диалогического проблемного обучения и охарактеризовал его как продуктивное. Действительно, диалогическое проблемное обучение наиболее полно передает сущность процессов совместной деятельности преподавателя и студентов, их взаимную активность в рамках «субъект-субъектных» отношений [5, с. 186]. Но в рамках современного высшего образования недостаточно создать условия для осуществления субъект-субъектной комму-

никации, важно научить студентов выполнению сложной квазипрофессиональной деятельности (в рамках которой органично сочетаются черты учебной и будущей профессиональной деятельности), что может быть достигнуто благодаря таким активным методам обучения, как кейсы, ролевые и деловые игры, групповые дискуссии, обоснование собственной точки зрения (собственного отношения к определенной ситуации в экономике, конкретной проблеме фирмы, предпринимателя и т. п.). Отличительную особенность указанного активного обучения коммуникации мы видим в том, что обучение проводится в ситуациях, максимально приближенных к реальным. В таком случае коммуникативные умения наравне с языковым материалом, подлежащим усвоению, являются целью учебной деятельности, а кроме этого, осуществляется и обучение умениям практического использования профессиональных знаний, что, в свою очередь, создает многомерную ситуацию, максимально приближенную к жизни. Как показывает практика, такой подход к обучению способствует развитию умений, связанных с управлением и коррекцией собственных поведенческих стилей благодаря осознанию того, как его (ее) линии поведения могут быть восприняты окружающими и какие действия провоцируют определенную реакцию окружающих (симпатию, антипатию, доверие, недоверие) или оставляют коммуникантов равнодушными. Освоение различных поведенческих стратегий развивает такие личные качества, как чувствительность, восприимчивость к психическому состоянию окружающих людей, их установкам и стремлениям. Знания этнокультурной специфики позволяют налаживать успешную бизнес-коммуникацию с зарубежными партнерами. Все это развивает способность почувствовать состояние другого человека, взглянув на ситуацию с его точки зрения.

В основу освоения различных поведенческих стратегий можно положить следующие этапы работы.

1. В ходе *введения в новую тему* необходимо определить уровень знания студентов по новой теме (здесь можно использовать опросники, короткие тесты, чтобы выявить степень элементарного знакомства с материалом и навыками построения речевых стратегий по теме).

2. Основная задача *освоения языковых знаний и умений* решается в ходе выполнения лексико-грамматических упражнений по заявленной теме. При этом отбор упражнений должен обязательно включать и речевые образцы построения дискуссии по теме.

3. *Расширение и углубление сферы профессиональных умений* и обсуждение заявленной темы. На этом этапе необходимо сориентировать студентов на поиск новой или недостающей информации и самостоятельную проверку своих идей.

4. *Освоение межкультурных коммуникативных стратегий* должно строиться на фрагментах профессионального общения в вариантах различных деловых и управленческих стилей деятельности (иными словами, «проигрывание» ситуации в плане вариантов ее развития и возможного решения в рамках азиатского или американского стилей управления бизнесом и т. п.). Внимание здесь уделяется культурным нормам и правилам речевого поведения, что напрямую связано с использованием конкретных языковых средств.

5. *Исследование и обсуждение проблемных ситуаций*. Цель этой работы – научить студентов рассмотреть ситуацию с различных точек зрения (с учетом межкультурных различий ведения бизнеса), найти адекватные пути ее решения для сотрудничества с представителями разных деловых культур.

Особое внимание, на наш взгляд, заслуживает тенденция к все более обширному внедрению элементов дистанционного обучения при организации самостоятельной работы, поиске дополнительной информации для подготовки рефератов, докладов и презентаций, для консультаций с преподавателем. Самостоятельная организация познавательной деятельности с целью расширения своего образовательного потенциала не только в области иностранного языка, но и будущей профессиональной деятельности также является одним из возможных способов получения коммуникативных навыков. Более того, в этом случае магистрант, развивая свои коммуникативные навыки путем выхода за пределы университетского общения, повышает конкурентоспособность на рынке труда и реализует индивидуальные предпочтения.

Студенты-магистранты часто предпочитают дистанционные задания, что связано с

тем, что многие из них уже работают. Интерактивные возможности дистанционного обучения, доставки информации и обратной связи обеспечивают полноценный диалог.

Поэтому создание виртуального пространства учебной коммуникации представляется весьма значимым. Работу в виртуальном пространстве мы подразделили на два этапа.

Для интенсификации этого процесса необходимо, прежде всего, создать саму дистанционную среду с определенным проблемным направлением. Обозначение проблемы является стволем, вокруг которого происходит работа в виртуальном пространстве: подбор значимых аутентичных источников (просмотровое чтение текстов, представляющих информативную значимость для решения поставленной проблемы), система упражнений для преодоления трудностей данного этапа обучения (эти трудности могут быть как языковыми (например, глоссарий), социокультурными (неизвестные этнокультурные реалии), и профессиональными). Кроме того, обязательным является освоение навыков повседневного общения, необходимого для консультаций, справок и обсуждения конкретной проблемы. Контрольным этапом работы может выступать дискуссия по заявленной проблеме (равно как и ее обоснование, презентация и дальнейшее обсуждение и т. п.).

На следующем этапе студентам-магистрантам предлагаются ссылки на научные публикации: статьи или монографии для первоначального ознакомления с аутентичным текстом по определенной проблеме. Обработка этого материала происходит уже с целевой установкой на изучающее чтение для накопления информации и дальнейшей работы с материалом. Возможен новый поиск, ориентированный на нахождение в тексте или массиве текстов определенных данных, фактов, характеристик и т. д. Здесь контрольный этап может представлять собой, например, проект по одному из направлений экономики.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Формирование коммуникативной компетентности студента направления «Экономика» в курсе изучения иностранного языка обеспечивается при наличии следующих педагогических условий:

- рефлексивность и субъектно-личностная направленность общения в рамках обучения коммуникации;
- использование коммуникативно- и практико-ориентированных образовательных технологий;
- сочетание инновационных форм обучения с традиционными;
- использование компьютерных технологий, способствующих приближению учебной деятельности к максимально реальным ситуациям профессиональной коммуникации;
- моделирование практических проблем, для решения которых требуется интеграция профессиональных, языковых, культурологических и психологических знаний для определения и выстраивания успешной деловой коммуникации.

Список литературы

1. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка / под общ. ред. К.М. Ирисхановой.

Страсбург; Москва: Совет Европы, Департамент по языковой политике; Москов. гос. лингвист. ун-т, 2001–2003. 259 с.

2. Чичикин И.В. Коммуникативная компетентность менеджера: лингводидактический и психологический анализ // Вестник университета (Государственный университет управления). 2010. № 13. С. 166–174.
3. Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.
4. Донскова Л.А. Характеристика уровней коммуникативной толерантности языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2017. № 8 (74). Ч. 1. С. 76–79.
5. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972. 208 с.

Поступила в редакцию 12.09.2017 г.

Отрецензирована 19.10.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Бортникова Татьяна Геннадиевна, доктор культурологии, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Для цитирования

Бортникова Т.Г. Формирование коммуникативной компетентности студентов в рамках курса «Деловой английский» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 43–48. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-43-48.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-43-48

COMMUNICATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT OF STUDENTS WITHIN THE COURSE “BUSINESS ENGLISH”

Tatyana Gennadievna BORTNIKOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Abstract. The problem of communicative competence formation among master's degree students on training direction “Economics” in the course of the business English language study is analyzed. It is highlighted that the development of communication competence among the students on training direction “Economics” can be optimized in the course “Business English” due to the principle of discussion problem solving business situations and discussion of collaborative strategies taking into consideration cross-cultural differences of polylogue participants. The degree of

successfulness of the business mostly depends on competent build business communication. But it also depends on the ability to start a dialogue and project the variants of its directions. The main points of this approach are presented. The attention is paid to determining the factors of competence formation, professional-dynamic personality, the enrichment method of background knowledge about different cultures for international cooperation, formation of cooperation preparedness, the ways of overcoming nonstandard professional and life situations. The examples of concrete tasks, business communication skills development by creation of educational distant sphere with some problem directions are given. It is concluded that the appeal to educational activity basing on the principle of discussion decision of problem business situations has increased linguistic, communicative and professional levels of students.

Keywords: business English; discussion decision of problem business situations; intercultural differences; master's degree students; information search; cooperation strategies; communicative and professional skills

References

1. Iriskhanova K.M. (gen. ed.). *Obshcheevropeyskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, obuchenie, otsenka* [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment]. Strasburg, Moscow, Council of Europe, Language Policy Department Publ., Moscow State Linguistic University Publ., 2001–2003, 259 p. (In Russian).
2. Chichikin I.V. Kommunikativnaya kompetentnost' menedzhera: lingvodidakticheskiy i psikhologicheskiy analiz [Communicative competence of the manager: linguodidactic and psychological analysis]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* [Bulletin of State University of Management], 2010, no. 13, pp. 166-174. (In Russian).
3. Vishnyakova S.M. *Professional'noe obrazovanie: Slovar'. Klyuchevye ponyatiya, terminy, aktual'naya leksika* [Professional Education: Vocabulary. Key Concepts, Terms, Current Vocabulary]. Moscow, Scientific and Methodical Centre of Secondary Vocational Education, 1999, 538 p. (In Russian).
4. Donskova L.A. Kharakteristika urovney kommunikativnoy tolerantnosti yazykovoy lichnosti [The levels of linguistic personality's communicative tolerance]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 8 (74), part 1, pp. 76-79. (In Russian).
5. Matyushkin A.M. *Problemye situatsii v myshlenii i obuchenii* [Problem Situations in Thinking and Learning]. Moscow, Pedagogika Publ., 1972, 208 p. (In Russian).

Received 12 September 2017

Reviewed 19 October 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Bortnikova Tatyana Gennadievna, Doctor of Culturology, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatyana_bort@mail.ru

For citation

Bortnikova T.G. Formirovanie kommunikativnoy kompetentnosti studentov v ramkakh kursa «Delovoy angliyskiy» [Communicative competence development of students within the course “Business English”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 43-48. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-43-48. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 37.02
DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-49-59

ЦЕЛИ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

© Антон Алексеевич БЕЛЯЕВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: aragon_gw@mail.ru

Аннотация. Посвящено комплексному изучению понятия «методическое проектирование». Актуальность исследования данного понятия объясняется тем, что, несмотря на широкое использование методического проектирования в современных учебных заведениях, оно остается малоизученным с теоретической точки зрения. Именно теоретическое обоснование данного понятия позволяет корректно и комплексно использовать его в практической деятельности. В основе исследования лежит метод теоретического и сравнительного анализа. Изучены различные позиции и суждения отечественных и зарубежных ученых, которые занимаются исследованиями проектирования как общего понятия, так и педагогического и методического проектирования. Установлено, что методическое проектирование является одной из составных частей более широкого понятия – педагогического проектирования. Помимо этого, методическое проектирование является одним из основополагающих этапов педагогического процесса, который входит в состав педагогической системы. На основании сравнительного анализа определений сформулировано собственное определение понятия «методическое проектирование». На примере последовательного алгоритма были рассмотрены этапы методического проектирования, а также возможные пути его реализации. Доказано, что использование методического проектирования в педагогике необходимо для реализации главной цели педагогического процесса – успешного усвоения знаний учениками.

Ключевые слова: проект; проектирование; педагогическое проектирование; методическое проектирование; педагогическая система; педагогический процесс

Методическое проектирование педагогического процесса является одним из важнейших компонентов деятельности как педагогов, так и учащихся любого учебного учреждения. Данное понятие рассматривается многогранно. Реализация методического проектирования зависит от множества факторов, которые будут внимательно проанализированы в ходе педагогической деятельности. Но прежде чем начинать детальное изучение данного понятия, необходимо рассмотреть сведения о данном концепте.

Понятие проектирование восходит к латинскому термину *projectus*, что в переводе с латинского языка означает «брошенный вперед». В первую очередь перед нами возникает концепт понятия «проектирование», когда речь заходит о таких сферах деятельности, как любые виды строительства, техническое обслуживание, инженерная деятельность. Но при подробном рассмотрении этимологии латинского термина обнаруживается, что данный термин берет начало от латинского глагола *projectare*, который дословно переводится как «гнать вперед» [1]. Таким образом, уже в самом понятии заложена его лексическая составляющая – быть двигателем про-

гресса, вести что-либо к каким-либо изменениям. Поэтому понятие «проектирование» широко применяется во всех сферах человеческой деятельности и не ограничивается указанными ранее областями. Данное понятие заставляет смотреть вперед, думать о будущем, учиться планировать.

Существует множество устойчивых определений понятия «проектирование». Данные определения отличаются друг от друга в зависимости от различных сфер деятельности и культурно-исторического периода. Проведем анализ наиболее распространенных из них.

В.М. Разин под термином «проектирование» понимает следующее: один из основных (наряду с инженерной деятельностью) способов создания техники и других изделий и сооружений [2]. При этом ученый рассматривает понятие «проектирование» именно с точки зрения строительства и инженерии. В соответствии с моделью В.М. Разина можно выделить два основных типа проектирования: традиционное и нетрадиционное. По мнению ученого, традиционное проектирование является четко сформировавшейся моделью, применимой для узкого круга дея-

тельности, обозначенного ранее. Данный тип состоит из шести основополагающих признаков: независимость, реализуемость, соответствие, завершенность, конструктивная целостность и оптимальность. К нетрадиционным типам проектирования, с его точки зрения, относятся процессы замышления, конструктивизации, реализации и проектной онтологизации.

В настоящее время, учитывая скорость развития не столько технологий, сколько научного мышления, необходимо отметить, что границы типов проектирования, упомянутые В.М. Разиным, стерлись. Вследствие большого прогресса последних десятилетий произошло смешение концептов и их реализации, что, по мнению ученого, не было возможным ранее.

Терминологический словарь по строительству на 12 языках (ВНИИС Госстроя СССР) рассматривает проектирование как «процесс разработки и выпуска проектной документации, необходимой для строительства объекта»¹. Таким образом, в данную эпоху речь шла в первую очередь о проектировании с целью составления проектной документации, что показывает влияние социокультурного слоя и исторического периода времени на интерпретацию понятия. Данное определение невозможно считать наиболее емким из предложенных, хотя оно также отражает одну из сторон данного концепта.

Во французской языковой среде термин «проектирование» представлен следующим образом: “Travaux d’études en deux phases <...> les études du projet et la réalisation des travaux” (пер с фр. на рус.: исследовательская работа, состоящая из двух этапов <...> собственно изучение проекта и реализация работ). На первый взгляд, данное определение является очень лаконичным, но при этом, взяв за пример и внимательно рассмотрев отчет Министерства экологии, устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Франции по составлению и реализации дорожных проектов (Projets Routiers du Ministère de l’Ecologie du Développement Durable et de l’Energie), можно сделать вывод, что данный концепт является намного

более комплексным по сравнению с определением, приведенным выше. Каждый из двух этапов подразделяется на подэтапы. Так, например, собственно изучение проекта делится на предварительное изучение, углубленное изучение, что приводит к завершению документационных работ по проекту. После этого начинается вторая фаза, которая включает в себя не только реализацию проекта, но и его оценку².

Самым полным из всех определений можно назвать одно из английских определений понятия «проектирование». С точки зрения английских авторов Э. Ханна и С. Рэнс, проектирование – это деятельность или процесс, который определяет требования и затем определяет решение, которое направлено на достижение данных требований [3].

На основании приведенных выше определений можно сделать вывод, что проектирование – это процесс планирования последовательности действий, целью которого является детерминация решения, позволяющего реализовать данного процесса в практической деятельности.

Проектирование имеет свою собственную четко выраженную структуру и состоит из нескольких этапов.

1. Стадия замысла проекта – проектирование в узком понимании понятия.
2. Стадия первичного алгоритма – построение первоначальной схемы действия для реализации проекта.
3. Стадия углубленного изучения структуры проекта.
4. Стадия реализация проекта.
5. Подведение итогов результата проекта.

При этом четвертый и пятый этапы могут быть опущены ввиду того, что они уже являются этапами постпроектной деятельности, а именно результатом первых трех действий.

Проектирование сопровождает все аспекты жизнедеятельности. Каждое действие человека – это результат проектирования, результат обработки определенной информации для достижения целей.

При этом, так как было отмечено, что проектирование сопровождает человека во всех сферах его деятельности, невозможно

¹ Справочник технического переводчика. Интен. 2009–2013. URL: http://technical_translator_dictionary.academic.ru/193089/проектирование (дата обращения: 01.05.2017).

² Ministère de la Transition Écologique et Solidaire. URL: <http://www.developpement-durable.gouv.fr/Principales-etapes-de-l.html> (дата обращения: 01.05.2017).

отрицать, что проектирование широко применяется в области педагогики. Поэтому такие понятия, как проектирование, проектная парадигма, проектное мышление, проектное знание, проектный язык, проектный метод, проектоника, проектировочная компетенция все чаще и чаще проникают в терминологический лексикон педагогической науки [4]. В данной сфере деятельности выделяют понятие «методическое проектирование».

В классических определениях проектирования такие ученые, как В.И. Слободчиков, В.П. Бедерханова, Г.П. Щедровицкий различают разные типы проектирования:

1) психолого-педагогическое проектирование образовательных процессов, имея в виду обучение как освоение способов деятельности, формирование как освоение совершенной формы действия, воспитание как взросление и социализацию и социально-педагогическое проектирование образовательных институтов и образовательной среды, в которых реализуются соответствующие процессы (В.И. Слободчиков) [5]. А также адаптацию к социальной среде и ее условиям и преобразование среды в соответствии со своими ценностями, целями и убеждениями (Г.П. Щедровицкий) [6];

2) социально-педагогическое проектирование образовательных институтов и образовательной среды, в которых реализуются соответствующие процессы. Оно предполагает изучение и учет содержания социального заказа, особенностей социальной среды, уклада жизни, национальных и других социокультурных факторов, влияющих на функционирование образовательных учреждений (В.И. Слободчиков);

3) проектирование и создание проектов в интенсивных формах, к которым относятся организационно-деятельностные, инновационные, продуктивные игры и проектировочные игры и пошаговое проектирование образовательного процесса всеми его участниками, где сам процесс проектирования рассматривается как один из факторов становления образовательного учреждения гуманистической ориентации (В.П. Бедерханова) [7].

Действительно, данные виды педагогического проектирования являются очень важными, а главное, они не могут существовать друг без друга. При более детальном

изучении данных типов мы также можем рассмотреть их подтипы.

Таким образом, под психолого-педагогическим проектированием мы можем понимать:

- создание форм организации педагогической деятельности;
- создание форм и моделей по обучению и воспитанию учащихся, а также планирование различных модификаций;
- постановку целей обучения, а также возможное преобразование данных целей.

В социально-педагогическое проектирование входит:

- изменение различных социальных условий посредством педагогического влияния;
- решение социальных проблем педагогическими средствами.

Помимо данных типов, можно выделить третий, самый обширный тип педагогического проектирования, это образовательное проектирование, к которому мы можем отнести:

- проектирование качества образования в целом;
- создание институтов образования;
- создание и внедрение общеобразовательных стандартов.

Методическое проектирование основывается на проектировании методов обучения различным предметам. Так же, как и другие типы проектирования, методическое проектирование является частью педагогического проектирования.

Метод (от греч. *methodos* – путь, способ исследования, обучения, изложения) – это совокупность приемов и операций познания и практической деятельности. Это способ достижения определенных результатов в познании и практике [8].

Всякий метод опирается на определенное знание об объектах познания или практической деятельности.

Основываясь на вышеуказанном определении метода, сформулируем определение понятия «методическое проектирование». Это *планирование определенной деятельности посредством совокупности приемов и операций, то есть методов для достижения конечной цели*.

Данное определение характеризует понятие методического проектирования, которое может быть применимо в любой сфере

человеческой деятельности. В рамках данного исследования следует рассматривать методическое проектирование как базовую и основополагающую часть педагогического проектирования. По сути, в педагогике эти процессы выражают собой один концепт и являются сходными по своей сущности. При этом необходимо отметить, что педагогическое проектирование строится на выработке методов для достижения образовательной цели, что находится в полной корреляции с поставленным нами определением методического проектирования. Важно отметить, что педагогическое проектирование является более широким понятием, которое включает в себя методическое проектирование, иначе говоря, методическое проектирование можно определить как **педагогическое проектирование учебно-методической базы**.

Методическое проектирование основывается на нескольких основополагающих принципах:

- принципе целостности;
- последовательности в дидактико-методической деятельности;
- культурно-социально-лингвистической ориентированности;
- результативности (определенный уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, личностных качеств обучающегося на основе воспитательного потенциала иностранного языка как учебного предмета) [9].

Методическое проектирование содержания иноязычного образования всегда учитывает объем учебного материала, актуальность данного материала. Помимо этого, необходимо учитывать воспитательный и развивающий потенциал, а также его межтематическую связь и соответствие по основным параметрам современному состоянию языковой науки. **Базовой единицей методического проектирования является содержание обучения иностранным языкам**. В данном контексте содержание обучения иностранным языкам является широким понятием, которое необходимо рассматривать как комплексный объект, который находится в состоянии перманентной эволюции. Так, например, Б.С. Гершунский выделяет четыре аспекта содержания образования: образование как ценность, образование как система, образование как процесс, образование как

результат. Необходимо отметить, что данные компоненты являются основными объектами методического проектирования.

Таким образом, методическое проектирование рассматривается как многогранный феномен. При изучении данного вопроса можно столкнуться с большим количеством подходов к определению сущности этого понятия. Проектирование может рассматриваться с противоположных точек зрения.

1. Методологический принцип – в соответствии с данным принципом личностный смысл педагогического действия непосредственно влияет на осуществление деятельности педагога, проектная деятельность является смыслообразующей, именно она подразумевает под собой построение четкого плана и дальнейшее следование ему [10]. Методологический компонент связан с овладением учащимися приемами учения, познаниями нового для них предмета, развитием самостоятельной деятельности.

2. Лингвистический принцип строится на методическом проектировании с целью собственно формирования лингвистических навыков и знаний. Данный принцип включает в себя проектирование методики преподавания отдельных языковых компонентов, таких как фонетические, лексические и другие компоненты.

3. Принцип педагогического диспута также является одним из принципов методического проектирования с целью формирования навыков и умений построения научной дискуссии. Это процесс поиска и вовлечения других участников во время проработки проекта. Смысл данного понятия заключается в поиске возможностей для многогранного рассмотрения проекта, проведения всевозможных дискуссий, диспутов, обмена мнениями и опытом. Все это в совокупности позволяет детально проработать проект, рассмотреть проблемы и трудности, которые могут возникнуть при его реализации.

Разработка педагогической технологии строится на основе методического проектирования. Педагогическая технология непосредственно зависит от методического проектирования. Цель методического проектирования при этом остается неизменной – организация обучения иностранным языкам. При этом при разработке методов педагогической технологии необходимо обя-

зательно руководствоваться названными ранее принципами. Также необходимо учитывать выполнение сопровождающих второстепенных целей по общему психолого-педагогическому развитию учеников. Таким образом, проектировать в педагогике значит не только составить модель по изучению какой-либо темы или феномена, но также детально спроектировать все второстепенные явления, которые играют не менее важную роль, чем сама основная цель [11].

Одним из основополагающих и самым главным объектом методического проектирования является содержание обучению иностранным языкам. Но, как уже было рассмотрено ранее, Б.С. Гуршенский и другие ученые разделяют данное понятие на множество других подтипов.

Таким образом, в широком понимании объектами методического проектирования являются педагогические системы, педагогический процесс, педагогические ситуации. В то время, как методическое проектирование иноязычного образования в узком смысле – это проектирование методов обучения иностранному языку на вышеуказанных уровнях: педагогической системы, процесса и ситуации.

Педагогическая система – единство системы целей образования и всех факторов педагогического процесса, способствующих достижению этих целей.

Педагогическая система обладает рядом особых признаков:

- педагогическая система имеет ярко выраженную цель. Данная цель заключается в развитии. Причем речь идет не только о развитии учащихся, но также о развитии самого педагога;
- субъектом данной системы всегда является учащийся. Все, что относится к педагогическому процессу, любое действие, процесс, модель, все это направлено на ученика, который является главным звеном педагогической системы;
- педагогическая система всегда подстраивается под обстоятельства. Речь идет о том, что она способна изменяться под действием внешних факторов.

Помимо этого, педагогическая система имеет многоуровневую структуру. Можно отдельно рассматривать такие понятия, как педагогическая система отдельного общеоб-

разовательного учреждения, а можно рассмотреть его в более широком или узком смысле. Так, мы можем говорить о существовании педагогической системы преподавателя, ведь каждый педагог строит свою работу по собственному выработанному плану, основываясь на своих знаниях и опыте. Помимо этого, существует педагогическая система отдельного курса.

Если же мы рассмотрим педагогическую систему в более широком смысле, то здесь речь идет о педагогической системе целой страны, системе единых государственных стандартов. В самом широком смысле можно говорить о международной педагогической системе. В данном контексте имеется в виду общность педагогических целей или же, например, предметов обучения. Несмотря на разницу образования во всем мире, в каждой стране учащиеся обязаны изучать родной язык, математику, другие базовые науки. Все вместе это складывается в понятие интернациональной педагогической системы.

Помимо педагогической системы, ученые, такие как В.С. Безрукова, Н.Ф. Радионова и другие, выделяют следующие объекты.

В.С. Безрукова в своем труде «Проективная педагогика», помимо педагогической системы, выделяет понятие педагогического процесса – объединение в единое целое тех компонентов, которые способствуют развитию учащихся и педагогов в их непосредственном взаимодействии. Педагогический процесс является главным для педагога объектом проектирования [12, с. 94, 97].

Любой педагог непосредственно сталкивается с методическим процессом ежедневно в процессе своей деятельности. Педагогические процессы отличаются в зависимости от разных уровней педагогической системы. На самом нижнем уровне педагогический процесс рассматривается как форма контакта и взаимодействия между учащимися и педагогом во время учебного занятия. На уровне образовательного учреждения – это урок, зачет, экзамен, коллоквиум, тестирование и многие другие педагогические процессы. На самом высоком уровне, указанном в предыдущем пункте (регион или государство), речь идет о проведении педагогических совещаний, съездов, конференций, выпуске педагогических изданий и т. п.

Таким образом, педагогический процесс можно сравнить с мотором, двигателем педагогики в целом. Именно большая вариабельность педагогических процессов позволяет преподавателю по-разному строить различные учебные ситуации и добиваться необходимых целей обучения.

Педагогический процесс подразделяется на ряд определенных форм, таких как концепция, модель, план и методический замысел.

Концепция – это одна из основополагающих форм методического проектирования, посредством которой излагается главенствующая точка зрения, замысел педагогического процесса, теоретические исходные принципы построения педагогических систем. Концепция основывается на результатах научных исследований. Главная цель концепции – изложить теорию в конструктивной, прикладной форме. Таким образом, в любой концепции отражаются именно те идеи, взгляды, которые могут иметь практическое воплощение в тех или иных педагогических системах или процессах.

Модель является эквивалентом педагогического процесса, который мы подробно рассмотрели ранее. Можно лишь отметить, что под моделью можно понимать не только лишь процесс, но и модель субъектов педагогического процесса. Можно четко составить модель идеального педагога или модель учащегося, и данные модели могут служить эталоном, к которому следует стремиться.

План – это документ, который составляется по определенным моделям и правилам, в котором содержится перечень учебных мероприятий, а также порядок и место их проведения. В процессе проектирования план занимает основополагающее место и повсеместно используются, как, например, план занятия или же план всего учебного процесса и т. д. Соответственно, каждый из этих типов отличается друг от друга по ряду признаков [13].

Методический замысел – это самый начальный уровень методического проектирования, который запускает выполнение всех последующих уровней. Именно с замысла начинается построение любой методики. Методический замысел в педагогике подобен метроному в музыке, который задает нужный ритм музыкальному произведению. Именно он служит первой стадией для последующей реализации педагогического процесса. Стоит

отметить, что в работах некоторых современных ученых понятию «методический замысел» иногда присваивается определение педагогической мечты, как, например, в работах Е.Г. Шароновой [14].

Третьим объектом методического проектирования является педагогическая ситуация.

Педагогическая ситуация – это непосредственная часть педагогического процесса, которая характеризует его состояние в определенное время и в определенном пространстве.

Педагогическая ситуация неотделима от педагогического процесса, они всегда возникают во время определенного педагогического процесса, урока, экзамена и т. д.

Именно благодаря педагогическим ситуациям возможно определить, достигается ли цель обучения или нет. Как указывает В.С. Безрукова, педагогическая ситуация является важнейшим индикатором успешности педагогического процесса. Так, например, различные проблемы между педагогом и учащимися, возникающие во время урока, являются показателями нарушения одного из объектов педагогического проектирования. Это могут быть нарушения как на уровне педагогического процесса, так и на уровне всей педагогической системы. Последняя ситуация является важнейшей ситуацией, которая показывает необходимость модификации или полного изменения всей педагогической системы, чаще всего на уровне отдельного учебного заведения, но также данный процесс возможен и на самом высоком уровне [12, с. 98].

Тем не менее другие ученые рассматривают педагогическую ситуацию под иным углом зрения. Так, например, с точки зрения представителя отечественной школы педагогики В.В. Серикова, педагогическая ситуация является специфичным педагогическим механизмом, который ставит учащегося в новые условия, которые изменяют его обычный ход жизнедеятельности, они требуют от него новую модель поведения, чему предшествуют рефлексия, осмысление, переосмысление сложившейся ситуации [15]. В таком случае задача педагога – это проектирование методики обучения, подходящей для нового вида жизнедеятельности учащегося. Специфика подобного развития состоит в осмысливании (наделении смыслами), субъективировании,

переживании определенной жизненной ситуации. При этом данная ситуация создается самим субъектом и является для него определенным событием.

Важнейшим моментом при этом является личностный опыт. Именно благодаря такому опыту субъект способен адекватно оценивать, осмысливать различные ситуации. Таким образом, учащийся учится быть независимым от ситуации, уметь подстраивать ее под свои собственные потребности и даже преобразовывать ее [16].

Методическое проектирование строится на строгом соблюдении двух главенствующих принципов: принципа человеческих приоритетов и принципа саморазвития.

Принцип человеческих приоритетов является самым главным и предполагает следующие аспекты:

- цель методического проектирования должна быть подчинена истинным потребностям учащихся. При этом педагог должен учитывать возможности своих учеников. В связи с этим варьируется и проектирование методов педагогического процесса. Они должны находиться в полной корреляции с целью учебной программы;

- из первого аспекта логично следует то, что методическое проектирование должно быть лабильным. Педагог должен быть всегда готов совершить необходимые модификации в методике преподавания или даже отказаться от определенного метода в случае его неработоспособности для достижения положительного результата. Таким образом, обобщая вышесказанное, метод не может рассматриваться как структура, которая в обязательном порядке будет выполнена в соответствии с исходным планом. Методика должна быть гибкой, поэтому педагог всегда должен продумывать гипотетическую возможность модификации методов обучения. К тому же необходимо отметить, что педагог обязан ставить себя на место учащихся. Важную роль здесь играет прогнозирование ситуации. Опытный педагог всегда чутко реагирует на изменение поведения учащихся вследствие различных педагогических ситуаций. Таким образом, прогнозирование является еще одним важным принципом методического проектирования.

Второй основной принцип – принцип саморазвития – означает создание таких ме-

тодик, которые дают учащимся возможность саморазвития.

Только лишь строгое соблюдение данных педагогических принципов делает возможным успешную реализацию педагогического проекта и достижение положительной цели [17].

Рассматривая этапы методического проектирования, нужно отметить, что данный вопрос рассматривается многими учеными, такими как Дж. ван Гиг, В.М. Шепель, Н.А. Масюкова, Н.Е. Седова, И.А. Колесникова, Е.С. Заир-Бек, В.И. Волынкин, В.Е. Радионов, В.В. Сериков и др. Некоторые из них составляют общий алгоритм действий. Другие же создают комплексные классификации, включающие в себя множество пунктов и подпунктов.

Приведем примеры классификации различных ученых.

Дж. ван Гиг выделяет три фазы проектирования:

- 1) формирование стратегии и предварительное планирование;
- 2) оценивание вариантов;
- 3) реализация, анализ результатов и коррекция [18].

Н.Е. Седова более детально рассматривает каждую ступень педагогического проектирования, выделяя 14 этапов.

1. Анализ объекта проектирования.
2. Выбор форм проектирования.
3. Теоретическое обеспечение проектирования.
4. Методическое обеспечение проектирования.
5. Пространственно-временное обеспечение.
6. Материально-техническое обеспечение.
7. Правовое обеспечение.
8. Выбор систематизирующего фактора.
9. Установление связей и зависимостей.
10. Составление документа.
11. Мысленное применение проекта.
12. Экспертная оценка проекта.
13. Корректировка.
14. Принятие решения об использовании проекта [19].

В классификации Н.Е. Седовой методическому проектированию отводится место в начале проектной деятельности, на уровне методического обеспечения проектирования. При этом дальнейшие этапы, в том числе

этапы составления, применения и корректировки проекта строятся на базе уже выработанной методики.

С точки зрения И.А. Колесниковой, проектирование осуществляется посредством четырех этапов.

1. Предпроектный этап – этап, который включает в себя замысел проекта, а также его документальное отражение, а именно составление планов, проектов и т. п.

2. Этап реализации проекта – собственно реализация проекта на практике посредством создания педагогических ситуаций и процессов.

3. Рефлексивный этап – этап осмысления итогов проекта, анализ положительных и отрицательных сторон проекта.

4. Постпроектный этап – финальный этап, который включает в себя распространение результатов и продуктов проектной деятельности [20].

В.И. Волынкин и Г.В. Палаткина предлагают рассматривать этапы педагогического проектирования как ступени, каждая из которых необходима. Без одной ступени нет возможности достичь вершины, то есть цели проектирования. Таких ступеней в его концепции обнаруживается три: моделирование, собственно проектирование и конструирование. На основании классификации В.И. Волынкина формируется деление методического проектирования на три ступени.

1. Методическое моделирование – это разработка методов создания педагогических систем, процессов или ситуаций, а также методов для основных путей их достижения.

2. Методическое проектирование – дальнейшая разработка созданных методов и их доведение до уровня практического использования.

3. Методическое конструирование – это дальнейшая детализация методов в рамках созданного проекта, приближающая их к использованию в конкретных условиях реальными участниками воспитательных отношений [21].

На основании рассмотренных классификаций различных видов проектирования возможно составление простой алгоритм-схемы (рис. 1), которая отражает в себе понятие методического проектирования и его реализации.

Несомненно, деятельность по методическому проектированию намного более комплексная, чем данный алгоритм, но на его примере можно отметить отражение главной **цели методического проектирования обучения иностранному языку** – это достижение результата изначального проекта, иначе говоря, усвоения обучающимися навыков владения иностранным языком. При этом необходимо отметить, что результат необязательно должен быть положительным, так как достижение отрицательного результата, тем не менее, также является определенным завершением работы, которая впоследствии приводит к определенным изменениям методики.

В заключение отметим, что каждая из рассмотренных нами концепций четко отражает структуру методического проектирования. Только лишь следование данным этапам позволяет достичь положительного результата в педагогическом процессе. Каждый этап требует большого количества сил, умения и опыта от преподавателя, а также большого терпения и гибкости. Только совокупность данных черт позволяет выполнить главную образовательную и воспитательную цель педагогического процесса.

Рис. 1. Алгоритм методического проектирования

Нами рассматривалась основополагающая роль методического проектирования для формирования образовательных навыков у учащихся. Методическое проектирование представляет собой скелет педагогического процесса, его основу. Тем не менее, несмотря на всю важность замысла и реализации методического проекта, нельзя забывать, что главной целью образования остается усвоение учащимися навыков владения иностранным языком, а значит, этап корректировки методики является одним из важнейших для успешного функционирования всей педагогической системы.

Список литературы

1. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. 1096 с.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001.
3. *Ханна Э., Рэнс С.* Словарь терминов и определений ITIL на русском языке. URL: http://itsmforum.ru/ZAM-test/Russian_2011_Glossary_v2.0.pdf (дата обращения: 21.05.2017).
4. *Ломакина О.Е.* Этапы проектирования деятельности // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 127-130.
5. *Слободчиков В.И.* Новое образование – путь к новому обществу // Школьные технологии. 1997. № 3. С. 3-6.
6. *Щедровицкий Г.П.* Система педагогических исследований (Методологический анализ) // Педагогика и логика. М.: Касталь, 1993.
7. *Бедерханова В.П.* Становление личностно ориентированной позиции педагога. Краснодар, 2001.
8. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
9. *Григорьева Е.Я.* Методическое проектирование содержания школьного иноязычного образования в условиях его модернизации // Иностранные языки в школе. 2014. № 8. С. 2-6.
10. *Байбородова Л.В., Важнова О.Г., Рожков М.И.* Проектирование педагогической деятельности школы: из опыта школы-комплекса № 87 г. Ярославля. Ярославль: ЯГПУ, 1997. 77 с.
11. *Бедерханова В.П., Бондарев П.Б.* Педагогическое проектирование в инновационной деятельности. Краснодар, 2000.
12. *Безрукова В.С.* Педагогика. Проективная педагогика. Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
13. *Кириченко Е.Б.* Практическая педагогика: материалы к занятиям. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008.
14. *Шаронова Е.Г.* Технология социально-экологического воспитания учащейся молодежи в Чувашской Республике. М., 2013.
15. *Сериков В.В.* Личностно ориентированное образование: поиск новой парадигмы. М., 1998.
16. *Сериков В.В.* Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Логос, 1999. 272 с.
17. *Батышев С.Я.* Профессиональная педагогика. М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 1999. 904 с.
18. *Гиг Дж. ван.* Прикладная общая теория систем: в 2 кн. М., 1981.
19. *Седова Н.Е.* Основы практической педагогики. М., 2008.
20. *Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П.* Педагогическое проектирование / под ред. И.А. Колесниковой. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 288 с.
21. *Волынкин В.И., Палаткина Г.В.* Педагогическое сопровождение в социокультурной деятельности. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011.

Поступила в редакцию 12.11.2017 г.

Отрецензирована 18.12.2017 г.

Принята в печать 20.02.2018 г.

Информация об авторе

Беляев Антон Алексеевич, ассистент кафедры иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: aragon_gw@mail.ru

Для цитирования

Беляев А.А. Цели, структура и содержание методического проектирования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 49-59. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-49-59.

OBJECTIVES, STRUCTURE AND SUBJECT OF A METHODOLOGICAL PLANNING

Anton Alekseevich BELYAEV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: aragon_rw@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the full review of the notion of a methodological planning. This research is very actually now because despite a big using of the methodological planning in modern educational institutions, this notion stays insufficiently explored from theoretical point of view. The theoretical basis of this notion allows to use it completely and correctly in practice. This research is based on the methods of the theoretical and comparative analyses. Different opinions and comments of Russian and foreign scientists, who examine the general fact of the planning and the methodological and pedagogical planning, are studied. It was found that the methodological planning is a part of the larger notion – the pedagogical planning. At plus the methodological planning is one of the stages of the pedagogical process which is a part of the pedagogical system. As illustrations some examples of the methodological planning's using in schools and in universities of the Russian Federation were used. It was proved that the methodological planning is one of the most important stages of the pedagogical process. In virtue of the comparative analysis of the definitions of others authors, our own definition of the methodological planning is offered. As example of the sequential algorithm stages of the methodological planning and possible ways of its realization were studied. It is necessary to use the methodological planning in the pedagogy for the realization of the most important purpose of a pedagogical process – it is the good knowledge assimilation by pupils and students.

Keywords: plan; planning; pedagogical planning; methodological planning; pedagogical system; pedagogical process

References

1. Dvoretzkiy I.K. *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, 1976, 1096 p. (In Russian).
2. Stepin V.S. (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophy Encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow, Mysl Publ., 2001. (In Russian).
3. Hanna A., Rance S. *Slovar' terminov i opredeleniy ITIL na russkom yazyke* [Dictionary of ITIL terms and definitions in Russian]. (In Russian). Available at: http://itsmforum.ru/ZAM-test/Russian_2011_Glossary_v2.0.pdf (accessed 21.05.2017).
4. Lomakina O.E. *Etapy proektirovaniya deyatel'nosti* [Stages of activity planning]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2003, no. 3, pp. 127-130. (In Russian).
5. Slobodchikov V.I. *Novoe obrazovanie – put' k novomu obshchestvu* [New education – a way to new society]. *Shkol'nye tekhnologii* [School Technologies], 1997, no. 3, pp. 3-6. (In Russian).
6. Shchedrovitskiy G.P. *Sistema pedagogicheskikh issledovaniy (Metodologicheskiy analiz)* [System of pedagogic researches (Methodological analysis)]. *Pedagogika i logika* [Pedagogy and Logic]. Moscow, Kastal Publ., 1993. (In Russian).
7. Bederkhanova V.P. *Stanovlenie lichnostno orientirovannoy pozitsii pedagoga* [Development of Personal-Oriented Position of a Teacher]. Krasnodar, 2001. (In Russian).
8. Ivin A.A. (ed.). *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopaedical Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. (In Russian).
9. Grigoreva E.Y. *Metodicheskoe proektirovanie soderzhaniya shkol'nogo inoyazychnogo obrazovaniya v usloviyakh ego modernizatsii* [Methodological planning of school foreign language education in the conditions of modernization]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages at School*, 2014, no. 8, pp. 2-6. (In Russian).
10. Bayborodova L.V., Vazhnova O.G., Rozhkov M.I. *Proektirovanie pedagogicheskoy deyatel'nosti shkoly: iz opyta shkol'no-kompleksa № 87 g. Yaroslavl* [Planning of Pedagogic Activity of School from the Experience of School-Complex no. 87 of Yaroslavl]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 1997, 77 p. (In Russian).
11. Bederkhanova V.P., Bondarev P.B. *Pedagogicheskoe proektirovanie v innovatsionnoy deyatel'nosti* [Pedagogic Planning in Innovative Activity]. Krasnodar, 2000. (In Russian).
12. Bezrukova V.S. *Pedagogika. Proektivnaya pedagogika* [Pedagogy. Planning Pedagogy]. Yekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 1999. (In Russian).
13. Kirichenko E.B. *Prakticheskaya pedagogika: materialy k zanyatiyam* [Practical Pedagogy: Materials for Lessons]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2008. (In Russian).

14. Sharonova E.G. *Tekhnologiya sotsial'no-ekologicheskogo vospitaniya uchashcheysya molodezhi v Chuvashskoy Respublike* [Technology of Social-Ecological Education of Students in Chuvash Republic]. Moscow, 2013. (In Russian).
15. Serikov V.V. *Lichnostno orientirovannoe obrazovanie: poisk novoy paradigmy* [Personal Oriented Education: Search for New Paradigm]. Moscow, 1998. (In Russian).
16. Serikov V.V. *Obrazovanie i lichnost'. Teoriya i praktika proektirovaniya pedagogicheskikh sistem* [Education and Personality. Theory and Practice of Pedagogic Systems Planning]. Moscow, Logos Publ., 1999, 272 p. (In Russian).
17. Batyshev S.Y. *Professional'naya pedagogika* [Professional Pedagogy]. Moscow, "Professional'noe obrazovanie" Association Publ., 1999, 904 p. (In Russian).
18. Gig J. van. *Prikladnaya obshchaya teoriya sistem: v 2 kn.* [Applied Theory Systems: in 2 bks.]. Moscow, 1981. (In Russian).
19. Sedova N.E. *Osnovy prakticheskoy pedagogiki* [Basics of Practical Pedagogy]. Moscow, 2008. (In Russian).
20. Kolesnikova I.A., Gorchakova-Sibirskaya M.P. *Pedagogicheskoe proektirovanie* [Pedagogic Planning]. Moscow, Publishing Centre "Akademiya", 2005, 288 p. (In Russian).
21. Volynkin V.I., Palatkina G.V. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie v sotsiokul'turnoy deyatel'nosti* [Pedagogic Accompaniment in Social and Cultural Activity]. Astrakhan, Publishing House "Astrakhan University", 2011. (In Russian).

Received 12 November 2017

Reviewed 18 December 2017

Accepted for press 20 February 2018

Information about the author

Belyaev Anton Alekseevich, Assistant of Foreign Languages in the Professional Sphere Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: aragon_rw@mail.ru

For citation

Belyaev A.A. Tseli, struktura i sodержanie metodicheskogo proektirovaniya [Objectives, structure and subject of a methodological planning]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 49-59. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-49-59. (In Russian, Abstr. in Engl.).

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ РАЗЛИЧНЫХ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

© Лидия Егоровна САВИНЫХ

БУ ВО «Сургутский государственный университет»
628400, Российская Федерация, г. Сургут, ул. Ленина, 1
E-mail: sle57@mail.ru

Аннотация. В практике работы Муниципального автономного учреждения дополнительного образования г. Нижневартовск «Детско-юношеская спортивная школа» разработана и внедрена программа социализации детей с ограниченными возможностями средствами физической культуры и спорта. Целью исследования является изучение аспектов социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями различных нозологических групп средствами физической культуры и спорта. Организация содержательного досуга и создание условий для социализации детей в процессе физкультурно-оздоровительной деятельности в условиях детско-юношеской спортивной школы создает предпосылки по расширению у детей с ограниченными возможностями основ знаний сферы физической культуры и спорта, позволяет включать детей в активную двигательную деятельность.

Ключевые слова: социализация; дети с ограниченными возможностями из различных нозологических групп; физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые мероприятия

За последнее десятилетие число детей-инвалидов в России увеличилось более чем в 2 раза [1]. За период с 1999 по 2001 г. увеличилось количество детей до 14 лет, страдающих болезнями: костно-мышечной системы – на 53,6 %; эндокринной системы – на 45,6 %; врожденными аномалиями – на 41,8 % [2]. Вместе с тем сложившаяся ситуация в состоянии здоровья детей вызвана недооценкой значения и социальной роли физической культуры и спорта в жизни ребенка [3].

Успешно исправлять сложившуюся ситуацию позволяет новый технологический подход – антропоцентрический, когда в человеке отмечается психо-сомато-физиологическое единство, иными словами медико-социальная реабилитация, ориентирующая человека на активную борьбу за собственную жизнь и здоровье [4].

Использование физкультурно-спортивной деятельности в рамках социализации заключается в создании возможности передачи позитивного социального опыта, опыта социально-позитивного общения без видимого воспитательного воздействия педагога на детей [5].

При этом важным выступает возможность приобщения детей к трудовой деятельности в игровой форме, поскольку занятия физическими упражнениями носят по суще-

ству именно трудовой характер, вследствие чего формируется способность ребенка к концентрации усилий и тем самым воспитанию воли [6].

Игровая форма и соревновательный характер физкультурно-спортивной деятельности помогают решить и такую важную для ресоциализации субъекта проблему, как самоутверждение его как личности [7].

Самоутверждение в позитивной в социальном плане форме помогает преодолеть такой негативный фактор для процесса социальной реадaptации, как нахождение в относительной изоляции, в состоянии «отрешенности» при отношениях с ближайшим окружением [8].

Следовательно, применение физкультурно-оздоровительных средств и методов приобретает на сегодняшний день особое социальное значение как в рамках оздоровления подрастающего поколения, так и для приспособления инвалидов к жизни в обществе, что и определяет актуальность данного исследования.

Целью настоящей работы явилось изучение влияния физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий на социализацию детей с ограниченными возможностями, отнесенными к разным нозологическим группам.

На базе Муниципального автономного учреждения дополнительного образования (МАУДО) г. Нижневартовск «Детско-юношеская спортивная школа» (ДЮСШ) на протяжении 2015/2016 учебного года внедрялась программа социализации детей с ограниченными возможностями различных нозологических групп средствами физической культуры и спорта. Дети по состоянию здоровья относились к разным нозологическим группам: поражение опорно-двигательного аппарата (9 детей); нарушение зрения (1); нарушение слуха (5). В соответствии с данной программой социализации проведен цикл мероприятий, содержащий лекции на темы: «Здоровый образ жизни», «Двигательная активность детей с ограниченными возможностями (с учетом нозологической группы)», «Варианты досуга особенных детей (с учетом нозологической группы)»; «круглые столы» с проблематикой «Мы очень разные, но мы вместе», «Размышления о будущем», «Знаменитые люди спортсмены-паралимпийцы»; мастер-классы, на которых одновременно с детьми участвовали и их законные представители, совместно осваивали основы различных видов двигательной активности, в частности разучивали «сидячие танцы» (для детей различных нозологических групп), «Спортивные и подвижные игры» [9], «Виды и формы физкультурных занятий особенных детей в домашних условиях».

При реализации программы по социализации детей с ограниченными возможностями проведены два крупных мероприятия – спортивно-массовое «В гостях у Олимпийского мишки» и физкультурно-оздоровительное «Зарядка с чемпионом», в проведении которых кроме детей с ограниченными возможностями привлекались школьники близлежащих образовательных учреждений (всего около 80-ти учащихся 5–7-х классов). Из числа участников на программных мероприятиях присутствовали 43 % девочек и 57 % мальчиков. При этом дети представляли разновозрастные группы; так, 42 % – дети 10–11 лет, 34 % – 12–13 лет и 24 % – дети от 13 лет и старше. При этом в каждом из проведенных мероприятий участвовали не менее 15 детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья в возрасте от 10 до 14 лет, и их законные представители – 26 человек (38 % мам и пап и 24 % опекунов данных детей).

Таким образом, участниками программы социализации стали более 100 человек.

Педагогический эксперимент заключался во внедрении в практику работы МАУДО г. Нижневартовск «ДЮСШ» программы социализации детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья. Программой социализации предусматривалась реализация содержания сценариев мероприятий. Финалом внедрения программы стали спортивные праздники, после которых проводился опрос в виде анкетирования. Анкета включала 12 вопросов и была направлена на изучение аспектов социализации детей с ограниченными возможностями в рамках разработанной нами программы.

В результате анкетного опроса представителей детей с ограниченными возможностями нами установлено, что 44 % опрошенных узнали о данных мероприятиях в МАУДО г. Нижневартовск «ДЮСШ». О программе по социализации 27 % респондентов проинформировали социальные службы. От друзей ребенка о мероприятиях получили информацию 29 % опрошенных.

В результате опроса выявлено, что многие из детей, несмотря на свой недуг, получают образование в специализированных школах города, а также есть те, кто находится на домашнем обучении – в общей сложности эти две категории составили 62 % детей. Находятся дома и не получают образования 38 % опрошенных детей. Отвечая на вопрос «Понравилось ли Вам быть с чемпионом», мы получили положительные ответы. А именно, все 100 % родителей и родственников детей ответили «Да», подчеркнув при этом высокий уровень организации мероприятий, профессионализм и умение педагогов и тренеров работать с данной категорией детей. Большинство участников мероприятий проявляли активность, это подтвердили 95 % респондентов. Следовательно, интерес детей к мероприятиям выше, чем их ограничительные возможности.

Мероприятия, направленные на социализацию детей-инвалидов, нужно обязательно проводить, так считают 100 % опрошенных, при этом подчеркивают, что проводить необходимо систематически или с равной периодизацией. Важно отметить, что 98 % опрошенных отметили положительное влияние данной программы на детей с ограниченными

возможностями. В результате дети становятся более открытыми, общительными и доброжелательными, раскрепощаются, начинают общаться между собой и со сверстниками.

На вопрос «Понравились ли Вам мероприятия «В гостях у Олимпийского Мишки» и «Зарядка с чемпионом»» получено 100 % положительных ответов. При этом высокий уровень организации мероприятий, профессионализм и умение педагогов и тренеров работать с данной категорией детей отметили 98 % опрошенных. Большинство, то есть 95 % респондентов, подтвердили высокую активность детей на мероприятиях, и тот интерес, который они проявляли к мероприятиям выше, чем их ограничительные возможности.

В целях социализации ребенка многие родители посещают с детьми театры, кинотеатры, культурные мероприятия, это отметили 19 % из числа опрошенных. В то же время 95 % респондентов отметили более высокую эффективность средств физической культуры и спорта в социализации детей с ограничениями в здоровье. Желание посещать с детьми данное учреждение по окончании программы выразили 43 % родителей, при этом они отметили, что отдают предпочтение активным занятиям физическими упражнениями в организованной форме.

Таким образом, результаты проведенного исследования доказывают высокую эффективность разработанной нами программы по социализации с ограниченными возможностями детей различных нозологических групп.

Таким образом, благодаря реализованной программе социализации детей с ограниченными возможностями различных нозологических групп в МАУДО г. Нижневартовск «ДЮСШ» несколько детей в возрасте 10–12 лет (отделение АФК) стали заниматься физической культурой и спортом на постоянной основе. Многие участники программы из числа детей с ограничениями по здоровью стали посещать нашу спортивную базу для активных групповых и индивидуальных занятий физическими упражнениями.

Проведенное исследование позволяет рекомендовать программу, основанную на физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий, как одно из эффективных средств социализации детей с ограниченными возможностями разных нозологических групп.

Список литературы

1. *Гришина Л.П. и др.* Анализ инвалидности в Российской Федерации за 1970–1999 гг. и его прогноз до 2015 г. // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2001. № 2. С. 5.
2. *Голиков Н.А.* Ребенок-инвалид: обучение, развитие, оздоровление. Дети с особой миссией. Ростов н/Д.: Феникс, 2015. 429 с.
3. *Безруков М.П.* Потенциал физической культуры в формировании социальной защищенности населения. М., 1999. 134 с.
4. *Столяров В.И.* Инновационная спартианская технология духовного и физического оздоровления детей и молодежи. М.: Госкомспорт РФ по физической культуре и спорту, Центр развития спартианской культуры, 2011. 335 с.
5. *Матуг Фатхе Н.С., Пономарчук В.А.* Роль физической культуры в обеспечении качества жизни лиц с ограниченными возможностями в Ливии // Ученые записки: сб. рец. науч. тр. БГУФК. Минск: БГУФК, 2009. Вып. 12. С. 307–316.
6. *Куришкова Е.А.* Рекомендации здоровым детям, общающимся с детьми с ограниченными возможностями // Классный руководитель. 2005. № 6. С. 67.
7. *Шоо М.* Спортивные и подвижные игры для детей и подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата. М.: Академия, 2003. 112 с.
8. *Юдин В.П.* Социальная защита: понятие, сущность, границы. Казань, 1995. 121 с.
9. *Иванова Н.Н.* Социальные подходы к социальной адаптации и реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 35–36.

Поступила в редакцию 29.11.2017 г.

Отрецензирована 18.12.2017 г.

Принята в печать 20.02.2018 г.

Информация об авторе

Савиных Лидия Егоровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории физической культуры. Сургутский государственный университет, г. Сургут, Российская Федерация. E-mail: sle57@mail.ru

Для цитирования

Савиных Л.Е. Социализация детей с ограниченными возможностями различных нозологических групп средствами физической культуры и спорта // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 60-64. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-60-64.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-60-64

SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES OF VARIOUS NOSOLOGICAL GROUPS BY MEANS OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Lidiya Egorovna SAVINYKH

Surgut State University

1 Lenin St., Surgut 628400, Russian Federation

E-mail: sle57@mail.ru

Abstract. Developed and implemented in practice of work of Nizhnevartovsk Municipal Autonomous Extended Education Institution “Youth Sports School” program socialization of children with disabilities by means of physical culture and sports. The aim of the study is to examine aspects of social adaptation of persons with disabilities of different nosological groups by means of physical culture and sports. Organization of leisure and the creation of conditions for the socialization of children in the process of sports and recreational activities in conditions of “Youth Sports School” creates preconditions to increase in children with disabilities and their legal representatives have the foundations of knowledge from the sphere of physical culture and sports, allows to engage in active motor activity.

Keywords: socialization; children with disabilities are different nosological groups; health and fitness and sports events

References

1. Grishina L.P. et al. Analiz invalidnosti v Rossiyskoy Federatsii za 1970–1999 gg. i ego prognoz do 2015 g. [The analysis of disability in the Russian Federation for 1970–1999 and its forecast until 2015]. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya – Medico-Social Expert Evaluation and Rehabilitation*, 2001, no. 2, p. 5. (In Russian).
2. Golikov N.A. *Rebenok-invalid: obuchenie, razvitiye, ozdorovleniye. Deti s osoboy missiyei* [Child-Invalid: Training, Development, Improvement. Children with a Special Mission.]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2015, 429 p. (In Russian).
3. Bezrukov M.P. *Potentsial fizicheskoy kul'tury v formirovaniy sotsial'noy zashchishchennosti naseleniya* [The Potential of Physical Culture in the Formation of Social Security of the Population]. Moscow, 1999, 134 p. (In Russian).
4. Stolyarov V.I. *Innovatsionnaya spartianskaya tekhnologiya dukhovnogo i fizicheskogo ozdorovleniya detey i molodezhi* [Innovative Spartan Technology of Spiritual and Physical Recovery of Children and Youth]. Moscow, Goskomspor of the Russian Federation for Physical Culture and Sports, Center for the Development of the Spartan Culture, 2011, 335 p. (In Russian).
5. Matug Fatkhe N.S., Ponomarchuk V.A. Rol' fizicheskoy kul'tury v obespechenii kachestva zhizni lits s ogranichennymi vozmozhnostyami v Livii [The role of physical culture in ensuring the quality of life of persons with disabilities in Libya]. *Sbornik retsenziornykh nauchnykh trudov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoy kul'tury «Uchenye zapiski»* [Collection of Retention of Scientific Works of the Belarusian State University of Physical Culture “Uchenye Zapiski”]. Minsk, Belarusian State University of Physical Culture Publ., 2009, no. 12, pp. 307-316. (In Russian).
6. Kurshakova E.A. Rekomendatsii zdorovym detyam, obshchayushchimsya s det'mi s ogranichennymi vozmozhnostyami [Recommendations for healthy children communicating with children with disabilities]. *Klassnyy rukovoditel' – Classroom Teacher*, 2005, no. 6, p. 67. (In Russian).
7. Shoo M. *Sportivnye i podvizhnye igry dlya detey i podrostkov s narusheniyami oporno-dvigatel'nogo apparata* [Sports and Outdoor Games for Children and Adolescents with Musculoskeletal Disorders]. Moscow, Akademiya Publ., 2003, 112 p. (In Russian).

8. Yudin V.P. *Sotsial'naya zashchita: ponyatie, sushchnost', granitsy* [Social Protection: Concept, Essence, Boundaries]. Kazan, 1995, 121 p. (In Russian).
9. Ivanova N.N. *Sotsial'nye podkhody k sotsial'noy adaptatsii i reabilitatsii detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya* [Social approaches to social adaptation and rehabilitation of children with disabilities]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya – Socio-Humanitarian Knowledge*, 2003, no. 4, pp. 35-36. (In Russian).

Received 29 November 2017

Reviewed 18 December 2017

Accepted for press 20 February 2018

Information about the author

Savinykh Lidiya Egorovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Theory of Physical Culture Department. Surgut State University, Surgut, Russian Federation. E-mail: sle57@mail.ru

For citation

Savinykh L.E. *Sotsializatsiya detey s ogranichennymi vozmozhnostyami razlichnykh nozologicheskikh grupp sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta* [Socialization of children with disabilities of various nosological groups by means of physical culture and sports]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 60-64. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-60-64. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 37.022+796.325+519.25
DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-65-71

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В РАЗРАБОТКЕ ТЕХНОЛОГИЙ ОТБОРА ПЕРСПЕКТИВНЫХ ВОЛЕЙБОЛИСТОК

© Мария Хайридиновна ТАШАКОВА, Эседулла Маллаалиевич ОСМАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: osmanov@bk.ru

Аннотация. В профессиональном спорте большой интерес представляют методы прогнозирования и отбора как результатов спортивных соревнований, так и перспективности отдельных спортсменов для достижения ими более высоких спортивных результатов. В рамках исследования проведен однофакторный статистический анализ взаимосвязи скорости достижения спортивного результата с переменными, которые характеризуют индивидуальные характеристики волейболисток. Исходной информацией стали психологические, физические, тактико-технические, физиологические, функциональные характеристики спортсменов, а также данные анкетирования и динамика показателей скорости достижения спортивного результата. Выявлено, что статистически значимую связь со скоростью движения среди волейболисток имеют шесть переменных: максимальная анаэробная мощность, рост, выносливость, скорость двигательной реакции, взрывная сила, внимание. Математическая модель прогноза скорости достижения спортивного результата включает четыре переменных, коэффициенты которых использованы для построения уравнения регрессии. При помощи бинарного логистического регрессионного анализа разработана методика прогноза, позволяющая с точностью 69,7 % отобрать среди молодых волейболисток лиц с разной скоростью достижения спортивного результата, что позволит при дифференцированном подходе тренерско-преподавательского состава добиться более высоких спортивных результатов и усовершенствовать сам процесс тренировки.

Ключевые слова: волейбол; методика прогнозирования; логистический регрессионный анализ; спортивный результат

Увеличение престижности высших спортивных достижений и возрастание конкуренции предъявляют повышенные требования ко всем аспектам подготовки спортсменов, в том числе к объему и интенсивности тренировочных нагрузок, которые не безграничны, что требует поиска рациональных путей к повышению спортивных результатов [1].

Одним из перспективных направлений в совершенствовании спортивного мастерства и достижения наивысшего спортивного результата являются спортивный отбор, спортивная ориентация наиболее перспективных спортсменов. Однако в настоящее время недостаточно разработаны методики отбора перспективных спортсменов, в том числе волейболистов. Исследователями в этом направлении проводятся научные изыскания.

Огромный интерес в профессиональном спорте для спортивного отбора представляют методы прогнозирования одаренности отдельных спортсменов, но при этом эффективность прогноза в настоящее время довольно мала.

Ряд исследователей в области педагогики, разрабатывая методы спортивного отбора на основе прогнозирования, указывают, что повышение точности определения одаренности спортсменов возможно на основе построения прогнозных моделей с использованием максимального числа генетических, фенотипических, морфофункциональных и других показателей [1–5].

Таким образом, анализ литературных источников позволил установить, что в настоящее время недостаточно разработаны методы прогнозирования успешности спортсменов, в том числе и волейболисток, что позволило выявить противоречия и сформулировать проблему исследования, состоящую в необходимости разработки методики прогнозирования успешности волейболисток, по результатам которого будет возможным произвести спортивный отбор спортсменов в группы с высокой или низкой скоростью достижения спортивного результата, что позволит при дифференцированном подходе тренерско-преподавательского состава

добиться более высоких спортивных результатов.

Цель исследования – разработка математической модели, позволяющей спрогнозировать скорость достижения спортивного результата молодых волейболисток для отбора наиболее перспективных из них.

Исследование проводилось в период с 2016 по 2017 г. на базе ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», в котором участвовали 64 волейболистки 1–5 курсов.

На первом этапе проводилась диагностика исходного уровня показателей психических, физических, тактико-технических и физиологических характеристик волейболисток, участвующих в настоящем исследовании. Затем среди них было проведено анкетирование и изучена динамика показателей скорости достижения спортивного результата.

В результате получен массив данных из 33 переменных, характеризующих волейболисток.

Критерием для показателя скорости достижения спортивного результата послужили спортивные разряды и спортивные звания, по результатам которого спортсменов путем кластеризации разделили на две равные группы.

Процедура кластеризации методом k -средних на данном этапе исследования была использована в связи с тем, что она позволяет разделить выборку на заданное количество однородных групп с максимальным различием по заданному признаку.

В первую группу вошли спортсмены, имеющие высокую скорость достижения спортивного результата. В состав второй группы вошли спортсмены с низкой скоростью достижения спортивного результата.

В дальнейшем проводился сравнительный анализ различий двух групп по изученным параметрам и характеристикам, при этом были выявлены переменные, имеющие статистически значимую связь со скоростью достижения спортивного результата в каждой группе спортсменов.

Для выявления различий между представленными группами по изученным переменным были использованы следующие статистические методы: по количественному признаку, в случае, если данные подчинялись закону нормального распределения – с ис-

пользованием t -критерия Стьюдента (t), в случае, если данные не подчинялись закону нормального распределения, – U -критерий Манна–Уитни (U). Исследование различий по качественному признаку осуществляли при помощи анализа таблиц сопряженности с вычислением критерия Хи-квадрат Пирсона (χ^2).

Выявленные переменные, имеющие статистически значимую связь со скоростью достижения спортивного результата, были использованы для построения математической модели прогноза скорости достижения спортивного результата при помощи многофакторного бинарного логистического регрессионного анализа.

Построение математических моделей проводили с пошаговым включением переменных.

Использование логистического регрессионного анализа подразумевало соблюдение условий применимости, а именно: зависимая переменная могла быть только бинарная (два значения): 0 – высокая скорость достижения спортивного результата; 1 – низкая скорость достижения спортивного результата. Независимые переменные, как интервальные, так и категориальные, вошедшие в состав модели, были независимы друг от друга, категориальные переменные с градацией признака более двух кодировались индикаторными переменными. В качестве независимых могут быть использованы установленные индивидуальные психологические, физические, тактико-технические, физиологические, функциональные и другие характеристики спортсменов, влияющие на скорость достижения спортивного результата.

Уравнение бинарного логистического регрессионного анализа:

$$P = \frac{\exp(y)}{1 + \exp(y)}, \quad (1)$$

где P – вероятность распределения волейболиста к группе с высокой или низкой скоростью достижения спортивного результата; y – зависимая переменная, которая зависит от независимых переменных $x_1, \dots, x_n$, то есть выражается регрессионным уравнением вида:

$$y = b_0 + b_1x_1 + \dots + b_nx_n, \quad (2)$$

где $b_0, b_1, \dots, b_n$ – регрессионные коэффициенты.

Качество математической модели прогноза определяли по коэффициенту детерминации Найджелкерка (R^2) и критерию согласия Хосмера–Лемешова. Способность разработанной математической модели к классификации (дискриминирующая способность) в ту или иную группу осуществляли при помощи анализа таблицы классификации.

Оценку прогностической эффективности разработанной модели проводили с помощью анализа ROC-кривых, при этом вычислялся AUC (Area Under Curve) – показатель площади под ROC-кривой.

Во всех процедурах статистического анализа рассчитывался достигнутый уровень статистической значимости (p). Критическое значение уровня статистической значимости в исследовании составляло 0,05.

Результаты исследования были подвергнуты статистическому анализу и математической обработке данных с использованием пакета прикладных программ Microsoft Excel 2007, IBM SPSS Statistics 20.0 на персональном компьютере.

На первом этапе проводился однофакторный статистический анализ взаимосвязи скорости достижения спортивного результата с переменными, характеризующими индивидуальные характеристики волейболистов. В качестве исходной информации послужила база данных, включающая индивидуальные психологические, физические, тактико-технические, физиологические, функциональные характеристики спортсменов.

На однофакторном анализе взаимосвязи переменных мы детально останавливаться не будем, в связи с тем, что процедура является достаточно трудоемкой, и ее описание требует привлечения значительных объемов информации. Более подробно об анализе статисти-

ческой взаимосвязи переменных можно прочесть в литературе [6; 7]. Перечислим лишь итоговый результат с переменными, имеющими статистически значимую связь со скоростью достижения спортивного результата: максимальная анаэробная мощность, рост, выносливость, скорость двигательной реакции, взрывная сила, внимание.

Таким образом, из тридцати трех переменных, включенных в анализ, лишь шесть имеют статистически значимую связь со скоростью достижения спортивного результата среди волейболистов. Данные переменные могут использоваться в дальнейшем для построения математических моделей прогноза.

Установленные шесть переменных были использованы для многофакторного статистического анализа, в результате которого нами были построены три уравнения регрессии, позволяющие спрогнозировать скорость достижения спортивного результата среди волейболистов, из которых отобрано одно, имеющее прогностическую точность более 69,0 %.

В табл. 1 представлены переменные и их значения, вошедшие в состав отобранной математической модели прогноза.

В математическую модель прогноза скорости достижения спортивного результата среди волейболистов вошли четыре независимых переменных, коэффициенты регрессии которых использованы для построения уравнения регрессии.

Подставив значения коэффициентов регрессии переменных в формулу (2), получаем:

$$y = (0,279 \times X_1) + (2,171 \times X_2) - (2,202 \times X_3) + (3,215 \times X_4).$$

Показатели X_1 – X_4 соответствуют значениям переменных, указанным в табл. 1.

Таблица 1
Математическая модель прогноза скорости достижения спортивного результата среди волейболистов

Код	Переменные	Коэффициент регрессии	Уровень значимости (p)
X_1	Рост	0,279	$> 0,05$
X_2	Максимальная анаэробная мощность	2,171	$> 0,05$
X_3	Скорость двигательной реакции	2,202	$> 0,05$
X_4	Взрывная сила	3,215	$> 0,01$

После расчета значения y , результат подставив в формулу (1), получаем итоговое значение P , указывающее вероятность высокой скорости достижения спортивного результата в случае, если значение $P > 0,5$, и вероятность низкой скорости достижения спортивного результата в случае, если значение $P < 0,5$:

$$P = \frac{\exp(y)}{1 + \exp(y)}.$$

Значение показателя площади под построенной ROC-кривой (рис. 1), которая называется AUC, показывающая дискриминирующую способность модели, составило 0,625, что соответствует удовлетворительному качеству модели прогноза.

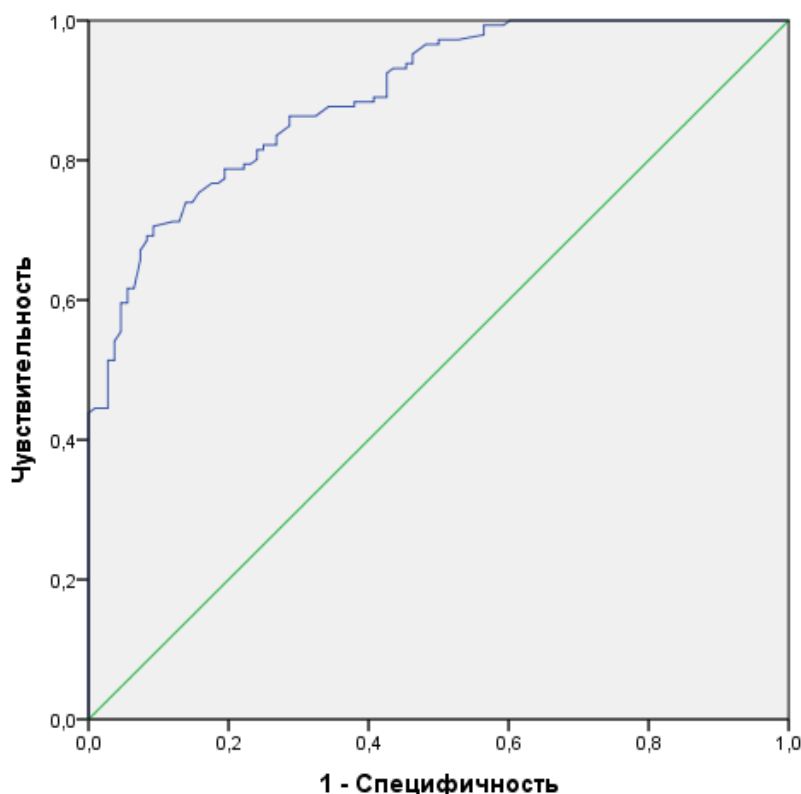
Проверку классифицирующей способности математической модели прогноза проводили по анализу таблицы классификации, показывающей процент фактической и предсказанной вероятности отнесения волейболиста к одной или другой группе, в результа-

те показатель верно предсказанных значений составил 69,7 %, что соответствует удовлетворительному качеству предсказательной способности.

Коэффициент детерминации Найджелкера составил 0,36, то есть изменение зависимой переменной на 36 % объясняется включенными в модель переменными.

Показатель критерия согласия Хосмера–Лемешова, указывающий, насколько откалибрована математическая модель прогноза и насколько точно описывает реальные данные, в разработанной модели составил 0,699, что соответствует удовлетворительному качеству модели.

Разработанная математическая модель прогноза имеет практическое значение в плане возможности спортивного отбора молодых волейболисток в группы с высокой и низкой скоростью достижения спортивного результата, что позволит при дифференцированном подходе тренерско-преподавательского состава добиться более высоких спортивных результатов.

Диагональные сегменты, сгенерированные связями.

Рис. 1. ROC-кривая разработанной математической модели

Приведем пример. На этапе спортивного отбора молодой волейболистки на первом курсе обучения установим требуемые индивидуальные характеристики, необходимые для расчета вероятной скорости достижения спортивного результата (рост, максимальная анаэробная мощность, скорость двигательной реакции, взрывная сила). Подставив полученные данные в разработанное уравнение регрессии, получим итоговое значение показателя P , указывающее вероятность высокой или низкой скорости достижения спортивного результата. Если значение показателя P окажется меньше 0,5, то у волейболистки прогнозируемая вероятность скорости достижения спортивного результата будет низкой. В случае, если значение показателя P окажется выше 0,5, значит, у спортсменки высокая прогнозируемая скорость достижения спортивного результата.

После тестирования по разработанной математической модели прогноза каждую волейболистку возможно распределить в разные группы – с низкой или высокой прогнозируемой скоростью достижения спортивного результата. Применяв к волейболисткам в каждой из групп дифференцированный подход, возможно добиться более успешных результатов, по сравнению с тем, если бы все волейболистки тренировались в одной группе.

Таким образом, разработанную математическую модель возможно использовать для прогноза вероятной скорости достижения спортивного результата среди молодых волейболисток, при этом прогностическая точность полученных результатов будет составлять 69,7 %.

Разработанная математическая модель может быть использована в прогнозировании спортивного результата на основании данных, доступных тренеру.

В перспективе в целях упрощения расчетов по разработанному уравнению регрессии будет создана программа, устанавливаемая

на персональный компьютер тренера, которому будет необходимо лишь ввести соответствующие данные о спортсменке, и рассчитанное значение прогнозируемой вероятности скорости достижения спортивного результата отобразится в программе.

В случае поступления новых данных об индивидуальных характеристиках волейболисток коэффициенты регрессии в уравнении могут быть уточнены, в результате чего возможно увеличить прогностическую точность математической модели.

Список литературы

1. Авдеев Ю.В., Колобков П.А., Соколова Ф.М., Алексеева Е.Д. Перспективные методы профессионального отбора борцов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2013. № 12 (106). С. 7-10.
2. Бакулев С.Е., Таймазов В.А. Генеалогические основы прогнозирования успешности соревновательной деятельности единоборцев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2006. № 19. С. 7-14.
3. Губа В.П. Теория и методика современных спортивных исследований. М.: Спорт, 2016. 232 с.
4. Таймазов В.А., Бакулев С.Е. Прогнозирование успешности соревновательной деятельности спортсменов с учетом генетических основ тренируемости // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2005. № 18. С. 81-90.
5. Ахметов И.И., Мустафина Л.Д., Насибулина Э.С. Медико-генетическое обеспечение детско-юношеского спорта // Практическая медицина. 2012. № 7 (62). С. 62-66.
6. Наследов А. SPSS 19: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2011. 400 с.
7. Гржибовский А.М. Анализ номинальных данных (Независимые наблюдения) // Экология человека. 2008. № 6. С. 58-68.

Поступила в редакцию 25.10.2017 г.

Отрецензирована 11.12.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Ташакова Мария Хайридиновна, аспирант, кафедра теории и методики физической культуры и спортивных дисциплин. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: osmanov@bk.ru

Османов Эседулла Маллаалиевич, доктор медицинских наук, профессор, заместитель ректора по социально-экономическим вопросам. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: osmanov@bk.ru

Для корреспонденции: Ташакова М.Х., e-mail: osmanov@bk.ru

Для цитирования

Ташакова М.Х., Османов Э.М. Возможности использования методов математической статистики в разработке технологий отбора перспективных волейболисток // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 65-71. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-65-71.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-65-71

**THE POSSIBILITIES OF USING MATHEMATICAL STATISTICS METHODS
IN THE DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES FOR SELECTION
PROMISING VOLLEYBALL PLAYERS**

Mariya Khayridinovna TASHAKOVA, Esedulla Mallaalievich OSMANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: osmanov@bk.ru

Abstract. In professional sports methods of forecasting and selecting both the results of sports competitions and the prospects of individual athletes for achieving higher sports results are of great interest. As part of the study one-way statistical analysis of the correlation of achieving sports results speed with variables that characterize the individual characteristics of volleyball players is conducted. The source of information were the psychological, physical, tactical and technical, physiological and functional characteristics of athletes, as well as survey data and dynamic performance of obtaining results speed. It is revealed that a statistical significant correlation with the rate of movement among volleyball players have six variables: maximal anaerobic capacity, height, stamina, motor response speed, explosive power, attention. Mathematical model for forecasting the obtaining results speed involves four variables, coefficients of which are used to build the regression equation. We developed a forecasting technique using binary logistic regression analysis that allows us to select, with an accuracy of 69.7 %, among young vocalists of the people, with different rates of achievement of the sports result, which will allow with a differentiated approach the trainer-to-teaching staff to achieve higher sports results and improve the process of workouts.

Key words: volleyball; forecasting technique; logistic regression analysis; sport result

References

1. Avdeev Y.V., Kolobkov P.A., Sokolova F.M., Alekseeva E.D. Perspektivnye metody professional'nogo otbora bortsov [Advanced methods for wrestlers' professional selection]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of P.F. Lesgaft University], 2013, no. 12 (106), pp. 7-10. (In Russian).
2. Bakulev S.E., Taymazov V.A. Genealogicheskie osnovy prognozirovaniya uspekhov sorenovatel'noy deyatel'nosti edinobortsev [Genealogical bases of forecasting the success of competitive activity of martial artists]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of P.F. Lesgaft University], 2006, no. 19, pp. 7-14. (In Russian).
3. Guba V.P. *Teoriya i metodika sovremennykh sportivnykh issledovaniy* [Theory and Methods of Modern Sports Research]. Moscow, Sport Publ., 2016, 232 p. (In Russian).
4. Taymazov V.A., Bakulev S.E. Prognozirovaniye uspekhov sorenovatel'noy deyatel'nosti sportsmenov s uchetom geneticheskikh osnov treniruemosti [Forecasting the success of competitive activities of athletes in view of the genetic foundations of training]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of P.F. Lesgaft University], 2005, no. 18, pp. 81-90. (In Russian).
5. Akhmetov I.I., Mustafina L.D., Nasibulina E.S. Mediko-geneticheskoe obespechenie detsko-yunosheskogo sporta [Medical-genetic support to the children and youth sports]. *Prakticheskaya meditsina – Practical Medicine*, 2012, no. 7 (62), pp. 62-66. (In Russian).
6. Nasledov A. *SPSS 19: professional'nyy statisticheskiy analiz dannykh* [SPSS 19: Professional Statistical Analysis]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011, 400 p. (In Russian).

7. Grzhibovskiy A.M. Analiz nominal'nykh dannykh (Nezavisimye nablyudeniya) [Analysis of nominal data (Independent observations)]. *Ekologiya cheloveka – Human Ecology*, 2008, no. 6, pp. 58-68. (In Russian).

Received 25 October 2017

Reviewed 11 November 2017

Accepted for press 23 January 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Tashakova Mariya Khayridinovna, Post-Graduate Student, Department of Theory and Methods of Physical Culture and Sports Disciplines. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: osmanov@bk.ru

Osmanov Esedulla Mallaalievich, Doctor of Medicine, Professor, Deputy Pro-rector on Economical-Legal Questions and Infrastructural Development. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: osmanov@bk.ru

For correspondence: Tashakova M.Kh., e-mail: osmanov@bk.ru

For citation

Tashakova M.Kh., Osmanov E.M. Vozmozhnosti ispol'zovaniya metodov matematicheskoy statistiki v razrabotke tekhnologiy otbora perspektivnykh voleybolistok [The possibilities of using mathematical statistics methods in the development of technologies for selection promising volleyball players]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 65-71. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-65-71. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ОБОСНОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© Елена Анатольевна МИЛЕНКО

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: elenamilenko507@gmail.com

Аннотация. Проанализированы педагогические возможности учебного сотрудничества, способствующие формированию универсальных учебных действий младших школьников. Рассмотрено понятие учебного сотрудничества, его формы и виды, выявлены достоинства совместной деятельности в контексте познавательного, коммуникативного и социального развития учащихся младшего школьного возраста. Обосновано изменение роли учителя при реализации учебного сотрудничества на уроке. Подробно раскрыто влияние совместной деятельности на эффективность формирования следующих видов универсальных учебных действий младших школьников: личностных, регулятивных, познавательных и коммуникативных. Эффективность формирования универсальных учебных действий в процессе учебного сотрудничества напрямую зависит от созданных для этого педагогических условий. В качестве условий обоснованы следующие: психолого-педагогическое сопровождение организации учебного сотрудничества, вовлечение всех участников образовательного процесса в разные методы, формы и виды учебного сотрудничества, поэтапное усложнение видов учебного сотрудничества: от простого сотрудничества между учеником и учителем до сложного сотрудничества между группами учащихся без помощи учителя. Каждое педагогическое условие организации учебного сотрудничества подробно рассмотрено в контексте его влияния на эффективность формирования универсальных учебных действий младших школьников.

Ключевые слова: учебное сотрудничество; виды и формы совместной деятельности; универсальные учебные действия; младший школьный возраст; педагогические условия

Представители педагогики сотрудничества Ш.А. Амонашвили, Е.Н. Ильин, С.Н. Лысенкова, В.Ф. Шаталов определяют сотрудничество, прежде всего, как идею коллективного сотворчества, свободного выбора, учения с увлечением при педагогической и товарищеской поддержке. Они характеризуют учебный процесс как духовную общность, взаимное доверительное общение учителя и учащихся и учащихся между собой, способствующее развитию «социально-зависимой самостоятельности» [1]. Из этого можно сделать вывод, что учебное сотрудничество – это мощнейший ресурс в обучении, воспитании и развитии личности ребенка.

У термина «учебное сотрудничество» есть много синонимов: «групповая работа», «совместная учебная деятельность», «совместно-распределенная учебная деятельность», «коллективно-распределенная учебная деятельность» и др. И.А. Зимняя определяет учебное сотрудничество как многостороннее взаимодействие внутри учебной группы и взаимодействие учителя с группой. Она считает, что сотрудничество как совместная деятельность, как организационная система

активности взаимодействующих субъектов обладает следующими характеристиками: 1) пространственным и временным соприсутствием; 2) единством цели; 3) организацией и управлением деятельностью; 4) разделением функций, действий, операций; 5) наличием позитивных межличностных отношений [2].

В.Я. Ляудис дает более пространное определение, однако, не противоречащее определению нами уже рассмотренному. «Совместной учебной деятельностью, то есть учебным сотрудничеством, называются акты обмена действиями, операциями, а также вербальными или невербальными сигналами этих действий и операций между преподавателями и учениками и между самими учащимися в процессе формирования осваиваемой деятельности» [3].

Ведущим разработчиком проблемы психологии учебного сотрудничества является Г.А. Цукерман, которая утверждает, что «...учебное сотрудничество начинается там, где складывающиеся приемы взаимодействия обслуживают решение учебных задач» [4]. По ее мнению учебное сотрудничество

обладает двумя важными характеристиками: 1) относительная независимость от взрослого (организационные, контрольные и оценочные функции берет на себя группа); 2) обращенность детей не только и не столько на результат, сколько на способ своих действий и действий партнеров (децентрированный характер совместных действий, действия за другого участника).

Можно выделить следующие достоинства совместной учебной деятельности обучающихся: возрастают глубина понимания и объем усваиваемого учениками учебного материала, увеличивается познавательная активность и творческая самостоятельность учащихся; в рамках таких видов работ меньше времени расходуется на формирование знаний и умений, становится значительно меньше трудностей с дисциплиной, обусловленных снижением учебной мотивации; ученики получают удовольствие от занятий, повышается уровень комфортности в школе; усиливается сплоченность класса, при этом возрастает взаимное уважение и самоуважение, наряду с критичностью, способностью адекватно оценивать свои и чужие возможности. Кроме вышесказанного следует отметить, что ученики в ходе учебного сотрудничества приобретают важнейшие социальные навыки – ответственность, чувство такта, умение строить свое поведение с учетом позиции других людей, наряду с этим, учитель получает возможность индивидуализировать обучение, а именно, учитывать при делении на группы симпатии детей друг к другу, уровень их подготовки, свойственный им темп работы. В рамках такого рода деятельности необходимым условием группового обучения становится воспитательная работа учителя, так как все группы в своем развитии проходят стадию конфликтных отношений, и преодолеть ее без вмешательства учителя школьники сами не могут.

Совместная деятельность учащихся оказывает влияние не только на каждого из них, но и на саму их работу. Учебное сотрудничество, представляя собой специфическую учебную ситуацию, отвечает требованиям общности цели, выполнения собственного индивидуального действия каждым участником, взаимодействия всеми всех и всего, это не простое сложение результатов отдельных действий, а получение общего результата.

Мыслительная задача ставится перед группой учащихся, однако, решить ее можно только коллективно [5]. Сотрудничество в ходе учебной деятельности по решению задачи имеет общий результат, при этом действия каждого отдельного учащегося имеют одинаковое для всей группы значение. Влияние сотрудничества на личностное развитие учеников, прежде всего, заключается в выработке у них умения оценивать себя не только с точки зрения другого, но и с разных точек зрения в зависимости от самого ученика, его места и функции в общей совместной деятельности.

Ситуации учебного сотрудничества с педагогом возникают, когда ученик (группа учащихся) при решении поставленной учителем практической задачи замечает причины своей некомпетентности и формирует запрос учителю о конкретной помощи. Сотрудничество ученика с самим собой предполагает наличие умения к фиксированию, анализу и оцениванию изменений собственной точки зрения в результате приобретения новых знаний. Для того чтобы научить ребенка определять границы известного и неизвестного, необходимо развивать у него способность к определению границ собственных возможностей. Ученик должен четко понимать то, что он знает и умеет, и то, чего не знает или не умеет.

Учебное сотрудничество коренным образом изменяет роль учителя на уроке. Большой промежуток времени учитель координирует, стимулирует и направляет учебно-познавательную деятельность своих учеников. Статус учеников также меняется: они включаются в активное взаимодействие (с учителем, друг с другом, с собой), направленное на решение учебно-познавательных задач. Все это соответствует принципам системно-деятельностного подхода и является перспективным для формирования универсальных учебных действий младших школьников, для достижения ими не только предметных, но и личностных, и метапредметных результатов образования.

Универсальные учебные действия (УУД) рассматриваются нами как основной структурный компонент учебной деятельности в контексте современной образовательной системы. УУД обеспечивают младшему школьнику в полной мере возможность самостоя-

тельно осуществлять ведущую деятельность этого возрастного этапа – деятельность учения. Формируя УУД, учитель учит школьника ставить учебные цели, искать и использовать требующиеся для их достижения средства и способы, ученик учится контролировать и оценивать учебную деятельность, самостоятельно отслеживать в динамике ее результаты. Кроме того, УУД позволяют личности постоянно самореализовываться, сотрудничать со сверстниками и взрослыми, создают условия для формирования картины мира. Сформированность УУД в начальной школе – гарант будущего умения учиться во взрослой жизни, а значит, готовности к постоянному непрерывному самообразованию, мобильности и гибкости в любой жизненной ситуации [5].

Выделяют следующие виды УУД: личностные, регулятивные, познавательные и коммуникативные. Учебное сотрудничество способствует формированию регулятивных УУД, так как оно обеспечивает учащихся возможностью управления познавательной и учебной деятельностью посредством постановки общей цели, планирования, контроля, корректировки своих действий, а также оценки успешности усвоения учебного материала. На каждом уроке дети сами прогнозируют цель и задачи урока. Они определяют контроль за исполнением каждого задания. При выполнении индивидуальных заданий дети выполняют эти действия самостоятельно. Прочитав задание, ребята анализируют его и сравнивают с образцом. На уроке учащиеся самостоятельно контролируют свою работу на рабочих листах, используя условные знаки. В конце урока с их помощью могут оценить уровень своих знаний и умений по теме урока. Все это способствует формированию регулятивных универсальных учебных действий.

Учебное сотрудничество также способствует и формированию коммуникативных УУД: умению слышать, слушать и понимать партнера, планировать и согласованно выполнять совместную деятельность, распределять роли, взаимно контролировать действия друг друга, уметь договариваться, вести дискуссию, правильно выражать свои мысли, оказывать поддержку друг другу и эффективно сотрудничать как с учителем, так и со сверстниками [6]. Групповая поддержка вы-

зывает чувство защищенности, и даже самые робкие и тревожные дети преодолевают страх.

Познавательные УУД включают действия исследования, поиска, отбора и структурирования необходимой информации, моделирование изучаемого содержания. Современный школьник должен уметь ориентироваться в потоке учебной информации, перерабатывать и усваивать ее, осмысливать тексты; выбирать наиболее эффективные способы решения задач в зависимости от конкретных условий; осуществлять рефлекссию способов и условий действия, контроль и оценку процесса и результатов деятельности; ставить и формулировать проблемы. Все эти умения гораздо эффективнее формируются в ходе учебного сотрудничества.

При правильной педагогической организации совместной деятельности обучающихся включаются в работу различные сферы личности ученика, что ведет к его более гармоничному и благополучному развитию. Учебно-воспитательный процесс, в ходе которого происходит развитие человека как личности и субъекта деятельности, обязательно включает в себя: развитие интеллекта, развитие эмоциональной-личностной сферы, формирование способности быть устойчивым к стрессам, развитие уверенности в себе и самопринятия, развитие позитивного отношения к миру и принятия других, развитие самостоятельности, автономности, развитие самоактуализации, самосовершенствования. Сюда же относится и развитие мотивации учения как важнейшего элемента мотивации саморазвития [7]. Это обуславливает роль учебного сотрудничества в формировании личностных универсальных учебных действий младших школьников.

Учебное сотрудничество обеспечивает каждому ребенку ту эмоциональную поддержку, которая необходима младшему школьнику, а особенно первокласснику для того, чтобы взяться за рискованное дело: попробовать что-то новое, высказывать свои мысли о чем-то неизвестном; сотрудничество со сверстниками является тем источником мотивации, которая необходима значительному количеству первоклассников для того, чтобы включиться в учебный процесс и не выпасть из него. Учебное сообщество является мощным ресурсом обучения: доказано,

что именно общение и сотрудничество со сверстниками является той областью деятельности, где наиболее успешно осваиваются малознакомые действия. В ходе учебного сотрудничества дети приобретают социальные навыки, социально-психологические компетенции. При организации сотрудничества со сверстниками социальные навыки органично присутствуют на каждом уроке, не выделяются в особый учебный предмет и не требуют отдельных уроков, сотрудничество в группе равных является источником уникальной способности понимать точку зрения другого и действовать с позиции другого человека как в интеллектуальной, так и в эмоциональной и личностной сфере.

Педагогические возможности учебного сотрудничества заключаются в том, что оно позволяет каждому конкретному ученику продвигаться в образовательном процессе согласно своим индивидуальным возможностям; способствует развитию коммуникативных и личностных универсальных учебных действий; обеспечивает формирование потребности в самостоятельной учебной деятельности и умение высокоэффективного восприятия, усвоения и передачи информации; повышает общий интеллектуальный уровень развития и культуру общения учащихся; способствует развитию способности самоуправления и планирования своей деятельности и формирования навыков социального и делового общения. Учебное сотрудничество позволяет создать необходимые условия для естественного познавательного и творческого развития учащихся; формирует основные жизненно-необходимые навыки и обеспечивает эмоциональное благополучие учащихся.

Эффективность формирования универсальных учебных действий в процессе учебного сотрудничества напрямую зависит от созданных для этого педагогических условий. В педагогической теории и практике рассмотрено большое количество определенных понятий «условие» и «педагогические условия». Мы согласны с мнением Н.М. Борытко, который под педагогическим условием понимает внешнее обстоятельство, существенно влияющее на протекание педагогического процесса, в той или иной мере сознательно сконструированного педагогом, предполагающего достижение определенно-

го результата. И.А. Федякова отмечает, что применительно к системе образования целесообразно говорить о конкретных способах педагогического взаимодействия, взаимосвязанных мерах образовательно-воспитательного процесса, направленных на формирование субъектных свойств личности, которые учитывают психологические особенности, продуктивные и эффективные способы и приемы деятельности в заданных условиях. При этом понятие «педагогические условия» она тесно связывает с понятием «педагогический процесс», так как условия проявляются именно в педагогическом процессе и создаются с целью его оптимизации.

Одним из важнейших педагогических условий, необходимых для организации учебного сотрудничества, способствующего формированию УУД младших школьников, является его психолого-педагогическое сопровождение, так как дети этого возраста еще не представляют собой в полной мере сформировавшуюся личность. Помощь психолога и педагога необходима в процессе самопознания и самооценивания, что необходимо для формирования личностных учебных действий младшего школьника. Дети еще не могут правильно распределить свое время, учитель в ходе учебного сотрудничества направляет учащихся, оказывает им помощь и необходимую для них поддержку в регуляции собственной деятельности, что способствует формированию у них регулятивных УУД. Приходя в первый класс ученик учится общаться, взаимодействовать с окружающими его людьми, у него только начинают формироваться коммуникативные УУД, которые так же развиваются благополучно и в соответствии с возрастом лишь при наличии психолого-педагогического сопровождения. Организуя учебное сотрудничество, учитель или психолог обучает детей навыкам коммуникации, учит детей общаться как со взрослыми, так и со сверстниками, учит детей задавать правильные вопросы. Вследствие этого в процессе роста и развития личности учащегося развиваются и его коммуникативные и личностные универсальные учебные действия.

Нельзя не отметить роль правильной организации учебного сотрудничества в формировании познавательных УУД младшего школьника, так как учитель в школе является

единственным важным лицом, направляющим всю деятельность ученика, в том числе и познавательную. В ходе учебного сотрудничества активно формируются и развиваются познавательные УУД, так как приоритетной задачей организации учебного сотрудничества является приобретение учащимися новых знаний.

В качестве следующего педагогического условия, необходимого для эффективной реализации возможностей учебного сотрудничества в формировании УУД младших школьников, мы выделяем вовлечение всех участников образовательного процесса в разные методы, формы и виды учебного сотрудничества.

Наиболее характерными формами организации учебного сотрудничества являются парная, групповая и коллективная работа. Парная форма связана с коммуникативным взаимодействием между учителем и парой учащихся, выполняющих под его руководством общее учебное задание. При парной форме организации учебного процесса создаются группы для освоения нового материала, контроля знаний и т. д.; они могут быть временные и постоянные. При работе парами дети приучаются внимательно слушать ответ товарища (ведь ребенок выступает здесь как учитель), постоянно готовиться к ответу, ибо тебя обязательно тоже спросят (а детям это очень важно), поэтому правила заучиваются всегда.

Кроме того, ученик получает возможность еще раз проверить и закрепить свои знания, пока слушает соседа. Он учится говорить, отвечать, доказывать товарищу какое-то положение. Дети ограничены временем, поэтому стараются не отвлекаться, чтобы не отстать от других групп.

Групповая форма обучения – это способ организации совместной деятельности учащихся в малых группах при опосредованном руководстве и в сотрудничестве с учителем. Группы не должны быть постоянными, поскольку в их составе учащиеся разного уровня успеваемости (подготовленности), что в последующем может затруднить реализацию принципа единства обучения, равное право на образование и на развитие способностей.

Групповая форма организации учебной деятельности предполагает выполнение одинаковых или дифференцированных заданий

малыми группами учащихся (2–6 человек) при их сотрудничестве внутри групп и при опосредованном руководстве учителя.

Данная форма обучения способствует формированию положительной мотивации учения; росту познавательной активности и самостоятельности учащихся; глубине, прочности и сознательности усвоения знаний; накоплению опыта согласия, поддержки и сотрудничества между учащимися, совместно выполняющими учебное задание; переходу от субъектно-объектного к субъектно-субъектному типу взаимодействия; увеличению работоспособности и темпа выполнения учебного задания; развитию творческих способностей; формированию навыков контроля и самоконтроля, оценки и самооценки.

Учебное сотрудничество организуется с помощью различных способов, приемов, которые одновременно регламентируют деятельность участников. Наиболее распространенными способами учебного сотрудничества при решении учебных задач являются дискуссия, обсуждение проблемного вопроса. Диалог и совместное решение возникают в том случае, когда требуются логическое рассуждение, взаимный анализ и взаимная оценка разных точек зрения. Соответственно, задача, которую ставит педагог перед классом в расчете на ее решение путем учебного сотрудничества, должна объективно предполагать существование более чем одной точки зрения на содержание и способ ее решения. Такие задачи требуют достаточно высокого уровня владения теоретическими знаниями и умения применять их в конкретных ситуациях, в ходе которых формируются коммуникативные УУД.

Достаточно большое значение для эффективности учебного сотрудничества имеет характер его организации, в частности внешняя регламентация деятельности участников через распределение ролей или задание способов совместной работы, а также вовлечение всех участников образовательного процесса в разные методы, формы и виды учебного сотрудничества.

Важным способом организации сотрудничества является предварительная отработка программы совместного решения учебных задач. Учебно-педагогическое сотрудничество формируется далеко не сразу. Приходящие в школу дети, еще не в полной мере вла-

деющие приемами и способами осуществления индивидуальной учебной деятельности, не могут сами наладить и деятельность коллективную и еще не умеют сотрудничать с учителем.

Говоря об учебном сотрудничестве участников образовательного процесса, нельзя не отметить роль родителей (законных представителей), или роль семьи, так как успешность воспитательного процесса зависит от того, как складываются отношения между педагогами, учащимися и родителями. Родители и педагоги – воспитатели одних и тех же детей, и результат воспитания может быть успешным тогда, когда учителя и родители станут союзниками. Семья по праву считается главным фактором и условием развития и воспитания ребенка. Именно здесь он рождается, здесь получает основы физического и духовного развития (позитивные либо негативные), первые знания об окружающем мире, здесь формируются первые навыки и умения во всех видах деятельности, изначальные критерии оценки добра, истины, красоты. Здесь протекает большая часть его жизнедеятельности, закладываются основы его отношений с миром, то есть начинается процесс воспитания. Семья со школой создает тот важнейший комплекс факторов воспитывающей среды, который определяет успешность либо неуспешность всего учебно-воспитательного процесса в общем, и на формирование универсальных учебных действий младших школьников в частности.

Ребенок попадает в школу из семьи, где уже начинает формироваться личность. Семья выступает социальным институтом общества, она особенно чувствительна ко всякого рода кардинальным изменениям государственного масштаба, поскольку их результаты напрямую отражаются на уровне ее жизни, стабильности и воспитательной деятельности. Влияние семьи на ребенка сильнее всех других воспитательных воздействий. В семье формируются те качества, которые нигде как в семье сформированы быть не могут. Поэтому формирование УУД младших школьников напрямую зависит от сотрудничества родителей со школой.

И наконец, еще одним педагогическим условием, способствующим эффективной организации учебного сотрудничества младших школьников, является поэтапное услож-

нение его видов: от простого сотрудничества между учеником и учителем до сложного сотрудничества между группами учащихся без помощи учителя.

Методы и формы, а также виды учебного сотрудничества дадут положительный результат только в случае правильного их применения согласно возрастному этапу развития обучающегося. Младший школьный возраст – это очень важный период школьного детства, от полноценного проживания которого зависит уровень развития личности и интеллекта ребенка, желание и умение учиться, уверенность в своих силах, а также уровень развития универсальных учебных действий, необходимых для дальнейшего обучения и становления ребенка как ученика.

Изменение социальной ситуации развития состоит в выходе ребенка за рамки семьи, в расширении круга значимых лиц. Особое значение имеет выделение особого типа отношений со взрослым, опосредованных задачей («ребенок – взрослый – задача»). Учитель – это взрослый, социальная роль которого связана с предъявлением детям важных, равных и обязательных для выполнения требований, с оценкой качества учебной работы. Школьный учитель выступает как представитель общества, носитель социальных образцов. Новое положение ребенка в обществе, позиция ученика характеризуется тем, что у него появляется обязательная, общественно значимая, общественно контролируемая деятельность – учебная, он должен подчиняться системе ее правил и нести ответственность за их нарушение. С самых первых дней пребывания ребенка в школе начинают формироваться его взаимоотношения с учителем. Общение с учителем в этот период имеет исключительно большое значение для каждого ребенка, то есть сотрудничество учителя и ученика является самым простым, но не менее важным видом учебного сотрудничества на ранних этапах пребывания ребенка в образовательном учреждении. От взаимоотношений, которые сложатся между учителем и школьником, зависит очень многое: его отношение к школе, учебной деятельности, особенности успеваемости, взаимоотношения с родителями и сверстниками, самооценка ребенка и многое другое.

Учебное сотрудничество направлено на общие для всех людей способы мышления и действия, а не на уникальную неповторимость каждого человека. Учебное сотрудничество направлено на результат, а результатом являются универсальные учебные действия, освоенные ребенком.

Мы разделяем позицию В.В. Давыдова и Д.Б. Эльконина, которые считают, что «все формы школьных взаимоотношений должны носить общий характер и регулировать не только отношения Ребенок – Взрослый, но и отношения Ребенок – Ребенок». При этом нормосообразное поведение эффективнее складывается не в целом классе, а в малых детских группах, являющихся для ребенка одновременно и группами эмоциональной поддержки. С поступлением ребенка в школу происходят изменения в его взаимоотношениях с окружающими людьми, причем довольно существенные. Прежде всего, значительно увеличивается время, отводимое на общение. Теперь большую часть дня дети проводят в контактах с окружающими людьми: родителями, учителями, другими детьми. На этом этапе усложняется форма сотрудничества младшего школьника: он начинает сотрудничать со сверстниками.

Наряду с внешними изменениями характера общения происходит его внутренняя содержательная перестройка, которая выражается в том, что меняются темы и мотивы общения. Если в 1–2-х классах школы выбор партнера по общению определялся в основном оценками учителя, успехами в учении, то к 4-му классу появляются признаки иной мотивации межличностного общения, связанные с независимой оценкой со стороны школьных и личностных достоинств и форм поведения партнера по общению: взаимоотношение школьник – сверстник – взрослый [6]. Постепенно сотрудничество приобретает более сложную форму: учащиеся в ходе образовательного процесса начинают сотрудничать внутри и между группами сверстников уже без помощи взрослого (учителя). В отличие от отношений Взрослый – Ребенок отношение со сверстниками – это, прежде всего, отношения равенства. Общение со сверстниками дает детям то, чего никак не может дать им неравноправное общение со взрослыми, критичность к мнениям, словам и

поступкам других людей, независимо от их воли и желания. А за этим стоит умение видеть позицию другого человека, оценивать ее, принимать или не принимать, а главное, иметь собственную позицию, точку зрения, отличать ее от чужой и защищать ее.

Таким образом, можно сделать вывод, что поэтапное усложнение видов учебного сотрудничества младших школьников: от простого сотрудничества между учеником и учителем до сложного сотрудничества между группами учащихся без помощи учителя является еще одним педагогическим условием, являющимся обоснованием организации учебного сотрудничества младших школьников.

Выявленные педагогические условия организации учебного сотрудничества, способствующего формированию УУД младших школьников, необходимо апробировать в ходе опытной работы.

Список литературы

1. Амонашвили Ш.А. Воспитательная и образовательная функция оценки обучения школьников: экспериментально-педагогическое исследование. М., 1984.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М., 2003.
3. Ляудис В.Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащихся. М., 1980. С. 37-52.
4. Цукерман Г.А. Как младшие школьники учатся учиться. М., 2012.
5. Прокудин Ю.П., Миленко Е.А. Учебное сотрудничество в формировании универсальных учебных действий младших школьников // Дошкольное и начальное школьное образование: современные проблемы и перспективы развития / ред. А.Ю. Курин, А.Ю. Перова. Тамбов, 2017. С. 66-69.
6. Асмолов А.Г., Бурменская Г.В. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. М., 2012.
7. Панюшкин В.П. Освоение деятельности в условиях взаимодействия ученика с учителем. М., 1980.

Поступила в редакцию 15.09.2017 г.

Отрецензирована 18.10.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Миленко Елена Анатольевна, аспирант, кафедра педагогики и образовательных технологий. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: elenamilenko507@gmail.com

Для цитирования

Миленко Е.А. Обоснование педагогических условий организации учебного сотрудничества младших школьников // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 72-80. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-72-80.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-72-80

OBJECTIVATION OF PEDAGOGICAL CONDITIONS OF THE ORGANIZATION OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN LEARNING COLLABORATION

Elena Anatolevna MILENKO

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: elenamilenko507@gmail.com

Abstract. Pedagogical possibilities of learning collaboration, which contribute to the formation of universal learning activities of younger schoolchildren, are analyzed. The notion of learning collaboration, its forms and types are considered. Advantages of co-operation in the context of educational, communicative and social development of elementary-school age pupils are revealed. The change of a teacher's role in learning collaboration realization at the lesson is proved. The impact of co-operation on the efficiency of formation of the following types of universal learning activities of younger pupils is revealed in detail: personal, regulatory, educational and communicative. The efficiency of universal learning activities in learning collaboration process depends directly on pedagogical conditions, which are made for this process. Psychological and pedagogical accompaniment of learning collaboration organization, involvement of all educational process participants in different methods, forms and types of learning collaboration, gradual complicacy of learning collaboration types: from simple collaboration between a pupil and a teacher to complex collaboration between groups of pupils without the help of a teacher are proved as conditions. Each pedagogical condition of learning collaboration organization is considered in detail in the context of its impact on the efficiency of formation of universal learning activities of younger schoolchildren.

Keywords: learning collaboration; types and forms of co-operation; universal learning activities; elementary-school age; pedagogical conditions

References

1. Amonashvili Sh.A. *Vospitatel'naya i obrazovatel'naya funktsiya otsenki obucheniya shkol'nikov: eksperimental'no-pedagogicheskoe issledovanie* [Upbringing and Educational Function of Pupils Teaching Assessment: Experimental and Pedagogical Research]. Moscow, 1984. (In Russian).
2. Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow, 2003. (In Russian).
3. Lyaudis V.Y. *Struktura produktivnogo uchebnogo vzaimodeystviya* [Structure of Productive Learning Interaction]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy vzaimodeystviya uchitelya i uchashchikhsya* [Psychological and Pedagogical Problems of Interaction between Pupils and a Teacher]. Moscow, 1980, pp. 37-52. (In Russian).
4. Tsukerman G.A. *Kak mladshie shkol'niki uchatsya učit'sya* [How Younger Schoolchildren Learn to Study]. Moscow, 2012. (In Russian).
5. Prokudin Y.P., Milenko E.A. *Uchebnoe sotrudnichestvo v formirovanii universal'nykh uchebnykh deystviy mladshikh shkol'nikov* [Learning collaboration in the formation of universal learning activities of younger schoolchildren]. *Doshkol'noe i nachal'noe shkol'noe obrazovanie: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya* [Preschool and Elementary School Education: Modern Problems and Development Perspectives]. Tambov, 2017, pp. 66-69. (In Russian).
6. Asmolov A.G., Burmenskaya G.V. *Kak proektirovat' universal'nye uchebnye deystviya v nachal'noy shkole* [How to Project Universal Learning Activities in Elementary School]. Moscow, 2012. (In Russian).

7. Panyushkin V.P. *Osvoenie deyatel'nosti v usloviyakh vzaimodeystviya uchenika s uchitelem* [Activity Acquisition in Terms of Interaction between a Pupil and a Teacher]. Moscow, 1980. (In Russian).

Received 15 September 2017

Reviewed 18 October 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Milenko Elena Anatolevna, Post-Graduate Student, Pedagogy and Educational Technologies Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: elenamilenko507@gmail.com

For citation

Milenko E.A. Obosnovanie pedagogicheskikh usloviy organizatsii uchebnogo sotrudnichestva mladshikh shkol'nikov [Objectivation of pedagogical conditions of the organization of younger schoolchildren learning collaboration]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 72-80. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-72-80. (In Russian, Abstr. in Engl.).

О ПРОЕКТЕ ПРЕЕМСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ, ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

**© Татьяна Ивановна БАКЛАНОВА, Ольга Игоревна КИСЕЛЕВА,
Элеонора Ильинична МЕДВЕДЬ**

ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет»
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4, корп. 1
E-mail: moyrochta@bk.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена современными задачами государственной образовательной и культурной политики, направленными на повышение роли образовательных организаций в приобщении обучающихся к этнокультурному наследию народов России. Целью исследования стали разработка и научное обоснование интегрированной системы учебно-методического обеспечения подготовки, повышения квалификации и переподготовки в Московском городском педагогическом университете кадров к этнокультурной деятельности в организациях общего и дополнительного образования детей и учреждениях культуры г. Москва. Исследование проводилось с использованием следующих методов: анализ научных источников, нормативно-правовых документов и педагогической практики, теоретическое моделирование. Выявлено противоречие между актуальными государственными задачами развития этнокультурного образования детей и отсутствием профильной подготовки педагогических кадров к этнокультурной образовательной деятельности, обоснована потребность педагогической теории и практики в разработке, научно-методическом обеспечении и внедрении преемственной системы подготовки кадров к этнокультурной деятельности в условиях высшего и дополнительного профессионального образования, раскрыты научные предпосылки педагогического проектирования этнокультурной образовательной системы, созданные в рамках научной школы «Теория, история и методика преподавания народной художественной культуры», основателем которой признана профессор Т.И. Бакланова. Внедрение разрабатываемой образовательной системы является важным педагогическим условием развития этнокультурной деятельности образовательных организаций и учреждений культуры, при внедрении данной системы ее содержание необходимо дополнять региональными этнокультурными компонентами.

Ключевые слова: этнокультурное образование; педагогическое образование; повышение квалификации; преемственная образовательная система; образовательный проект

В течение нескольких лет нами разрабатывается в рамках научной школы «Теория, история и методика преподавания народной художественной культуры» инициативный педагогический проект преемственной системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для этнокультурной деятельности в образовательных организациях и учреждениях культуры.

Анализ научных источников показал, что различным аспектам проблемы кадрового обеспечения этнокультурных процессов в современной России посвящен ряд диссертаций и научных публикаций. Однако до настоящего времени отсутствует целостная концептуально обоснованная преемственная система подготовки, повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров для этнокультурной деятельности в образо-

вательных организациях и учреждениях культуры [1; 2].

Рассматриваемый проект основан на результатах исследований кафедры социально-культурной деятельности Московского городского педагогического университета (МГПУ), отраженных в коллективных монографиях «Этнокультурные процессы в современном мире» [3] и «Традиционная народная культура в современной социально-культурной деятельности и образовании» [4], а также в сборнике материалов Международной научно-практической конференции «Этнокультурная деятельность современных образовательных организаций и учреждений культуры: опыт, проблемы, перспективы», организованной нашей кафедрой в марте 2017 г. [5].

В проекте учтены результаты исследования на тему «Комплексная система обучения

детей мигрантов русскому языку и русской культуре в поликультурной начальной школе города Москвы», проведенного в МГПУ под руководством Т.И. Зиновьевой [6]. В данном исследовании участвовали члены кафедры социально-культурной деятельности МГПУ.

В проектируемую образовательную систему включены отдельные разработанные ранее компоненты, в частности – наши учебники и учебные пособия по народной культуре для школ и вузов [7–9], а также программа повышения квалификации «Дополнительное этнокультурное образование детей», разработанная Т.И. Баклановой и О.И. Киселевой [10].

Целью исследования стали разработка и научное обоснование интегрированной системы учебно-методического обеспечения подготовки, повышения квалификации и переподготовки в МГПУ кадров к этнокультурной деятельности в организациях общего и дополнительного образования детей и учреждениях культуры г. Москва.

Для достижения данной цели нами были выполнены следующие задачи:

- развитие научных основ формирования этнокультурных и этнопедагогических компетенций кадров образовательных организаций и учреждений культуры г. Москва в условиях МГПУ;

- разработка и издание комплекта учебников, учебно-методических пособий, рабочих программ, комплектов практических заданий, контрольно-измерительных средств и других материалов для преемственной системы этнокультурной подготовки студентов и слушателей Института дополнительного образования МГПУ (включая дистанционное образование);

- апробация данного комплекта на международных, всероссийских и региональных научных форумах, конференциях, «круглых столах» и других научных и научно-практических мероприятиях.

В процессе разработки проекта использован комплекс взаимосвязанных теоретических и эмпирических методов: анализ научных источников, нормативно-правовых документов и педагогической практики, теоретическое моделирование и др.

На данном этапе исследования достигнут ряд важных результатов.

1. Осуществлен обзор широкого круга нормативно-правовых документов, в которых отражены задачи современной государственной образовательной, культурной и национальной политики Российской Федерации, направленные на патриотическое, духовно-нравственное и этнокультурное воспитание граждан на основе отечественных культурно-исторических и национально-культурных традиций, в контексте сохранения этнокультурного разнообразия и целостности Российской Федерации. Данные задачи выдвинуты в нескольких Указах Президента РФ, решениях Госсовета РФ, государственных стратегиях, программах, концепциях и других документах. Среди них:

- Указы Президента Российской Федерации: от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении «Основ государственной культурной политики», от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»; от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года»;

- решения Госсовета РФ «О государственной поддержке традиционной народной культуры» (2006 г.), «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» (2016 г.), предусматривающие «формирование высокой экологической культуры в стране», основой которой является ценностное отношение к природе России в контексте отечественных этнокультурных традиций, Президент РФ провел в Кремле заседание Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений»;

- «Основы государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2015 г.) и «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2014 г.);

- государственные стратегии «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (2015 г.), одним из главных направлений которой является «воспитание уважения к культуре, языкам, традициям и обычаям народов, проживающих в Российской Федерации», «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016 г.), в которой к

угрозам национальной безопасности в области культуры отнесены «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии», «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2013 г.);

– государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493), предусматривающая воспитание «уважения к культуре, традициям и истории населяющих Россию народов, улучшение межэтнических и межконфессиональных отношений», «Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2015 г. № 497), одной из целей которой является «реализация мер по развитию научно-образовательной и творческой среды в образовательных организациях, развитие эффективной системы дополнительного образования детей»; Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 годы)» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 186), среди целей которой – «сохранение российской культурной самобытности, <...> выявление, охрана и популяризация культурного наследия народов Российской Федерации», Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718), в которой отмечается, что «этнокультурное многообразие России является важным элементом ее международного имиджа, неотъемлемой частью мирового духовного наследия», и в этой связи «требуется распространение знаний об истории и культуре народов Российской Федерации, формирование культуры межнационального (межэтнического) общения в соответствии с нормами морали и традициями народов Российской Федерации»;

– государственные концепции «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» (2009 г.), в которой сформулирован нацио-

нальный воспитательный идеал – «высоко-нравственный, творческий, компетентный гражданин России <...> укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации», «Концепция развития дополнительного образования детей» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 4 сентября 2014 г. № 1726-р).

Выявлена особая актуальность проекта в контексте «Стратегии научно-технологического развития России до 2035 года» (утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г.), в которой среди стратегических ориентиров научно-технологического развития Российской Федерации выделены «новые внешние угрозы национальной безопасности (в том числе военные угрозы, угрозы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан), обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, глобальной и региональной нестабильностью, и усиление их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности».

2. Обоснована необходимость разработки в рамках рассматриваемого проекта:

– концепции подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для профессиональной этнокультурной деятельности в образовательных организациях и учреждениях культуры г. Москва;

– перспективной модели преемственной системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки в МГПУ кадров для профессиональной этнокультурной деятельности в образовательных организациях и учреждениях культуры г. Москва;

– учебно-методического комплекса (УМК) для подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для профессиональной этнокультурной деятельности в образовательных организациях и учреждениях культуры. В данный комплекс войдут: учебные и учебно-методические пособия, рабочие программы, фонды оценочных средств, другие компоненты целостной образовательной системы.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно направлено на педагогическое проектирование уникальной научно обоснованной, вариативной и интегрированной системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров к этнокультурной

деятельности в образовательных организациях и учреждениях культуры.

Практическое значение исследования состоит в том, что оно будет способствовать формированию этнокультурной компетентности педагогических кадров, необходимой для эффективной реализации современных государственных задач развития этнокультурной деятельности образовательных организаций и учреждений культуры.

Разработанный в процессе исследования образовательный проект может стать в перспективе основой создания новых теоретических моделей и региональных проектов формирования этнокультурной компетентности педагогических кадров.

Список литературы

1. *Кайтанджян М.Г.* Формирование интереса к обучению у детей в дошкольных учреждениях в процессе этнокультурного образования // Вестник социального института Московского городского педагогического университета. 2014. № 1. С. 143-148.
2. *Опарина Н.А.* Фольклорные традиции художественно-творческого воспитания детей в условиях семейных праздников // Дети и современный мир: вхождение в пространство ценностей культуры: материалы Междунар. науч. конф. Внеочередные Лазаревские чтения. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2017. С. 81-84.
3. *Аксакалова Л.Ю. и др.* Этнокультурные процессы в современном мире / под ред. Т.И. Баклановой. Саратов: Вузовское образование, 2016. 198 с.
4. *Аксакалова Л.Ю. и др.* Традиционная народная культура в современной социально-культурной деятельности и образовании / под ред. Т.И. Баклановой. Саратов: Вузовское образование, 2016. 143 с.

5. *Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры: опыт, проблемы, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Т.И. Бакланова.* Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс»; Москва, 2017. 440 с.
6. *Комплексная система обучения детей мигрантов русскому языку и русской культуре в поликультурной начальной школе города Москвы / под ред. Т.И. Зиновьевой.* М.: Изд-во «Перо», 2016. 231 с.
7. *Опарина Н.А., Левина И.Д.* Зрелищно-игровой фольклор в организации детского досуга // Перспективы художественно-образовательного и социокультурного развития столичного мегаполиса: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 33-37.
8. *Бакланова Т.И., Кайтанджян М.Г., Медведь Э.И., Опарина Н.А.* Русские народные праздники в школе. Саратов: Вузовское образование, 2016. 303 с.
9. *Сергеева В.П., Александрова С.А.* Фольклор как средство приобщения школьников к культуре своего народа // Образование и наука в современных условиях. 2017. № 1 (10). С. 183-186.
10. *Бакланова Т.И., Бабаева Е.В., Боткова В.К.* Современные тенденции развития социально-культурной деятельности и художественного образования: теория и практика / под общ. ред. Г.И. Грибковой. М.: УЦ Перспектива, 2017. 184 с.

Поступила в редакцию 15.11.2017 г.

Отрецензирована 20.12.2017 г.

Принята в печать 20.02.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Бакланова Татьяна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: moyurochta@bk.ru

Киселева Ольга Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: kiseleva.o.i@gmail.com

Медведь Элеонора Ильинична, кандидат педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, зав. кафедрой социально-культурной деятельности. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: med-elya@yandex.ru

Для корреспонденции: Медведь Э.И., e-mail: med-elya@yandex.ru

Для цитирования

Бакланова Т.И., Киселева О.И., Медведь Э.И. О проекте преемственной системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для этнокультурной деятельности в образовательных организациях и учреждениях культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 81-86. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-81-86.

ON THE PROJECT OF CONTINUITY OF THE EDUCATIONAL SYSTEM, FURTHER TRAINING AND PERSONNEL DEVELOPMENT FOR ETHNOCULTURAL ACTIVITY IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AND CULTURAL ESTABLISHMENTS

**Tatyana Ivanovna BAKLANOVA, Olga Igorevna KISELEVA,
Eleonora Ilinichna MEDVED**

Moscow City University
4-1 2-y Selskokhozyaystvennyy Dr., Moscow 129226, Russian Federation
E-mail: moypochta@bk.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the contemporary challenges of state educational and cultural policy aimed at enhancing the role of educational institutions in the admission of students to the ethnic and cultural heritage of the peoples of Russia. The objective of the research was development and scientific substantiation of the integrated system of training and methodological support of the training, advanced training and retraining in Moscow City University for cultural activities in institutions of general and additional education of children and the cultural institutions of Moscow. The following methods were used in the research: analysis of scientific sources, legal documents and educational practice, a theoretical modeling. The contradiction between the actual state problems of development of ethnocultural education of children and the lack of specialized teacher training for ethnocultural educational activities is revealed, necessity of pedagogical theory and practice in the development of scientific-methodical support and introduction of successive system of training for ethnocultural activities in conditions of higher and additional professional education is founded, the scientific background of pedagogical projecting ethnocultural educational system created in the framework of the scientific school “Theory, History and Methods of Teaching Folk Arts and Culture”, whose founder is professor T.I. Baklanova, are revealed. Implementation of the developed educational system is an important pedagogical condition of ethnocultural development of educational institutions and cultural institutions, in the implementation of this system, its contents must be supplemented by regional ethnocultural components.

Keywords: ethnocultural education; pedagogical education; further training; continuity of educational system; educational project

References

1. Kaytandzhyan M.G. Formirovanie interesa k obucheniyu u detey v doshkol'nykh uchrezhdeniyakh v protsesse etnokul'turnogo obrazovaniya [Formation of the interest to the education among children in preschool institutions in the process of ethnic and cultural education]. *Vestnik sotsial'nogo instituta Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Social Institute of Moscow City University], 2014, no. 1, pp. 143-148. (In Russian).
2. Oparina N.A. Fol'klornye traditsii khudozhestvenno-tvorcheskogo vospitaniya detey v usloviyakh semeynykh prazdnikov [Folklore traditions of artistic-creative education of children in the conditions of family holidays]. *Vneocherednye Lazarevskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Deti i sovremennyy mir: vkhozhdenie v prostranstvo tsennostey kul'tury»* [Special Lazarev Readings. Proceedings of International Scientific Conference “Children and Modern World: Entering the Space of Cultural Values”]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Culture Institute Publ., 2017, pp. 81-84. (In Russian).
3. Aksakalova L.Y. et al. *Etnokul'turnye protsessy v sovremennoy mire* [Ethnocultural Processes in Modern World]. Saratov, Vuzovskoe obrazovanie Publ., 2016, 198 p. (In Russian).
4. Aksakalova L.Y. et al. *Traditsionnaya narodnaya kul'tura v sovremennoy sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti i obrazovanii* [Traditional National Culture in Modern Social and Cultural Activity and Education]. Saratov, Vuzovskoe obrazovanie Publ., 2016, 143 p. (In Russian).
5. Baklanova T.I. (academ. ed.). *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Etnokul'turnaya deyatel'nost' v sovremennykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh i uchrezhdeniyakh kul'tury: opyt, problemy, perspektivy»* [Proceedings of International Scientific and Practical Conference “Ethnic Culture of Activity in Modern Educational Organizations and Institutions of Culture: Experience, Problems, Prospects”]. Cheboksary, Centre of Scientific Co-Operation “Interaktiv plus” Publ., Moscow, 2017, 440 p. (In Russian).
6. Zinoveva T.I. (ed.). *Kompleksnaya sistema obucheniya detey migrantov russkomu yazyku i russkoy kul'ture v polikul'turnoy nachal'noy shkole goroda Moskvy* [Complex System of Teaching Russian Language and Russian Culture to Migrants' Children in Multicultural Primary School of Moscow]. Moscow, “Pero” Publ., 2016, 231 p. (In Russian).

7. Oparina N.A., Levina I.D. Zrelishchno-igrovoy fol'klor v organizatsii detskogo dosuga [Spectacular-game folklore in organization of children's free time]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perspektivy khudozhestvenno-obrazovatel'nogo i sotsiokul'turnogo razvitiya stolichnogo megapolisa»* [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Perspectives of Artistic and Educational and Social and Cultural Development of Metropolitan Megapolis"]. Moscow, 2016, pp. 33-37. (In Russian).
8. Baklanova T.I., Kaytandzhyan M.G., Medved E.I., Oparina N.A. *Russkie narodnye prazdniki v shkole* [Russian National Holidays at School]. Saratov, Vuzovskoe obrazovanie Publ., 2016, 303 p. (In Russian).
9. Sergeeva V.P., Aleksandrova S.A. Fol'klor kak sredstvo priobshcheniya shkol'nikov k kul'ture svoego naroda [Folklore as a means of inclusion of schoolchildren to the culture of their people]. *Materialy 10 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh»* [Proceedings of 10 International Scientific and Practical Conference "Education and Science in Modern Conditions"]. Cheboksary, Centre of Scientific Co-Operation "Interaktiv plus" Publ., 2017, no. 1 (10), pp. 183-186. (In Russian).
10. Baklanova T.I., Babaeva E.V., Botkova V.K. *Sovremennye tendentsii razvitiya sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti i khudozhestvennogo obrazovaniya: teoriya i praktika* [Modern Tendencies of Social and Cultural Activities Development and Artistic Education: Theory and Practice]. Moscow, Training Centre Perspektiva Publ., 2017, 184 p. (In Russian).

Received 15 November 2017

Reviewed 20 December 2017

Accepted for press 20 February 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Baklanova Tatyana Ivanovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Social and Cultural Activities Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: moyepochta@bk.ru

Kiseleva Olga Igorevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Social and Cultural Activities Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: kiseleva.o.i@gmail.com

Medved Eleonora Ilyinichna, Candidate of Pedagogy, Professor, Honored Worker of Culture of Russian Federation, Head of Social and Cultural Activities Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: med-elya@yandex.ru

For correspondence: Medved E.I., e-mail: med-elya@yandex.ru

For citation

Baklanova T.I., Kiseleva O.I., Medved E.I. O proekte preemstvennoy sistemy podgotovki, povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki kadrov dlya etnokul'turnoy deyatel'nosti v obrazovatel'nykh organizatsiyakh i uchrezhdeniyakh kul'tury [On the project of continuity of the educational system, further training and personnel development for ethnocultural activity in educational organizations and cultural establishments]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 81-86. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-81-86. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 372.874

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-87-93

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА И ФОРМ ЕГО ТРАНСЛЯЦИИ В УЧЕБНИКАХ, УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

© Ирина Владимировна ЛОВЦОВА

Министерство культуры Российской Федерации

125993, ГСП-3, Российская Федерация, г. Москва, Малый Гнезниковский пер., 7/6, стр. 1, 2

E-mail: i.v.lovtsova@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы учебно-методического обеспечения образовательного процесса в детских школах искусств и детских художественных школах, реализующих дополнительные образовательные программы в области изобразительного искусства. Доказана необходимость теоретического обоснования и проектирования направлений развития системы формирования учебно-методических комплексов учебных предметов дополнительных образовательных программ. Проанализированы современные условия учебно-методического обеспечения образовательной системы детских школ искусств и роль совершенствования опыта учебных заведений (художественных лицеев, детских художественных школ и детских школ искусств) при создании учебников, учебных пособий и других компонентов учебно-методических комплексов учебных предметов. Поднят вопрос о компетенциях преподавателей, которые могут быть реализованы при создании учебников и учебных пособий. Сделан вывод о том, что содержание учебного материала и формы его трансляции должны быть выстроены на позициях соответствия современности, систематичности, основываться как на принципах сохранения академических традиций, так и на праве уважения к профессионализму и возможности самореализации самого педагога. Проанализированы вопросы актуальности и необходимости создания учебников и учебных пособий. Изучены подходы к формированию и особенности учебных пособий (учебные предметы «Рисунок», «Живопись»), созданных для обеспечения реализации предпрофессиональных программ в области изобразительного искусства «Живопись» и «Декоративно-прикладное творчество», «Дизайн», «Архитектура».

Ключевые слова: учебник; учебно-методический комплекс; учебный предмет; рисунок; живопись; дополнительные предпрофессиональные программы; детские школы искусств; детские художественные школы

Исследуемая проблема важна для осознания актуальности и путей совершенствования учебно-методического обеспечения образовательного процесса в детских школах искусств и детских художественных школах, реализующих дополнительные образовательные программы в области изобразительного искусства. В данном исследовании проанализированы современные условия учебно-методического обеспечения образовательной системы детских школ искусств и роль совершенствования опыта учебных заведений (художественных лицеев, детских художественных школ и детских школ искусств) при создании учебников и учебных пособий.

Целью исследования стали теоретическое обоснование и проектирование направлений развития системы формирования учебно-методических комплексов учебных предметов дополнительных образовательных программ.

В данном исследовании использованы методы изучения и анализа:

- законов, нормативной документации;
- научных работ, относящихся к данной теме;
- материалов научных конференций;
- документации, учебных планов и программ по подготовке преподавателей;
- опыта работы преподавателей художественных лицеев, детских художественных школ и детских школ искусств.

Формирование современных педагогических систем на основе сохранения академических традиций – важная задача для современного художественного образования. Эти принципы должны быть положены в основу на всех уровнях данного образования, в том числе в детских художественных школах.

Развитие детских художественных школ, решение проблем методического обеспечения и реализации современных образовательных программ в области изобразитель-

ного искусства, декоративно-прикладного искусства, архитектуры и дизайна – важная задача начального художественного образования.

Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрена реализация в детских школах искусств дополнительных предпрофессиональных общеобразовательных программ в области искусств. Основная цель данных программ – выявление одаренных детей, приобщение детей к искусству, развитие их творческих способностей и приобретение ими начальных профессиональных навыков.

Сохранение преемственности и закрепление основ обучения в учебниках и учебных пособиях – главное направление методической деятельности, обеспечивающее реализацию предпрофессионального образования.

В настоящее время «художественное образование лежит в основе формирования социально полноценной личности; оно воспитывает толерантность в современном многообразии культур нашего общества; пробуждает стремление к нравственному и духовному развитию. Оно стимулирует освоение культурного наследия своей страны и других народов» [1, с. 110].

Учебники, учебные пособия как издания, содержащие систематическое изложение учебного предмета, – основа современного обеспечения учебного процесса.

Учебное пособие – учебное издание, дополняющее или заменяющее частично или полностью учебник, официально утвержденное в качестве данного вида издания¹.

Данные компоненты несут основное содержание предмета, в учебниках аккумулируются все выверенные временем знания, понятия, методики и подходы. В содержание же учебного пособия включается новый, более актуальный материал, чем в учебник, так как пособие создается более оперативно, тем не менее, материал должен подаваться в русле фундаментальных знаний, изложенных в учебнике. В отличие от учебника учебное

пособие может включать спорные вопросы, демонстрирующие разные точки зрения.

Уровень требований к учебным предметам, заложенный в федеральных государственных требованиях, должен быть учтен при разработке учебников и учебных пособий. Знание этих требований и ориентация в современных рекомендациях и нормативных актах необходимы для компетентной разработки программно-методического обеспечения.

Опытные преподаватели, методисты могут быть авторами и разработчиками учебников и учебных пособий, реализуя свои профессиональные компетенции в данном методическом труде.

Компетентность – «это способность на практике реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной творческой деятельности в профессиональной и социальной сфере» [2, с. 26].

Программное изложение учебного курса в данных компонентах должно соответствовать структуре учебного пособия, которое в свою очередь расширяет дидактическое содержание примерной программы учебного предмета.

Учебные пособия по учебным предметам «Живопись» (Авторы: И.В. Ловцова, С.А. Горчаков), «Рисунок» (Авторы: И.В. Ловцова, И.И. Корнеев) предназначены для использования в детских художественных школах, художественных отделениях школ искусств, реализующих предпрофессиональные программы в области изобразительного искусства «Живопись» и «Декоративно-прикладное творчество», «Дизайн», «Архитектура». Также могут использоваться при реализации общеразвивающих программ в детских школах искусств, общеобразовательных школах, студиях, кружках и т. д.

Реализация предмета обеспечивается учебно-методическим комплексом, разработанным для 5–6-летнего срока освоения учебного предмета. В учебно-методический комплекс входят учебное, мультимедийное и методические пособия.

Данные учебные пособия обеспечивают содержание учебных предметов предпрофессиональных программ, отражая и воплощая современные достижения и методики в области начального обучения живописи и рисунку, предпрофессиональной подготовки в данных предметных областях.

¹ ГОСТ 7.60-2003. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения (введен постановлением Госстандарта России от 25.11.2003 г. № 331-ст). С. 8.

Учебные пособия «Живопись», «Рисунок» включают программное изложение учебного курса, методические рекомендации и пояснения, позволяющие преподавателю эффективно применить программные требования в педагогической практике.

Основными видами деятельности, лежащими в основе содержания учебного пособия по учебным предметам «Живопись», «Рисунок», являются изучение теоретического материала и произведений изобразительного искусства, практическая деятельность по созданию художественных работ и выполнение упражнений.

В ходе обучения учащиеся приобретают знания, умения и навыки по выполнению живописных работ: изучают свойства живописных материалов, осваивают различные живописные техники, получают знания о художественных и эстетических свойствах цвета, основных закономерностях создания цветового строя, формируют с помощью преподавателя умения видеть и передавать цветовые отношения в условиях пространственно-воздушной среды, изображать объекты предметного мира, пространство, фигуру человека. При освоении программы учащиеся в учебном процессе приобретают навыки грамотного использования основных живописных техник и материалов и последовательного ведения живописной работы.

Современные тенденции развития изобразительного искусства таковы, что разнообразие взглядов на понятие художественного творчества является их характерной особенностью [3].

Благодаря объединению достижений самых передовых детских художественных школ и художественных лицеев учебные пособия «Живопись» и «Рисунок» содержат лучшие современные методики.

Основной целью профессиональной деятельности преподавателя детской школы искусств является как организация деятельности по усвоению знаний, формированию умений и компетенций, так и создание условий для развития «творческих способностей обучающихся, ориентация, мотивация обучающихся на будущую профессию» [4, с. 196].

Графика и живопись – виды изобразительного искусства, связанные с передачей зрительных образов, визуальные виды искусства. Поэтому особое внимание было уделе-

но обеспечению иллюстративного ряда учебных пособий.

С XVIII века большинство авторов пособий по изобразительному искусству с большим вниманием относились к выполнению иллюстративно-наглядного материала. Изображения носят важный методический характер и указывают ученику пути и методы овладения искусством живописи.

Каждая схема, рисунок, иллюстрация, пример произведений великих художников используются в учебном пособии для того, чтобы ясно и наглядно раскрыть метод анализа и построения изображения.

При рассмотрении проблемы необходимо показать, что художественное образование – «это процесс усвоения знаний и навыков в области искусства в определенной системе» [5, с. 666].

Содержание учебных пособий включает теоретическое обоснование и практическую часть, проиллюстрировано примерами работ учащихся Санкт-Петербургского художественного лицея им. Б.В. Иогансона и работами детей одних из лучших детских художественных школ России (Детская художественная школа № 3 им. Е.В. Гурова, г. Омск; Детская школа искусств им. С.Т. Рихтера, г. Москва; Детская художественная школа № 2, г. Самара; Объединенная детская школа искусств № 3, г. Братск).

Структура учебного пособия соответствует программному изложению учебного курса, при этом учебное пособие расширяет дидактическое содержание примерной программы учебного предмета, что «позволит решить многие теоретические и практические задачи художественно-эстетического образования подрастающего поколения страны» [4, с. 194].

Учебное пособие по учебному предмету «Живопись» дополнено возможностью выбора материалов и техники выполнения практической работы. При этом практическая часть содержит примеры в двух вариантах решений: акварель и гуашь. Это соответствует демократическим принципам и современным тенденциям и подходам в обучении живописи.

Методические рисунки играют не только образовательную, но и воспитательную роль. Изучая наследие и воспринимая художественную культуру своих предшественников, юные художники осваивают академические

принципы. Обучение на данных принципах способствует сохранению и передаче последующим поколениям традиций русской школы изобразительного искусства.

Методика обучения и воспитания при обучении изобразительному искусству должна строиться на научных основах с учетом доказанного эффективного опыта академической школы художественного образования. Поэтому современные методисты, преподаватели и руководители художественных школ обобщили опыт усовершенствованных методик, обогатили учебное пособие иллюстрированием различных методик, подходов и техник, применяемых при обучении живописи в рамках современного развития искусства. Кроме того, «использование проблемного, эвристического и исследовательского методов обучения обеспечивает включение учащихся в творческую (продуктивную) деятельность» [6].

Важной частью учебных пособий является знакомство с произведениями мировой художественной культуры, которое формирует познавательный интерес к великим произведениям живописи, развивает способности анализировать конструктивные и колористические особенности произведений искусства.

На примерах произведений великих мастеров учащиеся изучают принципы цветовой композиции и гармонизации, неразрывной с цветоведением, а также тесную связь с рисунком и композицией.

Безусловно, «изучение теории и практики изобразительного искусства активно способствует развитию профессионального понимания языка художественной формы, видения художественных средств выражения, а также полноценного восприятия художественных качеств произведений» [7, с. 66].

В учебные пособия «Живопись» и «Рисунок» включены отдельные методические разработки пошагового живописного решения натюрмортов, ученики могут увидеть каждый этап работы, проследить последовательность работы над заданием.

Учебное пособие включает программное изложение учебного курса, методические рекомендации и пояснения, позволяющие преподавателю эффективно применить программные требования в педагогической практике.

В силу возрастных психо-физиологических возможностей детей (возраст) анализ

художественных произведений идет неразрывно с текстом.

Объем материала по каждой теме и классу рассчитан на чтение, рассматривание и анализ примеров и соотносится с возрастными особенностями восприятия детей, обучающихся по данной программе (1 класс – дети с 10 лет).

Рецензентами учебных пособий по учебным предметам «Живопись» и «Рисунок» отмечается то, что структура учебного пособия выдержана, все разделы прописаны четко, конкретно. Темы заданий носят рекомендательный характер. Учебно-тематический план каждого года повторяется с постепенным усложнением целей и задач. Цикличность тем не снижает достоинства учебного пособия, а позволяет выстраивать все задания вокруг главных направлений.

Текст учебного пособия отличается логичностью, доступностью языка и лаконичностью. Особенно ценным является обилие иллюстраций, примеров из художественных произведений и ссылок на работы отечественных и зарубежных мастеров искусства. Находясь вне зависимости от идеологических установок, авторы представили палитру взглядов и оценок на творческий процесс как со стороны современных, так и консервативных традиций.

К каждому учебному пособию созданы методические и мультимедийные пособия.

Методическое пособие – вид методической работы, содержащий обобщение значительного опыта, накопленный в детской художественной школе и содержащий рекомендации по его использованию и развитию.

Методические пособия являются важным помощником для педагога, разъясняя методические технологии, приемы или особенности программы.

Методическое пособие включает программное изложение учебного курса, методические рекомендации и пояснения, позволяющие преподавателю эффективно применить программные требования в педагогической практике. Также методические пособия по данным учебным предметам могут содержать примеры поурочных планов на некоторые темы.

Мультимедийное пособие по учебным предметам «Рисунок», «Живопись» соответствует по структуре, содержанию и художе-

ственному оформлению форме учебного пособия, содержит мультимедийные элементы, расширяющие и дополняющие содержание учебника.

Мультимедийные пособия – это современный язык изложения материала, понятный, знакомый и интересный для учащихся. Важной компетенцией преподавателей детских художественных школ является владение компьютерными технологиями и умение грамотно применять их в учебном процессе.

Методические материалы для детских художественных школ должны быть мобильными и отвечать современным условиям динамично меняющегося мира, ориентироваться на изменения информационного общества и индивидуальные потребности личности учащихся.

Искусство учит пониманию и принятию другого человека, способствует становлению толерантного сознания, гуманистической направленности личности. Художественное образование во всем своем многообразии, влияя на морально-духовное, эстетическое, интеллектуальное развитие личности, необходимо каждому человеку для его успешной и полноценной жизни в современном обществе [8].

Реализация дополнительных образовательных программ невозможна без учебно-методического обеспечения, а именно: раздаточного материала, дидактических, информационных и справочных материалов, тематических учебных и методических пособий, специальной и методической литературы и т. п. Поэтому одним из важных направлений организации образовательной деятельности в детских школах искусств является создание учебно-методического комплекса по учебному предмету.

Необходимо понимать, что «объективные возможности, заложенные в содержании учебного материала при специальных методических разработках и определенных условиях, могут способствовать эффективному формированию личностных качеств учащихся, их творческих способностей, их художественному образованию и эстетическому воспитанию» [6, с. 29].

Содержание учебного материала и формы его трансляции должны быть выстроены на позициях соответствия современности, систе-

матичности, основываться как на принципах сохранения академических традиций, так и на праве уважения к профессионализму и возможности самореализации самого педагога.

Список литературы

1. *Корешков В.В., Новикова Л.В.* Художественная педагогика на современном этапе // Академическая наука – проблемы и достижения: материалы 3 Междунар. науч.-практ. конф. North Charleston, 2014. С. 109-111.
2. *Ушаков А.А.* Развитие исследовательской компетентности учащихся общеобразовательной школы в условиях профильного обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2008. 26 с.
3. *Роцин С.П.* Формирование профессионально-личностных потребностей художника-педагога: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М.: МГПУ, 2010. 54 с.
4. *Буровкина Л.А., Шматко Т.В.* Проблема художественного образования в условиях поликультурного образовательного пространства города Москвы // Современные тенденции развития изобразительного, декоративно-прикладного искусства и дизайна: сб. ст. / отв. ред. М.С. Соколова, М.В. Соколов. Новосибирск: НГПУ, 2015. Вып. 13. С. 192-196.
5. *Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминологический словарь* / под общ. ред. А.М. Кантора. М.: Эллис Лак, 1997. 736 с.
6. *Буровкина Л.А.* Теоретико-методологические условия художественного образования учащихся в учреждениях дополнительного образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М.: МГПУ, 2011. 38 с.
7. *Буровкина Л.А.* Педагогические условия творческого развития личности школьника в процессе обучения изобразительному искусству // Materialy 9 mezinardni vedetsko-prakticka tsonferentse “Veda a tekhnologiya: krok do budoutsnosti 2013”. Dil 11. Pedagogika. Praha: Publ. House “Education and Science”, 2013. С. 64-67.
8. *Корешков В.В.* Художественное образование для всех // Современные тенденции развития изобразительного, декоративно-прикладного искусства и дизайна: сб. ст. / отв. ред. М.С. Соколова, М.В. Соколов. Новосибирск: НГПУ, 2015. Вып. 13. С. 267-273.

Поступила в редакцию 07.11.2017 г.

Отрецензирована 15.12.2017 г.

Принята в печать 20.02.2018 г.

Информация об авторе

Ловцова Ирина Владимировна, специалист Департамента науки и образования. Министерство культуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: i.v.lovtsova@yandex.ru

Для цитирования

Ловцова И.В. Проблемы формирования учебного материала и форм его трансляции в учебниках, учебных пособиях в области изобразительного искусства // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 87-93. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-87-93.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-87-93

PROBLEMS OF THE FORMATION OF EDUCATIONAL MATERIAL AND FORMS OF ITS TRANSLATION IN TEXTBOOKS, TEACHING AIDS IN THE FIELD OF FINE ARTS

Irina Vladimirovna LOVTSOVA

Ministry of Culture of Russian Federation

7/6-1, 2 GPS-3, Malyy Gnezdnikovskiy Ave., Moscow 125993, Russian Federation

E-mail: i.v.lovtsova@yandex.ru

Abstract. The problems of methodical maintenance of educational process of children's art schools and children's schools of fine arts that implement additional educational programs in the field of fine arts are discussed. The necessity of theoretical study and design directions of development of system of forming of educational and methodical complexes of additional educational programs subjects is proved. Modern conditions of training and methodological support of the educational system of children's art schools and the role of improvement practices of educational institutions (art schools, children's art schools and children's schools of fine arts) to create textbooks and other components of educational and methodical complexes of subjects are analyzed. The study raises the question of the competences of teachers, which can be implemented when creating textbooks and training manuals. The conclusion is made that the content of the training material and its translation should be arranged in positions matching modernity, systematicity, be based on the principles of preserving academic traditions and on the principle of respect for the professionalism and empowerment of the teacher. The relevance and necessity of creation of textbooks and manuals are analyzed. The features and approaches to development of teaching materials (educational subjects "Drawing", "Painting"), created to ensure the implementation of pre-professional programs in the field of fine arts "Painting" and "Arts and Crafts", "Design", "Architecture" are also examined.

Keywords: textbook; educational and methodical complex; educational subject; drawing; painting; additional pre-professional programs; children's art schools; children's school of fine arts

References

1. Koreshkov V.V., Novikova L.V. Khudozhestvennaya pedagogika na sovremennom etape [Art pedagogy on the modern stage]. *Materialy 3 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Akademicheskaya nauka – problemy i dostizheniya»* [Proceedings of 3 International Scientific and Practical Conference "Academic Science – Problems and Achievements"]. North Charleston, 2014, pp. 109-111. (In Russian).
2. Ushakov A.A. *Razvitiye issledovatel'skoy kompetentnosti uchashchikhsya obshcheobrazovatel'noy shkoly v usloviyakh profil'nogo obucheniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Development of Research Competence of Secondary School Students in the Conditions of Profile Training. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Maykop, 2008, 26 p. (In Russian).
3. Roshchin S.P. *Formirovaniye professional'no-lichnostnykh potrebnostey khudozhnika-pedagoga: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Formation of Professional and Personal Needs of the Artistic Teacher. Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, Moscow City University Publ., 2010, 54 p. (In Russian).
4. Burovkina L.A., Shmatko T.V. Problema khudozhestvennogo obrazovaniya v usloviyakh polikul'turnogo obrazovatel'nogo prostranstva goroda Moskvy [Problem of Art Education in the Multicultural Educational Space of Moscow]. *Sovremennye tendentsii razvitiya izobrazitel'nogo, dekorativno-prikladnogo iskusstva i dizayna* [Modern Trends

- in the Development of Fine, Decorative and Applied Art and Design]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, 2015, issue 13, pp. 192-196. (In Russian).
5. Kantor A.M. (gen. ed.). *Apollon. Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arkhitektura: terminologicheskii slovar'* [Apollo. Fine and Decorative Arts. Architecture: Terminology Dictionary]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1997, 736 p. (In Russian).
 6. Burovkina L.A. *Teoretiko-metodologicheskie usloviya khudozhestvennogo obrazovaniya uchashchikhsya v uchrezhdeniyakh dopolnitel'nogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Theoretical and Methodological Conditions of Art Education of Students in Institutions of Additional Education. Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, Moscow City University Publ., 2011, 38 p. (In Russian).
 7. Burovkina L.A. Pedagogicheskie usloviya tvorcheskogo razvitiya lichnosti shkol'nika v protsesse obucheniya izobrazitel'nomu iskusstvu [Pedagogical conditions of student's personality creative development in the process of teaching fine arts]. *Materialy 9 mezinardni vedetsko-praktitska tsonferentse "Veda a tekhnologiya: krok do budoutsnosti 2013". Dil 11. Pedagogika*. Prague, Publ. House "Education and Science", 2013, pp. 64-67. (In Russian).
 8. Koreshkov V.V. Khudozhestvennoe obrazovanie dlya vseh [Art education for all]. *Sovremennye tendentsii razvitiya izobrazitel'nogo, dekorativno-prikladnogo iskusstva i dizayna* [Modern Trends in the Development of Fine, Decorative and Applied Art and Design]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, 2015, issue 13, pp. 267-273. (In Russian).

Received 7 November 2017

Reviewed 15 December 2017

Accepted for press 20 February 2018

Information about the author

Lovtsova Irina Vladimirovna, Specialist of Science and Education Department. Ministry of Culture of Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: i.v.lovtsova@yandex.ru

For citation

Lovtsova I.V. Problemy formirovaniya uchebnogo materiala i form ego translyatsii v uchebnikakh, uchebnykh posobiyakh v oblasti izobrazitel'nogo iskusstva [Problems of the formation of educational material and forms of its translation in textbooks, teaching aids in the field of fine arts]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 87-93. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-87-93. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 372.87

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-94-101

ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ ТЕХНОЛОГИЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РЕЖИССУРЫ РУССКОГО ТЕАТРА

© Наталья Витальевна БЕЛЯКОВА, Сергей Алексеевич ЧЕБОТАРЕВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: belyakova.nv@list.ru

Аннотация. Рассмотрено влияние традиционной восточной культуры на эволюцию театральной режиссуры в России в первые десятилетия XX века. Опыт театральных постановок и создание новой методологии (системы) профессиональной подготовки актера в деятельности К.С. Станиславского, В.Э. Мейерхольда, А.Я. Таирова представляют значительный интерес для изучения взаимопроникновения европейской эстетики сценического искусства, в данном случае русского психологического театра, и древней культуры стран Китая, Японии, Индии. Выявлены различные пути, эксперименты и поиски выдающимися режиссерами К.С. Станиславским, В.Э. Мейерхольдом, А.Я. Таировым новых театральных форм, совершенствования актерской технологии, способствующие созданию на русской сцене в эпоху социальных катаклизмов театра будущего. Применение актерских техник и актерских приемов восточных искусств, использование новых выразительных средств определили создание особенного сценического языка и обогатили постановочную культуру спектаклей. Детальный анализ экспериментальной и художественно-постановочной деятельности русских реформаторов сцены выявил мощный творческий нрав отечественной режиссуры в стремлении к синтезу искусств и созданию театра новой эпохи.

Ключевые слова: восточные традиции; русский театр; искусство; режиссер; актер

Реформаторы русской театральной культуры на рубеже XIX–XX столетий в поисках универсального пути развития театра активно обращались к культурному наследию прошедших эпох, древности Востока и обнаруживали глубокую связь с русской духовной традицией, устремленной к синтезу и всеединству. Театр рубежа веков являлся синтезом искусств, эстетических направлений, художественных школ, стилей, методов. Значительное место в поиске новых форм и выразительных средств занимало традиционное сценическое искусство Китая, Японии, Индии.

Для русской театральной традиции идея целостности, всеединства является сущностной характеристикой. Это театр, создаваемый на основании концепции органической целостности, где искусство и природа актера сливаются в единство, где есть живой процесс совместного творчества, активный и содержательный, для которого важен сам путь постоянного совершенствования и открытия новых смыслов. В нем скрытое и явное, видимое и невидимое, внутреннее и внешнее, сознательное и подсознательное, дополняя друг друга, образуют противоречи-

вое целое, где каждая часть составляет художественную образность спектакля.

Органическая целостность, свойственная русскому театру, состоит, прежде всего, в специфическом восприятии искусства, в русской традиции театр не только самоценное эстетическое явление, но и духовно-эстетическое, здесь человек через искусство служит божественному мирозданию, воплощая на сцене «жизнь человеческого духа» (по определению К.С. Станиславского). В театральной практике идея всеединства воплотилась в отношении к театру как к храму, собору, таинству, где происходит единение земного и небесного, отсюда исходит вера в высокое предназначение театра – быть «кафедрой, с которой можно много миру сказать добра», – это определение Н.В. Гоголя [1].

На русской сцене всегда было специфическое отношение к форме и содержанию. В русском театре не признавалась самоценная внешняя форма – это пустота, личина, за которой не чувствовалось содержания. Главным достижением отечественного сценического искусства было постижение глубин человеческой психологии в процессе создания художественного образа. В стремлении к их органичной связи русские режиссеры на-

чала XX века, часто преодолевая общепринятые законы, характерные для искусства, изменяя границы между жизнью и творчеством, выходя за рамки известных эстетических форм и стилей, обращались к приемам и техникам других национальных театров Востока, осваивали новое театральное пространство, открывали новые культурные смыслы. Революция 1917 г. и социальное переустройство в России во многом сподвигли деятелей искусства к решительному обновлению театра и обогащению самого языка и культуры сценических постановок. В кратчайшие сроки русская режиссура была способна усвоить чужие формы театральной традиции, глубоко изучив и преобразовав их, на уровне открытого эксперимента со своими студиями, актерами, единомышленниками смогла смело представить новые постановки перед зрительской аудиторией. Благодаря открытию К.С. Станиславским, В.Э. Мейерхольдом, А.Я. Таировым, Е.Б. Вахтанговым новых театральных форм русский театр стал в XX веке всемирным центром театрального новаторства.

Формирование умных чувств для русского актера является основополагающим. Главное открытие К.С. Станиславского в русском театре – органические законы творчества. Актерское творчество также целостно и органично, как природа. Замысел вызревает, роль вынашивается, образ рождается благодаря неотделимости сферы физической от сферы духовной (по П.С. Мочалову, мастерство и душа суть одно и то же) – в этом состоит актерское искусство. Великий режиссер и создатель системы профессиональной подготовки актера К.С. Станиславский искал обоснование для психологизма в театральном искусстве.

В поисках целостности актерского существования, в стремлении найти механизм управления актерскими эмоциями К.С. Станиславского привлекли к себе индийская классическая философия, индийские эзотерические практики, которые давали человеку власть над самим собой. Он обращался к опыту индусских йогов, учился подходить к бессознательному через сознательные подготовительные приемы, от телесного – к духовному, от натурализма – к отвлеченному, от реального – к ирреальному. Работая над своей системой, К.С. Станиславский заимст-

вовал также приемы медитации у монахов, которые настраивали себя на нужный лад перед ритуалом, что во многом напоминает один из приемов подготовки исполнителя к выходу на сцену, так называемый «туалет актера», применяемый в воспитании артистической молодежи.

В своей режиссерской практике гениальный реформатор обращался и к подлинной японской художественной традиции. Почувствовать колорит традиционного японского и китайского театров и познакомиться с уникальными элементами акробатического тренинга К.С. Станиславскому помогла встреча с семьей японских акробатов, которые преподали ему основы мастерства.

Освоение различных театральных техник во многом способствовало созданию К.С. Станиславским совершенно уникальной методологии актерского искусства.

Выдающийся русский режиссер, определивший своими творческими исканиями новые пути развития русского театра в первые десятилетия XX века, безоговорочно принявший революцию и устремленный пафосом революционных перемен в театре в будущее, создатель условного театра и биомеханики В.Э. Мейерхольд блестяще знал мировую культуру и для своих экспериментов неоднократно в поисках мистической тайны мира, тайны сценической условности и символических приемов обращался к театральным традициям китайского и японского театров, для которых целостность есть сочетание явленного и сокрытого, все в одном и одно во всем.

Режиссер сам отмечал, что «учился на традициях японского театра» [2, с. 197]. Он понимал восточную культуру, во многих его спектаклях присутствовали элементы японской и китайской театральных систем, но никогда не стилизовал, а органично вплетал их в структуру спектаклей. В.Э. Мейерхольда во многом увлекало совершенство форм восточного театра.

Ставя пьесу «Балаганчик», В.Э. Мейерхольд пробует передать поэтическую неповторимость пьесы А.А. Блока приемами восточного театра. Многие другие спектакли В.Э. Мейерхольда также имели восточный колорит. В постановке «Дон Жуан» В.Э. Мейерхольд начал с разрушения привычного сценического пространства: режиссер использо-

вал просцениум, вынес стулья из партера, граница между сценой и залом была разрушена, возникшее пространство могло ассоциироваться с «дорогой цветов» японского театра.

В сценографическом решении спектакля В.Э. Мейерхольд стремится к минимизации оформления сцены и передаче сценического образа мира через игру актеров, используя главный принцип сценографии китайского театра. Пространственные принципы восточного представления дополняли новые персонажи: слуги просцениума. Они были одеты подобно героям японского театра кабуки в цветные парики, кимоно и шаровары. Открытым приемом – на глазах у зрителей они меняли декорации, зажигали свечи и объявляли об антракте. Этот постановочный ход был использован режиссером в разных спектаклях, так же, как и прием «маски», что помогало создать особую атмосферу театральности.

Актеры восточного театра выражают свои чувства при помощи особой знаковой системы с использованием поз, жестов, мимики, подчиняются ритму и действию. В.Э. Мейерхольд уделял большое внимание конкретным проявлениям актерского мастерства в восточном театре, искусство игры китайских и японских актеров привлекало его своей универсальностью, способностью одновременно владеть движением и голосом, ритмом и жестом. Ему нужны были актеры, умеющие владеть своим телом как инструментом.

Актер будущего, по мысли В.Э. Мейерхольда, должен будет овладеть своим эмоциональным порывом и держать себя в рамках техники старого театра. Режиссерские искания В.Э. Мейерхольда отчасти опирались на техники старо-японского и старо-китайского театра, «когда актер, готовясь к сцене, должен всего себя приготовить – со стороны движений, со стороны голоса, со стороны акробатизма, со стороны умения двигаться под оркестр, со стороны умения сделать сальто-мортале и т. д. и т. п.» [2, с. 72].

Период режиссерских исканий В.Э. Мейерхольда в студии на Бородинской был апогеем его увлечений театром Востока. Он часто говорил студийцам об условных приемах японского, китайского, индийского театров, упоминал о йогох, об особом способе дыхания. Многообразный опыт восточного театра

В.Э. Мейерхольд включил в свою режиссерскую палитру и подчинил новым задачам современности.

Справиться с техникой исполнения самой трудной роли можно было только в условиях ежедневного актерского тренинга. В.Э. Мейерхольд приводил в пример японских актрис Сада Якко и Гонако Оота, посетивших Россию во время гастролей, отмечая важную особенность их профессиональной подготовки.

«Ни одному актеру старой японской сцены не дано было стать трагическим актером, если он не прошел акробатической и танцевальной школы»¹.

Забываясь о воспитании синтетического актера театра будущего, В.Э. Мейерхольд проводил биомеханические опыты, в результате которых возникла собственная техника совершенствования актерского аппарата – биомеханика. В основу технологии метода В.Э. Мейерхольда легли многие приемы актерского искусства восточной школы. В.Э. Мейерхольд помогал актеру открыть забытый им язык пластического мышления, выражающий и характер, и психологию, и самого актера в сценическом пространстве.

Вопреки дилетантизму и ожиданию вдохновения, актер, по убеждению В.Э. Мейерхольда, должен был быть мастером своего дела и уделять профессии много времени, как это принято в театре Востока, где актерским навыкам обучали с детства, и небрежность в игре всегда была наказана. Великий русский мастер придавал огромное значение тренажу и трудолюбию актеров.

Эталоном преданности сценическому искусству для его учеников должны явиться актеры театра кабуки. В его студии в программу пластического воспитания и сценического движения были введены занятия по обучению приемам игры из японских и китайских театров. Он мечтал об актере-гистрионе, актере-миме, жонглере, мастере блестящих театральных превращений. «Мейерхольд своей биомеханикой разрабатывал азбуку актерского мастерства – основу основ профессионализма», – отмечает Е.В. Шахматова [3, с. 111].

В студии на Бородинской занятия проходили при полном освещении, используя

¹ Творческое наследие В.Э. Мейерхольда. М.: Искусство, 1978. С. 34.

опыт восточного театра, изображение ночи на сцене происходило исключительно через актерскую игру. Это было экспериментом для русской постановочной культуры. В театрах Востока В.Э. Мейерхольда интересовала еще одна особенность – движение актера не в такт музыке, а в совершенно самостоятельном, параллельном ритмическом рисунке человеческого тела, он взял также движение и характер динамики, что составляет танец.

«Движения и жесты, творимые актером в пространстве, создавали то, что Мейерхольд называл декоративностью. Дело не в убранстве сцены и пышных одеяниях... Декоративность – это еще и невидимый узор, оставленный движением танца и жестом. Логическая зависимость сюжета от слова, произносимого актером, в театре гротеска теряет силу, слова – по В.Э. Мейерхольду – лишь узоры по канве движений» [3, с. 116]. Таким образом, в театре движения приобретают ведущее значение, в театральном эксперименте В.Э. Мейерхольда основными средствами выражения мысли становятся жест и танец.

В ритмической основе движений режиссер В.Э. Мейерхольд ощущал непреходящую сущность театрального представления. В восточном театре В.Э. Мейерхольд находил пример блестящего отсчета времени на сцене, где введена система отстукивания. В.Э. Мейерхольд нашел эквивалент этому приему в ритмическом построении спектакля, жестком хронометраже, определяющем в минутах и секундах длительность каждой сцены, монолога или паузы. При таком подходе к актерскому искусству исполнителю необходимо было воспитать в себе чувство сценического времени.

Характеризуя различные приемы усиления игры, значения «паузы», «отказа», «предыгры», В.Э. Мейерхольд вспоминал, как пользовалась этими приемами японская актриса Сада Якко, к приему усиления игры японцы прибегали в момент кульминации. Но прежде, чем дать удвоение своих эффектов, они подготавливали зрителя с помощью «отказа», «торможения действия», а также с помощью своеобразного «стоп-кадра», то есть паузы, фиксирующей мгновение наиболее выразительного движения персонажа. «В театре всегда нужно было сопровождение музыки, всегда нужен был танец, – отмечал

В.Э. Мейерхольд, – и японцы и китайцы XVII века вносят еще одну поправку. Игра нас интересует не как таковая, а нас интересует предыгра, ибо то напряжение, с которым зритель ждет, важнее того напряжения, которое получается от уже полученного и разжеванного. Театр как раз не на этом стоит. Он хочет купаться в этих ожиданиях действия. Это его гораздо больше интересует, чем самое осуществление»².

В общей композиции мейерхольдовских спектаклей значительное место занимали эпизоды, предшествующие событию. Со временем это нашло отражение в теории монтажа эпизодов.

Большое значение в театральной концепции В.Э. Мейерхольда имеет понятие «самолюбование актера в процессе игры», или иными словами – принцип «зеркаления». Принцип отстраненного «самолюбования в процессе игры» явился приемом, позволяющим средствами пантомимы и мимики продемонстрировать душевные движения персонажа, пластическим рисунком обозначить реплику. В.Э. Мейерхольд пытался найти способ выражения психологии героя посредством «отчуждения» актера от роли.

Принцип «самолюбования» у В.Э. Мейерхольда тесно связан с восточной философией, с точки зрения которой созерцать себя в зеркале – значит проникать в глубины человеческого духа. Актер театра Востока должен был уметь соотносить себя с исполняемой ролью, а не только со зрительской аудиторией.

Экспериментальная режиссура В.Э. Мейерхольда и в студиях, и на большой сцене во многом определила лицо современного театра. Обратившись к богатейшему опыту восточной культуры, Мастер извлек из ее багажа традиционные театральные формы и, переосмыслив эти формы, ввел их в контекст русской театральной культуры, отвечая эстетической потребности новой эпохи.

В.Э. Мейерхольд один из первых в России режиссеров, обратившийся к Востоку, определил направление будущих поисков синтетического театра.

Великолепная актерская техника, изучение человеческого тела, владение голосом, понимание выразительности замедленного

² Творческое наследие В.Э. Мейерхольда. М.: Искусство, 1978. С. 76.

движения, повышенная сосредоточенность, искусство маски, магия пустого сценического пространства, моментально трансформирующегося под влиянием актерской игры, – все это вслед за В.Э. Мейерхольдом и другими новаторами театра привлекло к себе внимание многих деятелей сценического искусства в XX веке.

Проходы актеров в зрительном зале «дорога цветов», необычное обыгрывание вещи, преобразование ее в зависимости от отношения актера, момент отчуждения в актерской игре, йоговская система дыхания, приемы отказа, торможения действия, предыгры, введение хронометража спектакля, специфический условный язык сценографии способствовали обновлению режиссерско-постановочной культуры русского театра, его развитию и восхождению от натурализма к вершинам театральности.

На осмысление китайской традиции в русской режиссуре оказали влияние гастрели в 1935 г. в Россию актера, выдающегося театрального деятеля традиционного театра Мэй Ланьфана, творчество которого имело важное значение и для театра хуацзюй, и для развития русской театральной системы. В.Э. Мейерхольд и С.М. Эйзенштейн восхищались искусством великого мэтра, отмечая его влияние на новый строящийся в России театр, а также умение Мэй Ланьфана преодолеть в своих работах поверхностный «экзотизм». В.Э. Мейерхольд неоднократно говорил, что «восточный театр своими приемами обогащает многонациональную культуру современности» [4, с. 241].

Создатель театра эмоциональных форм А.Я. Таиров понимал целостность в театре как синтез эмоции и формы, порожденный творческой фантазией режиссера и безупречным сценическим мастерством артистов, он был сторонником воспитания синтетического актера. На сцене Свободного театра, где ставил свои спектакли А.Я. Таиров, исполняли оперу и оперетту, играли драму и пантомиму.

Концепция целостности художественного творчества А.Я. Таирова складывалась под воздействием театральных традиций Китая и особенно Индии. Его тайна символических приемов, порожденных художественным синтезом, раскрывалась в поисках простоты выразительного языка актера, примитива как

стиля. Причем А.Я. Таиров считал, что процесс поиска режиссером целостности сценического образа глубоко индивидуален и не поддается никаким правилам.

Синтез ума и чувств, сценическая целостность, присущая русскому театру, обнаруживает некоторое сходство с восточным. Но способ актерского существования и методы для перевоплощения в роли существенно разные. Восточному актеру необходимо закрыть лицо маской, так как под ней происходит максимальная концентрация энергии, а для русского театра всегда были характерны открытое лицо актера, нагота души и духа, искренность, сердечность, исповедальность, в этом случае актерская эмоция имеет особенную содержательную наполненность и выразительность, магическим образом воздействуя на зрителя.

Яркая, утонченная форма таировских постановок возникала из органического сплава художественных компонентов: изысканной сценографии и костюмов, музыкальности, пластической выразительности, пронизывающей доминантой становилась эмоциональная насыщенность актерского исполнения.

В 1913 г. на сцене Свободного театра режиссером А.Я. Таировым и художником А.А. Араповым был создан спектакль по пьесе Г. Бенримо и Дж. Хазлтона «Желтая кофта» в манере китайского классического театра. Работая над постановкой, А.Я. Таиров уточнял для себя категорию «синтез». В понимании этого феномена он дает следующее определение: «синтетический театр – это театр, сливающий органически все разновидности сценического искусства так, что в одном и том же спектакле все искусственно разьединенные элементы слова, пения, пантомимы, пляса и даже цирка, гармонически сплетаясь между собой, являют в результате монолитное театральное произведение» [5].

Обращение к китайскому традиционному искусству способствовало раскрепощению актера, освобождению его сценического существования от правил натуралистического театра и обогащению игры новыми приемами условной сценической выразительности. Многообразие первичных элементов лицедейства, игры с предметами, особое отношение к сценографии, примененные в спектакле, «не только поражали своим необычным экзотизмом, но и вводили в особый те-

атральный мир» [6, с. 13]. На материале китайской сказки режиссер создал блестящий образец синтетического театра.

Совместная работа режиссера и художника, исполненная высокого вкуса и стиля, являлась изящной стилизацией подлинного Китая: шелковый занавес был расшит золотисто-зелеными драконами, красочные декорации трансформировались с помощью ширм и занавесок, условное изображение гор и лодки создавалось с помощью стульев, китайские вазы и шкатулки заполняли пространство, роскошные костюмы дополняли символические цвета и рисунки грима.

В китайской зрелищной традиции отсутствовало буквальное подражание жизни. А.Я. Таиров ценил в ней это органическое сочетание реализма и условности. Глубокое изучение и талантливое применение А.Я. Таировым приемов китайского условного театра в своей режиссерской практике способствовало рождению новой сценической эстетики [7; 8].

В первые десятилетия XX века в творческом поиске новых театральных форм и актерских технологий К.С. Станиславский, В.Э. Мейерхольд, А.Я. Таиров принесли на сцену элементы восточных традиций и в своей режиссерской практике реализовали их комплексное объединение с европейской традицией, это нашло отражение в проблеме синтеза и понятия стиля [9].

На отечественной сцене они продемонстрировали синтетичность театрального искусства Востока, условность, музыкальность, символичность, сохранив при этом русскую идентичность, художественность и подлинность.

Благодаря обращению русских режиссеров к традициям восточной культуры, отечественный театр существенно обогатил язык сценического действия, где основным выразительным средством было слово, эволюционно расширил театральное пространство между драмой и театром.

На пересечении смысловых пространств драмы и театра, натуралистичного и условного, психологического и метафизического, традиции и эксперимента рождается новый смысл. Русский театр получил опыт гармоничного сочетания многополярности.

Традиции восточного театра нашли отражение в спектаклях В.Э. Мейерхольда «Дама с камелиями» А. Дюма, «Чудо святого Антония», «Смерть Тентажиля» М. Метерлинка, «Ревизор» Н.В. Гоголя, в спектаклях А.Я. Таирова «Федра» Ж. Расина, «Саломея» О. Уайльда, «Желтая кофта» Г. Беннимо и Дж. Хазлтона, «Шакунтала» Калидасы.

Список литературы

1. Гоголь и театр: сб. / сост. М.Б. Загорский. М.: Искусство, 1952. 586 с.
2. Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы: в 2 ч. М.: Искусство, 1968. Ч. 2. (1917–1939). 643 с.
3. Шахматова Е.В. Традиции восточного театра в эстетике Мейерхольда // Театральное искусство Востока. Особенности развития. М.: Искусство, 1984.
4. Хикмет Н. На службе революции // Встречи с Мейерхольдом: сборник воспоминаний. М.: Искусство, 1967. С. 236–245.
5. Таиров А.Я. Записки режиссера. Статьи. Беседы. Речь. Письма. М.: Искусство, 1970. 604 с.
6. Марков П. О Таирове // Таиров А.Я. Записки режиссера. Статьи. Беседы. Речь. Письма. М.: Искусство, 1970.
7. Серова С.А. Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия): М.: Изд-во «ИВ РАН», 1999. 219 с.
8. Шахматова Е.В. Искания европейской режиссуры и традиции Востока. М.: УРСС, 1997. 158 с.
9. Строева М.Н. Режиссерские искания К.С. Станиславского: 1917–1938. М.: Наука, 1977. 413 с.

Поступила в редакцию 14.11.2017 г.

Отрецензирована 11.12.2017 г.

Принята в печать 20.02.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Белякова Наталья Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры сценических искусств. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: belyakova.nv@list.ru

Чеботарев Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой сценических искусств. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tsu-igsko2015@mail.ru

Для корреспонденции: Белякова Н.В., e-mail: belyakova.nv@list.ru

Для цитирования

Белякова Н.В., Чеботарев С.А. Традиции восточной культуры в развитии технологий экспериментальной режиссуры русского театра // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 94-101. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-94-101.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-2(172)-94-101

**EASTERN CULTURE TRADITIONS IN DEVELOPMENT OF EXPERIMENTATIVE
DIRECTING TECHNOLOGIES OF THE RUSSIAN THEATRE**

Natalia Vitalievna BELYAKOVA, Sergey Alekseevich CHEBOTAREV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: belyakova.nv@list.ru

Abstract. The influence of traditional Eastern culture on the evolution of theater directing in Russia in the first decades of the 20th century is examined. Experience of theatrical productions and the creation of a new methodology (system) of actor's training in the activities of K.S. Stanislavskiy, V.E. Meyerhold, A.Y. Tairov represents considerable interest to study the interpenetration of European aesthetics of dramatic art, in this case of Russian psychological theater, and the ancient cultures of China, Japan, and India. Different ways, experiments, and search of outstanding stage directors K.S. Stanislavskiy, V.E. Meyerhold, A.Y. Tairov new theatrical forms, the actor's improvement of technologies that contributes to the creation on the Russian scene in the age of social cataclysms of the theatre of the future, are identified. The use of acting techniques and acting methods of the Eastern arts, the use of new expressive means determined the creation of a special theatrical language and enriched the culture of staged performances. Detailed analysis of experimental and artistically-raising activities of the Russian reformers of the scene revealed the powerful creative nature of domestic direction in the pursuit of synthesis of arts and creation the theatre of a new era.

Keywords: Eastern traditions; Russian theatre; art; director; actor

References

1. Zagorskiy M.B. (compiler). *Gogol' i teatr* [Gogol and Theatre]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1952, 586 p. (In Russian).
2. Meyerhold V.E. *Stat'i, pis'ma, rechi, besedy: v 2 ch. Ch. 2. (1917–1939)* [Articles, Letters, Speeches, Conversations: in 2 parts. Part 2. (1917–1939)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, 643 p. (In Russian).
3. Shakhmatova E.V. *Traditsii vostochnogo teatra v estetike Meyerkholda* [Eastern theatre traditions in Meyerhold's aesthetics]. *Teatral'noe iskusstvo Vostoka. Osobennosti razvitiya* [Eastern Theatrical Art. Development Specifics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. (In Russian).
4. Khikmet N. *Na sluzhbe revolyutsii* [Serving the revolution]. *Vstrechi s Meyerkhol'dom: sbornik vospominaniy* [Meetings with Meyerhold: a Collection of Memories]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1967, pp. 236-245. (In Russian).
5. Tairov A.Y. *Zapiski rezhissera. Stat'i. Besedy. Rechi. Pis'ma* [Director's Notes. Articles, Conversations, Speeches, Letters]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 604 p. (In Russian).
6. Markov P. *O Tairove* [About Tairov]. In: Tairov A.Y. *Zapiski rezhissera. Stat'i. Besedy. Rechi. Pis'ma* [Director's Notes. Articles, Conversations, Speeches, Letters]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. (In Russian).
7. Serova S.A. *Teatral'naya kul'tura Serebryanogo veka v Rossii i khudozhestvennye traditsii Vostoka (Kitay, Yaponiya, Indiya)* [Theatrical Culture of the Silver Age in Russia and Eastern Artistic Traditions (China, Japan, India)]. Moscow, "Institute of Oriental Studies of RAS" Publ., 1999, 219 p. (In Russian).
8. Shakhmatova E.V. *Iskaniya evropeyskoy rezhissury i traditsii Vostoka* [Searchings of European Directors and Eastern Traditions]. Moscow, URSS Publ., 1997, 158 p. (In Russian).
9. Stroeve M.N. *Rezhisserskie iskaniya K.S. Stanislavskogo: 1917–1938* [K.S. Stanislavskiy's Searchings in Directing: 1917–1938]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 413 p. (In Russian).

Received 14 November 2017

Reviewed 11 December 2017

Accepted for press 20 February 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Belyakova Natalia Vitalievna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Performing Arts Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: belyakova.nv@list.ru

Chebotarev Sergey Alekseevich, Candidate of History, Professor, Head of Performing Arts Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tsu-igsko2015@mail.ru

For correspondence: Belyakova N.V., e-mail: belyakova.nv@list.ru

For citation

Belyakova N.V., Chebotarev S.A. Traditsii vostochnoy kultury v razvitii tekhnologiy eksperimentalnoy rezhissury russkogo teatra [Eastern culture traditions in development of experimentative directing technologies of the Russian theatre]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 94-101. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-94-101. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 37.017

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-102-110

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У ПОДРОСТКОВ

© Юлия Викторовна ВАСИЛЬЕВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: juliavav@rambler.ru

Аннотация. Раскрыта проблематика формирования ценностей у подростков, соответствующих принципам патриотического воспитания. Проведен анализ физиологических и психологических особенностей подростков, которые должны быть учтены при выборе средств патриотического воспитания. Систематизация физиологических и психологических особенностей подростка позволила сформировать схему когнитивных особенностей подростков, которая определена в качестве основы разработки модели социального воспитания патриотических чувств. Ключевыми средствами реализации схемы, соответствующими в том числе принципам патриотического воспитания, определены средства народного творчества. Особое внимание уделено народному творчеству как источнику важной эмоциональной составляющей. Подчеркнуто, что, проявляя эмоциональные чувства к результатам народного творчества как блага, созданного в своей стране, подросток может испытывать чувство принадлежности к определенной государственно-национальной общности. Результирующим итогом исследования является обоснование выбора проектного метода в качестве наиболее эффективного метода использования средств народного творчества в патриотическом воспитании подростков. Представленная систематизация типов проектов позволяет использовать предлагаемый метод для всего разнообразия решаемых задач. Результатом использования проектного метода, основанного на средствах народного творчества, станут осознание подростком высших ценностей, формирование способности использования их в качестве жизненных ориентиров, а также принятие в качестве ключевых принципов в практической деятельности.

Ключевые слова: патриотическое воспитание; ценности; подросток; народное творчество; проект

Формирование методологии патриотического воспитания подростков является ключевой задачей совершенствования современной системы образования. Внешние вызовы, подкрепленные продвижением негативных факторов патриотизма, отдельных идей либерализма, глобализма и экстремизма, обострившиеся в настоящее время, определяют необходимость анализа особенностей патриотического воспитания указанной возрастной группы и выделения на основе полученных результатов наиболее эффективных средств реализации процесса.

Целью патриотического воспитания являются формирование в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности, становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных интересов и устойчивого развития. Исходя из вышесказанного, патриотическое воспитание призвано стать отдельной системой воспитания личности.

Разработке инструментария патриотического воспитания подростков должно предшествовать выделение продвигаемых ценностей, которые, закрепившись в сознании, будут определять действия, характеризующиеся как патриотические, то есть определяющие любовь к Родине, стремление отстаивать интересы и принципы государства, частью которого и отождествляет себя подросток.

Объединение традиционных ценностей патриотизма россиян, межкультурная компетентность, свобода, безопасность личности, общества и государства, право выбора каждого гражданина, по мнению Д.Н. Багрецова и В.Д. Ширшова, будут являться основой патриотизма нового типа [1, с. 63].

В данном контексте опорой патриотического воспитания подростков является аксиологический (ценностный) подход, целью применения которого будет формирование патриотического сознания: гражданской ответственности за судьбу страны, стремления к взаимодействию с обществом, в том числе в независимости от этнической, религиозной, конфессиональной принадлежности для решения задач обеспечения национальной

безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, сопричастности к великой истории и культуре России, уважения к исторической памяти, любви к Родине и семье, активной жизненной позиции, неприятия агрессии, жестокости, насилия над личностью.

Таким образом, можно определить, что ценности, средства их продвижения и закрепления в сознании подрастающего поколения являются фундаментальной основой наполнения системы патриотического воспитания подростков. Данный вывод подкрепляется и результатами исследований специалистов в области психофизиологии, определяющих, что «человек в своих устремлениях руководствуется, прежде всего, заранее заготовленными для себя некими персональными ценностями, или ценностными ориентациями (духовность человека), которые затем он реализует на практике (нравственность)» [2, с. 10].

Для актуализации внимания подростков на ценностях, способствующих формированию патриотического сознания, и их закрепления необходимо решить две теоретические задачи: выделить особенности подросткового периода, на основании которых будет содержательно строиться воспитательный процесс, и выделить соответствующие специфике подросткового возраста средства и методы реализации. Это позволит разработать методические подходы патриотического воспитания подростков, в том числе в образовательных организациях, что отразится на повышении результативности процесса.

Учет возрастных особенностей человека – обязательное условие разработки программ и мероприятий патриотического воспитания. Так, воззрения И.И. Кравченко, А.Н. Вырщикова, М.Б. Кусмарцева, В.И. Лутовинова, Г.Н. Филонова и других ярких представителей возрастного подхода основывались на физиологических, психических, социальных особенностях развития личности в вопросе патриотического воспитания. Согласно этому подходу, патриотическое воспитание возможно на протяжении всей жизни человека, что противоречит традиционной точке зрения, в которой отмечено, что воспитание осуществляется лишь в отношении подрастающих поколений. Для воспитания патриотических чувств у подростков цели, задачи, содержание, методы и формы воспитания

должны иметь свою специфику на каждом году обучения, так как интересы, мотивы, познавательные возможности учащихся каждого года качественно изменяются, становятся более устойчивыми, разнообразными, выражаются потребностью участвовать во многих видах общественно полезной деятельности [3, с. 16].

Принцип учета возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся, предполагающий учет возрастных и индивидуальных особенностей и индивидуальных различий обучающихся, доступных способов их изучения и выбор в соответствии с ними определенных средств и методов работы с конкретными воспитанниками, наравне с другими относится в соответствии с классификацией Н.Ф. Харламова к универсальным принципам воспитания, отражающим современное понимание требований к теории и практике воспитательного процесса [4, с. 52].

Характеристику подросткового периода можно условно разделить на две составляющие:

- 1) особенности физиологического развития;
- 2) особенности психологического развития.

Развернутая характеристика особенностей физиологического развития представляется следующим образом. Подростковый возраст – это так называемый «переходный период», в основе которого лежит физиологическая перестройка всего организма, начинающаяся у детей в 10–12 лет с повышения активности щитовидной железы и гипофиза. Интенсивность деятельности желез внутренней секреции зачастую приводит к некоторым нарушениям в деятельности нервной системы подростка. Наблюдается опережение развития костей конечностей в сравнении с развитием костей грудной клетки и таза. Внешне младшие подростки становятся непропорциональными, нескладными. Меняется походка, осанка. Через какое-то время под воздействием гормонов щитовидной железы и гипофиза «пробуждаются» железы коры надпочечников, что провоцирует активный рост мышц, развитие вторичных половых признаков и формирование соответствующего полу строения тела. В период перестройки организма 11–13-летние подростки могут испытывать недомогание, физический дискомфорт, быстро утомляются, сонливы.

Работоспособность подростков снижена, при умственной нагрузке быстро развиваются утомление и вялость [5, с. 89].

Обычно к 14–15 годам вышеперечисленные симптомы исчезают. Однако мнимые болезненные состояния, ипохондрия могут определить сидячий образ жизни. Такие подростки ищут себе занятия, не связанные с активным движением, не любят уроков физкультуры, стараются их избегать. Это плохо сказывается на дальнейшем развитии организма [6, с. 32].

С другой стороны, можно наблюдать гиперактивность подростков, обусловленную гормональным воздействием. Если энергетические возможности не находят выхода вовне, то могут пострадать тонкие биохимические процессы организма. Физиологи-гигиенисты считают, что мышечная активность подростка должна быть не менее 4–5 часов в сутки [5, с. 90].

Активность гормональных процессов определяет и высокую эмоциональность подростков. Эмоции подростков отличаются не только силой, но и большой неустойчивостью. Настроение часто и резко меняется, возможны бурные аффективные вспышки [7, с. 103]. Эмоциональная сфера подростка характеризуется повышенной чувствительностью. У младшего подростка повышается тревожность в сфере общения со сверстниками, у старших подростков – со взрослыми.

Переход от детства к взрослости – подростковый возраст – имеет свои психологические закономерности. Важные изменения происходят в мыслительных процессах подростка. В это время ребенок начинает овладевать абстрактным мышлением. На первых порах оно весьма несовершенно, что ведет к появлению типичного подросткового максимализма, отсутствию гибкости и упрощенчеству.

В подростковый период меняется внутренняя позиция подростка: совершается поворот от направленности на мир к ориентации на себя. Это отражается в формировании новых ценностных ориентаций, нового отношения к себе. Происходит изменение отношения к семье, школе, сверстникам. Это обуславливает новую социальную ситуацию [8, с. 12].

В подростковом возрасте развивается гипотетико-дедуктивное мышление, следствием чего является метапознание [6, с. 7–

11]. Эти процессы оказывают влияние на границы и содержание памяти подростка, способы решения проблем, особенности мышления в социальном контексте и вынесение моральных суждений.

Особенности возрастной психологии обозначают важность для подростка утвердить жизненные ориентиры, сформировать чувство защищенности в рамках «своего общества», подавить тревогу и фрустрацию. Формирование национальной идентичности через патриотическое воспитание позволяет решить столь важные психологические задачи [9, с. 116–118].

Особое внимание в разработке методического обеспечения патриотического воспитания необходимо уделить стремлению подростка к самостоятельности и социальному признанию. Для удовлетворения указанной особой возрастной потребности ребенок ищет коллектив сверстников, в котором каждый подросток признается самостоятельной социальной единицей. Каждый участник группы имеет право на свое слово и свой поступок и признает право другого. Это обуславливает выработку свода правил взаимодействия. Формируется модель социума со своими законами и моральными нормами [5, с. 187].

Учет физиологических и психологических особенностей протекания подросткового периода обуславливает необходимость учета двух параметров: социальной адаптации подростка и его психического развития. «Оба эти процесса взаимосвязаны между собой. Оба они в очень большой степени зависят от ряда условий, среди которых на первый план выходят внутрисемейные отношения и отношения с коллективом сверстников. Это важный фактор, характеризующий успешность адаптации» [10, с. 81].

Учет физиологических и психологических особенностей подростка позволяет сформировать схему когнитивных особенностей подростков, которую используем в качестве основы разработки модели социального воспитания патриотических чувств (рис. 1).

Выбор средств и методов патриотического воспитания подростков должен основываться на когнитивных особенностях данного возраста. Это позволит повысить эффективность процессов патриотического воспитания, исключит насильственность в принятии декларируемых ценностей, их отторжение.

Рис. 1. Схема когнитивных особенностей подростка, учитывающая физиологические и психологические особенности возраста [11, с. 529]

В настоящее время многие исследователи обозначают проблему утраты, разрушения и вытеснения подлинной высокой культуры. Отмечают проблему замены нравственных ценностей псевдоценностями, где не остается места традиционной духовной культуре. «Особенно это сказывается на подрастающем поколении, которое лишается исторических, национальных, патриотических устоев, собственных корней, способных передать истинное богатство и уникальность многовекового художественного творчества» [12, с. 214].

В систематизированных В.Е. Мусиной принципах патриотического воспитания, выделенных по результатам различных исследований, обращают внимание следующие элементы, необходимые для формирования патриотического сознания [13, с. 44].

1. Историческая и социальная память, межпоколенная преемственность духовного опыта, социокультурная и национальная идентификация, гордость и великодушие в осмыслении социокультурной реальности исторического прошлого, сакральность символов и смыслов Отечества, соборность в воспитании духовных основ патриотизма, опора на культурные, исторические, боевые и трудовые традиции (А.Н. Выршиков, М.Б. Кусмарцев, В.И. Лутовинов).

2. Преемственность исторического и культурного наследия России, ее духовно-

нравственных ценностей и традиций (Ю.В. Микрюков).

3. Обусловленность содержания, форм и методов, средств и приемов историческими традициями русского народа (М.А. Терентий).

Обеспечить реализацию указанных принципов позволяют средства народного творчества, которые относятся к педагогическому инструментарию деятельности субъектов патриотического воспитания и имеют весомое значение в продвижении ценностей патриотизма.

Словари определяют народное творчество как «художественную коллективную творческую деятельность народа, отражающую его жизнь, воззрения, идеалы; создаваемые народом и бытующие в народных массах поэзия (предания, песни, сказки, эпос), музыка (песни, инструментальные наигрыши и пьесы), театр (драмы, сатирические пьесы, театр кукол), танец, архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство»¹.

Народное творчество является формой проявления национальной идентичности, в том числе межпоколенной, учитывающей влияние исторической памяти на формирование патриотических чувств [14]. Артефак-

¹ Народное творчество // Энциклопедии и словари. URL: <http://enc-dic.com/word/n/Harodhoe-tvorchestvo-30472.html> (дата обращения: 01.11.2017).

ты народного искусства являются национальным культурным достоянием, сохраняющим историческую память, традиционные нравственные воззрения. Роль народного творчества особо проявляется в периоды трансформаций, переоценки ценностей, когда обращение к традиционным народным истокам происходит неосознанно, даже вопреки формированию временных ценностей в социальной среде или внешнему идеологическому воздействию. С.Н. Богатырева отмечает, что «в последние годы поиск «национальной идеи», как правило, так или иначе, крутится вокруг основополагающих концептов русской культуры: русской «духовности» и «соборности»; идеи «мессианства» и надежды на особую «спасительную» роль русского народа в мире и т. п.» [15, с. 214].

Использование средств народного творчества в образовательном процессе позволяет подростку интегрироваться в народную художественную культуру, воплощающую в себе традиции, то есть устойчивые формы жизни народа, что полностью соответствует принципам патриотического воспитания.

Для уточнения понятия «народное творчество» во многих исследованиях вводится термин «народное художественное творчество», то есть акцентируется внимание именно на создании новых эстетических ценностей, их интерпретации «на основе творческой индивидуальности с ее неповторимым своеобразием, оригинальностью, общественно-исторической и культурной значимостью и уникальностью» [16].

Народное художественное творчество является механизмом развития, реализует процесс движения от традиции к новизне, а также дает возможность нахождения способов художественного выражения системы социокультурных ориентаций, что дает педагогу возможность оценить не только сформированность патриотического сознания на уровне знания, но и на уровне действия.

Сущностными признаками народного художественного творчества всегда выступали добровольность, инициатива, активная жизненная позиция, духовная мотивация [17]. Указанные признаки полностью соответствуют потребностям подростков, актуализированным в связи с возрастными особенностями физиологического и психологического развития.

Народное творчество несет очень важную эмоциональную составляющую. Проявляя эмоциональные чувства к результатам народного творчества как блага, созданного в своей стране, подросток может испытывать чувство принадлежности к определенной государственно-национальной общности. Эмоциональное отношение, возникающее в результате знакомства с предметами народного творчества, вначале формирует привязанность к родному краю, месту проживания, закрепляя образ «малой родины», затем переходя во взаимодействие с обществом, государством в целом, закрепляя образ «большой Родины».

Выбор народного художественного творчества в качестве средства патриотического воспитания подростков обусловлен также необходимостью реализации деятельностного аспекта, на котором настаивал В.А. Сухомлинский, отмечая, что чувство патриотизма «формируется в живой деятельности, прежде всего, путем привлечения детей к общественно полезному труду, ценному пока не столько своими результатами, сколько воспитательным эффектом» [18, с. 35]. Результаты теоретических исследований Л.С. Выготского [19], Б.С. Гершунского [20], А.Н. Леонтьева [21], С.Л. Рубинштейна [22] также подтверждают, что процессы обучения и воспитания ребенка осуществляются не сами по себе, а лишь тогда, когда имеют деятельностные формы, обладают соответствующим содержанием.

На наш взгляд, наиболее эффективным методом патриотического воспитания подростков, использующим средства народного творчества и учитывающим физиологические и психологические возрастные особенности, является проектный метод, который в контексте раскрываемой проблемы мы можем определить как систему учебно-познавательных приемов, основанных на использовании средств народного творчества, позволяющих решить ту или иную поставленную проблему, результатом чего будет подтвержденное действиями патриотическое сознание подростка.

Типы проектов, которые могут быть использованы в процессе патриотического воспитания подростков в образовательных организациях, представлены на рис. 2.

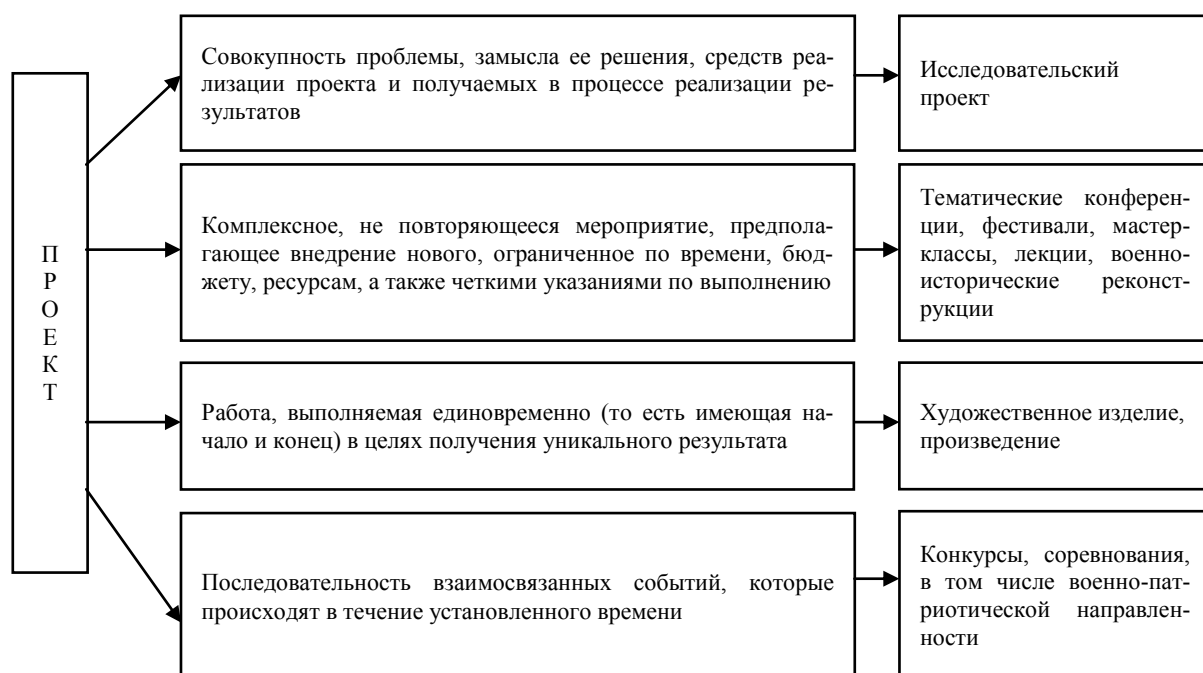

Рис. 2. Систематизация типов проектов, использующих средства народного творчества [23]

Использование проектного метода, основанного на средствах народного творчества, позволит осознать подросткам высшие ценности, сформирует способность использовать их в качестве жизненных ориентиров, а также принимать в качестве ключевых принципов в практической деятельности. Это проявится в готовности к достойному служению Родине, сформированности высоконравственных, профессионально-этических норм поведения, ответственности и коллективизма, подчеркнет воспитанность важнейших духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, отражающих специфику формирования и развития российского общества и государства, национального самосознания, миропонимания и судьбы россиян.

Список литературы

1. Багрецов Д.Н., Шишов В.Д. Патриотизм: современные вызовы и перспективы // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 63-70.
2. Андрущакевич А.А., Булгакова О.С. О ценностном подходе к сознанию // Вестник психологии. 2016. № 4. С. 9-14.
3. Кравченко И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 3-16.
4. Харламов И.Ф. Педагогика. М.: Гардарики, 1999. 520 с.
5. Воспитание патриотизма в условиях социальных перемен: теоретико-методологические и прикладные основы / под общ. ред. С.В. Дармодехина, А.К. Быкова. М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2007. 328 с.
6. Мусс Г.Н. Теория и практика патриотического воспитания. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 182 с.
7. Еревец Е.Я. Гражданское воспитание как фактор социализации школьников: дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск: ЧПУ, 2006. 384 с.
8. Болотова А.К., Молчанова О.Н. Психология развития и возрастная психология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
9. Ешев М. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. № 6. С. 116-118.
10. Вежевич Т.Е. Моделирование региональных систем патриотического воспитания школьников: дис. ... д-ра пед. наук. Улан-Удэ, 2011. 471 с.
11. Крайг Г., Бокум Д.П. Психология развития. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
12. Российская семья – основа развития духовности и патриотизма: сб. науч. ст., концептуально-программных и метод. материалов / под. общ. ред. В.И. Лутовинова. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2010. 360 с.
13. Мусина В.Е. Патриотическое воспитание школьников. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. 156 с.

14. *Веселова Т.К., Соломыкина Н.Я., Киселева М.В., Биткова Е.С.* Приобщение детей дошкольного возраста к народному творчеству как часть патриотического воспитания // Обучение и воспитание. Методики и практика. 2015. № 23. С. 7-11.
15. *Богатырева С.Н.* Патриотизм: старое и новое в консолидирующей идее объединения русского народа // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 213-218.
16. *Корюкин В.И.* Приоритет творческой деятельности // Формирование творческих особенностей: сущность, условия, эффективность: сб. науч. тр. Свердловск: Свердл. инженерно-пед. ин-т, 1990. С. 4-8.
17. *Максяшин А.С.* Народное художественное творчество и его особенности // Альманах современной науки и образования. 2012. № 11 (66). С. 139-141.
18. *Сухомлиный В.А.* Избранные произведения: в 5 т. Киев: Радянська школа, 1980. Т. 5. Статьи.
19. *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с.
20. *Гершунский Б.С.* Методологические проблемы прогнозирования развития педагогической науки // Методологические проблемы современной педагогической науки и практики: межвуз. сб. науч. тр. Челябинск: ЧГПИ, 1988. С. 13-29.
21. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 302 с.
22. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1976. 366 с.
23. *Лазарев В.С.* Новое понимание метода проектов в образовании // Проблемы современного образования. 2011. № 6. С. 35-43.

Поступила в редакцию 22.11.2017 г.

Отрецензирована 27.12.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Васильева Юлия Викторовна, аспирант, кафедра психолого-педагогического и социального образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: juliavav@rambler.ru

Для цитирования

Васильева Ю.В. Особенности воспитания патриотизма у подростков // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 102-110. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-102-110.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-102-110

PECULIARITIES OF PATRIOTISM EDUCATION AMONG TEENAGERS

Yulia Viktorovna VASILEVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: juliavav@rambler.ru

Abstract. The problems of the formation of values in adolescents, consistent with the principles of patriotic education are revealed. An analysis is made of the physiological and psychological characteristics of adolescents, which should be taken into account when choosing the means of patriotic education. Systematization of the physiological and psychological characteristics of the adolescent allowed to form a scheme of cognitive features of adolescents, which is defined as the basis for developing a model of social education of patriotic feelings. The means of popular creativity are determined by the key means of implementing the scheme, which correspond, in particular, to the principles of patriotic upbringing. Particular attention is paid to folk art as a source of an important emotional component. It is emphasized that by showing emotional feelings for the results of folk art, as a blessing created in their country, a teenager can experience a sense of belonging to a certain state-national community. The result of the study is the justification of the choice of the design method as the most effective method of using the means of folk art in the patriotic education of adolescents. The systematization of project types makes it possible to use the pro-

posed method for the whole variety of solved problems. The result of using the project method based on the means of folk art will be the adolescent's comprehension of the highest values, the formation of the ability to use them as life orientations, and adoption as key principles in practical activities.

Keywords: patriotic education; values; teenager; folk art; project

References

1. Bagretsov D.N., Shirshov V.D. Patriotizm: sovremennye vyzovy i perspektivy [Patriotism: modern challenges and prospects]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*, 2016, no. 5, pp. 63-70. (In Russian).
2. Andrushchakevich A.A., Bulgakova O.S. O tsennostnom podkhode k soznaniyu [About axiological approach to consciousness]. *Vestnik psikhofiziologii – Psychophysiology News*, 2016, no. 4, pp. 9-14. (In Russian).
3. Kravchenko I.I. Politicheskie i drugie sotsialnye tsennosti [Political and other social values]. *Voprosy Filosofii – Problems of Philosophy*, 2005, no. 2, pp. 3-16. (In Russian).
4. Kharlamov I.F. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow, Gardariki Publ., 1999, 520 p. (In Russian).
5. Darmodekhin S.V., Bykov A.K. (gen. eds.). Vospitanie patriotizma v usloviyakh sotsialnykh peremen: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye osnovy [Patriotic Education in the Conditions of Social Changes: Theoretical-Methodological and Applied Fundamentals]. Moscow, State Research Institute of Family and Education, 2007, 328 p. (In Russian).
6. Muss G.N. *Teoriya i praktika patrioticheskogo vospitaniya* [Theory and Practice of Patriotic Education]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2015, 182 p. (In Russian).
7. Evtseva E.Y. *Grazhdanskoe vospitanie kak faktor sotsializatsii shkolnikov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Civic Education as a Factor of Socialization of Schoolchildren. Dr. ped. sci. diss.]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publ., 2006, 384 p. (In Russian).
8. Bolotova A.K., Molchanova O.N. *Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya* [Development Psychology and Age Psychology]. Moscow, Publishing House of Higher School of Economics, 2012, 526 p. (In Russian).
9. Eshev M. Rossiyskiy patriotizm kak osnova natsionalnoy identichnosti [Russian patriotism as a basis of national identity]. *Vlast* [Power], 2013, no. 6, pp. 116-118. (In Russian).
10. Vezhevich T.E. *Modelirovanie regionalnykh sistem patrioticheskogo vospitaniya shkolnikov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Modeling Regional System of Patriotic Education of Schoolchildren. Dr. ped. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2011, 471 p. (In Russian).
11. Krayg G., Bokum D.P. *Psikhologiya razvitiya* [Development Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005, 940 p. (In Russian).
12. Lutovinov V.I. (gen. ed.). *Sbornik nauchnykh statey, kontseptual'no-programmnykh i metodicheskikh materialov: «Rossiyskaya sem'ya – osnova razvitiya dukhovnosti i patriotizma»* [Digest of Scientific Articles, Conceptual Program and Methodic Materials: "Russian Family – the Basis of Spirituality and Patriotism"]. Moscow, LLC "TID "Russkoe slovo – RS", 2010, 360 p. (In Russian).
13. Musina V.E. *Patrioticheskoe vospitanie shkolnikov* [Patriotic Education of Schoolchildren]. Belgorod, Publishing House "Belgorod" of Belgorod State National Research University, 2013, 156 p. (In Russian).
14. Veselova T.K., Solomykina N.Y., Kiseleva M.V., Bitkova E.S. Priobshchenie detey doshkolnogo vozrasta k narodnomu tvorchestvu kak chast patrioticheskogo vospitaniya [Preschool age children inclusion in folk art as a part of patriotic education]. *Obuchenie i vospitanie. Metodiki i praktika* [Education and Upbringing. Methods and Practice], 2015, no. 23, pp. 7-11 (In Russian).
15. Bogatyreva S.N. Patriotizm: staroe i novoe v konsolidiruyushchey idee obedineniya rossiyskogo naroda [Patriotism: old and new in consolidate idea of Russian people union]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2016, no. 3 (116), pp. 213-218. (In Russian).
16. Koryukin V.I. Prioritet tvorcheskoy deyatel'nosti [Priority of creative activity]. *Formirovanie tvorcheskikh osobennostey: sushchnost, usloviya, effektivnost* [Formation of Creative Peculiarities: Essence, Conditions, Efficiency]. Sverdlovsk, Sverdlovsk Engineering-Pedagogical Institute Publ., 1990, pp. 4-8. (In Russian).
17. Maksyashin A.S. Narodnoe khudozhestvennoe tvorchestvo i ego osobennosti [Amateur folk art and its peculiarities]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*, 2012, no. 11 (66), pp. 139-141. (In Russian).
18. Sukhomlinskiy V.A. *Izbrannye proizvedeniya: v 5 t. T. 5. Statyi* [Selected Works: in 5 vols. Vol. 5. Articles]. Kiev, Radyanska shkola Publ., 1980. (In Russian).
19. Vygotskiy L.S. *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya* [Selected Psychological Researches]. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences of Russian Soviet Federative Socialist Republic, 1956, 519 p. (In Russian).
20. Gershunskiy B.S. Metodologicheskie problemy prognozirovaniya razvitiya pedagogicheskoy nauki [Methodological problems of foreseeing development of pedagogical science]. *Metodologicheskie problemy sovremennoy pedagogicheskoy nauki i praktiki* [Methodological Problems of Modern Pedagogy and Practice]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publ., 1988, p. 13-29. (In Russian).
21. Leontev A.N. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 302 p. (In Russian).
22. Rubinshteyn S.L. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976, 366 p. (In Russian).

23. Lazarev V.S. Novoe ponimanie metoda proektov v obrazovanii [New understanding of the project method in education]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2011, no. 6, p. 35-43 (In Russian).

Received 22 November 2017

Reviewed 27 December 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Vasileva Yulia Viktorovna, Post-Graduate Student, Psychological-Pedagogic and Social Education Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: juliavav@rambler.ru

For citation

Vasileva Y.V. Osobennosti vospitaniya patriotizma u podrostkov [Peculiarities of patriotism education among teenagers]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 102-110. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-102-110. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 94(470)
DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-111-118

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ О МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В XVIII ВЕКЕ: С.Н. ГЛИНКА О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

© Руслан Рашидович ДЖАББАРОВ

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
Саратовский социально-экономический институт (филиал)
117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: dzhabbarovruslan@yandex.ru

Аннотация. Воззрения российских консерваторов первой четверти XIX века на жизнь и реформы Петра I не являются до конца изученными. Затронуты взгляды публициста С.Н. Глинки на Петра Великого, по-новому раскрывающие проблему монархической власти. Подробно рассмотрена биография С.Н. Глинки в контексте формирования его консервативных взглядов. Доказано, что образ Петра I появляется в работах С.Н. Глинки уже с 1794 г. На основе подробного анализа источников и историографии обосновано, что С.Н. Глинка считал Петра I консерватором, защищавшим старинные нравы, обычаи и религию. Выяснено, что публицист хвалил Петра I под влиянием идей просвещенного абсолютизма и «петровской легенды» второй половины XVIII века. Доказана идея о том, что Екатерина II у С.Н. Глинки предстает преемницей Петра I в деле реформирования России. Сделан вывод, что Петр I С.Н. Глинки не чурался обычных крестьян. Установлено, что публицист пытался показать Петра I не учеником, а учителем европейских народов. Показано, что уже в первом номере «Русского вестника» значительное внимание было уделено Петру I. Проанализировано умалчивание публицистом неприглядных капризов Петра I. Указано, что С.Н. Глинка намекал на вред иностранных воспитателей, появившихся при Петре I. Реформатор представлялся ему традиционалистом, стремящимся закрепить и распространить старомосковские обычаи. Доказано, что это полностью соответствовало государственно-патриотической пропаганде «Русского вестника».

Ключевые слова: общественная мысль; С.Н. Глинка; Петр Великий; «Русский вестник»; Отечественная война 1812 г.; Екатерина II

Проблема монархической власти, ее роли в становлении и развитии государства, в том числе и российского, несомненно, является весьма актуальной для современной исторической науки. Представители различных течений общественной мысли России обращали свои исследовательские интересы на осмысление феномена монархической власти различных исторических периодов. Не является исключением и период правления Петра I, когда Россия усилиями своего самодержца вступила на путь революционных преобразований в различных сферах жизни общества и государства.

В этой связи научно-исследовательский интерес представляют взгляды российских консерваторов первой четверти XIX века на личность и деятельность Петра Великого. Одним из самых ярких из них был литератор, публицист С.Н. Глинка. Специальных работ, посвященных комплексному анализу С.Н. Глинкой Петровской эпохи, в настоящее время нет. Хотя отдельные оценки Петра I, сделанные С.Н. Глинкой, в исторической литературе имеются. Следует назвать вышед-

шую в 2010 г. монографию Е.Б. Мирзоева «С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России» [1]. В ней автор дает краткую положительную оценку взглядов С.Н. Глинки на политику и личность Петра I. К этой же теме обращался А.Ю. Минаков в своей статье «Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России» [2], в которой С.Н. Глинка предстает как один из основателей русского консерватизма.

Более подробно исторические оценки С.Н. Глинки деятельности Петра I рассматриваются в работе Н.Н. Лупаревой [3]. Мнение С.Н. Глинки об установлении Петром Великим крепостного права исследуется в статье этого же автора [4]. Патриархальный образ Петра I как заботящегося о своих подданных монарха, сложившийся у публициста, упоминается в статье Л.Н. Киселевой [5].

Формирование консервативных воззрений С.Н. Глинки достаточно подробно проанализировано в исторической литературе,

поэтому лишь кратко остановимся на его биографических вехах.

Старший брат декабриста Ф.Н. Глинка Сергей Николаевич Глинка родился в семье дворян Смоленской губернии в 1775 г. (по другим данным в 1776 г.)¹. В возрасте семи лет его определили в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, в котором он завершил обучение в 1795 г., после чего был назначен адъютантом к князю Ю.В. Долгорукому в Москве. После смерти отца в 1800 г. С.Н. Глинка уволился в звании майора и, не приняв наследство, отправился работать учителем в семью украинского помещика. Прожив там три года, возвратился в Москву, устроившись в театр сочинителем и переводчиком. Во время пребывания на Украине С.Н. Глинка увлекся литературным творчеством. Он написал много стихотворений и повестей, а в 1806 г. в его переводе было опубликовано стихотворное произведение английского поэта Э. Юнга «Юнговы ночи».

В молодости С.Н. Глинка интересовался просветительно-сентименталистскими воззрениями Ж.-Ж. Руссо с его фетишизацией «естественной» личности и «естественного» образования. Возможно, под влиянием событий Великой французской революции и «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева С.Н. Глинка перевел на русский язык «Марсельезу». В «Песни Великой Екатерины» придерживался взглядов на государство как семью, враждебную рабству и тирании. С.Н. Глинка считал личность ответственной за нравственное развитие социума, энергично занимаясь филантропией. Уже в 1808 г. он отпустил на волю последнего крепостного.

В годы четвертой антифранцузской коалиции (1806–1807 гг.) гражданин России, патриот С.Н. Глинка вступил в ополчение в качестве бригад-майора. В 1808 г. им был основан православно-монархический националистический журнал «Русский вестник», нацеленный на борьбу с французским влиянием. Издание пользовалось поддержкой не только патриотически настроенной литературной публики, но и власти.

В наибольшей мере это проявилось во время патриотического подъема 1812 г., ко-

гда издателя-редактора С.Н. Глинка торжественно наградили орденом Святого Владимира 4-й степени за его франкофобские воззрения. На это событие автор политических памфлетов, направленных против Франции, московский градоначальник граф Ф.В. Ростопчин заявил ему: «развязываю вам язык на все полезное для отечества, а руки на триста тысяч экстраординарной суммы»².

С.Н. Глинка в числе первых записался в московское ополчение и помог снарядить других ополченцев во время Отечественной войны 1812 г. Князь П.А. Вяземский утверждал, что С.Н. Глинка был призван быть народным трибуном, но трибуном легитимным, действующим от лица правительства. Следует отметить сделанную литератором А.Ф. Воейковым характеристику С.Н. Глинка в «Доме сумасшедших», согласно которой его патриотический запал доходил до признания «Гофоллии» Ж. Расина похищенною из русского «Стоглава», а «Андромахи» – простым подражанием «Погребению кота»³.

Одновременно С.Н. Глинка пытался воздействовать пьесами на патриотические темы: «Михаил, князь Черниговский» (1808); «Наталья, боярская дочь» (1806); «Ольга Прекрасная», опера (1808); «Минин», драма (1809); «Боян» (1808); «Осада Полтавы», драма (1810) и др. Также С.Н. Глинка сочинял анекдоты в прозе, поэмы и стихотворные повести, исторические и нравоучительные рассказы, было даже впервые издано его собрание сочинений в Москве (1817–1820).

Однако триумф «Русского вестника» был недолог, после Отечественной войны 1812 г. журнал прекратил свое существование. На его основе в 1821–1823 гг. выходят издания, ориентированные на детей: «Новое Детское Чтение» и «Плутарх для детей», а также ряд учебников по истории России. В 1827 г. С.Н. Глинка занял пост цензора в Московском комитете, добился пенсии и ушел в отставку⁴. По другим данным, он был уволен за невыполнение своих обязанностей⁵. С.Н. Глинка

² Глинка Сергей Николаевич // Русский биографический словарь. URL: <http://www.rulex.ru/01040162.htm> (дата обращения: 01.08.2017).

³ Там же.

⁴ Сергей Николаевич Глинка // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/glinka_sn.php (дата обращения: 01.08.2017).

⁵ Глинка, Сергей Николаевич // Энциклопедия Кругосвет.

¹ Глинка, Сергей Николаевич // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/GLINKA_SERGE_NIKOLAEVICH.html (дата обращения: 01.08.2017).

занимался литературой до конца своих дней, сочинил множество стихов, детских книг, рассказов, издавал альманахи и т. д.

Безусловно, у С.Н. Глинки был литературный дар, особенно интересны его записки, разбросанные по различным изданиям. Характеризуют С.Н. Глинку его бескорыстность, прямота, честность: достаточно сказать, что взятые им триста тысяч рублей он полностью вернул казне. Скончался С.Н. Глинка 5 апреля 1847 г.⁶

Будучи приверженцем А.С. Шишкова и членов «Беседы любителей русского слова», С.Н. Глинка напечатал в журнале «Русский вестник» статьи «Известие о книге под заглавием «Петр Великий: лирическое песнопение в осьми песнях»» (1810) и «Замечания о языке славянском и о русском, или светском наречии» (1811). В 1971 г. Ф.Я. Прийма, как доказано Л.Н. Киселевой, неправильно приписал их авторство декабристу Ф.Н. Глинке [6].

Среди исторических тем, которые поднимал в своем творчестве С.Н. Глинка, особое место занимала проблема монархической власти, в том числе и в лицах Петра I и Екатерины II. В 1794 г. увидела свет первая опубликованная работа С.Н. Глинки «Песнь Великой Екатерине». Консервативные взгляды ее автора предполагали панегирическую форму изложения материала, в котором императрица предстает продолжательницей дела Петра I.

В последующем С.Н. Глинку все более привлекает фигура Петра I, его внутренняя и внешняя политика. Образ Петра I в журнале «Русский вестник», безусловно, лакировался под давлением воззрений просвещенного абсолютизма. Кроме того, сказалась «петровская легенда» второй половины XVIII века и сопряженные с этим временем утопии служения царя Отчизне, концепция о нравственности императора как образце для подчиненных. Статья «Петр Великий» была издана С.Н. Глинкой уже в первом номере «Русского вестника». Согласно публицисту, первый император «трудился не для себя, но для России, для нее творил он героев-россиян». По мнению С.Н. Глинки, государь дорожил талантами подданных «во всяком звании» [7, с. 253].

⁶ Глинка Сергей Николаевич // Русский биографический словарь.

Издатель нахваливал Петра I как правителя, укрепившего мощь российской державы (в первую очередь в военной сфере). Северную войну С.Н. Глинка пытался, следуя этой логике, вывести из средневековых обыкновений: «Князь Александр Ярославич начал то на берегах Невы, что Петр довершил» [8, с. 12].

С опорой на мнение Феофана Прокоповича в статье утверждалось, что Петр I непоколебимость России водружал на «добродетели, вере и нравах» [8, с. 18]. Петр I представляется С.Н. Глинкой защитником старомосковских обычаев и нравственности. Рисуя положительный образ царя-победителя, автор, на наш взгляд, сознательно умалчивает о «Всеппянейшем соборе», ликвидации патриаршества и прочих неприглядных излишествах Петра I.

В 1808 г. С.Н. Глинка следующим образом рассуждал о Стрелецком бунте начала царствования Петра I: «Буйство заступило верность, своеволие, повиновение к началству и Богу; усердие и любовь исчезли; ярость и кровавое мщение воспаляют стрельцов, устремленных к осаде Отечества! Вот подвиги коварных народоласкателей» [9, с. 143]. Следовательно, виновниками кровавой ярости в конце концов делаются «коварные народоласкатели», а именно царевна Софья Алексеевна и И.М. Милославский. Однако это выражение было употреблено С.Н. Глинкой с целью осовременить сюжет для читателей. В сознании россиян должен был всплыть образ «народоласкателей» безжалостной Французской революции с их коварными воззрениями [1].

Е.Б. Мирзоев отмечает, что уже в 1808 г. в статье, опубликованной в «Русском вестнике», повествующей о Наталье Кирилловне, матери Петра Великого, С.Н. Глинка открыто критиковал опыт найма воспитательниц из Франции. Французские учителя, по мнению С.Н. Глинки, представляют опасность для подрастающего поколения, потому что у них отсутствует чувствительность [1].

Русские в XVIII веке, по мнению С.Н. Глинки, отстали в отдельных «нравственных понятиях» от своих предшественников [10, с. 64]. В этом случае С.Н. Глинка открыто не порицал Петра I за курс перенимания европейских порядков в образовательной и культурной сфере. Но литератор однозначно на-

мекал на правление, во время которого в Россию проникла «зараза иноплеменного воспитания» [1].

С.Н. Глинка идеализировал допетровские порядки, призывая добровольно отказаться от роскоши, моды и вернуться к благотворению, кротости, смирению. Борясь против галломании, С.Н. Глинка настаивал на превосходстве всего русского. Стремясь к независимости в литературе, по своим воззрениям он, однако, приближался к кругу А.С. Шишкова и славянофилов, сносая упреки «западников» и сатиру со стороны литературных обществ⁷.

В одном из своих очерков С.Н. Глинка советовал помещикам, следуя образцу Петра I, гостевать в избах у крестьян и не чураться их мужицкой еды [1]. Реагируя на перипетии русско-иранской войны, во время которой Россией был покорен Азербайджан, С.Н. Глинка восхищенно замечал: «Получая радостные вести о славе наших героев, сражающихся с персиянами, приятно вспомнить, что они идут по следам воинов Петра Перваго». В этом отношении примечательно стихотворение «Воспоминание о Полтавской победе», в котором восхвалялись боевые подвиги русского народа.

Обдумывая результаты побед российской армии при Петре I, редактор «Русского вестника» отдавался патриотическому восторгу. Однако вместе с тем в успешном расширении России он замечал истоки неприязни к ней со стороны соседей. Россия, по словам С.Н. Глинки, пользуясь неизмеримой славой, достигла берегов Океана. Избрана ли она покорить весь мир? Однако враги, чтобы не допустить этого, хотят уничтожить Россию: «чтоб нам не быть» [11, с. 5]. Вспоминать формирование империи было особенно актуально перед Отечественной войной 1812 г.

С.Н. Глинка задавался вопросом: «Кто более Петра Великого занимался основанием государства?» [7, с. 253]. Логично, что в 1813 г., во время войны с Наполеоном, публицист представлял братьев императора Александра I Николая и Михаила как наследников дела Петра Великого. Называя их порфириносыми соотечественниками, он утверждал, что они должны следовать примеру Петра I, со-

храняя «в сердцах» память о его делах [12, с. 107].

С.Н. Глинка стремился использовать традиционные воззрения о царе или царице с патриархальными функциями, фигурировавшие и в екатерининской интерпретации «просвещенной» деспотии. В одной из публикаций говорилось, что Петр I «примером поощрял к уважению отечественных добродетелей». Дальше расписывалось, как он отдал поклон мощам Александра Невского, посетил место погребения Кузьмы Минина и т. д. [8, с. 17]. Император преподносился в «Русском вестнике» в качестве «наблюдателя праотческих нравов», любезного наследника родной матушки, патерналистски относившимся к боярам [8, с. 15].

Явную архаичность правления Петра I публицист доказывал примерами панибратства монарха с крестьянами и требовал от помещиков учиться у него: «По добродетелям Венценовец Петр служит примером царям; по человеколюбию и заботам о благосостоянии поселян подает он незабывное наставление русским помещикам. Победитель Полтавский посещал хижины, отведывал хлеб и пищу крестьян» [13, с. 65-66]. С.Н. Глинка желал дать читателям программу реформ, построенную на устоявшейся в консервативной среде романтизации минувшего. Следует подчеркнуть, что Петр I вовсе не «по человеколюбию и заботам о благосостоянии поселян» душил крестьянство непомерными налогами и непосильными повинностями. В связи с этим кажутся неясными мысли С.Н. Глинки о соединении в Петре Великом качеств праведного судьи и черт выдающегося государственного менеджера. По С.Н. Глинке, Петр I всегда помнил о домах «поселян», пахотах и заботах их [13, с. 65]. Но публициста увлекал не царь как таковой, жестоко расправлявшийся с недовольными и вводивший налоги даже на бороды, а выгодный ему образ.

Интересно, что, затрагивая столь неприятную для консервативной романтизации проблему реформ Петра I, С.Н. Глинка рассматривал ее в другом ключе. Он считал реформы не подражанием, а укреплением и отстаиванием всего наилучшего, что было в допетровской России.

Далее, русский издатель пытался доказать читателю, что не Петр I перенимал у ев-

⁷ Глинка, Сергей Николаевич // Энциклопедия Кругосвет.

ропейцев, а они у него. С.Н. Глинка писал, что проходя европейские государства, Петр I учил народы и их правителей. Публицист, ссылаясь на «свидетельства» летописей, утверждал, что первый император получал знания о всем полезном на Родине. Европа в глазах издателя представлялась первопричиной всего «не полезного». Согласно С.Н. Глинке, необходимые сведения о государственном управлении царь, даже находясь в Западной Европе, черпал, исследуя русские обычаи. В частности, изучая кораблестроение в Голландии, Петр I приобретал самый важный навык для правителей: изучение «коренных свойств и духа народного» [14, с. 22].

Соглашаясь, что Петр I призывал специалистов и преподавателей из Европы, издатель указывал, что эпоха школярства для России закончилась. С.Н. Глинка утверждал, что россияне уже целый век учатся у европейцев. Пришло время действовать самостоятельно, одновременно оправдывая Петра I. Далее С.Н. Глинка отмечал, что организация фабрик и мануфактур подтверждает, что Петр I все свои жизненные энергию и силы посвящал россиянам, живя только для них [15, с. 68]. Следует не слепо копировать Европу, а применять чуждые России нововведения Петра I, двигая страну по самобытному пути и готовясь к борьбе с Европой. С.Н. Глинка оправдывает заимствования у Европы при Петре I, однако, считает их вредными в современную ему эпоху.

Описывая правление Петра I в «Русской истории», С.Н. Глинка очень скупо упоминал о подражании европейцам и лишь вскользь касался темы петровских реформ. В частности, умалчивая об административных реформах, реорганизации системы управления, С.Н. Глинка писал, что царь учредил Морской устав, Адмиралтейский регламент, решая серьезные проблемы в Сенате и в коллегиях. Умалчивая об умалении прав церкви при Петре I, издатель коротко упоминал об учреждении Святейшего синода. Но пристальное внимание С.Н. Глинки было обращено на Устав благочиния, запретивший всевозможные собрания, содействующие «своеволию и буйству». С восхищением С.Н. Глинка отмечал, что «по ревности и богопочитанию» Петр I указал, чтобы в церквях охранялось «благочиние», подобающее православным [16, с. 182-200].

С.Н. Глинка в одной из публикаций упоминал разговор Петра I с королевой Англии, будто бы произошедший во время визита царя в ее страну. По мнению издателя, правительница Великобритании Анна восхищалась Петром I как «величайшим из всех героев» истории. Восторгаясь работой русского царя на корабельной верфи, королева с упоением внимала его речам. Петр I якобы хотел уравнивать русских, которым сродни «все великое», с европейцами в преуспеивании ремесел и искусств. Но в то же время С.Н. Глинка влагал в уста английской правительницы трудную для него проблему: что, если русские, позаимствовав искусства и искусства европейцев, скопируют и все то, что начисто уничтожит «первородные» их качества? Однако эта дилемма, не будучи в глазах издателя упреком Петра I, была по поклонникам всего французского. В то время, как историк Н.М. Карамзин яростно бичевал царя за насилие над русскими обычаями, публицист С.Н. Глинка всячески стремился защитить его от нападок. Петр I у С.Н. Глинки работал не для того, чтобы изгнать Россию из России, «но чтобы укрепить и вознести ее в ней самой» [15]. Ставя ударение на патриотических побуждениях Петра I, редактор «Русского вестника» пользовался авторитетом царя в непримиримой схватке с галломанией. С.Н. Глинка в «Русском вестнике» отождествлял себя с Петром I, экстраполируя на него свои патриотические и традиционалистские идеи.

Итак, издатель «Русского вестника» усердно строил последовательную консервативную и утопичную модель истории. Эта утопическая модель прошлого должна была содействовать консервативной пропаганде «Русского вестника». Пример Петра I четко демонстрирует это явно охранительное направление. С.Н. Глинка впервые в русской истории попробовал предать образу Петра I заведомо недостоверные традиционалистские черты, противопоставив их господствовавшему в то время представлению о царе как «европеизаторе» России. В то время, как славянофилы и Н.М. Карамзин подчеркивали и бранили реформаторские поползновения русских самодержцев, С.Н. Глинка почти не обращал на них внимания. Н.М. Карамзин и славянофилы осуждали царя-реформатора, видя в нем виновника проникновения в Рос-

сию тлетворных европейских порядков. С.Н. Глинка ориентировал свой «Вестник» главным образом на непросвещенную, ограниченную аудиторию, к тому же находившуюся под влиянием антифранцузской пропаганды. В связи с этим у публициста появилась возможность придавать деятельности русских монархов патриотический и националистический оттенок, делая из Петра I наставника не только рядовых европейцев, но и их правителей. Необходимо подчеркнуть, что С.Н. Глинка сражался не только с французским, но и с европейским влиянием и был восхищен Петром I как православным воином, разгромившим западных соседей в лице шведов. Таким образом, Петр I представлялся публицисту, прежде всего, православным патриотом.

Список литературы

1. *Мирзоев Е.Б.* С.Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М.: Ин-т бизнеса и политики, 2010. 163 с.
2. *Минаков А.Ю.* Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 12-17.

3. *Лупарева Н.Н.* «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012.
4. *Лупарева Н.Н.* Проблема крепостного права в публицистике и исторических сочинениях С.Н. Глинки // Научные ведомости. 2009. № 1 (56). С. 66-72.
5. *Киселева Л.Н.* Система взглядов С.Н. Глинки // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Труды по русской и славянской филологии. XXXII: Литературоведение. Тарту, 1981. С. 52-72.
6. *Дробленкова Н.Ф.* Глинка Сергей Николаевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 27-29.
7. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1808. № 3.
8. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1808. № 1.
9. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1808. № 2.
10. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1811. № 12.
11. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1810. № 7.
12. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1813. № 4.
13. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1810. № 11.
14. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1810. № 10.
15. *Глинка С.Н.* // Русский вестник. 1810. № 4.
16. *Глинка С.Н.* // Русская история. М., 1819. Ч. 7.

Поступила в редакцию 18.10.2017 г.
Отрецензирована 28.11.2017 г.
Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Джаббаров Руслан Рашидович, аспирант, кафедра истории, философии, политологии и социологии. Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Саратовский социально-экономический институт (филиал), г. Саратов, Российская Федерация. E-mail: dzhabbarovruslan@yandex.ru

Для цитирования

Джаббаров Р.Р. Представители общественной мысли о монархической власти в XVIII веке: С.Н. Глинка о Петре Великом // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 111-118. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-111-118.

THE REPRESENTATIVES OF PUBLIC THOUGHT ABOUT MONARCHICAL POWER IN 18th CENTURY: S.N. GLINKA ABOUT PETER THE GREAT

Ruslan Rashidovich DZHABBAROV

Plekhanov Russian University of Economics, Saratov Socio-Economic Institute (Branch)
36 Stremyanny Ln., Moscow 117997, Russian Federation
E-mail: dzhabbarovruslan@yandex.ru

Abstract. The views of the Russian conservatives of the first quarter of the 19th century on the life and reforms of Peter I are not fully understood. The views of publicist S.N. Glinka about Peter the Great are considered. The problem of monarchical power in a new way is revealed. The biography of S.N. Glinka is considered in detail in the context of the formation of his conservative views. It is proved that the image of Peter I appears in the works of S.N. Glinka since 1794. Based on a detailed analysis of sources and historiography, it is justified that S.N. Glinka considered Peter I as a conservative, defending ancient manners, customs and religion. It is found out that the publicist praised Peter I under the influence of the ideas of enlightened absolutism and the “Petrine legend” of the second half of the 18th century. The idea is proved that in S.N. Glinka’s opinion Catherine II appears as the successor of Peter I in the matter of reforming Russia. The conclusion is made that S.N. Glinka’s Peter I did not shy away from ordinary peasants. It is established that the publicist tried to show Peter I not as a pupil, but as a teacher of European peoples. It is shown that much attention was paid to Peter I in the first issue of “Russkiy Vestnik”. Publicist’s silence on the unsightly whims of Peter I are analyzed. It is stated that S.N. Glinka hinted at the harm of foreign educators who appeared under Peter I. The reformer seemed to him a traditionalist, who strove to consolidate and extend the old-Moscow customs. It is proved that it was consistent with the state-patriotic propaganda of “Russkiy Vestnik” in full.

Keywords: public thought; S.N. Glinka; Peter the Great; “Russkiy Vestnik”; Patriotic War of 1812; Catherine II

References

1. Mirzoev E.B. *S.N. Glinka protiv napoleonovskoy Frantsii. U istokov konservativno-natsionalisticheskoy ideologii v Rossii* [S.N. Glinka Against Napoleon France. At the Origins of Conservative-National Ideology in Russia]. Moscow, Business and Politics Institute Publ., 2010, 163 p. (In Russian).
2. Minakov A.Y. Vozniknovenie russkogo konservativnogo natsionalizma v pervoy chetverti XIX veka v Rossii [The origin of Russian conservative nationalism in the first quarter of 19th century in Russia]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [I. Kant Russian State University Herald], 2009, no. 12, pp. 12-17. (In Russian).
3. Lupareva N.N. «Otechestvolyubets»: obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady Sergeya Nikolaevicha Glinki [“Patriot”: Social-Political Activity and Views of Sergey Nikolaevich Glinka]. Voronezh, 2012. (In Russian).
4. Lupareva N.N. Problema krepostnogo prava v publitsistike i istoricheskikh sochineniyakh S.N. Glinki [Problem of serfdom law in journalism and historical writings of S.N. Glinka]. *Nauchnye vedomosti* [Scientific News], 2009, no. 1 (56), pp. 66-72. (In Russian).
5. Kiseleva L.N. Sistema vzglyadov S.N. Glinki [System of S.N. Glinka’s opinions]. *Problemy literaturnoy tipologii i istoricheskoy preemstvennosti. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. XXXII: Literaturovedenie* [Problems of Literary Typology and Historical Continuance. Works of Russian and Slavic Philology. 32: Literary Studies]. Tartu, 1981, pp. 52-72. (In Russian).
6. Droblenkova N.F. Glinka Sergey Nikolaevich. *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»: v 5 t.* [Encyclopedia “A Tale of Igor’s Campaign”: in 5 vols.]. St. Petersburg, 1995, vol. 2, pp. 27-29. (In Russian).
7. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1808, no. 3. (In Russian).
8. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1808, no. 1. (In Russian).
9. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1808, no. 2. (In Russian).
10. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1811, no. 12. (In Russian).
11. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1810, no. 7. (In Russian).
12. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1813, no. 4. (In Russian).
13. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1810, no. 11. (In Russian).
14. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1810, no. 10. (In Russian).
15. Glinka S.N. *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1810, no. 4. (In Russian).

16. Glinka S.N. *Russkaya istoriya* [Russian History]. Moscow, 1819, part 7. (In Russian).

Received 18 October 2017

Reviewed 28 November 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Dzhabbarov Ruslan Rashidovich, Post-Graduate Student, History, Philosophy, Politology and Sociology Department. Plekhanov Russian University of Economics, Saratov Socio-Economic Institute (Branch), Saratov, Russian Federation. E-mail: dzhabbarovruslan@yandex.ru

For citation

Dzhabbarov R.R. Predstaviteli obshchestvennoy mysli o monarkhicheskoy vlasti v XVIII veke: S.N. Glinka o Petre Velikom [The representatives of public thought about monarchical power in 18th century: S.N. Glinka about Peter the Great]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 111-118. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-111-118. (In Russian, Abstr. in Engl.).

СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (на материалах Тамбова)¹

© Дмитрий Валерьевич СТРЕКАЛОВ, Наталья Валерьевна СТРЕКАЛОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: strekalovanv@mail.ru

Аннотация. Исследованы проблемы структуры и типологии семей жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века. Проанализированы типы семейной организации жителей губернского центра (за основу взята общепринятая в современных историко-демографических исследованиях классификация), число поколений в семье, родственные связи, степень разветвленности семейной структуры (наличие боковых линий родства), семейное положение и возрастной состав членов семей жителей Тамбова. Для изучения семей обывателей провинциального губернского центра были использованы массовые персонифицированные источники, информация которых была внесена в электронные источник-ориентированные базы данных. Наряду с общим анализом городской семьи были изучены семьи горожан применительно к конкретным сословно-социальным группам, что отвечает подходам микроисторических исследований. Были выявлены заметные отличия в степени модернизации семейной структуры и брачно-семейных отношениях разных сословных групп, которые были обусловлены экономическими, социально-профессиональными и мировоззренческими особенностями их представителей. К середине XIX века преобладающей формой семейной организации населения губернского города становится малая семья. Однако процесс перехода был сложным. По-прежнему сохранялась значительная доля расширенных и больших составных семей, в которых к середине XIX века проживало более 40 % населения Тамбова.

Ключевые слова: город; семья; типология; городское население; Тамбов

Семья, являясь значимым социальным институтом и важнейшим объектом демографии, выполняет функции, связанные с рождением, содержанием и социализацией новых поколений.

Повышает актуальность исследований по истории семьи социально-демографический кризис, наблюдающийся в России в конце XX – начале XXI века. Результаты исследований основных исторических и демографических закономерностей развития семьи могут быть использованы для разработки современной демографической и семейной политики, принятия научно-обоснованных государственных решений в этой сфере.

Особое место в историко-демографических исследованиях занимают проблемы городской семьи в период модернизации аграрного общества.

В отечественной научной литературе семья определяется как «исторически обуслов-

ленное социальное объединение людей, основанное на браке или кровном родстве» [1, с. 3]. Но семья не отождествляется с браком, поскольку может включать не только супругов и их детей, но и других родственников [1]. По мнению Б.Н. Миронова, семья представляет собой «совокупность близких родственников, живших вместе и ведших одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином» [2, с. 649].

Использование комплексного подхода в исследовании семьи повышает актуальность междисциплинарных (включая микродемографические) исследований. Семья отражает изменения, происходящие в любом обществе. Изменения типологии, формы и структуры семьи (прежде всего, переход от традиционной большой к малой нуклеарной семье) являются важными показателями уровня модернизации общества.

Историко-демографические проблемы семьи – одно из актуальных и активно развивающихся направлений мировой и отечественной исторической науки [3]. Ведутся исследования по истории семьи различных регионов и сословно-социальных групп насе-

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН РФФИ), проект «Городская семья и процессы социальной модернизации провинциального российского города в конце XVIII – начале XX века: портрет на фоне эпохи (на материалах Тамбова)» № 17-11-68006 а(р).

ления Российской империи XVIII–XIX веков [1; 4–14].

Одной из проблем отечественной исторической демографии является вопрос типологии и классификации семей. По мнению исследователей, существенной проблемой комплекса историко-демографических работ по истории семьи является многочисленность и разрозненность типологий и классификаций семей. Кроме того, встречаются существенные расхождения в терминологии, вследствие чего возникает разница в подходах и дальнейших выводах [9; 12–15]. Все это затрудняет возможности сравнительного анализа и обобщения результатов исследований.

В научной литературе встречаются различные характеристики типов семейной организации: семьи, состоявшие из одного человека (одиокие), расширенные или сложные, полные и неполные, братские, сложно-отцовские и др. Сложная семья могла состоять из нескольких простых полных или неполных семей, а также включать родственников супругов по боковым линиям. Традиционно принято различать патриархальную и малую нуклеарную семью [1–18].

В современных отечественных и зарубежных исследованиях используется классификация, разработанная в 1970-е гг. группой ученых под руководством П. Ласлетта совместно с антропологом Ю. Хэммелом [16; 17].

Данная классификация была переработана с учетом специфики русского села и применена в работах американского исследователя С.Л. Хока о селе Петровском Тамбовской губернии, использована в ряде работ тамбовских и тульских исследователей, в российско-белорусском проекте по изучению семьи и др. [13; 18–20].

Б.Н. Миронов выделяет пять форм семейной организации (за основу им взята общепринятая в современных историко-демографических исследованиях классификация). К первому типу он относит семьи, которые состояли из одного человека. Второй тип объединял семьи, состоявшие из группы родственников или не родственников, которые не образовывали семьи, но вели общее хозяйство. В третий тип включены простые малые или нуклеарные семьи, в состав которых входили только муж и жена или супруги с неженатыми детьми. Четвертый тип представлен расширенными семьями, включав-

шими супружескую пару с детьми, а также родственников, не находившихся в брачных отношениях друг с другом. Пятый тип объединял семьи, состоявшие из двух или более супружеских пар. Большие отцовские или братские семьи могли включать несколько поколений одного предка (11 и более членов) [2, с. 650].

Для исследования семейной структуры жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века были привлечены первичные материалы ревизий (за 1795, 1833, 1850, 1857 гг.), «списков городских обывателей Тамбова» (за 1831–1833, 1855 гг.) и делопроизводственная документация различных ведомств².

Информация источников была внесена в специально созданные базы данных (MS ACCESS) [21; 22]. За основу была взята классификация семейных структур, разработанная П. Ласлеттом. Анализ был проведен как применительно к пяти основным семейным типам, так и их подтипам (согласно классификации П. Ласлетта). Динамика соотношения обобщенных типов семей тамбовских обывателей представлена в табл. 1. Такого рода обобщения позволяют нагляднее показать изменения в семейной структуре жителей губернского центра в исследуемый период.

Динамика семей жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века с различным типом внутренней структуры позволяет говорить об отчетливо наблюдавшейся тенденции, которая выражалась в сокращении числа и удельного веса расширенных семей типа 4 (расширенные семьи) и типа 5 (большие составные семьи) (табл. 1). Их доля сократилась с около 52 % в конце XVIII века до около 27 % к середине XIX века.

Заметно уменьшился и суммарный удельный вес жителей губернского центра, проживавших в расширенных и составных семьях (с 73,2 % в 1795 г. до 47,5 % в 1857 г.). Напротив, шел рост численности и удельного веса малых нуклеарных семей (тип 3). Их

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф 12. Оп. 1. Ед. хр. 247, 462, 702, 1105, 1416, 1417, 1418, 1419, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1426, 1427, 1428, 1429, 1430, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127; Там же. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14; Оп. 91. Ед. хр. 29.

доля в семейной структуре жителей Тамбова выросла с 28,7 до 46,3 %, а удельный вес проживавших в данном типе семьи обывателей губернского центра увеличился с 22,1 до 42,3 % (табл. 1).

В исследуемый период отмечался рост доли семей, состоявших из одного человека (тип 1). Почти вдвое вырос удельный вес проживавших в данном типе семьи (табл. 1). Высокий удельный вес одиноких, согласно материалам ревизий, был среди дворовых. Так, около 48 % семей представителей этой сословной группы Тамбова состояли из одного человека, что во многом являлось следствием деформирующего воздействия крепостного права на семейные отношения. Незначительным данный показатель был для однодворцев (единичные случаи) и купцов губернского центра (от 3 до 7 %).

На долю семей, состоявших из одного человека, приходилось от 8 до 11 % семей городского населения Тамбовской губернии в первой половине XIX века [23, с. 140]. Заметное преобладание одиноких в составе населения Тамбова относительно других городов губернии, вероятно, связано с его губернским статусом, который, в свою очередь, влиял на состав населения города.

К середине XIX века более чем в два раза (с 2,1 до 4,8 %) вырос удельный вес семей тамбовских обывателей, состоявших из группы родственников или не родственников, которые не образовывали семьи, но вели общее хозяйство (тип 2). Увеличилась и доля

жителей Тамбова, проживавших в подобных семьях (с 1,5 % в 1795 г. до 4,6 % в 1857 г.). В семьях данного типа проживал наименьший процент жителей Тамбова во все анализируемые годы (табл. 1).

Сокращение доли расширенных и рост малых нуклеарных семей и семей, состоявших из одного человека, к середине XIX века наблюдалось в целом для городского населения России, ее отдельных регионов и сословно-социальных групп [2, с. 681-683; 12].

Изменения шли и внутри основных типов семей. Стабильным был удельный вес (менее 0,5 %) во все анализируемые годы семей типа 1.1 (одинокое вдовцы). К середине XIX века выросла доля нескольких типов: 1.2 (одинокое, с неизвестным брачным статусом) – с 16,7 до 21,4 %, 2.1 (несемейные кровные родственники (братья/сестры) – с 1,3 до 2,26 % и 2.2 (другие родственники, жившие вместе) – с 0,8 до 2,53 %.

Изменялось внутреннее соотношение типов малых нуклеарных семей. В 1795 г. на тип 3.1 (супружеская пара без детей) приходилось 4,4 % семей жителей Тамбова, а на тип 3.2 (супружеская пара с детьми) – 18,6 %. В 1857 г. тип семей 3.1 составлял 10,4 %, а на тип 3.2 приходилось около 23 % семей тамбовских обывателей.

Во все анализируемые годы удельный вес семей вдовцов (тип 3.3) с детьми был заметно меньше доли семей вдов с детьми (тип 3.4). Удельный вес первых колебался от 1,3 % в 1795 г. до около 2,2 % в 1857 г. Доля типа

Таблица 1

Типы семейной организации тамбовских обывателей
в конце XVIII – первой половине XIX века (по данным ревизий)

Тип семьи	1795 г.		1833 г.		1857 г.	
	% семей	% людей, проживавших в данном типе семьи	% семей	% людей, проживавших в данном типе семьи	% семей	% людей, проживавших в данном типе семьи
1 (одинокое)	17	3,2	29	7,1	22	5,6
2 (группа родственников или не родственников, которые не образовывали семью, но вели общее хозяйство)	2,1	1,5	4,5	4,4	4,8	4,6
3 (малая нуклеарная семья)	28,7	22,1	45,4	43,1	46,3	42,3
4 (расширенная семья)	20,9	15,7	6,5	10,8	9,4	12,5
5 (большая составная семья)	31,3	57,5	14,6	34,6	17,5	35
Всего, %	100	100	100	100	100	100

Примечание. Посчитано по: ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 247, 1417-1418, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127.

семей 3.4 составляла 4,4 % в 1795 г. и 10,7 % в 1857 г.

Преобладание вдов объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, у мужчин было больше возможностей вступить в повторный брак, во-вторых, мужская смертность в городах была выше женской.

Солдатки в данном исследовании не выделялись для анализа в отдельную группу. Сведения о том, что муж был забран в рекруты, фиксировались в примечаниях. Часть из них проживала в семье свекра (установить этот факт позволяет информация примечаний), часть – в составных семьях братьев мужа, крайне редко – в семьях собственных родителей.

В типе семей 4 (расширенные семьи) основной удельный вес приходился на тип 4.1 (супруги с детьми и вдовыми родителями), доля которых оставалась относительно стабильной на протяжении всего изучаемого периода (около 3 %). От 0,5 до 1 % приходилось на другие подтипы семей данной группы. Только 0,4 % семей тамбовских обывателей относились к типу 4.2 (супруги с детьми и племянниками).

На протяжении всего анализируемого периода основной удельный вес больших составных семей (тип 5) приходился на тип 5.2 (супружеская пара с женатыми и неженатыми детьми и внуками). В 1795 г. в данном типе семей проживало 24 % обывателей Тамбова, а в 1857 г. – 12,2 %.

Наряду с типом семей 4.2, тип 5.3 (супружеские пары с детьми и с женатыми и неженатыми племянниками) был наименее распространенной формой семейной организации жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века (от 0,4 до 0,2 % семей).

Данный показатель может служить дополнительным отражением процесса эволюционирования тамбовской семьи в сторону малой нуклеарной, в том числе за счет сокращения боковых родственных связей.

Однако классификация П. Ласлетта, по мнению исследователей, не исчерпывает всего многообразия типов и форм семейной организации жителей провинциального губернского города в конце XVIII – первой половине XIX века [13].

Подтверждением этому может служить наличие в семейной структуре населения Тамбова семей типа 4.4 (сочетание предыду-

щих сочетаний) (около 3 % тамбовских семей), типа 4.5 (неясные связи) (0,5–0,7 % тамбовских семей) и 5.5 (прочие типы расширенных семей) (от 1 до 2 % тамбовских семей).

Дополнительно был проведен анализ по количеству малых семей в составе дворохозяйств Тамбова. На протяжении исследуемого периода отмечался рост удельного веса семей, состоявших из одной малой семьи. В таком типе семей к середине XIX века проживало большинство жителей Тамбова.

Наблюдалась устойчивая тенденция сокращения семей, состоявших из 3–5 малых семей. Суммарно их удельный вес (по данным ревизий) сократился с 15 % в 1795 г. до 7,5 % в 1857 г. Уменьшилась доля двусоставных семей с 24 % в 1795 г. до около 18 % к 1857 г.

В Тамбове в 1857 г. (согласно первичным материалам ревизии) была зафиксирована лишь одна большая семья, состоявшая из шести малых семей, и одна – из семи. Семья, главой которой был записан семидесятидвухлетний вдовый купец 3-й гильдии Петр Гаврилович Аносов, состояла из шести малых семей и включала 25 человек: главу семьи, его вдового пятидесятичетырехлетнего брата Карпа Гавриловича и его пять сыновей (23, 31, 33, 38, 43 лет) с их женами и детьми (6 мальчиков и 7 девочек). Это была одна из самых многочисленных семей Тамбова. В состав семьи тамбовского мещанина Козьмы Степановича Емельянова (67 лет) входили: жена (58 лет), два неженатых сына (37 и 36 лет), две незамужние дочери (24 и 20 лет), две вдовые снохи, трое племянников с их женами и детьми. Кроме того, в семье числились умершие в 1852 г. (в период между ревизиями) сын и брат главы семьи. Всего в семье проживало двадцать человек³.

В уездном городе Моршанске была зафиксирована купеческая семья, которая включала 12 малых семей, а в торгово-промышленном селе Рассказово Тамбовской губернии в первой половине XIX века была выявлена семья государственных крестьян, в которой было зафиксировано 15 малых семей [4, с. 176; 13].

Анализ форм семейной структуры и организации был проведен на основе еще одного массового источника по городскому населению – «списков городских обывателей».

³ ГАТО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 1898. Л. 26.

Его данные также свидетельствовали о росте удельного веса простых малых семей к середине XIX века и сокращении доли двусоставных семей жителей Тамбова в два раза, а семей, включавших от трех до пяти малых семей, почти в три раза⁴.

Доля одиноких по информации обывательских списков была в два раза выше этих показателей, полученных в результате обработки и анализа первичных материалов ревизий (табл. 1). Очевидно, что эта разница объяснялась тем, что в списки были включены представители сословно-социальных групп, которых не было (и не могло быть) в ревизиях: дворяне, чиновники, военные. На представителей именно этих сословно-социальных групп приходилось около 50 % одиноких по данным обывательских списков Тамбова. Для российского чиновничества этого периода в целом наблюдался высокий удельный вес одиноких. Чиновники, согласно свидетельствам современников, нередко оставались холостяками, а если и вступали в брак, то часто в зрелые годы. Причина такого брачного поведения, по мнению исследователей, была связана с тем, что многие чиновники могли позволить себе создать семью после получения достаточно высокого чина, дававшего определенные финансовые возможности [5].

В то же время нельзя не учитывать, что на точность и достоверность результатов могли оказать влияние и отдельные источниковедческие проблемы. Так, еще современниками отмечались факты «небрежной регистрации» и отсутствия записей о семьях дворян в городских обывательских книгах. Например, в обывательскую книгу Санкт-Петербурга часто «дворянство потомственное и личное записывалось только на основании владения домами, без всяких сведений о семействах», поэтому «сведения о дворянстве не имеют полноты и не дают точного понятия»⁵.

В числе одиноких домовладельцев Тамбова были иностранные подданные («прусской» и «французской нации»), представители мещанства. Доля одиноких представителей купечества как по данным материалов

ревизий, так и по информации списков обывателей была небольшой (менее 0,5 %) ⁶.

Напротив, фактов проживания представителей дворянства и чиновничества в трех-пятисоставных семьях выявлено не было. Эти наблюдения подтверждаются исследованиями М.В. Шестакова по дворянству Тамбовской губернии в первой половине XIX века [11].

Около 80 % семей чиновников в городах Тверской губернии в первой половине XIX века были малыми семьями [5]. Структура такой семьи была различной, но более половины малых семей состояли из родителей и детей.

Анализ и учет семей по разным источникам представляет ряд сложностей источниковедческого и методологического характера, которые требуют дополнительного исследования. Вместе с тем сравнение позволило выявить еще ряд расхождений. Так, заметна определенная разница по числу и доле малых семей между данными ревизских сказок и обывательских списков Тамбова. Это объясняется, во-первых, наличием в списках представителей привилегированных сословий, во-вторых, тем, что в данном источнике были учтены реальные семьи, что отличало их от ревизских семей.

Об отличии учетных семей от реальных может свидетельствовать, в частности, дело о переселении однодворцев и ямщиков Тамбова в 1820–1830-е гг. за черту города⁷.

Тамбовская полиция доносила губернатору, что «при выполнении выяснилось, что на некоторых ямских усадьбах есть дома разных ямщиков, не состоящих между собой в родстве, другие, хотя и в родстве состоящие, но разно семейные. Наконец, которые состоят в одной семье и живут на одной усадьбе, имеют разные дома, ибо в одном доме по обширности семейства поместиться не могут, почему и необходимо некоторым из них дать усадьбы». Представители полиции Тамбова направили обращение губернатору, в котором указали, что усадебных мест выселявшимся ямщикам в связи с указанными выше обстоятельствами не хватит. В результате было принято решение об отведении отдельной усадьбы только тем из них,

⁴ ГАТО. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14. Л. 106об.-108.

⁵ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министерства внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1863. Вып. 2. С. 155.

⁶ ГАТО. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14. Л. 7об.-8.

⁷ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 12. Л. 177-177об.

кто жил отдельно и был показан в ревизских сказках «особым семейством»⁸.

Причины сохранения больших семей были различными. Так, наличие больших составных семей может быть объяснено и «житейскими обстоятельствами». Например, когда молодые в начале жизни оставались жить с родителями. Сохранение многочисленных семей у купцов отчасти было обусловлено принудительными правительственными мерами [24, с. 488-492]. Так, согласно «Высочайшему повелению к приисканию способа к улучшению состояния городов» от 20 ноября 1825 г. № 17 приписанные к семейству братья – купцы 1-й и 2-й гильдий «неотделимы» должны были бы быть. Кроме того, они должны были находиться «в зависимости и под распоряжением старшего брата, на правах приказчиков», а старший брат был обязан отвечать «по данным от него меньшим братьям доверенностям». Принятие таких мер аргументировалось тем, что если каждый из братьев единолично наследует, то и торговать сможет самостоятельно, поскольку «никто не захотел бы торговать под распоряжением одного из своих братьев». Это обстоятельство, по мнению правительства, привело бы к раздроблению капитала, негативно сказывалось бы на торговле и способствовало разорению купечества⁹.

Расширенные семьи часто встречались у тех жителей Тамбова, которые были связаны с торгово-промышленной сферой, а также части обывателей, проживавших на территории «слобод» (Пушкарской, Стрелецкой, Полковой и др.), где занятие земледелием в первой половине XIX века оставалось важнейшим видом деятельности.

На структуру и форму семейной организации жителей губернского центра влияли образ жизни и менталитет. Традиционность, авторитарно-патриархальные отношения были характерны для купеческих и мещанских семей, семей однодворцев и ямщиков, среди членов которых было немало выходцев из крестьян [25].

Для чиновников и дворян были установлены единичные факты проживания в составной семье. Хотя многодетные дворянские семьи встречались. Так, у известного

тамбовского дворянина И.Г. Герасимова, как указывалось в описании его «золотой» свадьбы, было 18 детей. Впрочем, судя по документу, все взрослые члены данного многочисленного семейства жили отдельно¹⁰.

По мнению исследователей, среди дворянства рано утвердилось правило женатым детям жить отдельно от родителей, благодаря чему среди них уже в XVIII веке господствовала малая семья. Это объяснялось сначала обязательностью (до 1762 г.), а затем необходимостью государственной службы для всех совершеннолетних мужчин [2, с. 720-721].

Проведенный М.В. Шестаковым анализ семей дворян Тамбовской губернии (в том числе и проживавших в губернском городе) свидетельствовал о том, что внутрисемейные отношения как в составных, так и в малых дворянских семьях строились преимущественно на традиционно-патриархальных принципах [11].

В земледельческих селах Тамбовской губернии до середины XIX века доминировали дворохозяинства, состоявшие из двух-трех малых семей, включавших три-четыре поколения [20]. В отличие от сельских населенных пунктов в Тамбове преобладающей формой жизни для большинства обывателей Тамбова становится простая малая семья. Основной удельный вес приходился на семьи, в состав которых входили представители одного-двух поколений.

Сходные с крестьянскими семьями были данные по семейной структуре однодворцев Тамбова – около 60 % семей представителей этой сословной группы включало в себя от двух до четырех малых семей.

Структура семьи была тесно связана с людностью, но не всегда первое обуславливало второе.

С конца XVIII к середине XIX века шло сокращение удельного веса семей, состоявших более чем из 11 человек. Суммарно доля таких семей жителей Тамбова уменьшилась с 11,6 % в 1795 г. до 3 % к 1857 г., то есть более чем в три раза.

Максимально установленное число членов в тамбовской семье составляло 27 человек (данные за 1857 г.). Это была семья тамбовского купца 3-й гильдии Ильи Павловича Федотова. Она включала четыре малые се-

⁸ ГАТО. Ф. 16. Оп. 7. Ед. хр. 12. Л. 178.

⁹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1286. Оп. 3-182. Ед. хр. 79. Л. 35.

¹⁰ Патриархальная или Золотая свадьба. Тамбов: [б. и.], 1864. С. 1-2, 6.

мьи: семью самого Ильи Павловича и семьи трех его женатых братьев с их женами и детьми (16 детей на 4 семьи)¹¹.

Средний размер семьи жителей Тамбова (по данным ревизий) сократился с 6 человек в 1795 г. до 4,1 человека к 1833 г. и до 3,2 к 1850 г. Некоторое увеличение показателя людности до 4,2 человека произошло к 1857 г.

В 1857 г. по результатам специально проведенных исследований был отмечен рост коэффициентов брачности и рождаемости для населения губернского центра. Одними из факторов, оказавшим влияние на эти показатели, стали окончание Крымской войны (1853–1856 гг.) и возвращение домой солдат. Эти данные подтверждаются первичными материалами метрических книг Тамбова, зафиксировавших сословно-социальную принадлежность брачующихся [26].

Данные, полученные в результате анализа списков обывателей Тамбова, свидетельствовали о сокращении среднего размера семей домовладельцев губернского центра с 3,6 человека в 1831–1833 гг. до 2,6 человека в 1855 г.

Для сравнения отметим, что в селах Тамбовской губернии Байловка, Калугино и Малые Пупки средний размер крестьянской семьи в 1816 г. составил 7,6; 8,9 и 8,3 человека соответственно, а в 1834 г. – 7,3; 11,3 и 15 человек. В среднем семья крестьян Тамбовской губернии включала 9 человек [20].

С конца XVIII к началу XIX века средний размер городской семьи в России в зависимости от типа города (аграрный или индустриальный) и сословия уменьшился с 6,2 до 4,2 человека [2, с. 683].

Таким образом, по показателю людности семьи обывателей Тамбова явно отличались от семей жителей сельских населенных пунктов и соответствовали данным, характерным для городского населения России в первой половине XIX века.

В конце XVIII – начале XIX века наиболее многолюдными были семьи купцов, однодворцев и мещан Тамбова, а наименее – семьи чиновников, дворян (от 2,4 до 2,6 человека), представителей духовенства (4,7 человека) и дворовых (около 3 человек).

На протяжении всего анализируемого периода шло сокращение среднего размера семьи практически для всех сословно-со-

циальных групп населения Тамбова. Так, размер купеческой семьи (по данным ревизий) сократился с 7,4 человека в 1795 г. до 6,9 человека в 1857 г., мещанской – с 5,5 человека в 1795 г. до 4 человек в 1833 г. и до 2,5 человека в 1850 г. По данным за 1857 г. средний размер мещанской семьи губернского центра снова вырос до 3,9 человека.

Шло сокращение людности мещанских семей уездного города Моршанска (с 4,8 человека в 1816 г. до 3,4 человека в 1850 г.). Средний размер моршанской купеческой семьи вырос с 9,7 человека в 1833 г. до 10,4 человека в 1850 г. [4, с. 175].

К крестьянской семье по показателю людности были близки семьи однодворцев и ямщиков Тамбова, уклад жизни которых по свидетельству современников был схож с крестьянским¹².

Анализ семей тамбовских обывателей был проведен не только по вертикали (совместное проживание нескольких поколений семьи), но и по горизонтали (наличие в составе семьи представителей боковых линий родственников – братьев, сестер, тещ, племянников и др.). Большая семья предполагала разветвленную систему родства и свойства. Изучение вопросов семейного положения по отношению к главе семьи позволило проиллюстрировать степень разветвленности семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века.

Дети (первое поколение прямого кровного родства) составляли около трети всех проживавших в семьях тамбовских обывателей во все анализируемые годы (от 33 до 36,3 %). Второе место по удельному весу приходилось на жен (от 11 до 13 %). Доля родных братьев и сестер колебалась от 9,1 до 7,8 %. Внуки составляли от 9 до 5 %, снохи и невестки – от 5,3 до 7,5 %, племянники и племянницы – от 4 до 5,7 % и, наконец, родители главы семьи – от 3,3 до 3,8 %.

Распределение тамбовских обывателей по возрастам демонстрировало преобладание молодежи. Дети, племянники, внуки составляли (в больших и малых семьях) около 50 % членов семей. Доля старших поколений составляла от 3 до 5 % (матери, отцы, деды). 15–25 % приходилось на представителей среднего, родительского поколения (главы семей, их братья, сестры, жены).

¹¹ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2073. Л. 89.

¹² ГАТО. Ф. 16. Оп. 7. Д. 12. Л. 185-185об.

На братьев, сестер, племянников приходилось около 15–20 % членов семей тамбовских обывателей. Горизонтальное расширение семей за счет указанных категорий родственников в крестьянских семьях сел и деревень губернии было выше и составляло от 25 до 30 % [20].

Немногочисленными были случаи проживания в семьях свекрови, тетки, дяди, двоюродных племянников, двоюродных братьев и сестер и др. Встречались члены семьи со статусом «подкидыш» и «приемыш».

Проведенный анализ, с одной стороны, свидетельствовал о наличии разветвленной системы родства и свойства семей жителей Тамбова, который был характерен для традиционного общества, а с другой – позволяет отметить тенденции эволюционирования семей обывателей губернского центра в сторону малой нуклеарной семьи, выражавшиеся в сокращении доли боковых родственников, проживавших в одной семье.

В конце XVIII – первой половине XIX века шло сокращение удельного веса детей (мальчиков и девочек моложе 16 лет) как в составе больших, так и малых семей жителей Тамбова. Росла доля бездетных семей. Так, в конце XVIII века семьи, в которых не числились дети, составляли около 7–8 %, а в 1857 г. – около 16 % семей жителей Тамбова. Однако полученные результаты требуют дополнительной проверки. В торгово-промышленном селе Тамбовской губернии Рассказово удельный вес подобных семей составлял 1,6 % в 1810 г. и 10,6 % в 1830-е гг. [13]. Более высокие показатели для Тамбова, очевидно, были связаны с наличием в социальной структуре города таких социально-сословных групп, как дворянство, чиновничество, военные.

На одну семью тамбовских обывателей с учетом бездетных семей приходилось в 1795 г. 2,8 ребенка (с учетом умерших между ревизиями 2,9) и 1,5 в 1857 г. (с учетом умерших между ревизиями 1,6 %).

На одну семью уездного города Моршанска приходилось 3,4 ребенка по данным за 1810 г. и 2,1 ребенка в 1830 г. [4]. В семьях торгово-промышленного села Рассказово Тамбовской губернии эти показатели были выше и составляли 5,2 и 4,9 ребенка на семью по информации за 1810 и 1830 гг. соответственно [13].

В зависимости от сословия в первой половине XIX века количество детей в семьях тамбовских обывателей распределялось следующим образом: в среднем на одну брачную пару купцов – жителей губернского центра приходилось четыре ребенка, духовенства – 3–4 ребенка, на брачную пару дворян и чиновников – 1–2 ребенка. В дворянских и чиновничьих семьях взрослые дети редко проживали совместно с родителями, о чем уже шла речь выше.

В конце XVIII века в Тамбовской губернии на одну дворянскую семью приходилось в среднем 2,84 ребенка [11]. Преобладание малых семей, состоявших из бездетных супружеских пар или пар с одним или двумя несовершеннолетними детьми, отмечалось и для семей чиновников городов Тверской губернии в первой половине XIX века [5].

Таким образом, проведенный анализ семей жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века подтверждает вывод исследователей о том, что в городах России этого периода преобладающей формой семейной жизни для большинства собственно городского населения стала малая семья. Удельный вес больших семей с конца XVIII к середине XIX века заметно сократился. Так, если в 1795 г. основной удельный вес семей населения Тамбова приходился на большие составные семьи (тип 5), а суммарно именно в расширенных и больших составных семьях проживало подавляющее число обывателей Тамбова, то к 1857 г. это соотношение изменилось в пользу малой нуклеарной семьи. Именно данный тип семьи стал преобладающей формой семейной организации населения губернского центра (табл. 1). Наблюдалась тенденция эволюционирования семьи тамбовских обывателей к семье европейского типа (современного типа), европейской демографической модели. Росла доля одиноких, незамужних и холостых жителей Тамбова. На последнее обстоятельство, очевидно, не мог не оказать влияние процесс повышения брачного возраста в России в целом и в городах в частности.

Однако переход от патриархальной к малой семье, от патриархальных к демократическим семейным отношениям протекал сложно. Так, несмотря на заметное сокращение числа и удельного веса больших и расширенных семей, суммарная доля прожи-

вавших в них (тип 4 и тип 5) жителей Тамбова к середине XIX века по-прежнему оставалась значительной и составляла около 48 % (табл. 1). Большие патриархальные семьи были у представителей разных сословий. Даже среди городской элиты брачно-семейные отношения сохраняли многочисленные черты традиционного семейного порядка. Экономической основой части таких семей были занятия, которые требовали сосредоточения в одних руках управления, финансово-материальных ценностей и ресурсов для успешного ведения дел. Традиционно-патриархальные отношения сохранялись в силу специфических экономических и мировоззренческих особенностей представителей разных социально-сословных групп горожан. Степень модернизационных процессов, в том числе затрагивавших семейную структуру и семейные отношения в различных слоях населения Тамбова, зависела от силы приверженности их традиций, социально-экономического положения, профессиональных занятий и др.

На сохранение традиционного уклада оказывали определенное влияние и принудительные правительственные меры. Сохранение патриархальных брачно-семейных отношений было обусловлено и прагматическими причинами: наличием или отсутствием необходимых материальных возможностей, ведением общего дела (торговля, ремесло) и др. Полученные результаты еще раз подчеркивают ценность микродемографических исследований.

Список литературы

1. *Араловец Н.А.* Городская семья в России в 1897–1926 гг. М., 2003. 232 с.
2. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
3. *Histoire de la famille: en 2 vols. / sous la dir. de J. Goody.* Paris: Armand Colin, 1986. Vol. 1. 640 p.; Vol. 2. 560 p.
4. *Акользина М.К.* Моршанск – хлебный порт России (середина конца XVIII – середина XIX). Тамбов, 2011. 208 с.
5. *Бодрова Ю.В.* Семья провинциального чиновника первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2009.
6. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
7. *Гончаров Ю.М.* Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XX века // *Семья в ракурсе социального знания: сб. науч. ст.* Барнаул, 2001. С. 25–40.
8. *Ларичев А.А.* Крестьянская семья в истории освоения и развития Среднего Поволжья (XVIII – первая треть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004.
9. *Мельников П.Ю.* О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX веков: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.* 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 163–166.
10. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М.: Наука, 1990. 271 с.
11. *Шестаков М.В.* Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
12. *Щеглов С.Г., Меженина О.В.* Структура семьи в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // *Известия Алтайского университета.* 2016. № 2 (90). С. 176–180.
13. *Морозова Э.А.* Особенности социально-демографического облика торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
14. *Борисенко М.В.* Семья и двор русских крестьян Западной Сибири в конце XVI – середины XIX в. СПб., 1998. 172 с.
15. *Волков А.Г.* Семья – объект демографии. М., 1986. 271 с.
16. *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / ed. by P. Laslett, R. Wall.* Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 31.2.
17. *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // *Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст.* М., 1979. С. 132–157.
18. *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. 184 с.
19. *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Восстановление истории семей и компьютер // *Компьютер и историческая демография.* Барнаул, 2000. С. 107–136.
20. *Кончаков Р.Б.* Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.

21. *Стрекалова Н.В.* К проблеме использования информационных методов и технологии в исследованиях провинциальной городской семьи конца XVIII – начала XX в. // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 114-117.
22. *Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В.* Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы, возможности, перспективы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Сургут: СурГУ, 2015. С. 265-279.
23. *Акользина М.К., Канищев В.В.* Влияние традиций аграрного общества на структуру городской семьи Тамбовской губернии в XIX – начале XX // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы Междунар. конф. / отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 134-141.
24. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. 640 с.
25. *Лямин С.К.* Менталитет населения прединдустриального города 1860–1870-х гг. (по материалам Тамбова): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
26. *Стрекалов Д.В.* Проблемы брачности городских обывателей в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8 (76). С. 314-318.

Поступила в редакцию 15.09.2017 г.

Отрецензирована 27.10.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторе

Стрекалов Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, сотрудник кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strekalovdv@gmail.com

Стрекалова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strekalovanv@mail.ru

Для корреспонденции: Стрекалова Н.В., e-mail: strekalovanv@mail.ru

Для цитирования

Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 119-130. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130

STRUCTURE AND TYPOLOGY OF A PROVINCIAL URBAN FAMILY AT THE END OF THE 18th – THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY (on materials of Tambov)

Dmitriy Valeryevich STREKALOV, Nataliya Valyerevna STREKALOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

E-mail: strekalovanv@mail.ru

Abstract. The problems of structure and typology of families of Tambov residents at the end of the 18th – the first half of the 19th century are investigated. All the types of family organization of inhabitants of the provincial center (the standard classification in modern historical and demographic researches is taken as a basis), number of generations in family, family relations, degree of branching of family structure (existence of sidelines of relationship), marital status and the age of family members of Tambov residents are analyzed. To study the families of Tambov residents mass-personified sources were taken. This information was used to make electronic databases. The

families of citizens were studied along with the general analysis of urban family in relation with specific social groups. This analysis responds to the demands of microhistorical research. The great differences in the modernization of family structure and the matrimonial relations of different social groups were observed. They were caused by economic, social and professional and world outlook of their representatives. To the middle of the 19th century a small family becomes the prevailing form of the family organization of Tambov population. However, the process of transition was difficult. The expanded and big compound families remained in which more than 40 % of Tambov population lived to the middle of the 19th century.

Keywords: city; family; typology; urban population; Tambov

References

1. Aralovets N.A. *Gorodskaya sem'ya v Rossii v 1897–1926 gg.* [Urban Family in Russia in 1897–1926]. Moscow, 2003, 232 p. (In Russian).
2. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: from Tradition to Modern: in 3 vols.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014, vol. 1, 896 p. (In Russian).
3. Goody J. (ed.). *Histoire de la Famille: en 2 vols.* Paris, Armand Colin Publ., 1986, vol. 1, 640 p., vol. 2, 560 p. (In French).
4. Akolizina M.K. *Morshansk – khlebnnyy port Rossii (seredina kontsa XVIII – seredina XIX)* [Morshansk is the Grain Port of Russia (mid-late 18th – mid-19th)]. Tambov, 2011, 208 p. (In Russian).
5. Bodrova Y.V. *Sem'ya provintsial'nogo chinovnika pervoy poloviny XIX veka (na materialakh Tverskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Family of Provincial Civil Servant of the First Half of the 19th Century (on the Materials of the Tver Governorate). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tver, 2009. (In Russian).
6. Goncharov Y.M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Urban Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, Publishing House of the Altai University, 2002, 384 p. (In Russian).
7. Goncharov Y.M. *Sotsial'noye razvitiye sem'i v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Social development of the family in Russia in the 18th – early 20th century]. *Sem'ya v rukurse sotsial'nogo znaniya* [Family in the Perspective of Social Knowledge]. Barnaul, 2001, pp. 25-40. (In Russian).
8. Larichev A.A. *Krest'yanskaya sem'ya v istorii osvoeniya i razvitiya Srednego Povolzh'ya (XVIII – pervaya tret' XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Peasant Family in the History of Reclamation and Development of Middle Volga (18 – the First Third of the 20th Century). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Samara, 2004. (In Russian).
9. Melnikov P.Y. *O strukture krest'yanskoy sem'i v Rossii XVII–XIX vekov: problema klassifikatsii i terminologii v issledovaniyakh sovetskogo perioda* [On the structure of a Russian peasant family in the 17–19 centuries: the problem of classification and terminology in the Soviet period studies]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 163-166. (In Russian).
10. Mironov B.N. *Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye* [The Russian City in the 1740–1860s: Demographic, Social and Economic Development]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 271 p. (In Russian).
11. Shestakov M.V. *Rossiyskoye provintsial'noye dvoryanstvo v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX v. (na materialakh Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Russian Provincial Nobility in the Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Centuries (on the Materials of the Tambov Governorate). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. (In Russian).
12. Shcheglov S.G., Mezhenina O.V. *Struktura sem'i v meshchanskom soslovii v gorodakh Tomskoy gubernii v pervoy polovine XIX v.* [The structure of the family in the middle class in the cities of Tomsk Governorate in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Altayskogo universiteta – News of the Altai University*, 2016, no. 2 (90), pp. 176-180. (In Russian).
13. Morozova E.A. *Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblika torgovo-promyshlennogo sela v pervoy polovine XIX v. (na primere sela Rasskazovo Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the Socio-Demographic Appearance of the Commercial and Industrial Village in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Village of Rasskazovo of the Tambov Governorate). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
14. Borisenko M.V. *Sem'ya i dvor russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – serediny XIX v.* [Family and Homestead of Russian Peasants of Western Siberia in the End of 16th – mid-19th]. St. Petersburg, 1998, 172 p. (In Russian).
15. Volkov A.G. *Sem'ya – obekt demografii* [Family is a Demography Object]. Moscow, 1986, 271 p. (In Russian).
16. Laslett P., Wall R. (eds.). *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America*. Cambridge, Cambridge University Press, 1972, p. 31.2.
17. Laslett P. *Sem'ya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod* [Family and household: historical approach]. *Brachnost', rozhdayemost', sem'ya za tri veka* [Marriage, Birth Rate, Family for Three Centuries]. Moscow, 1979, pp. 132-157. (In Russian).
18. Hoch S.L. *Krepostnoe pravo i sotsial'nyy kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoy gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, Village of the Tambov Governorate]. Moscow, 1993, 184 p. (In Russian).

19. Antonov D.N., Antonova I.A. Vosstanovlenie istorii semey i komp'yuter [Family history reconstruction and computer]. *Komp'yuter i istoricheskaya demografiya* [Computer and Historical Demography]. Barnaul, 2000, pp. 107-136. (In Russian).
20. Konchakov R.B. *Demograficheskoye povedeniye krest'yanstva Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX v. Novyye metody issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Demographic Behavior of the Peasantry of the Tambov Governorate in the 19th – Early 20th Century. New Methods of Research. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2001. (In Russian).
21. Strekalova N.V. K probleme ispol'zovaniya metodov i tekhnologiy v issledovaniyakh provintsial'noy gorodskoy sem'i kontsa XVIII – nachala XX v. [To the problem of using information methods and technology in the studies of the provincial urban family of the late 18th and early 20th centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Digital Humanities: Resources, Methods, Research”]. Perm, 2017, part 2, pp. 114-117. (In Russian).
22. Strekalova N.V., Strekalov D.V. Istochniki dlya izucheniya sotsial'no-demograficheskikh protsessov v rossiyskom provintsial'nom gorode v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.: problemy, vozmozhnosti, perspektivy [Sources for the study of socio-demographic processes in the Russian provincial city in the late 18th – first half of the 19th century: problems, opportunities, prospects]. *Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy konferentsii s Mezhdunarodnym uchastiem «Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda»* [Digest of Scientific Articles of the All-Russian Conference with International Participation “Historical Urbanistics: the Past and Present of the City”]. Surgut, Surgut State University, 2015, pp. 265-279. (In Russian).
23. Akolzin M.K., Kanishchev V.V. Vliyanie traditsiy agrarnogo obshchestva na strukturu gorodskoy sem'i Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX [Influence of the agrarian society traditions on the urban family structure of the Tambov Governorate in the 19th – early 20th century]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Sotsial'naya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv.»* [Proceedings of International Scientific Conference “Social History of the Russian Province in the Context of the Agrarian Society Modernization in the 18–20 Centuries”]. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2002, pp. 134-141. (In Russian).
24. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the Russian Law History]. Rostov-on-Don, 1995, 640 p. (In Russian).
25. Lyamin S.K. *Mentalitet naseleniya predindustrial'nogo goroda 1860–1870-kh gg. (po materialam Tambova): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Mentality of the Preindustrial City Population of 1860–1870s (on Materials of Tambov). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
26. Strekalov D.V. Problemy brachnosti gorodskikh obyvateley v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. (po materialam Tambova) [Problems of marriage of urban inhabitants in the late 18th – first half of the 19th centuries (based on the materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2009, no. 8 (76), pp. 314-318. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper is prepared under financial support of Russian Foundation for Basic Research (Humanities and Social Sciences Department of Russian Foundation for Basic Research) “Urban family and the processes of social modernization of provincial Russian town at the end of 18th – the beginning of 20th century: the portrait at the background of the epoch (basing on the materials of Tambov)” no. 17-11-68006 a(p).

Received 15 September 2017

Reviewed 27 October 2017

Accepted for press 23 January 2018

There is no conflict of interests.

Information about the author

Strekalov Dmitriy Valyerevich, Candidate of History, Coworker of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: strekalovdv@gmail.com

Strekalova Nataliya Valyerevna, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: strekalovanv@mail.ru

For correspondence: Strekalova N.V., e-mail: strekalovanv@mail.ru

For citation

Strekalov D.V., Strekalova N.V. Struktura i tipologiya provintsial'noy gorodskoy sem'i v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka (na materialakh Tambova) [Structure and typology of a provincial urban family at the end of the 18th – the first half of the 19th century (on materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 119-130. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ В ОТНОШЕНИИ НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПРОМЫСЛОВ КРЕСТЬЯН ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© **Георгий Сергеевич МАХРАЧЕВ**

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: mahrachova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена деятельность Тамбовского земства как продолжение государственной политики по развитию крестьянских неземледельческих промыслов. Сделан вывод о положительном влиянии собранных земскими статистами сведений о состоянии неземледельческих промыслов на дальнейшую деятельность земств. Представлены отзывы экспертов из других губерний о качестве тамбовской кустарной продукции. Среди основных направлений деятельности земств была выделена экономическая помощь кустарям. Она заключалась в организации кустарных выставок, отправке кустарной продукции на выставки, проводившиеся в других губерниях, учреждении кустарного склада, посредничестве в принятии госзаказов. Сближение кустарей и покупателей, продажа со склада сырья и скупка кустарной продукции, значительные государственные заказы способствовали решению проблем сбыта и сырья в кустарном производстве. Была определена роль земств, заключавшаяся в организации мастер-классов и направленная на повышение технической грамотности кустарей. В качестве последнего вида деятельности земств была обозначена работа по регулированию налоговой и правовой активности промысловиков. Однако анализ журналов очередных и внеочередных земских собраний позволил сделать вывод о слабых изменениях в экономическом укладе крестьян, занятых неземледельческими промыслами.

Ключевые слова: земства; Тамбовская губерния; кустарные промыслы; модернизация; крестьянство

Одним из ведущих направлений государственной политики по развитию экономики России на современном этапе является поддержка малого бизнеса, который не только способствует реализации предпринимательских способностей населения (а впоследствии – повышению качества сервиса и товаров), но и снимает социальную напряженность в кризисные для крупных компаний времена. Значительный вклад в развитие малого бизнеса вносят областная и региональная администрации, которые хорошо знают состояние местной экономики и являются проводником государственной политики. Для объективной оценки современных реалий и максимально грамотных дальнейших действий необходимо учитывать опыт прежних поколений.

Во второй половине XIX – начале XX века в Российской империи наблюдался значительный подъем в развитии мелкотоварного производства, что в первую очередь было связано с отменой крепостного права. Крестьяне, оказавшись в условиях аграрного перенаселения, малоземелья, технической отсталости сельского хозяйства, частых недо-

родов и неурожаев, были вынуждены искать новые источники доходов. Это повлияло на развитие кустарной промышленности, привело к сильным миграциям и формированию городского сословия. Важным предметом для изучения является политика местных органов самоуправления – земств, созданных в это же время, по поддержке крестьянских неземледельческих промыслов в условиях тяжелой конкуренции с промышленно развитым Западом.

В досоветской историографии преобладало формирование понятийного аппарата, экономических особенностей производства, артельной кооперации. Тем не менее были предприняты некоторые попытки изучения политики государства и деятельности земств по поддержке неземледельческих промыслов крестьян. В труде Д. Львова [1] и совместной работе М.С. Фримана и Д.И. Шейнеса [2] были рассмотрены действующие законы о крестьянском промысловом налогообложении. А.Д. Погрузов [3] и А. Колкотин [4] исследовали государственную политику по поддержанию кустарной промышленности, обращаясь к деятельности земств лишь ми-

моходом. Сведения о поддержке кустарных артелей земствами встречаются в двухтомной монографии Г.П. Петрова [5].

В советский период крестьянские неземледельческие промыслы долгое время практически не изучались, что напрямую было связано с политическими воззрениями органов власти, точно сформулированными М.П. Томским на VIII съезде РКП(б): «Для нас ясно, что кустарное производство есть пережиток старины, пережиток вредный»¹. Значительный вклад как в исследование крестьянской кустарной промышленности в целом, так и в область изучения государственной и земской политики по поддержке кустарей был внесен К.Н. Тарновским только в 1980-е гг. В своей монографии К.Н. Тарновский приводил примеры взаимной поддержки государственной политики и земств [6]. Дальнейшее развитие это положение получило в его статье «Кустарная промышленность и царизм (1907–1914 годы)»: «Кустарная организация строилась сверху и снизу, усилиями правительства и земств одновременно. Главный результат правительственной деятельности – создание сети инструкторских школ для подготовки руководителей земских учебно-показательных мастерских <...> земства занимались главным образом созданием учебно-показательных мастерских и аппарата по сбыту кустарных изделий (склады, представительства, конторы)» [7, с. 43].

Для постсоветского периода характерно усиление интереса к изучению кустарной промышленности, что во многом было связано с развитием рыночной экономики. Так, Л.М. Архипова проанализировала процесс регулирования промыслового налогообложения [8]. Проблеме поддержания кустарной промышленности на государственном и региональном уровнях отводятся отдельные главы диссертационных работ В.В. Ватутиной [9], Е.М. Дориной [10], Н.А. Федотовой [11], С.А. Чиркина [12] и др. Важное дополнение составляют материалы периодической печати в виде научных статей О.А. Зозули [13], Т.А. Кобзевой [14], Т.Э. Лактункиной [15] и т. д. Значительный вклад в изучение истории развития кустарных промыслов Центрального Черноземья, в том числе и в рассматриваемую тему внесла В.А. Григоро-

ва [16; 17]. Таким образом, современная историография смогла в значительной степени устранить пробелы дореволюционного и советского периодов. Однако в настоящее время важной областью для исследования является не только деятельность земств конкретных губерний по поддержанию кустарей, но и выявление успешности результатов этой деятельности.

Одним из первоначальных и самых основных направлений деятельности земств было изучение и статистический учет крестьянских неземледельческих промыслов в регионе, что являлось продолжением общегосударственной политики. Основными результатами работы Тамбовского губернского земства в данном направлении следует считать издание «Сборников статистических сведений по Тамбовской губернии»², а также трудов «Село Каменка и Каменская волость» [18] и «Кустарные промыслы Тамбовской губернии»³. В 1–12 томах «Сборников...» отражены результаты подворных переписей 1880–1884 гг. по каждому уезду Тамбовской губернии, а в 14 томе – обобщение по всей губернии. Некоторые погрешности в результатах были связаны с ошибочными суждениями крестьян указывать только часто практикуемые промыслы, что было отмечено самими статистами: «Чем менее специализировалось какое-нибудь занятие, чем менее оно постоянно, тем менее точно можно исчислить даже и при личной подворной переписи всего населения всех лиц, которым оно доступно и которыми оно действительно практикуется»⁴. Однако высокий профессионализм и объективность земских статистов, а также возможность опираться на опыт коллег из других губерний позволили в достаточно полном объеме отразить распространенность, экономические особенности и краткую историческую справку о развитии неземледельческих промыслов крестьян Тамбовской губернии. В качестве дополнения к «Сборникам...» председателем статистического отдела губернской земской управы Н. Романовым был издан труд «Село Ка-

² Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1880–1900. Т. 1–12; 14.

³ Кустарные промыслы Тамбовской губернии. Тамбов: Губернская земская типография, 1900. 613 с.

⁴ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 3. С. 212.

¹ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года: протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 82.

менка и Каменская волость», где приводятся данные детальной проработки статистического материала по Каменской волости Тамбовского уезда. Результаты ответов респондентов на разосланную агрономическим отделением губернской управы программу вопросов о кустарной занятости легли в основу труда «Кустарные промыслы Тамбовской губернии». В издании были отражены статистические показатели занятости кустарными промыслами и экономические особенности производства. Следует отметить, что данный труд был также необходим, «чтобы иметь руководящую нить при составлении коллекции кустарных изделий для Саратовской выставки 1899 г.»⁵.

Статистические сведения о неzemледельческих промыслах крестьян Тамбовской губернии, собранные уездными и губернской управами, были представлены в докладах уездных и губернского собраний в целях выбора наиболее грамотных дальнейших действий. Так, «Директор народных училищ Тамбовской губернии <...> просит губернскую управу сообщить ему сведения о заводских и кустарных промыслах, существующих в уездах для соображений при определении окружным учебным начальством местностей, в которых надлежало бы открыть промышленные училища и какого именно типа»⁶. Для подтверждения необходимости открытия в Борисоглебском уезде при сельском училище кузницы в докладе уездному земскому собранию приводились данные о развитии промыслов по уезду, которые отчетливо показывают слабое развитие кузнечного дела⁷. В отчетном докладе Борисоглебской уездной земской управы уездному земскому собранию приводятся данные о слабой развитости кустарных промыслов в регионе и заключение о нецелесообразности проведения кустарной выставки в уезде⁸.

⁵ Кустарные промыслы Тамбовской губернии. С. 1.

⁶ Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1889 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1890. С. 202-203.

⁷ Журналы очередного Борисоглебского уездного земского собрания. Сентябрьской и октябрьской сессии 1877 года. Борисоглебск: Типография А.Ф. Рыжкова, 1878. С. 67-70.

⁸ Постановления экстренного и очередного Борисоглебского уездного земского собрания 30 января 1888 года 4-го, 5-го, 6-го и 7-го октября 1888 года. Борисоглебск: Типография В.В. Орлова, 1889. С. 334-337.

Одной из основных преград для развития кустарных промыслов была деятельность перекупщиков, не только значительно завышавших цену на сырье и готовую продукцию, но и всячески препятствующих образованию артелей. Поэтому деятельность земств была также направлена на решение сырьевой проблемы, сближение кустарей с покупателями и посредничество в предоставлении госзаказов.

Первоочередными действиями были организация и проведение кустарных выставок. На очередном Тамбовском губернском земском собрании 1888 г. обсуждались основные цели, выбор наиболее благоприятного места и времени проведения, а также общие правила организации кустарных выставок⁹. На очередном Тамбовском губернском земском собрании 1889 г. было решено разместить кустарный отдел на выставке, которую планировало проводить Борисоглебское общество сельских хозяев в Борисоглебске¹⁰. Однако первая в Тамбовской губернии кустарная выставка, состоявшаяся в 1889 г. в Борисоглебске, успеха не имела. Несмотря на то, что были представлены кустарные изделия из Пензы, Тулы, Харькова и т. д., северные уезды самой Тамбовской губернии не представили практически ни одного экспоната, а продукция местных кустарей не отличалась высокой разнообразностью¹¹. Стоит отметить, что Тамбовское губернское земское собрание, принимая решение о проведении кустарной выставки в г. Борисоглебск, проигнорировало упомянутое выше предупреждение Борисоглебской уездной земской управы о слабой развитости кустарных промыслов в регионе и о нецелесообразности проведения кустарной выставки в уезде. В расчет также не брался опыт предыдущих промышленно-художественных выставок в Тамбовской губернии, ярко отразивших недостаточно четкое представление общественности о необходимости подобных мероприятий [19, с. 45-46].

⁹ Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1888 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1889. С. 204-214.

¹⁰ Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1889 г. С. 109-110.

¹¹ Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1890 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1891. С. 93-103.

В дальнейшем выставки кустарной продукции проводились по инициативе уездных земских собраний на уездном уровне в рамках сельскохозяйственных и животноводческих выставок. Так, в 1911 г. в Усманском уезде по инициативе местного земства была проведена животноводческая выставка, в кустарном отделе которой были представлены холсты, сукно, ковры и другие изделия¹². В 1912 г. кустарные изделия были представлены на Шацкой сельскохозяйственной¹³ и первой Спасской сельскохозяйственной и кустарной [20, с. 931] выставках. В 1913 г. в Спасске была проведена вторая сельскохозяйственная и кустарная выставка [20], в Лебедяни – первая сельскохозяйственная выставка, на которой были представлены кустарные изделия [21]. Следует отметить, что эти выставки имели большой успех. Удалось привлечь значительное число кустарей, лучшая продукция которых нередко поощрялась деньгами и благодарственными письмами.

Большую пользу для развития местной кустарной промышленности приносила возможность представить изделия на выставках в других губерниях. Так, тамбовские кустарные изделия участвовали в Саратовской выставке 1899 г., Санкт-Петербургских выставках 1902 и 1913 гг., Курской выставке 1904 г. Отзывы экспертов и посетителей выставок позволили объективно взглянуть на развитие кустарной промышленности в губернии. В частности, отмечали недостатки тамбовских ткацких изделий эксперты из Саратова: «По ткачеству – узорность материй, однообразие рисунков, плохая окраска, преобладание грубых тканей». «Изделия кузнечные... веревочно-канатные, сетевязальные, рогожные, бондарные и вязальные» были признаны экспертами хорошими¹⁴.

Большие надежды Тамбовским губернским земским собранием возлагались на кустарный склад, открытый в 1902 г. в Тамбове. Предполагалось предоставлять кустарям не-

обходимую сырьевую продукцию, выкупать у них по оптимальным ценам готовую продукцию и с небольшой наценкой выставлять далее на продажу. Среди основных изделий, закупаемых складом, была деревянная мебель, щетки, стальные изделия, кружева и корзины¹⁵. Обращая внимание на сбыт продукции, земское собрание стремилось удовлетворить потребности покупателей. В докладе губернскому земскому собранию декабрьской сессии 1903 г. «По кустарно-промышленной части» отмечалось, что одними из главных предметов для сбыта были плетеные изделия, однако, покупатели отдавали предпочтение дорожным корзинам, которые поставлялись на склад из соседних губерний и отличались лучшим качеством. Для поддержки местных кустарей губернским земским собранием было принято решение о создании корзиновой мастерской¹⁶. Однако уже к 1906 г. убыток склада составил 3946 рублей¹⁷, что было связано с трудностями закупок у сельских кустарей товаров и их низким, по сравнению с изделиями других губерний, качеством. Итогом обсуждения вопроса о складе стала его ликвидация в 1907 г.

В функции земства входило осуществление посредничества в предоставлении госзаказов, что во многом решало проблему с переизбытком кустарей в селах. Так, например, в 1905 г. Темниковское земство содействовало принятию заказа от интендантства для местных сапожников, а также ходатайствовало перед губернским земским собранием о кредите в 10000 рублей для поддержки данного мероприятия¹⁸. В 1909 г., поддерживая инициативу сапожников с. Рыбное, Моршанская уездная земская управа выступила посредником в предоставлении заказа на 6000 пар сапог на нужды интендантства¹⁹. В 1910 г.

¹⁵ Журналы чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в январе 1903 года. Тамбов: Губернская земская типография, 1903. С. 3.

¹⁶ Журналы чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания январской сессии 1904 года. Тамбов: Губернская земская типография, 1904. С. 6-10.

¹⁷ Журналы чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания 10 марта 1907 года. Тамбов: Губернская земская типография, 1907. С. 214.

¹⁸ Журналы чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания февральской сессии 1905 года. Тамбов: Губернская земская типография, 1905. С. 84-87.

¹⁹ Моршанское уездное земское собрание, XLVI очередной сессии 1910 г. Журналы собрания, журналы

¹² Отчет Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1911 г. об агрономической деятельности уездных земств Тамбовской губернии за 1911 г. Тамбов: Тамбовская земская типография, 1912. С. 17.

¹³ Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1912 года. Тамбов: Типография губернского земства, 1913. С. 474.

¹⁴ Кустарные промыслы Тамбовской губернии. С. XXIII.

с согласия уездного земского собрания Моршанская уездная земская управа стала посредником в предоставлении рыббинским кустарям заказа от интендантства на 50000 пар сапог²⁰. Следует отметить, что если в первый раз рыббинские мастера успешно справились с работой, то во втором случае «благодаря ...старанию местных кулаков, которым организация артели очень не нравилась, поставка вовремя не могла быть исполнена, и дело развития артели приостановилось»²¹.

Значительное развитие кустарной промышленности последовало вслед за повышением квалификационного уровня кустарей. Здесь явным подтверждением является вывод, сделанный специалистом по ткацким промыслам Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики министерства земледелия и государственных имуществ В.А. Доливо-Добровольской. Несколько раз посетив Тамбовскую губернию, она провела показательные занятия, которые в дальнейшем позволили земствам внедрять усовершенствованные технологии в работу кустарей²². В то же время земства стремились развить государственную политику в этом направлении, организовывая учебные мастерские и приглашая мастеров. В 1912 г. Усманское земство открыло учебно-ткацкую мастерскую²³. В этом же году «Темниковское земство постановило приобрести модели и приборы для выжигания по дереву для ознакомления с ними жителей – Полховского Майдана Криушинской волости... а также ходатайствовать перед Главным управлением земледелия и землеустройства о командировании в это селение инструктора по обработке дерева»²⁴.

Земства занимали важную промежуточную позицию между кустарями и государством. Отстаивая интересы кустарей, земства постоянно занимались регуляцией налогообложения крестьянских промышленных заве-

дений. Так, в 1897 г. Кирсановское земское уездное собрание по просьбе И.М. Прокудина снизило налог с водяной мельницы «по случаю подтопления ее рекой». Другим примером может служить удовлетворение просьбы Н.Д. Сахновского о снижении оценки стоимости его водяной мельницы: «Просить о понижении оценки его водяной мельницы, оцененной в 2000 руб., по дознанию члена управы оказалась ценностью ее 1000 руб., управа полагает за излишнюю взятую оценку оклад 1897 г. сложить»²⁵.

Следует отметить, что земства, как правило, занимались сложением недоимок с крестьянских промышленных заведений, по разным причинам (продажа, поломка и т. д.) не приносивших их владельцам прибыли.

Другим направлением деятельности земств по регулированию отношений государства и крестьян, занимающихся промыслами, являлась работа по развитию действовавшего законодательства. Ярким примером служит легковой извозный промысел. В Тамбовском губернском земском собрании в 1886 и 1887 гг. обсуждались жалобы Усманской²⁶ и Елатомской²⁷ земских управ о значительных ценовых нарушениях извозчиками, стоявшими на отдаленных от населенных пунктов железнодорожных станциях. После длительного обсуждения в 1897 г. губернское земское собрание по предложению министра внутренних дел предприняло попытку передать права на назначение таксы по данному промыслу в ведомство уездных земских собраний.

Интересно рассмотреть реакцию уездных земств, которые отнеслись к данному предложению по-разному в зависимости от развитости в уездах извозного промысла. Так, Тамбовское, Липецкое и Елатомское уездные земства поддержали такую инициативу, Кирсановское, Моршанское и Лебедянское, сославшись на слабое развитие извоза,

комиссии, доклады управы и другие материалы. Моршанск: Типо-Литография В.И. Холуянова, 1911. С. 116.

²⁰ Там же. С. 116-119.

²¹ Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1912 года. С. 486-487.

²² Кустарная промышленность России. Разные промыслы: в 2 т. СПб: Типо-Литография «Якорь», 1913. Т. 1. С. 567.

²³ Там же.

²⁴ Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1912 года. С. 486.

²⁵ Журналы чрезвычайного Кирсановского уездного земского собрания, бывшего 3-го июня 1897 года, и очередной октябрьской сессии 1897 года. Земская смета и раскладка на 1898 год. Тамбов: Губернская земская типография, 1898. С. 402-403.

²⁶ Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1886 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1887. С. 143-146.

²⁷ Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1887 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1888. С. 32-33.

выступили против, Темниковское и Спасское – вообще выступили против всякой регламентации данного промысла²⁸. Окончательное решение было принято на губернском земском собрании в 1904 г. на основе «Высочайшего постановления» от 21 декабря 1900 г.: «Установление такс за проезд в легковых извозчицких и других общественных экипажах вне городских поселений было предоставлено уездным земским собраниям, а составление обязательных постановлений о производстве легкового извозного промысла и о содержании извозчицких и других общественных экипажей губернскому земскому собранию»²⁹.

Таким образом, на примере Тамбовской губернии можно утверждать о значительном вкладе земств в развитие неземледельческих крестьянских промыслов. Первоочередной задачей, с которой Тамбовское земство успешно справилось, был сбор статистических данных о распространенности промыслов и экономических особенностях производства. Данная информация позволила в дальнейшем принимать наиболее грамотные решения. Следующим шагом была борьба с перекупщиками и различная помощь в решении сырьевых проблем и проблем сбыта. Здесь следует выделить проводимые земствами выставки, организацию склада, а также посредничество в принятии госзаказов. Среди основных направлений деятельности земств были приглашение мастеров и открытие учебных мастерских, что способствовало повышению мастерства кустарей. Отдельно следует выделить роль земства в урегулировании проблем налогообложения и законодательства.

Однако, несмотря на многообразие действий, земства не имели строго определенной программы и не всегда учитывали предыдущий опыт, что иногда приводило к отрицательным результатам.

Список литературы

1. Львов Д. Промысловый налог и методы его установления в западноевропейских государствах и России. Казань: Университетская типография, 1878. 231 с.
2. Фриман М.С., Шейнес Д.И. Промысловый налог по действующему русскому законодательству. М.: Типография В.М. Саблина, 1913. 232 с.
3. Погрузов А.Д. Кустарная промышленность в России, ее значение, нужды и возможное будущее. СПб: Типография акционерного общества Брокгауз–Ефрон, 1901. 102 с.
4. Колкотин А. Кустарный вопрос в России. СПб.: Типография Императорского Человеколюбивого общества, 1905. 163 с.
5. Петров Г.П. Промысловая кооперация и кустарь: в 2 т. М.: «Печатня С.П. Яковлева», 1917.
6. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 269 с.
7. Тарновский К.Н. Кустарная промышленность и царизм (1907–1914 годы) // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 33–46.
8. Архипова Л.М. Мелкая крестьянская промышленность Центрально-нечерноземного района России в начале XX века. М.: Прометей, 1995. 162 с.
9. Ватутина В.В. Социально-экономическая трансформация кустарных промыслов Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX столетий: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
10. Дорина Е.М. Кустарная промышленность Московской губернии в конце XIX – начале XX в. Проблема капитализации и модернизации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
11. Федотова Н.А. Эволюция текстильного производства Курской губернии в 1861–1928 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2015.
12. Чиркин С.А. Развитие крестьянских промыслов Вятской губернии в конце XIX – первой четверти XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009.
13. Зозуля О.А. Российское государство, земство и кустари на рубеже XIX–XX вв.: формирование системы взаимоотношений // Лесной вестник. 2015. Т. 19. № 4. С. 129–137.
14. Кобзева Т.А. Роль земских учреждений губерний Среднего Поволжья в развитии предпринимательства в кустарной промышленности во второй половине XIX – начале XX в. // Власть. 2014. № 11. С. 197–205.
15. Лактункина Т.Э. Влияние государственной политики на развитие мелкотоварного производства России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (8). С. 57–63.
- 28 Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1897 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1898. С. 368.
- 29 Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1904 г. Тамбов: Губернская земская типография, 1905. С. 2–3.

16. Григорова В.А. Исторический опыт эволюции налоговой системы России и развитие кустарных промыслов Черноземного юга в условиях модернизационного процесса (XIX в.) // Современная научная мысль. 2015. № 6. С. 20-25.
17. Душкова Н.А., Григорова В.А. Государственная политика стимулирования кустарного производства во второй половине XIX в.: опыт прошлого для развития современного // Клио. 2016. № 4 (112). С. 50-55.
18. Романов Н. Село Каменка и Каменская волость. Тамбов: Губернская земская типография, 1886. 170 с.
19. Махрачев С.Ф. История музейного дела в Тамбовской области. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. 156 с.
20. Степашикин А.Г. Спасск. Вторая сельскохозяйственная и кустарная выставка в Спасске 6–8 сентября 1913 // Сельскохозяйственная жизнь. 1913. № 13. С. 931-934.
21. Горский А.В. Первая сельскохозяйственная выставка в Лебедяни (14–16 сентября 1913 г.) // Сельскохозяйственная жизнь. 1913. № 13. С. 748-751.

Поступила в редакцию 27.11.2017 г.
Отрецензирована 21.01.2018 г.
Принята в печать 20.02.2018 г.

Информация об авторе

Махрачев Георгий Сергеевич, сотрудник лаборатории социальной истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mahrachova@mail.ru

Для цитирования

Махрачев Г.С. Деятельность земств в отношении неземледельческих промыслов крестьян Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 131-139. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-131-139.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-131-139

THE FUNCTIONING OF ZEMSTVOS TOWARDS THE PEASANTS NON-AGRICULTURAL WORK OF THE TAMBOV GOVERNORATE DURING THE END OF 19th – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Georgiy Sergeevich MAKHRACHEV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: mahrachova@mail.ru

Abstract. The functioning of the Tambov zemstvo as a part of the government's policy on development of non-agricultural work of peasants is viewed. The conclusion is made that the data on the state of non-agricultural work collected by the statist of the zemstvo had a positive impact on further functioning of the zemstvos. The reviews on the quality of the Tambov handicraft products of the experts from other governorates are presented. The economic support to handicraftsmen was one of the main courses of functioning of zemstvos. It consisted in the organisation of handicrafts exhibitions, the sending of handicrafts products to the exhibitions held in other governorates, establishing the handicrafts store, the agency in taking the government orders. The closer relations between the handicraftsmen and the customers, the realisation of stores of primary goods and the buying of handicrafts products, considerable government orders helped to solve the problems of sale and of primary goods in the sphere of handicrafts production. The function of zemstvos was defined as to organise master-classes and to raise the level of technical literacy of the handicraftsmen. The regulation of the tax and law activities of the handicraftsmen was also considered to be a part of zemstvos' work. However, the analysis of the registers of the zemstvos allows to conclude that hardly any changes have been made in the economic life of the peasants involved in the non-agricultural work.

Key words: zemstvos; the Tambov Governorate; handicrafts works; modernization; peasantry

References

1. Lvov D. *Promyslovyy nalog i metody ego ustanovleniya v zapadnoevropeyskikh gosudarstvakh i Rossii* [Trade Tax and Methods of Its Assessment in West-European Countries and Russia]. Kazan, University Typography, 1878, 231 p. (In Russian).
2. Friman M.S., Sheynes D.I. *Promyslovyy nalog po deystvuyushchemu russkomu zakonodatel'stvu* [Trade Tax According to Russian Law in Force]. Moscow, V.M. Sablin Typography, 1913, 232 p. (In Russian).
3. Pogruzov A.D. *Kustarnaya promyshlennost' v Rossii, ee znachenie, nuzhdy i vozmozhnoe budushchee* [Handicrafts Industry in Russia, Its Significance, Necessities and Possible Future]. St. Petersburg, Typography of Brokgauz–Efron Stock Company, 1901, 102 p. (In Russian).
4. Kolkotin A. *Kustarnyy vopros v Rossii* [Handicraft Issue in Russia]. St. Petersburg, Typography of Emperor's Philanthropic Society, 1905, 163 p. (In Russian).
5. Petrov G.P. *Promyslovaya kooperatsiya i kustar': v 2 t.* [Trade Cooperation and Handicraftsman: in 2 vols.]. Moscow, "Pechatnya S.P. Yakovleva" Publ., 1917. (In Russian).
6. Tarnovskiy K.N. *Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Small Industry of Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1995, 269 p. (In Russian).
7. Tarnovskiy K.N. *Kustarnaya promyshlennost' i tsarizm (1907–1914 gody)* [Handicraft Industry and Czarism]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1986, no. 7, pp. 33–46. (In Russian).
8. Arkhipova L.M. *Melkaya krest'yanskaya promyshlennost' Tsentral'no-nechernozemnogo rayona Rossii v nachale XX veka* [Small Peasant Industry of the Central Nonblack Earth Region of Russia in Early 20th Century]. Moscow, Prometei Publ., 1995, 162 p. (In Russian).
9. Vatutina V.V. *Sotsial'no-ekonomicheskaya transformatsiya kustarnykh promyslov Vladimirskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX stoletiy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Social and Economic Transformation of Handicrafts Works in the Vladimir Governorate in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2009. (In Russian)
10. Dorina E.M. *Kustarnaya promyshlennost' Moskovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v. Problema kapitalizatsii i modernizatsii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Handicrafts Works of the Moscow Governorate in the Late 19th – Early 20th Centuries. Capitalization and Modernization Problems. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2010. (In Russian).
11. Fedotova N.A. *Evolutsiya tekstil'nogo proizvodstva Kurskoy gubernii v 1861–1928 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of Textile Manufacture in the Kursk Governorate in 1861–1928. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Kursk, 2015. (In Russian).
12. Chirkin S.A. *Razvitie krest'yanskikh promyslov Vyatskoy gubernii v kontse XIX – pervoy chetverti XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Peasant Works in the Vyatka Governorate in the Late 19th – the First Quarter of 20th Century. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Nizhny Novgorod, 2009. (In Russian).
13. Zozulya O.A. *Rossiyskoe gosudarstvo, zemstvo i kustari na rubezhe XIX–XX vv.: formirovanie sistemy vzaimootnosheniy* [Russian state, zemstvo and handicraftsmen at the turn of 19–20th centuries: relationship system formation]. *Lesnoy vestnik – Forestry Bulletin*, 2015, vol. 19, no. 4, pp. 129–137. (In Russian).
14. Kobzeva T.A. *Rol' zemskikh uchrezhdeniy guberniy Srednego Povolzh'ya v razvitii predprinimatel'stva v kustarnoy promyshlennosti vo vtoroy polovine XX – nachale XX v.* [The role of zemstvo institutions of the Middle Volga region in the development of entrepreneurship in the handicraft industry in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vlast' – The Authority*, 2014, no. 11, pp. 197–205. (In Russian).
15. Laktyunkina T.E. *Vliyanie gosudarstvennoy politiki na razvitie melkotovarnogo proizvodstva Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The influence of state policy on the development of small-scale manufacture in Russia in the second half of 19th – early 20th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2013, no. 4 (8), pp. 57–63. (In Russian).
16. Grigorova V.A. *Istoricheskiy opyt evolyutsii nalogovoy sistemy Rossii i razvitie kustarnykh promyslov Chernozemnogo yuga v usloviyakh modernizatsionnogo protsessa (XIX v.)* [Historical experience of the tax system evolution in Russia and development of handicrafts works in Chernozem South in conditions of modernization process (19th century)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl' – Modern Scientific Thought*, 2015, no. 6, pp. 20–25. (In Russian)
17. Dushkova N.A., Grigorova V.A. *Gosudarstvennaya politika stimulirovaniya kustarnogo proizvodstva vo vtoroy polovine XIX v.: opyt proshlogo dlya razvitiya sovremennogo* [The state policy of stimulating handicraft production in the second half of the 19th century: experience of the past for the development of modern entrepreneurship]. *Klio [Clio]*, 2016, no. 4 (112), pp. 50–55. (In Russian).
18. Romanov N. *Selo Kamenka i Kamenskaya volost'* [Kamenka Village and Kamenka Volost]. Tambov, Governorate Territorial Typography, 1886, 170 p. (In Russian).
19. Makhachev S.F. *Istoriya muzeynogo dela v Tambovskoy oblasti* [History of Museum Studies in the Tambov Region]. Tambov, Tambov State University Publ., 2005, 156 p. (In Russian).
20. Stepashkin A.G. *Spassk. Vtoraya sel'skokhozyaystvennaya i kustarnaya vystavka v Spasske 6–8 sentyabrya 1913* [Spassk. The second agricultural and handicraft exhibition in Spassk on September 6–8, 1913]. *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'* [Agricultural Life], 1913, no. 13, pp. 931–934. (In Russian).

21. Gorskiy A.V. Pervaya sel'skokhozyaystvennaya vystavka v Lebedyani (14–16 sentyabrya 1913 g.) [The first agricultural exhibition in Lebedyan (September 14–16, 1913)]. *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'* [Agricultural Life], 1913, no. 13, pp. 748-751. (In Russian)

Received 27 November 2017

Reviewed 21 January 2018

Accepted for press 20 February 2018

Information about the author

Makhrachev Georgiy Sergeevich, Worker of the Social History Laboratory. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: mahrachova@mail.ru

For citation

Makhrachev G.S. Deyatel'nost' zemstv v otnoshenii nezemledeľcheskikh promyslov krest'yan Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [The functioning of zemstvos towards the non-agricultural work of peasants of the Tambov Governorate during the end of 19th – the beginning of the 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 131-139. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-131-139. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТАМБОВСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© игумен Пимен (Игорь Александрович СЕМИЛЕТОВ)^{1, 2)}

¹⁾ Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3

²⁾ Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Московская духовная академия Русской православной церкви»
141300, Российская Федерация, Московская обл., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра
E-mail: semiligor@gmail.com

Аннотация. На основе комплексного исследования опубликованных и архивных источников рассмотрен демографический состав Тамбовских монастырей в пореформенный период. Выявлены характеристики происходивших демографических изменений. Подробно исследована демографическая структура монашеского социума. Основное внимание сосредоточено на анализе «Ведомостей о монашествующих», в которых собраны краткие биографические сведения о насельниках и насельницах Тамбовских монастырей. Всего было изучено 12 описей с хронологическим охватом с 1850 по 1910 г. Выявлено, что женские монастыри, как городские, так и сельские, по своему социальному составу крестьянские. Хотя процент представителей других сословий в городских монастырях все же несколько выше. Тенденция изменения социального состава мужских монастырей также ведет к увеличению количества крестьян в них в пореформенное время, в особенности на рубеже веков. Проанализирован состав монастырей по другим показателям: образование, возраст, географическое происхождение обитателей монастырей. Сделан вывод о том, что в изучаемый период женские монастыри помимо основных своих функций выполняли роль социального клапана, давая приют тем девушкам, которые в условиях перенаселения деревни находили свое место в православном монастыре.

Ключевые слова: монастыри; монахи; послушники; Тамбовская епархия; демография; социальный состав; географическое происхождение; образовательный ценз

Исторический анализ социально-экономических процессов в России второй половины XIX – начала XX века требует серьезного изучения монашеского социума как демографической структуры многосословного государства с традиционно православным укладом. В пореформенный период в Тамбовской епархии, простиравшейся, помимо современной Тамбовской области, на территориях нынешних Рязанской, Липецкой, Воронежской, Пензенской, Нижегородской областей и Мордовской Республики, насчитывалось 10 мужских и 17 женских монастырей.

Без подробного исследования демографических изменений в монастырях Тамбовской епархии в пореформенный период, когда до революционных событий оставались считанные годы, картина социально-экономической ситуации в России была бы неполной.

Количество монашествующих в епархии в изучаемый период из года в год росло. В 1849 г. в мужских монастырях подвизались 107 монашествующих и 135 послушников, в женских – 29 монахинь и 131 послушница [1,

с. 2]. Спустя двадцать лет в 1869 г. в мужских монастырях – 150 монашествующих и 300 послушников, в женских – 136 монахинь и 1062 послушницы [2, с. 6-7]. «Отчет о состоянии Тамбовской епархии за 1891 год» дает следующие показатели: 348 монашествующих и 112 послушников, 574 монахини и 1478 послушниц¹. На 1910 г. в мужских монастырях – 223 монашествующих и 572 послушника, в женских обителях – 1147 монахинь и 2868 послушниц.

Как видно даже из этого беглого обзора статистики монастырей, количество насельников как мужских, так и женских обителей росло, причем женские монастыри количественно росли быстрее. Среди женских монастырей были такие, где подвизались девиц более чем 500 (Тамбовский Вознесенский, Кирсановский Тихвинский). Среди мужских монастырей епархии только два были круп-

¹ Отчет о состоянии Тамбовской епархии за 1891 год // ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 181. Оп. 1. Д. 1792. Л. 24.

ными – это Саровская Успенская пустынь (более 300 насельников) и Санаксарский монастырь (более 100 насельников). В целом же нужно сказать, что мужские монастыри Тамбовской епархии были небольшими по своему составу, в среднем от 12 до 50 человек.

В Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО) сохранились документы под названием «Ведомости о настоятеле(нице) и монашествующих» различных периодов времени. В них записывались различные сведения о монашествующих и послушниках того или иного монастыря, которые дают нам возможность изучить демографический состав тамбовских монастырей в разное время изучаемого периода. Ведомости сохранились не по всем монастырям – мы взяли за основу анализа из женских монастырей – городские Тамбовский Вознесенский (1910) и Кирсановский Тихвино-Богородицкий (1914), сельские Оржевский Боголюбовский Тишениновский (1910), Троекуровский Владимир-Иларионовский и Тулиновский Софийский, из мужских – Никольский Черниевский (1874), Вышенскую Успенскую пустынь (1890 и 1920), Козловский Троицкий (1861 и 1894), Трегудьевский Иоанно-Предтеченский (1903) и два Александрово-Невских – Хренников (1905) и Кирсановский (1894).

Тамбовский Вознесенский монастырь – единственный женский монастырь в губернском центре. В 1910 г. он насчитывал в своем составе 16 штатных монахинь и 74 вне штата, то есть на собственном содержании. Все штатные монахини были уже престарелыми: в возрасте за 50 лет – 8, тех, кому было от 60 до 80 лет – 8. Но при этом только 5 не несли никаких послушаний, остальные были заняты в основном на церковных послушаниях (клирос, пономарство, алтарницы). Из числа же штатных монахинь избирались и на начальные должности – благочинная и казначейша. Если подсчитать средний возраст поступления в монастырь для всех монахинь, и штатных, и внештатных, то он равнялся 35 годам, хотя среди поступающих встречались и те, кому было 14–15 лет. Среди монахинь только одна из вдовых, остальные – девицы².

Большая часть монахинь вне штата – в возрасте от 40 до 70 лет (58), достаточно

много уже совсем пожилых – от 70 до 90 лет (16) и совсем нет среднего возраста. Подавляющая часть внештатных монахинь из крестьянского сословия – 62, из мещан – 9 и из духовного сословия – 3. Почти все внештатные монахини были заняты на церковных послушаниях, только у шести не было послушаний. Из всех внештатных монахинь не было ни одной вдовы³.

Период от поступления в Вознесенский монастырь до пострижения для внештатных монахинь в среднем занимал 20 лет, хотя встречаются случаи, когда постригали в год поступления или спустя 40 лет, но это были исключения из правил, продиктованные различными причинами. Такой показатель несколько ниже, чем для штатных монахинь, и связано это, скорее всего, с тем, что внештатные жили за свой счет, и число их могло быть большим на усмотрение монастырского руководства, а число штатных строго определено, и они получали содержание.

Послушниц в Вознесенском монастыре состояло: 2 рясофорные, 175 указных и 238 на испытании. Таким образом, официально в монастыре в 1909–1910 гг. числились 415 насельниц, а также 90 монахинь, всего 505 человек. Однако историко-статистическое описание за 1911 г. указывает цифру 663. Из этого, вероятно, следует, что 158 насельниц жили в монастыре неофициально, с разрешения настоятельницы – в этом было своеобразие данной обители.

В ведомостях указан возраст не всех послушниц. Точно определен возраст для 137 человек, из них в возрасте от 20 до 30 лет – 34 человека и от 40 до 70 лет – 103. Послушания также были по большей части церковные, но встречаются и связанные с социальной сферой (уход за больными), школой (учительница, учительница пения) и хозяйственные (из бассейна отпускать воду, готовить еду, столовица, поварики, смотрительница леса). Много среди послушниц было и тех, кто не имел никаких послушаний, всего – 38⁴.

Сословное происхождение определено для 191 насельницы. Но даже исходя из этих цифр, мы не можем назвать монастырь исключительно крестьянским: 173 крестьянки, 13 из мещанского сословия и 5 из духовного.

² Ведомость о настоятельнице и монашествующих Тамбовского Вознесенского женского монастыря за 1910 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2574. Л. 15-18.

³ Там же. Л. 16-29.

⁴ Там же. Л. 1-30.

Географически насельницы монастыря были представлены достаточно широко, но все же большая их часть поступила из центральных уездов губернии: Тамбовского (36), Козловского, Кирсановского, Моршанского. Дальние северные уезды – Елатомский или Темниковский – представлены единично. К удивлению, мало представителей из самого Тамбова, где обитель располагалась, – всего 3 человека. Другие губернии и города также были представлены единично (Санкт-Петербург, Москва, Пенза, Владимир, Воронежская губерния). Что касается образования и послушниц, и монахинь, то в ведомости для всех пишется лаконичное «грамотна».

Кирсановский Тихвино-Богородицкий женский монастырь также располагался в городе, но в уездном. Сохранилась ведомость о настоятельнице и монашествующих за 1914 г. В этом году в монастыре проживали 134 монахини и 393 послушницы (всего 527). Как и в Вознесенском монастыре, основное количество монахинь – в возрасте от 50 до 80 лет (125). Послушание монахинь характеризует обитель как трудовую, монахини были старшими в ковровой, рукодельной, хлебной, просфорной, золотошвейной, в огороде. Часть монахинь, несмотря на свой преклонный возраст, несли трудовые послушания, шили ризы и по золоту. Также было достаточно и тех, кто был занят на церковных послушаниях (клирос, при церкви, сбор подаяний, чтение псалтыри и прочее). Сравнительно много насельниц, не имевших послушаний, – 52.

Образование в ведомости Кирсановского монастыря теперь характеризовалось по нескольким категориям: «домашнее», «читать и писать умеет», «читать умеет». Больше всего человек в последней категории (91). Одна насельница закончила гимназию, это была дворянка Анна Васильевна Скуратова, которая, не будучи монахиней, исправляла должность казначеи. Среди монахинь пятеро из вдов, остальные – девицы. Средний период пострижения в монахини со дня поступления выше, чем в Вознесенском, – 30 лет. Встречались случаи пострижения спустя 48 лет по поступлении⁵.

⁵ Ведомость о настоятельнице и монашествующих Кирсановского Тихвино-Богородицкого женского монастыря за 1914 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2100. Л. 1-6.

Указных послушниц в монастыре было 172. Большая часть – в возрасте от 30 до 40 лет (144). Образовательный уровень, как и у монахинь, невысок: 115 умеют читать, остальные умеют еще и писать. Послушниц на испытании – 221, и это молодые девушки в возрасте от 20 до 30 лет (196) и 10 девочек в возрасте от 15 лет. На эту массу послушниц возлагались основные текущие послушания, не связанные с конкретной профессиональной деятельностью, они носили название «общие» – 121. На церковных послушаниях была занята меньшая часть послушниц – 27 человек. Среди послушниц были только 4 вдовы.

Что касается географического происхождения насельниц Кирсановского Тихвино-Богородицкого монастыря, то тут мы видим следующую картину: довольно много из самого Кирсанова (11), пригородных слобод и Кирсановского уезда (37), много представителей Новохоперского уезда Воронежской губернии (14), а также смежных или сопредельных городов и губерний – Пензенской, Саратовской, Воронежской. Но есть выходцы и из совсем далеких от Кирсанова городов: Дорогобужа и Севастополя. Представлены и многие уезды Тамбовской губернии, даже такие дальние к Кирсанову, как Темниковский и Елатомский.

Все вышеописанные демографические факторы можно объединить в следующую таблицу (табл. 1), которая даст возможность целостного представления состава женских городских монастырей Тамбовской епархии в исследуемый период.

Сравнивая два женских монастыря, расположенных в городах, можно сделать следующие выводы: социальный состав обоих монастырей крестьянский, но не исключительно, много представителей мещанства. Возраст поступления в монастырь колеблется между 20 и 30 годами, причем достаточно большой период от поступления и до пострига: 20–30 лет. Особенность Вознесенского монастыря состояла еще в том, что большая часть его насельников жила в нем неофициально, с благословения настоятельницы, и имена их не вносились в официальные ведомости. Послушания в Вознесенском монастыре по большей части связаны с храмом, а в Кирсановском монастыре основной упор делался на трудовые послушания, в которых

Таблица 1

Демографический состав женских городских монастырей Тамбовской епархии
во второй половине XIX – начале XX века

Монастырь	Монахини	Указные послушницы	Послушницы на испытании	Вдовы	Дворянки	Из духовного сословия	Мещанки	Крестьянки
Вознесенский монастырь	90	175	238	1	–	5	13	173
Кирсановский Тихвино-Богородицкий монастырь	134	172	221	9	1	7	17	503

были заняты не только послушницы, но и монахини. Основной контингент насельниц монастырей географически связан с Тамбовской губернией, но при этом в Вознесенском монастыре выходцев из самого Тамбова было немного в отличие от Кирсанова, и в последнем присутствуют выходцы из сопредельных губерний.

Теперь посмотрим, как складывалась демографическая ситуация в женских монастырях, расположенных в сельской местности в конце XIX – начале XX века. По ведомости о настоятельнице и монашествующих Оржевского Боголюбовского Тишениновского женского монастыря за 1914 г., расположенного в Кирсановском уезде, в нем числились 46 монахинь. Все они престарелые: в возрасте от 50 до 70 лет – 37 человек, еще 8 – от 70 до 90 лет, возраст одной не указан, среднего звена – от 30 до 50 лет – нет вообще. Среди них только две вдовы. И, несмотря на пожилой возраст, большая часть монахинь была занята на трудовых послушаниях, занимая начальственное положение в различных монастырских мастерских: ковровой, башмачной, живописной, рукодельной, хлебной, на огороде. Некоторые были прядильщицами, меньшинство связано с чисто церковными послушаниями (всего 3), и лишь шесть не несли никаких послушаний. Большая часть монахинь – выходцы из крестьянского сословия (38), только 7 – из мещан⁶.

Нужно отметить также тот факт, что Оржевский монастырь стал для всех монахинь первым монастырем, то есть они пришли в него не из других обителей, а поступили сразу именно в этот монастырь. Ис-

ключение составляют только три случая: настоятельница монастыря игуменья Агния и казначея его монахиня Анфиса прибыли из Сухотинского Знаменского монастыря, а монахиня Антония (Кучукова) – из Тулиновского Софийского монастыря. Об образовании монахинь ведомость сообщает, что они все грамотны.

Рясофорных послушниц в монастыре 29. Преобладающий возраст среди них – от 40 до 50 лет (таких 26). Почти все из крестьянок – 23, и есть одна дворянка. Указных и послушниц на испытании – 118 первых и 40 последних. Практически все из крестьянского сословия, только 4 из духовного, остальные сословия не представлены. Основной контингент указных послушниц – в возрасте от 20 до 40 лет (105), престарелых нет. Среди послушниц на испытании возраст еще более ранний: от 15 до 20 лет – 38 человек.

Что касается послушаний, то большая часть была занята на работах, которые обозначены в ведомости как «черные» (всего 63), достаточно много послушаний, связанных с клиросом, – 39.

Касаясь географического происхождения насельниц Оржевского Боголюбовского монастыря, нужно отметить большое количество выходцев именно с Кирсановщины: 141 – из Кирсановского уезда, 97 – из кирсановских пригородных слобод и 31 – из г. Кирсанов. Остальные уезды и иные губернии не так широко представлены, хотя есть представители Саратовской, Воронежской, Пензенской, Тульской и Харьковской губерний. Таким образом, Оржевский монастырь можно назвать по географическому происхождению его насельниц преимущественно кирсановским. Всего в монастыре проживали в 1914 г. 233 насельницы.

⁶ Ведомость о настоятельнице и монашествующих Оржевского Тишениновского женского монастыря за 1914 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2123. Л. 32-53.

Данные о Темниковском Рождества-Богородицы женском монастыре, который находился на севере епархии, относятся к 1916 г. В это время здесь жили 84 монахини. Все монахини сразу же поступили в Темниковский монастырь, а не пришли из какого-либо другого монастыря. В графе «Образование» для всех значилось следующее: «Наукам, кроме русской грамоты, не училась»⁷. Период от поступления до пострижения равнялся так же, как и в ранее рассмотренных монастырях, 20–30 годам. Только одна вдова, остальные – девицы. Практически все монахини были заняты на разных послушаниях, в основном по хозяйству (огородницы, пчельницы, на скотном дворе, в хлебной и прочее) и на церковных. Не имели послушаний 12 монахинь. Средний возраст поступления в монастырь – 18 лет.

Послушниц в монастыре было 60. Почти все – крестьянки и только 3 – из мещанского сословия. Основной возраст послушниц – от 40 до 50 лет, таковых 50 человек. Большая часть послушниц была занята на хозяйственных послушаниях и не имела определенной специализации – их послушания значились как «разные» (таких 21). Среди послушаний было свиточное (на этом послушании были заняты 7 послушниц и 1 монахиня). Можно предположить, что насельницы стирали монастырскую одежду, потому что именно так в монастырях в древности называли тех, кто был занят на этом послушании.

Географическое происхождение насельниц монастыря тесно связано с самим Темниковским уездом и городом (всего 39), соседними уездами Тамбовской губернии (в основном Спасский уезд) и смежными губерниями (Владимирская, Рязанская, Пензенская), особенно много из Наровчатовского уезда Пензенской губернии – 26 человек. Другие уезды Тамбовской губернии были представлены единично: Тамбовский, Козловский и Кирсановский. Общее количество насельниц Темниковской обители – 144 человека.

Рассмотрим демографическую ситуацию еще одного женского монастыря, расположенного в сельской местности. Это юг губернии – Лебедянский уезд, и речь пойдет о

Лебедянском Троекуровском Владимиро-Иларионовском монастыре. Ведомость о монашествующих этого монастыря сохранилась за 1908 г. В это время в монастыре жили 55 монахинь, 8 рясофорных послушниц, 39 указных и 116 на испытании по свидетельствам от обществ – всего 218 насельниц.

Все монахини сразу же поступали в Троекуровский монастырь и в нем же были пострижены. Большая часть сестер – люди уже достаточно пожилые, в возрасте от 60 до 80 лет, есть даже одна, которой 101 год. Послушания почти исключительно церковные, и 15 человек не несли никаких послушаний. Среди монашествующих была только одна вдова.

Образование монахинь ведомость характеризует двумя терминами – «обучена читать» и «домашнее», большая часть обучена читать – 31. Одна насельница закончила городское училище, и есть одна неграмотная, чего мы не встречаем в ведомостях, рассмотренных выше. Средний возраст пострижения – 20 лет⁸.

Что касается послушниц всех типов, то сведения о них ведомость дает неполные, пропущена та или иная позиция, но, тем не менее, мы можем сделать некоторые выводы. Все восемь рясофорных послушниц в возрасте за 60 лет, ни у одной не указаны послушания, две неграмотные, остальные обучены читать.

Среди 155 указных и неуканых послушниц – большая часть в возрасте от 30 до 60 лет (76 человек). Основная масса их занята на трудовых послушаниях (хлебодарки, кухарки, на хуторе, скотница и прочее), но часть выполняет и церковные послушания. Среди послушниц 8 неграмотных и 8 «грамотных» – это можно понять так, что они полуграмотны, остальные «обучены читать». Таким образом, образовательный уровень насельниц Троекуровского монастыря был не на высоком уровне. Средний возраст поступления в монастырь и для послушниц, и для монахинь – 20–30 лет, самой младшей при поступлении было 14 лет. Среди послушниц относительно много вдов – 9, если прибавить рясофорных и монахинь, то получится 12,

⁷ Ведомость о настоятельнице и монашествующих Темниковского Рождества-Богородицы женского монастыря за 1916 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2210. Л. 6-7.

⁸ Ведомость о настоятеле и монашествующих Троекуровского Владимиро-Иларионовского женского монастыря за 1908 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2259. Л. 1-7.

этот показатель выше, чем в других монастырях⁹.

Большая часть насельниц монастыря по своему социальному происхождению из крестьянского сословия – 187, но в обители и другие сословия были представлены более широко, чем в рассмотренных прежде монастырях: 17 – из мещанского, 10 – из купеческого, по 2 – из дворянского и духовного сословий.

Географическое происхождение насельниц монастыря достаточно разнообразно: есть выходцы из Минусинска, Санкт-Петербурга, Смоленской, Тульской, Курской, Рязанской губерний. Но больше всего из самого Лебедянского уезда (23) и близлежащих губерний – Воронежской и Орловской. Другие уезды Тамбовской губернии представлены достаточно слабо, есть представители Козловского, Липецкого уездов, из самого села Троекурово, где был расположен монастырь, только 3 человека.

Проведем также анализ ведомости Тулиновского Софийского женского монастыря за 1894 г. Это монастырь, расположенный недалеко от губернского центра, в отличие от рассмотренных нами монастырей он немногочислен – 71 насельница.

Монахинь всего 9, включая игумению и казначею. Здесь доминирующий возраст – от 40 до 50 лет (7), все, кроме двух монахинь, имели послушания как церковные (алтарница, свечница), так и хозяйственные (ковровая, в трапезной). Все грамотны: 6 имеют домашнее образование, 3 умеют читать. Период от поступления в монастырь до пострижения здесь несколько ниже, чем в других монастырях, – в среднем 18 лет. Часть монахинь перешла в Тулиновский монастырь из Тамбовского Вознесенского женского монастыря¹⁰.

Указные и неуказные послушницы в Тулиновском монастыре очень молоды: от 17 до 30 лет – 62 девицы. Из них 56 имели домашнее образование, причем еще 12 получили образование в монастырской школе и, таким образом, поступили в обитель еще будучи детьми. Послушания почти исключительно

но хозяйственные – на них заняты 56 насельниц. Заняты они были в следующих работах: на хуторе, в ковровой, шитье гладью, в башмачной¹¹.

Почти все насельницы монастыря – выходцы из крестьянского сословия (57), а также 8 из мещан и 6 из духовного сословия. Среди них только две вдовы. По географическому положению здесь представлены в основном Тамбовский уезд и ближайшие к нему (Моршанский, Козловский), есть выходцы из других губерний: Санкт-Петербургской, Саратовской, Рязанской.

Рассмотренные демографические данные по сельским женским монастырям размещены в обобщающей табл. 2.

Подводя итоги анализа ведомостей женских монастырей, можно сделать следующие выводы. Монастыри по своему социальному составу преимущественно крестьянские, как те, что расположены в городах, так и те, что находились в сельской местности, хотя в первых процент представителей других сословий (в основном мещанского) все же немного выше.

Как правило, насельницы монастырей поступали в них в достаточно раннем возрасте, в среднем около двадцати лет и в основном были девицами, то есть не имели никакого опыта семейной жизни. Зафиксировано много случаев, когда в монастыре жили с детского возраста (12–15 лет), попав в монастырский приют. Постриг происходил в среднем через 20–30 лет после поступления, но не единичны случаи, когда постригали спустя 40, а то и 50 лет. В женских обителях существовала четкая возрастная дифференциация: монахини – это те, кому за 50, послушницы – те, кому от 20 до 50. Но надо заметить, что это не влияло на распределение послушаний: как монахини, так и послушницы их выполняли в одинаковой мере, но монахини чаще всего ставились старшими на тех или иных послушаниях. По послушаниям тамбовские женские монастыри можно назвать трудовыми, хотя в Вознесенском монастыре все же процент церковных послушаний более высокий, чем трудовых.

Образовательный уровень насельниц женских монастырей невысок. Формулировки, характеризующие образование и монахинь, и послушниц, такого типа: «умеет чи-

⁹ Ведомость о настоятеле и монашествующих Троекуровского Владимиро-Иларионовского женского монастыря за 1908 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2259. Л. 7-13.

¹⁰ Ведомость о настоятельнице и монашествующих Тулиновского Софийского женского монастыря за 1894 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1842. Л. 1-4.

¹¹ Там же. Л. 4об.-12.

Таблица 2

Демографический состав женских сельских монастырей Тамбовской епархии
во второй половине XIX – начале XX века

Монастырь	Монахини	Рясофорные	Указные послушницы	Послушницы на испытании	Вдовы	Дворянки	Из духовного сословия	Мещанки и купеческие дочери	Крестьянки
Оржевский монастырь	46	29	118	40	–	1	4	7	221
Темниковский монастырь	84	–	60	Не указаны	–	–	–	3	141
Троекуровский монастырь	55	8	39	116	9	2	2	17/10	187
Тулиновский монастырь	9	–	62	Не указаны	2	–	6	8	57

тать», «умеет читать и писать», «грамотна» или даже «домашнее» – говорят о том, что обитатели монастырей были просто полуграмотны, то есть не имели какого-либо, начального или среднего, систематического образования. В Троекуровском монастыре ряд насельниц вообще обозначен как неграмотные.

Географическое происхождение насельниц монастырей больше связано с Тамбовской епархией, но во всех монастырях есть представители не только смежных губерний (и порой немало), но и далеких, таких как Смоленская или Санкт-Петербургская. Связано это, скорее всего, с тем, что каждый тамбовский монастырь посылал монахинь для сбора подаяний, и они порой достигали далеких пределов, где, таким образом, становилось известно о том или ином монастыре и появлялись желающие в него поступить. Важно также отметить, что, как правило, выходцев из того населенного пункта, в котором или рядом с которым находился монастырь, было немного. Исключение в данном ряду представляет разве только Кирсановский Тихвино-Богородицкий монастырь.

Таким образом, молодая девушка, поступая в тот или иной монастырь и уже не переходя ни в какой другой, проводила в нем в трудах и молитве всю свою жизнь до глубокой старости, и со временем обитель для нее становилась родным домом, а связь с прежней жизнью совершенно рвалась.

Анализируя ведомости мужских монастырей, мы сразу должны сказать, что из 10 монастырей только два были многолюдны – это Саровский и Санаксарский монастыри, но их ведомости не сохранились. Однако как

типы монастырей эти два не были традиционными для Тамбовской епархии. Ведущим типом были небольшие и малолюдные монастыри с числом насельников от 12 до 50 человек, и среди них мы возьмем для анализа следующие: Вышенская Успенская пустынь, Никольский Чернеев монастырь, Козловский Троицкий монастырь, Борисоглебский Александро-Невский Хренников монастырь, Александро-Невский Кирсановский монастырь.

Самая ранняя ведомость за 1861 г. принадлежит Козловскому Троицкому монастырю. Сохранились сведения лишь про монашествующих, и они не полные. На этот год в монастыре были 10 монахов, из них 8 иеромонахов и 2 иеродиакон. Шесть человек в возрасте от 30 до 50 лет и трое – от 60 до 80 лет. Все несли церковное послушание, то есть служили по чреде. Из иеромонахов двое были из вдовых священников. Обращает на себя внимание, что половина монашествующих поступила в Козловский монастырь из других обителей: двое из Чернеева монастыря, двое из архиерейского дома и один из Киево-Печерской лавры. По социальному происхождению только один из мещан, остальные из духовного сословия. Пятеро имели неоконченное семинарское образование, двое имели законченное семинарское образование и двое – начальное духовное образование, один умел читать и писать, образование мещанина из Киева не указано. Период от поступления и до пострижения в Козловском монастыре составлял 3–4 года. Средний возраст поступления в монастырь – 20–25 лет. Географическое происхождение насельников Козловского Троицкого монастыря указано только для пятерых: трое из северных уездов губернии

(Шацкий, Елатомский и Моршанский), один из Борисоглебского и один из Киева¹².

Еще одна ведомость этого монастыря сохранилась за 1894 г. Здесь сохранились сведения о 15 монашествующих (7 иеромонахах, 2 иеродиаконах и 6 монахах). В социальном происхождении абсолютное большинство – выходцы из духовного сословия (10 человек) и пять крестьян. Девять человек имели образование или семинарское, или начальное духовное, двое вообще неграмотны. Послушания указаны только у пятерых, у остальных они были связаны со служением в церкви. Период от поступления до пострижения равнялся 3–4 годам, есть пять случаев пострижения в год поступления. Средний возраст поступления – 25–35 лет, самому младшему при поступлении было 19 лет, самому старшему – 65 лет. Пять монашествующих свою иноческую жизнь начинали в других монастырях, и среди них нет вдовых, то есть поступали в монастырь, не зная семейной жизни. Ведомость не указывает географическое происхождение насельников монастыря¹³.

Ведомость Никольского Чернеева монастыря за 1874 г. дает нам следующую демографическую картину в обители: всего в ней 15 монашествующих и 2 рясофорных послушника, то есть 17 человек. Из них 6 иеромонахов, 4 иеродиакона и 5 монахов. У всех послушания, связанные с церковью: те, кто в сане, служили по чреде, без сана или алтарничали, или на клиросе. Возраст насельников монастыря разделен поровну: восемь в возрасте от 30 до 50 лет и восемь – от 50 до 80 лет и только одному 21 год. Средний возраст пострижения в Чернеевом монастыре несколько выше Козловского: он равен 8 годам со дня поступления. Шесть человек пришли в Чернеев из других монастырей, некоторые сменили по 2 монастыря, прежде чем попасть в эту обитель. Средний возраст поступления составляет 20–25 лет, но есть двое насельников, которым в момент поступления было за 60, – это вдовы священнослужители. По социальному происхождению этот монастырь никак нельзя, как и преды-

дущий, назвать крестьянским. Девять человек из духовного сословия, пять из крестьян, один мещанин и один еврей. По географическому положению монастырь в основном тамбовский: пять насельников из Шацкого уезда, остальные также связаны с Тамбовской губернией: Липецкий, Елатомский, Борисоглебский уезды. Два представителя иных губерний России: Витебской и Рязанской¹⁴.

Ведомость о монашествующих Вышенской Успенской пустыни за 1920 г. – единственная среди сохранившихся ведомостей о монашествующих Тамбовской епархии, относящаяся к уже послереволюционному периоду, однако, отражает она дореволюционные реалии. На этот год в обители были 45 монашествующих и 7 послушников (всего 52). Доминирующий возраст насельников обители – от 30 до 50 лет (всего 28). По социальному составу монастырь был крестьянским – 39 представителей этого сословия. В Вышенской обители довольно большое количество насельников со систематическим образованием: 28 человек закончили сельское училище, но в то же время четверо были неграмотны.

Послушания иеромонахов и иеродиаконов заключались в том, что они служили по чреде, остальные послушания были следующие: столощик, бочар, смотритель на хуторе, при свечном ящике, погребное, смотритель хутора, смотритель на конном дворе и прочее.

Период от поступления в монастырь до пострижения в среднем равнялся в этом монастыре 4–5 годам, случаи пострижения в год поступления редки. Средний возраст поступления – 25–35 лет, причем для всех насельников Вышенская пустынь была первой обителью в их монашеской жизни.

Вышенская пустынь по географическому происхождению ее насельников была тамбовской, только один человек из другой губернии – Пензенской. Остальные из тамбовских уездов, ближайших к Выше: из Моршанского – 10 человек, из Спасского – 8, из Шацкого – 5 человек. Есть представители Борисоглебского, Козловского, Кирсановского уездов¹⁵.

¹² Ведомость о настоятеле и монашествующих Козловского Троицкого мужского монастыря за 1861 г. // ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 540. Л. 1–8.

¹³ Ведомость о настоятеле и монашествующих Козловского Троицкого мужского монастыря за 1894 г. // ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 635. Л. 1–10.

¹⁴ Ведомость о настоятеле и монашествующих Никольского Чернеева мужского монастыря за 1874 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1957. Л. 1–13.

¹⁵ Ведомость о настоятеле и монашествующих Вышенской Успенской пустыни за 1920 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2408. Л. 1–17.

Таблица 3

Демографический состав мужских монастырей Тамбовской епархии
во второй половине XIX – начале XX века

Монастырь	Монахи	Иеро-монахи	Иеро-диаконы	Послушники	Вдовцы	Дворяне	Из духовного сословия	Мещане и купеческие дети	Крестьяне
Козловский монастырь (1894 г.)	6	7	2	–	–	–	10	–	5
Чернеев монастырь	5	6	4	2	2	–	9	2	5
Вышенская пустынь	21	14	10	7	–	–	2	4	39
Борисоглебский монастырь	–	1	1	17	2	–	–	2	17
Кирсановский Александро-Невский монастырь	17	5	5	18	–	–	–	4	31

Ведомость Борисоглебского Александро-Невского Хренникова мужского монастыря, открытого в 1904 г., содержит сведения о 19 насельниках. Эти сведения относятся к 1905 г. Из них только один иеромонах и один иеродиакон, остальные – послушники. Основная часть насельников – это молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет (таких 15). Практически все они принадлежали к крестьянскому сословию (только 2 из мещан). Шесть человек закончили начальные школы разных типов, один неграмотный, остальные имели домашнее образование. Послушания 10 обитателей монастыря были связаны с хозяйственными работами (обозначается в ведомости как «разное»), остальные были задействованы на церковных послушаниях. По географическому происхождению насельников этот монастырь нельзя назвать тамбовским: лишь 6 человек были из Тамбовской губернии, остальные из других российских губерний, причем разброс довольно большой: Санкт-Петербургская, Владимирская, Бессарабская, Саратовская, Тульская, Харьковская, Пензенская¹⁶.

Сведения о демографическом составе еще одного монастыря – Кирсановского Александро-Невского – мы находим в работе современного исследователя О.Ю. Левина, специально проработавшего историю этой

обители, официально открытой в 1891 г. В 1901 г. в монастыре состояли 35 насельников: 17 монахов, 3 указных послушника и 15 на испытании. По социальному происхождению почти все принадлежали к крестьянскому сословию (31 человек). Многие из них были неграмотны – это отличительная черта данной обители. Другая состояла в том, что он был многонациональным (4 мордвина и 1 украинец). Еще одна особенность заключалась в том, что среди насельников 4 мальчика из крестьян (самому младшему 8 лет) – все они пели на клиросе. Средний возраст обитателей монастыря – 38 лет, но старше 60 лет никого нет. Период от поступления в монастырь до пострижения – 2 года (самое большое – 7 лет). Заняты были насельники на хозяйственных (портной, хлебник, конюх, пастух, пчельник) и церковных послушаниях (клирос, пономарство), 10 человек задействованы на разных работах [3, с. 32].

Все вышеизложенные данные по мужским монастырям Тамбовской епархии приведены в табл. 3.

Подводя итоги, отметим некоторые особенности мужских монастырей в сравнении с женскими. По социальному происхождению среди насельников мужских монастырей нет однородности. Есть монастыри с исключительно крестьянским составом (Кирсановский Александро-Невский, Борисоглебский Хренников Александро-Невский), есть такие, где большинство – выходцы из духовного сословия. Уровень грамотности насельников

¹⁶ Ведомость о настоятеле и монашествующих Борисоглебского Хренникова Александро-Невского монастыря за 1904 г. // ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2026. Л. 1-7.

мужских монастырей заметно ниже. Почти в каждом есть неграмотные, а в Кирсановском Александро-Невском монастыре их большинство. Монашествующие чаще переходили из обители в обитель, для женских монастырей это вообще нехарактерно. По послушаниям ни один из мужских монастырей нельзя отнести к «рабочим» – большая часть послушаний была связана с богослужением. Возраст монашествующих и послушников – 30–60 лет, возраст поступления – 25–30 лет, то есть в мужские монастыри не шли с раннего возраста, как это часто было в женских обителях, хотя можно отметить тот факт, что как в женских, так и в мужских монастырях мало вдовых насельников, то есть они не имели опыта семейной жизни. Период от поступления до пострижения значительно ниже, чем в женских монастырях, что соответствовало существующим установлениям. И, наконец, географическое происхождение насельников и женских, и мужских монастырей

примерно одинаковое – это, как правило, выходцы из ближайших к монастырю Тамбовских уездов или ближайших губерний. Исключение составляет только Борисоглебский Александро-Невский Хренников монастырь, в составе которого практически нет уроженцев Тамбовской губернии.

Список литературы

1. *Протасов Н.А.* Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1849 г. Спб., 1850. 112 с.
2. *Толстой Д.А.* Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1869 г. Спб., 1870. 113 с.
3. *Левин О.Ю.* Кирсановский Новый Александро-Невский монастырь // ТЕВ. 2010. № 8.

Поступила в редакцию 25.11.2017 г.

Отрецензирована 18.12.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

игумен Пимен (Игорь Александрович Семилетов), преподаватель. Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация; аспирант. Московская духовная академия Русской православной церкви, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: semilgor@gmail.com

Для цитирования

игумен Пимен (И.А. Семилетов). Демографический состав Тамбовских монастырей во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 140–150. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-140-150.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-140-150

THE DEMOGRAPHIC COMPOSITION OF THE TAMBOV MONASTERIES IN THE SECOND HALF OF 19th – EARLY 20th CENTURIES

Hegumen Pimen (Igor Aleksandrovich SEMILETOV)^{1, 2)}

¹⁾ Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation

²⁾ Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church
The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiyev Posad, Moscow Region 141300, Russian Federation
E-mail: semilgor@gmail.com

Abstract. Based on a comprehensive study of published and archival sources the demographic composition of the Tambov monasteries in the post-reform period is considered. The characteristics of the demographic changes that have taken place are revealed. The demographic structure of the monastic community is studied in detail. The main focus is on the analysis of the “Records on the monastics” in which brief biographical information about the inhabitants of the Tambov monasteries is collected. In total 12 inventories with chronological coverage from 1850 to 1910 are

studied. It is revealed that women's monasteries, both urban and rural, are peasant in their social composition. Although the percentage of representatives of other classes in urban monasteries is still somewhat higher. The tendency to change the social composition of male monasteries also leads to an increase in the number of peasants in them in the post-reform period, especially at the turn of the century. The composition of the monasteries according to other indicators: education, age, geographical origin of the monastery inhabitants is also analyzed. The conclusion is made that during the period under study, the women's monasteries, in addition to their basic functions, acted as a social valve, giving shelter to those girls who, in the conditions of overpopulation of the village, found their place in the Orthodox monastery.

Key words: monasteries; monks; novices; Tambov eparchy; demography; social composition; geographical origin; educational qualification

References

1. Protasov N.A. *Izвлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1849 г.* [Extraction from the report of the chief-prosecutor of the Holy Synod for 1849]. St. Petersburg, 1850, 112 p. (In Russian).
2. Tolstoy D.A. *Izвлечение из отчета обер-прокурора Святейшего синода за 1869 г.* [Extraction from the report of the chief-prosecutor of the Holy Synod for 1869]. St. Petersburg, 1870, 113 p. (In Russian).
3. Levin O.Y. Kirsanovskiy Novyy Aleksandro-Nevskiy monastyr' [Kirsanov Novel Alexander Nevsky Monastery]. *TEV*, 2010, no. 8. (In Russian).

Received 25 November 2017

Reviewed 18 December 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Hegumen Pimen (Semiletov Igor Aleksandrovich), Lecturer. Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church; Post-Graduate Student. Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church, Moscow, Russian Federation. E-mail: semilgor@gmail.com

For citation

Pimen, Hegumen (Semiletov I.A.). Demograficheskiy sostav Tambovskikh monastyrey vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [The demographic composition of the Tambov monasteries in the second half of 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 140-150. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-140-150. (In Russian, Abstr. in Engl.).

КОНСЕРВАТИВНОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Тамбовской епархии)

© протоиерей Виктор ЛИСЮНИН

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. М. Горького, 3
E-mail: tdsmethod@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена общественно-политическая деятельность православного духовенства Тамбовской епархии периода деятельности Государственной думы I–IV созывов (1907–1917 гг.). Основываясь на архивных документах Тамбовской духовной консистории и публикациях в епархиальной и губернской прессе, показаны последствия политики «православного консерватизма», которые выразились в изменении взглядов тамбовского духовенства в трех направлениях политического спектра: крайне правого фланга, либерального центра, а также левого фланга. Анализ епархиальной печати 1905–1917 гг. позволил выявить наиболее актуальные темы, отражающие мировоззрение и интересы тамбовского духовенства: изменение отношений Церкви и государства, содержание программ политических партий и их обсуждение, участие представителей тамбовского духовенства в работе Государственной думы, участие Церкви в организации системы духовного и светского образования и других социальных институтов, деятельность церковных обществ и братств, миссионерскую и противосектантскую деятельность и др. Обоснованно доказано, что наиболее ярко социально-политическая активность духовенства в рассматриваемый период выразилась в организации епархиальных съездов, а также национально-патриотических движений (Тамбовский союз русских людей). Легализация подобных патриотических организаций привела к строгому контролю со стороны правительственных учреждений и жесткому ограничению участия Церкви в политической жизни общества.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; пресса; духовенство; общественно-политическая сила; православный консерватизм; национально-патриотический союз

Непростая общественно-политическая ситуация, которая сложилась в России на рубеже XIX–XX столетий, привела к тому, что сила верноподданнических чувств к началу XX века заметно иссякала не только в народе, но и в среде духовенства. Протоколы Тамбовской духовной консистории (ТДК) за 1910 г. содержат 5 дел по обвинению священников в несовершении служб и специальных молебнов в Царские дни (6 мая – день рождения Николая II и пр.)¹. Такая провинность не строго судилась: штраф 5 рублей в пользу бедных духовного звания. Строже осуждалось оскорбление царской особы. Псаломщика с. Чуповка Кирсановского уезда отправили на три месяца в монастырь на покаяние за то, что 26 сентября 1908 г. оскорбил особу государя, «назвав его дураком и обругав площадной бранью». Суд, однако,

его оправдал, сочтя извинительным то, что псаломщик «был пьян»².

В 1915–1916 гг. духовенство переживало тяжелые времена. К военному лихолетью, надвигающимся социальным потрясениям, падению нравов прибавился выход большей части общества из «ограды церковной» в сектантство, теософию, политические партии, оппозиционные консервативной идеологии. Отношение консервативного правого духовенства к самодержавию показали события марта 1917 г. Судя по местной прессе, отречение Николая II от престола за себя и за сына тамбовское духовенство приняло на удивление спокойно³. Указ Святейшего синода, обращение преосвященного Кирилла к пастве призывали к повиновению новой власти⁴. В первые месяцы после отречения духовенство питало надежду на долгожданные

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 181. Оп. 1. Д. 2175. Л. 80, 152, 157; Ф. 181. Оп. 1. Д. 2114. Л. 790, 848; Ф. 181. Оп. 1. Д. 2175. Л. 80, 152, 157; Ф. 181. Оп. 1. Д. 2114. Л. 790, 848.

² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2114. Л. 848.

³ ТГВ (Тамбовские губернские ведомости). 1917. № 1, 2, 5–11.

⁴ ТЕВ (Тамбовские епархиальные ведомости). 1917. № 10/11. С. 1, 2.

реформы, освобождение Церкви от государства. Однако надежда скоро уступила место разочарованию: «Неужели конец всему?» – спрашивал читателей один из авторов журнала «Тамбовские епархиальные ведомости» (ТЕВ)⁵.

Стремясь противостоять революционному насилию, духовенство обнаруживало общность с идеями славянофилов, народников, предлагавших путь просвещения и реформирования на основах православия⁶. ТЕВ призывали пастырей к активности, усилению влияния на весь образ жизни паствы и в то же время требовали невмешательства в политику, что создавало двусмысленность⁷. Таким образом, ответственность за происходящее столичными иерархами перекладывалась на епархии, а последние отдавали ее на откуп приходскому духовенству. Ситуация требовала решительных действий, в то время как духовенство, в принципе адекватно оценивая ситуацию, явно не успевало за лавинообразным развитием событий.

Едва ли в расколе русского общества виновата лишь политика «православного консерватизма». Эта политика не развивала православное общество, а предполагала лишь сохранение системы власти. Для поддержания существовавшего порядка необходимо было сохранить верноподданнические чувства и не допустить вовлечения в политику православного большинства. Этим воспользовались иноэтнические и иноверческие общины. Любого рода сепаратизм был выгоден деструктивным силам, в Тамбовской губернии он наиболее ярко проявляется в противостоянии инаковерцев официальному православию. Факты инспирирования сепаратистских течений иностранными спецслужбами находят отражение в тамбовской прессе в период русско-японской войны⁸ [1, с. 31].

Подобные вопросы занимали и жандармское управление, которое рассматривало даже слухи о том, что евреи покупают лошадей для японской армии⁹.

Заметное влияние на правое консервативное духовенство как общественно-политическую силу оказало его участие в работе Госдумы. Церковные реформы думского периода были попыткой исправить последствия политики «православного консерватизма». Однако требовалась не реконструкция, «искусственная реставрация архаичного допетровского церковного строя, а восстановление соборности церковного управления» [2; 3]. Политизация общества вызвала закономерный вопрос об отношении к политике православного духовенства и православной паствы¹⁰. По этому вопросу мнения разошлись: элита поддерживала Синод, позиция которого была однозначной: Церковь – вне политики¹¹. В конце изучаемого периода духовенство оставило пренебрежение к политике, признавая, что долг пастыря – уметь «судить о пользе и вреде государственных мероприятий», как это делали преподобный Сергий Радонежский и патриарх Гермоген, благословляя русское войско на битву с иноземцами¹².

Постепенный переход духовенства с позиций официального консерватизма на крайне-правый фланг, к либералам-центристам, а также на левый фланг демонстрирует динамика епархиальной и губернской печати. Политизации способствует уже сам круг чтения: тамбовское духовенство читает журналы «Православное обозрение», «Церковно-общественный вестник», «Московские церковные ведомости», «Христианское чтение», «Русская речь». Эти журналы нередко публикуют статьи, критикующие духовенство¹³. В позицию защищающегося ставит духовенство и местная либеральная печать. Напри-

⁵ ТЕВ. 1917. № 31. С. 803-807.

⁶ О желательности благочиннических съездов // ТЕВ. 1908. № 4. Неофициальный ч. С. 228-229.

⁷ Там же.

⁸ Германия, Австро-Венгрия – развитие украинского национального движения; Япония – социалистического федерализма Грузии, Польши, Финляндии, развитие связей с руководством Дашнакцутюном, союзом народов, притесняемых турками; Америка – поддержка сионистов через мощные еврейские банки, организация партий Сионистов-социалистов, Поалей-циона (Рабочие Сиона), к началу XX века в России действовало около 700 сионистских организаций. См.:

Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб., 1906.

⁹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 279. Л. 90, 106.

¹⁰ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 797. Оп. 50. Отд. 3. Ст. 5. Д. 182. Ч. 2. Л. 208-208об.; Оп. 54. Отд. 2. Ст. 3. Д. 384об.-385.

¹¹ Новая жизнь и духовенство // ТЕВ. 1917. № 14/15. С. 329-331, 333, 334.

¹² Некрасов И. Пастырство и гражданство // ТЕВ. 1917. № 29. С. 756-759.

¹³ Наше духовенство // Русская речь. 1880. Июнь.

мер, частная газета «Тамбовский край»¹⁴ нередко выставляла духовенство в неприглядном свете. Подвергаются нападкам попытки духовенства заниматься коммерцией, моральная нечистоплотность, низкий уровень образования¹⁵.

Необходимость защиты духовенства с помощью периодической печати была осознана в годы Первой русской революции: в 1905 г. заметно возрастает количество статей с актуальной для текущего момента тематикой, чему способствует редактор «ТЕВ» – протоиерей Иоанн Панормов. Не справляясь с массой присылаемой корреспонденции, епархиальное руководство начинает издавать еще одну ведомственную газету – «Колокол», где публикуются наиболее острые статьи¹⁶. В епархиальной печати впервые появляется политическая полемика¹⁷. Политические взгляды духовенства, выражавшиеся «прикровенно», со всею очевидностью выражены в публикациях «ТЕВ» августа–сентября 1917 г.: «Свобода, равенство и братство в социалистическом и христианском мировоззрении», «Что делать?», «Религия и государство», «Социализм и христианство», «В чем наша сила?», «О свободе и свободной жизни», «Новая жизнь и духовенство», «Церковь и политический строй», «Как наша жизнь устроена» и пр.»¹⁸.

В «Тамбовских епархиальных ведомостях» публикуются программы политических партий и обсуждаются их позиции относительно государства и Церкви: большинство партий требовало отделения Церкви от государства и школы от Церкви¹⁹. Последнее вызвало резкое несогласие. Тезис об отделении Церкви от государства, как видно из Тамбовских епархиальных ведомостей, поддержива-

ется тамбовским духовенством, которое, однако, не приветствовало религиозный индифферентизм²⁰.

В целом церковная пресса изучаемого периода уступала по своей мобильности светской, что объяснялось ее подчинением двойной цензуре: со стороны государственных и церковных властей. Политические темы затрагивались лишь в той мере, в какой они касались внутрицерковной организации и взаимоотношений пастыря и мирян. Каноны православных культурных традиций налагали многочисленные ограничения на свободу – эмоциональную, языковую, жанровую, что вызывало сопротивление либеральных авторов²¹.

Епархиальная печать 1906 г. подробно освещала вопросы участия тамбовского духовенства в работе Государственной думы. В «Тамбовских епархиальных ведомостях» были опубликованы официальные документы, определяющие позицию Русской православной церкви²². Привлечение духовенства в политику объяснялось событиями 1905–1907 гг.²³. При этом четко степень политического участия не определялась: с одной стороны, духовенство должно было вмешиваться в мирские события, дабы предотвратить угрозу смены традиционных ценностей, с другой – ему не рекомендовалось присоединяться к конкретной политической партии, что трактовалось как род отступничества от православного благочестия²⁴. Указывался адрес деструктивного духа времени – материалистическая установка объяснять все и вся материальными причинами, маскирующими истинный корень зла – бездуховность революционных государственных и общественных институтов²⁵. Прагматическая часть обращения заключалась в прямой инструкции духовенству, которое должно было призывать паству не уклоняться от выборов в думу, «чтобы не явились они противниками воли Царя»²⁶.

¹⁴ Откуда идет действительная опасность для православной Церкви? (к вопросу о священнической розни) // ТЕВ. 1908. № 8. Неофиц. ч. С. 431–435.

¹⁵ Тамбовский край. 1905. № 53; 1911. № 1455. 1913. № 1702; ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2114, 2175. Более подробный анализ критики тамбовского духовенства в местной либеральной печати [4].

¹⁶ Базарянинов. Ежедневный орган по церковным вопросам // ТЕВ. 1905. № 54. С. 2217–2220.

¹⁷ Тигров В., свящ. Вопросы жизни: (по поводу последних статей священника Г. Петрова) // ТЕВ. 1905. № 37. С. 1553–1558; Открытое письмо о. С. Старорусскому по поводу его статьи «Прогрессивное движение в нашем духовенстве» // ТЕВ. 1905. № 40. С. 1671–1694.

¹⁸ ТЕВ. 1917. № 14, 15, 31, 34, 37, 38, 43–46, 51/52; 1917. № 34, 35.

¹⁹ ТЕВ. 1917. № 34, 35.

²⁰ ТЕВ. 1917. № 40. С. 981, 983, 984.

²¹ Ростиславов. Что сделано. Что делается по вопросу о духовенстве // Беседа. 1871–1872.

²² ТЕВ. 1906. № 8. С. 107–112; ТЕВ. 1906. № 2. Неофиц. ч. С. 11–41.

²³ ТЕВ. 1906. № 8. С. 107–112.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Епархиальная печать после Первой российской революции расценивает организацию системы духовного и светского образования как дело общественно-политическое [4]. Наиболее информативными в «ТЕВ» становятся статьи ректора духовной семинарии о. Иоанна Панормова²⁷. Однако церковная печать, говоря о просчетах в церковной системе образования, доказывая необходимость сохранения духовного начала в школьном деле, никогда не подвергала критике земскую систему образования, тогда как светская пресса не скупилась на негативные оценки учительствующего духовенства и Церкви. В целом же по воздействию на модернизирующееся общество церковная печать заметно уступала светской в умении вести острую политическую полемику, которая не соответствовала правосознанию духовенства.

Политизируется и деятельность церковных обществ и братств, адекватно отвечающих консолидации сектантства, защищающих свои интересы политическим путем. Образовательные структуры также политизируются как ответ революционизированному студенчеству, едва ли не в авангарде которого шли духовные семинарии. Появляются новые церковные институты – съезды, союзы. История всплеска активности съездов епархиального духовенства, возникших в результате реформирования в период 1905–1917 гг., показывает, что духовенство вполне осознало необходимость перемен и шло к ним. К съезду 1906 г. были наработаны меры по активизации работы приходов. Решения съезда 1905 г. легли в основу рекомендаций преосвященного Иннокентия (Беляева) для Святейшего синода, запросившего мнения епархиальных архиереев о ходе реформирования Русской православной церкви²⁸. Январский общепархиальный съезд 1906 г. признал необходимость учреждения в Тамбове епархиального бюро, в обязанность которого входил отбор вопросов для обсуждения, проверка выполнения постановлений съезда; была учреждена особая «докладная Комиссия общепархиального съезда»²⁹.

²⁷ ТЕВ. 1908. № 8. Неофиц. ч. С. 411–416; № 9. С. 522–531; ТЕВ. 1912. № 2, 3.

²⁸ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 ч. М., 2004. Ч. 2. С. 443–471.

²⁹ ТЕВ. 1906. № 9. Неофиц. ч. С. 1–8.

Протоколы съездов 1905–1906 гг. показывают, что духовенство делает попытки выйти за границы корпоративных интересов, вмешаться в политическую ситуацию.

Активное участие духовенства в национально-патриотическом движении стало реакцией на революционные события, в качестве альтернативы предлагалась идея консолидации на основах патриотизма. Эту идею активно использовали националистические союзы: Союз русских людей, Союз русского народа, Союз Михаила Архангела, Серафимовский союз.

Тамбовский союз русских людей (ТСРЛ) был «образован для мирной и законной работы с целью защиты православия, самодержавия и русской народности»³⁰. Он возник на основе круга патриотически настроенных лиц, группировавшихся вокруг редактора «Тамбовских епархиальных ведомостей», архимандрита Феодора (Поздеевского), противостоявшего революционной активности семинаристов. Поддерживали Союз архиепископ Иннокентий (Беляев), губернатор фон-дер Лауниц, адвокат Луженовский³¹. Первое заседание Союза прошло на квартире ректора «ТДС», о. Феодора (Поздеевского) – председателя союза. Для работы вскоре было выделено здание Серафимовского училища. Союз выпустил 40 листов и брошюр, составленных в основном архимандритом Феодором и товарищем председателя – М.Т. Поповым. В 1906 г. в Союзе числилось 700 членов в Тамбове и 50 сельских обществ³². Возникли отделения в Тамбове на базе железнодорожных мастерских и в Козлове. Благодаря деятельности Союза в 1906 г. не состоялось ни одной намечавшейся забастовки. Деятельность Союза поддержали крестьяне, приходские священники выражали желание присутствовать на собраниях. Однако учредительное собрание от 5 октября 1905 г. показало, что объединение на основе национально-патриотической идеи разбивается о проблему выбора: присоединиться ли к Петербургскому русскому собранию, либо к Московскому союзу русских людей (СРЛ)? В

³⁰ Высочайшая милость Тамбовскому союзу русских людей // ТЕВ. 1906. № 10. С. 548.

³¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5812. Л. 523–523об.; Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей. С. 134.

³² Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей. С. 137.

итоге образуется вполне самостоятельный Тамбовский СРЛ³³.

Программа ТСРЛ, как и программы других крайне правых учреждений, основывалась на соблюдении традиционного триединства «Православие, самодержавие, русская народность»³⁴. Это была программа мирного обновления государства и общества. Православие объявлялось основой духовности российского общества, что не мешало признанию прав других конфессий³⁵. Признавалось также право всех народов на развитие своей культуры, языка «в тех пределах, которые не противоречат государственным интересам русского народа»³⁶. Решительный протест вызывала революционная пропаганда евреев³⁷.

Большое значение в программных установках ТСРЛ имела организация системы народного образования, обосновывалась необходимость открытия национальных русских школ, так как другие национальности государства такие школы уже имели³⁸. На заседании Козловского союза русских людей 26 ноября 1906 г. В.А. Грингмут (председатель Русской монархической партии) предложил назвать русскую национальную школу Кирилло-Мефодиевской³⁹. Первостепенной задачей Союз считал восстановление авторитета Русской православной церкви, для чего предлагалось возродить соборное начало управления Церковью по каноническим правилам, повысить значение прихода, сделав его «церковно-гражданский самоуправляющийся единицей с приходским советом во главе», преобразовать духовные учебные заведения на началах всеобщности, отме-

нить плату за обряды, назначить духовенству жалование⁴⁰.

Поддерживая самодержавие, ТСРЛ высказывался за его реформирование при неременном сохранении⁴¹. Единства по вопросу о характере государственной власти среди членов Союза не было. Например, Козловское отделение Союза русских людей отстаивало необходимость расширения земского самоуправления и введения областного деления вместо губернского, против чего Тамбовский СРЛ решительно возражал⁴².

Учредительное собрание ТСРЛ, состоявшееся в ноябре 1905 г. в зале Тамбовского Серафимовского духовного училища, обратилось с воззванием к населению, призвав выступить против революционных сил в поддержку царя и Отечества⁴³. Активное участие в работе Союза принял священник с. Моршань Лядовки о. Константин Богоявленский, активный участник сопротивления аграрным беспорядкам. Как пишет он в своей патриотической работе «Мученик за веру», именно ТСРЛ предложил своих членов в качестве машинистов, кондукторов и пр., чтобы восстановить железнодорожное сообщение и тем самым прекратить забастовку.

Союз являлся попыткой переломить ситуацию снизу, на локальном уровне. Нереализованным резервом Союза осталось вовлечение в актив представителей рабочих и крестьян, которые составляли большинство в организации и которые на первом этапе с энтузиазмом жертвовали средства, приходили на собрания и пр.⁴⁴ Однако в руководящий

³³ ТЕВ. 1905. № 37, 38. С. 2005-2008, 2012, 2045.

³⁴ Труды первого съезда представителей патриотических союзов Тамбовской губернии 28-30 декабря 1908 г. С. 33.

³⁵ ТГВ. 1905. 13 дек.; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6281. Л. 45; Труды первого съезда представителей патриотических союзов // ТГ. 1908 года. 28-30 дек. С. 61-63.

³⁶ Свобода и народные идеалы: из речи [архимандрита Федора (Поздеевского)] при открытии Тамбовского союза русских людей // ТЕВ. 1905. № 46. Неофиц. ч. С. 1951-1952.

³⁷ Русская народность и конституция // ТЕВ. 1905. № 48. Неофиц. ч. С. 2052; Собрание Тамбовского союза русских людей 22 октября 1906 г. // ТГВ. 1906. 26 окт.

³⁸ Кого выбирать в будущую Госдуму и для каких целей (ТСРЛ) // ТЕВ. 1906. № 1 (н). С. 36.

³⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6281. Л. 65-65об.

⁴⁰ ТГВ. 1905. 13 дек.; Труды первого съезда представителей патриотических союзов // Тамбовская губерния. 1908. 28-30 дек. С. 62-63.

⁴¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6281. Л. 47об.; Копия протокола собрания Тамбовского союза русских людей 6 декабря 1905 г. // ТЕВ. 1906. № 1. Неофиц. ч. С. 25; Русское Самодержавие и манифест 17 октября 1905 года. Тамбов, 1906. С. 11; Русская народность и конституция // ТЕВ. 1905. № 48. Неофиц. ч. С. 2053.

⁴² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6281. Л. 46.

⁴³ Воззвание от Союза русских людей // ТЕВ. 1905. № 47. Неофиц. ч. С. 2001, 2002, 2009.

⁴⁴ ЦДНИТО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 315. Л. 4-5; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5857. Л. 285, 354; Ф. 25. Оп. 1. Д. 9. Л. 79. Л. 39об.-40; Союз русских людей // ТЕВ. 1905. № 47. Неофиц. ч. С. 2003; Копия протокола собрания Тамбовского союза русских людей от 27 ноября // ТЕВ. 1906. № 1. Неофиц. ч. С. 22; ТГВ. 1906. 9 марта; Заседание Тамбовского союза русских людей 21 ноября 1906 г. // ТГВ. 1906. 26 нояб.; ТЕВ. 1906. № 1. Неофиц. ч. С. 20, 28, 37-39; ТЕВ. 1906. № 1. Неофиц. ч. С. 37-39; ТГВ.

состав они не были привлечены, в то время как кадров не хватало⁴⁵. Движение не было подкреплено понятной массам политической программой, чего не мог компенсировать тезис о защите триединых ценностей [5, с. 37-38; 6, с. 122-143; 7].

Деятельность Союза вызвала ненависть террористов, исповедовавших взгляды партии социал-революционеров (эсеров). Эсеровский террор имел результаты. Борисоглебский уездный исправник объяснял «вялость» работы местного отдела Союза русского народа боязнью мести со стороны революционеров, особенно вероятной после покушения на председателя Союза русского народа А.И. Дубровина⁴⁶. Угрожающие письма с эпиграфом «смерть человеконенавистнику», «смерть черносотеннику» неоднократно получал почетный председатель Козловского Союза русских людей А.С. Жихарев⁴⁷. 22 января 1908 г. за «черносотенство» был убит дьякон с. Александровки Тамбовского уезда А.Я. Коптяев.⁴⁸ «Тамбовские губернские ведомости» отмечали, что некоторые члены ТСРЛ «боятся даже признаться, что были на собрании, и говорят, что были у всенощной», объясняли это действиями «героев освободительного движения», которые ходят по городу с палками, дрекольями, с огнестрельным оружием. Они проповедуют свободу слова и мнений, но самым убедительным доказательством правоты признают револьвер»⁴⁹. Департамент полиции вынужден был разослать 18 марта 1908 г. начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений циркуляры с предложением принять меры «для предупреждения подобных посягательств революционеров на жизнь лиц, принадлежащих к Союзу русского народа, и, в случае проявления означенных преступлений, ...принять самые энергичные и действенные меры к обнаружению виновных»⁵⁰. С марта 1906 г. деятельность русских национальных организаций была

легализована. Легальные политические объединения были поставлены под строгий контроль правительственных учреждений и должностных лиц.

Однако официальная оценка деятельности Союза была сдержанной. Совет министров ограничил состав союза запретом входить в него государственным служащим, военно-служащим. Участие духовенства также не всегда находило понимание. Так, на заседании пастырского собрания тамбовского духовенства 20 сентября 1906 г. было выражено неудовольствие по поводу членства в ТСРЛ священников о. Бельского и о. Н.И. Дмитриевского, а работа СРЛ оценена как «реакционная, противная всякому прогрессу»⁵¹. Такая позиция центральных властей не способствовала консолидации сил вокруг патриотических Союзов.

Несмотря на то, что у истоков Союза стояли руководители местных епархиальных и губернских властей, его деятельность наталкивалась на бюрократические препоны. Накануне выборов в I Госдуму Синод прямо запрещает участие духовенства в партийных учреждениях: православный пастырь «не должен связывать себя ни с каким союзом, ибо один для него союз – Христов в Церкви Божией, с коей он соединен навеки нерушимыми узами обрученного мужа»⁵². Такой позиции противился епископ Иннокентий (Беляев), расценивая отказ духовенства помогать патриотическому движению как уклонение от пастырского долга⁵³.

В условиях угрозы жизни многие члены ТСРЛ предпочли не афишировать свои политические позиции, боясь физической расправы, в этом случае запрета ТСРЛ не требовалось. Униженные официальной позицией властей, запуганные террором, анонимными извещениями, участники националистических союзов, которых травил либеральная пресса и называла «кровожадными» «реак-

1905. 25 дек., 29 дек.; ТГВ. 1906. 2 марта, 9 марта, 26 нояб., 14 дек.

⁴⁵ Краткий очерк деятельности ТСРЛ с 1-го октября 1907 г. по 1-е октября 1908 г. (Третий год). Харьков, 1909. С. 7.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6508. Л. 21-21об.

⁴⁷ ТГВ. 1906. 17 дек.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5816. Л. 12об.

⁴⁹ ТГВ. 1906. 29 июня.

⁵⁰ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 346. Л. 4.

⁵¹ По поводу некоторых постановлений пастырского собрания духовенства Тамбовской епархии // ТЕВ. 1906. № 42. Неофиц. ч. С. 1867; О происшедшем пастырском собрании и к будущему // ТЕВ. 1906. № 51. Неофиц. ч. С. 2361-2363.

⁵² От Святейшего синода пастырям Православной российской церкви перед выборами в Госдуму // ТЕВ. 1906. № 8. С. 110.

⁵³ Протоколы съезда о.о. депутатов Серафимовского училищного округа сентябрьской сессии 1906 г. // ТЕВ. 1907. № 1. С. 12.

ционерами-черносотенцами», перестали ходить на собрания Союза из-за боязни быть убитыми⁵⁴. Необходимость объединения вокруг православной веры никто из духовенства не отрицал, однако активное движение в массы сталкивалось с устойчивым атеистическим скепсисом, ставшим с подачи элитарного общества чем-то вроде хорошего тона. Успехи антиправославных сил на этом поприще отмечали постоянно авторы статей «ТЕВ» и «Колокола»⁵⁵.

Помимо Союза русских людей в Тамбовской губернии действовало множество других народно-патриотических организаций правого толка, одно перечисление которых⁵⁶ говорит о том, что их количество превышало разумное число: «Союз русских людей», «Союз русского народа»⁵⁷, Тамбовская организация истинно русских людей, Серафимовский Союз русских людей⁵⁸, Митрофанов-Георгиевский Союз русского народа⁵⁹, Союз Красного креста⁶⁰ [8, с. 75-76].

На распределение политических сил в Тамбовской губернии влиял и характер состава официальной власти, прежде всего, личность губернатора. С начала парламентского процесса активным защитником монархии и глубоко верующим человеком был Владимир Федорович фон дер Лауниц (1855–

1906). Опыт участия в русско-турецкой войне (1877–1878 гг.), активная помощь Соловецкому монастырю на посту архангельского вице-губернатора, активное сотрудничество и дружба с епископом Тамбовским и Шацким Иннокентием (Беляевым), деятельность на посту тамбовского губернатора (с 1902 по 1905 г.) – показывают его как убежденного сторонника монархии, видевшего в правых монархических организациях («Союз русских людей», «Союз русского народа») опору государственности⁶¹ [9, с. 305]. Преемственную политику проводил и сменивший фон дер Лауниц на посту тамбовского губернатора с 1906 по 1912 г. Николай Павлович Муратов, которого также связывала с епископами Тамбовскими и Шацкими, Иннокентием (Беляевым) и епископом Кириллом (Смирновым) общность общественно-политической позиции и личная дружба [10].

Единомыслие и взаимодействие духовной и светской власти не могло не отразиться на распределении политических сил и не повлиять на позиции тамбовского духовенства. Так, тамбовский полицмейстер Старынкевич сообщает в телеграмме: «По распоряжению Его превосходительства Тамбовского генерал-губернатора, имею честь вам (Тамбовский комитет партии народной свободы) объявить, что никакие собрания конституционно-демократической партии им (кадетам) впредь разрешаемы не будут». Также в период выборов в I Государственную думу во время съезда землевладельцев в Козлове для определения выборщиков, в котором из 85 приехавших было 30 священников, раздавались воззвания «Союза русских людей» и «Союза 17 октября» с заголовком «За Веру, Царя и Отечество», тогда как партии народной свободы распространять свою печать запрещалось [11].

Правое политическое влияние тамбовского духовенства в годы Первой революции было более сильным в сравнении с соседними епархиями, например, Воронежской. Тамбовское духовенство на епархиальном съезде 1906 г. осудило выступления семинаристов против руководства учреждения, а также высказалось осудительно в отношении Указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20-68, 70-118, 130-181, 183-186, 192-213; ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 996. Л. 225-227об.; ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2053. Л. 608.

⁵⁵ Панормов И., *прот.* Встаньте на защиту православной веры: (слово произнесенное с благословения Преосвященнейшего Иннокентия в кафедральном соборе 06.12.1907 г.) // ТЕВ. 1908. № 7. Неофиц. ч. С. 321-326.

⁵⁶ ТЕВ. 1908. № 7. Неофиц. ч. С. 370-371.

⁵⁷ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 79. Л. 44; ТЕВ. 1906. № 36. С. 716-717; № 37. С. 737, 741-742; № 41. С. 817; ТГВ. 1906. 9–10 марта; ТЕВ. 1908. № 7. Неофиц. ч. С. 370-371; Церковные ведомости. Прибавления. Спб., 1907. № 43. 27 окт.; Труды Первого губернского съезда представителей патриотических союзов Тамбовской губернии, 28–30 дек. 1908 г. Тамбов, 1909. С. 17.

⁵⁸ ТГВ. 1906. 9 марта; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 43; Тамб. край. 1907. 29 июля.

⁵⁹ От Тамбовского отделения императорского православного палестинского общества (ТО ИППО). Тамбов, 1904. С. 7; ТЕВ. 1905. № 8. С. 101; Отчет Тамбовского отделения Императорского православного палестинского общества за 1904–1905 год. Тамбов, 1905. С. 28; ТЕВ. 1905. № 34. С. 729-741; № 35. С. 752-766; Отчеты Тамбовского отделения ИППО за 1906–1907, 1908–1909, 1909–1910 гг.; О деятельности Тамбовского отделения ИППО // ТЕВ. 1912. № 33. С. 814-825.

⁶⁰ ТЕВ. 1912. № 6. С. 6.

⁶¹ «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 238-243.

В 1917 г. тамбовское духовенство осудило образовательные реформы Временного правительства, передававшие школьное дело в руки министерства и лишавшие Церковь ее собственности, приобретенной в ходе строительства церковных учебных зданий. Епископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов) отстаивал интересы духовенства в сфере народного образования, будучи членом Предсоборной комиссии⁶². Единодушны с епископом были и верующие города Тамбова, которые на собрании в Покровском приходе г. Тамбова 30 июля 1917 г. высказались за сохранение Закона Божия в школах, а также в защиту законоучителей⁶³.

Государственный переворот 1917 г. усугубил раскол внутри духовенства, которое отнеслось к событиям двояко, что подтверждает епархиальная печать, свидетельствующая о двух оценках событий: 1) это милость Божия; 2) попущение Божие⁶⁴. Резолюции Тамбовского епархиального съезда оказались менее левыми, чем в соседних [12, с. 409-410]. Тамбовский съезд высказался в пользу доверия Временному правительству, за войну до победного конца, народное управление государством, свободу совести и 8-часовой рабочий день [12]. Острую полемику вызвал вопрос о церковных сборах на содержание духовных учебных заведений. Приходское духовенство и миряне имели, видимо, строгий наказ с мест – избавиться от налогового бремени. В итоге, приходы оплатили расходы и недоимки на первую половину 1917 г., а от дальнейших сборов были освобождены [13].

Таким образом, мы видим, что критикуемая официальная консервативная политика Синода, которой смиренно следовало духовенство, не исключала возможности эффективной деятельности как епископата, так и приходского духовенства. При этом политизация православного духовенства являлась вынужденным средством защиты традиционных ценностей, к чему призывало священнослужителя его поприще проповедника надмирных евангельских ценностей. Скованное синодальными властями в своей инициа-

тиве и средствах действия, православное духовенство исходило из имеющихся ресурсов и пыталось их расширить: повысить действенность и популярность церковной прессы, вовлечь максимальное число сторонников через увеличение количества и наращивание качества церковных организаций.

Образование крайне правых движений с участием духовенства, пропагандирующих национальную идею, стало закономерной реакцией на внешнее влияние. Но, несмотря на сочувственное отношение государства к правым партиям, проповедующим идею национальных интересов, они не вышли за рамки декларации верноподданнических чувств и серьезно не повлияли на события.

Список литературы

1. Гофман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.
2. Полунов А.Ю., Соловьев И.В. Историческое введение // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 ч. М., 2004. Ч. 1. С. 3-38.
3. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев, Святейший синод и архиереи в 1881–1894 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 4.
4. Лисюнин В.Ф. Церковная пресса и ее влияние на общество: (вторая половина XIX – начало XX в.) // Макарьевские чтения: материалы Третьей междунар. конф. Горно-Алтайск, 2004. С. 106-121.
5. Ильин С.А. Становление русских национальных организаций в Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002.
6. Лисюнин В.Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
7. Щербинин П.П. Социальная ориентация православного духовенства в городах черноземного центра в период Первой русской революции 1905–1907 гг. // IV Питиримовские чтения. Тамбов, 1998. С. 79-85.
8. Канищев В.В. Страницы истории Тамбовского края. Воронеж, 1986. С. 75-76.
9. Кошель П.А. История российского терроризма. М., 1995.
10. Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007.
11. Мошненко А.В. К вопросу о политической ориентации российского православного духовенства в 1905–1917 // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2015. Вып. 2 (63).

⁶² Правдин. Хроника предсоборного клира и мирян // ТЕВ. 1917. № 39. С. 817-819.

⁶³ Собрание в Покровской церкви // ТЕВ. 1917. № 31. С. 819.

⁶⁴ Светозаров Ф. Голос пастыря // ТЕВ. 1917. № 14/15. С. 334-336.

12. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М., 2006. 504 с.
13. *Феодор (Поздеевский), архим.* На Тамбовском епархиальном съезде в 1917 году // История Тамбовской митрополии: доклады, исследо-

вания, лица / сост. О.Ю. Левин, Р.Ю. Просветов. URL: <http://www.tambovdok.ru> (дата обращения: 02.01.2016).

Поступила в редакцию 19.09.2017 г.
Отрецензирована 11.10.2017 г.
Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

протоиерей Виктор Лисюнин, кандидат исторических наук, проректор по учебной работе. Тамбовская духовная семинария Тамбовской епархии Русской православной церкви, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tdsmethod@yandex.ru

Для цитирования

протоиерей Лисюнин В. Консервативное православное духовенство как общественно-политическая сила в начале XX века (по материалам Тамбовской епархии) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 151-160. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-151-160.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-151-160

CONSERVATIVE ORTHODOX CLERGY AS PUBLIC-SOCIAL POWER AT THE BEGINNING OF 20th CENTURY (basing on the materials of Tambov Eparchy)

Archpriest Viktor LISYUNIN

Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church
3 Maxim Gorky St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tdsmethod@yandex.ru

Abstract. The socio-political activity of the Orthodox clergy of the Tambov Eparchy of the period of activity of the State Duma of 1–4 convocations (1907–1917) is considered. Based on the archival documents of the Tambov spiritual consistory and publications in the diocesan and provincial press, the consequences of the policy of “Orthodox conservatism” are reflected in the changing views of the Tambov clergy in three directions of the political spectrum: the extreme right flank, the liberal center, and the left flank. Analysis of the diocesan press in 1905–1917 made it possible to identify the most relevant topics reflecting the world view and interests of the Tambov clergy: changing the relations between the Church and the state, the content of the programs of political parties and their discussion, participation of representatives of the Tambov clergy in the work of the State Duma, the Church’s participation in organizing the system of spiritual and secular education and other social institutions, the activities of church communities and brotherhoods, missionary and anti-sectarian activities, etc. It is reasonably proved that the most vividly social-political clergy activity has resulted in the organization of diocesan congresses in the period under review, as well as national-patriotic movements (Tambov Union of Russian people). The legalization of such patriotic organizations led to strict control by government agencies and strict restriction of the Church’s participation in the political life of the society.

Keywords: Tambov eparchy; press; clergy; socio-political power; Orthodox conservatism; national-patriotic union

References

1. Gofman A. *Revolyutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia, 1894–1917]. Moscow, 1997. (In Russian).
2. Polunov A.Y., Solovev I.V. Istoricheskoe vvedenie [Historical introduction]. *Otzyvy eparkhial'nykh arkhierееv po voprosu o tserkovnoy reforme: v 2 ch.* [Opinions of Eparchial Hierarchs on the Issue of Church Reform: in 2 vols.]. Moscow, 2004, part 1, pp. 3–38. (In Russian).
3. Polunov A.Y. K.P. Pobedonostsev, Svyateyskiy sinod i arkhierееi v 1881–1894 gg. [K.P. Pobedonostsev, Holy Synod and hierarchs in 1881–1894]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History], 1994, no. 4. (In Russian).
4. Lisyunin V.F. Tserkovnaya pressa i ee vliyanie na obshchestvo: (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Church Periodicals and Its Influence on Society (the second half of the 19 – early 20 century)]. *Materialy Tret'ey mezhdunarodnoy konferentsii «Makarevskie chteniya»* [Proceedings of the Third International Conference “Makarevskiy Readings”]. Gorno-Altaysk, 2004, pp. 106–121. (In Russian).
5. Ilin S.A. *Stanovlenie russkikh natsional'nykh organizatsiy v Tambovskoy gubernii: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of Russian National Organizations in the Tambov Governorate. Cand. hist. sci. diss.]. Tambov, 2002. (In Russian).
6. Lisyunin V.F. *Uchastie tambovskogo pravoslavnogo dukhovenstva v obshchestvenno-politicheskoy zhizni v kontse XIX – nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Participation of the Tambov Orthodox Clergy in Social and Political Life in the Late 19 – Early 20 Century. Cand. hist. sci. diss.]. Tambov, 2006. (In Russian).
7. Shcherbinin P.P. Sotsial'naya orientatsiya pravoslavnogo dukhovenstva v gorodakh chernozemnogo tsentra v period Pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg. [Social Orientation of Orthodox Clergy in Black Earth Centre Cities during the First Russian Revolution 1905–1907]. *IV Pitirimovskie chteniya* [4 Pitirim Readings]. Tambov, 1998, pp. 79–85. (In Russian).
8. Kanishchev V.V. *Stranitsy istorii Tambovskogo kraia* [Pages of Tambov Krai History]. Voronezh, 1986, pp. 75–76. (In Russian).
9. Koshel P.A. *Istoriya rossiyskogo terrorizma* [History of the Russian Terrorism]. Moscow, 1995. (In Russian).
10. Muratov N.P. *Zapiski tambovskogo gubernatora* [Tambov Governor's Notes]. Tambov, 2007. (In Russian).
11. Moshnenko A.V. K voprosu o politicheskoy orientatsii rossiyskogo pravoslavnogo dukhovenstva v 1905–1907 gg. [The political orientation of the Russian Orthodox clergy in 1905–1907 as a historiographical problem]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi – St. Tikhons University Review. History. History of Russian Orthodox Church*, 2015, no. 2 (63). (In Russian).
12. Babkin M.A. (compiler, preface and commentary author). *Rossiyskoe dukhovenstvo i sverzhenie monarkhii v 1917 godu: materialy i arkhivnye dokumenty po istorii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Russian Clergy and Overthrow of Monarchy in 1917: Materials and Archival Documents on the Russian Orthodox Church History]. Moscow, 2006, 504 p. (In Russian).
13. Feodor (Pozdeevskiy), archimandrite. Na Tambovskom eparkhial'nom sezde v 1917 godu [On the Tambov Eparchial Synod in 1917]. *Istoriya Tambovskoy mitropolii: doklady, issledovaniya, litsa* [History of the Tambov Metropolis: Reports, Researches, Faces]. (In Russian). Available at: <http://www.tambovdoc.ru> (accessed 02.01.2016).

Received 19 September 2017

Reviewed 11 October 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Archpriest Lisyunin Viktor, Candidate of History, Provost for Education, Tambov Seminary of Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church, Tambov, Russian Federation. E-mail: tdsmetod@yandex.ru

For citation

Lisyunin V., protoierey. Konservativnoe pravoslavnoe dukhovenstvo kak obshchestvenno-politicheskaya sila v nachale XX veka (po materialam Tambovskoy eparkhii) [Conservative orthodox clergy as public-social power at the beginning of 20th century (basing on the materials of Tambov eparchy)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 151–160. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-151-160. (In Russian, Abstr. in Engl.).

СОЗДАНИЕ ИНДИЙСКОГО ЦЕНТРА ПАРТИИ «ГАДАР» (1923–1928 гг.)

© Надежда Сергеевна ЖИРОВА

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет

им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»

398020, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Ленина, 42

E-mail: nadezdaip@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена малоизученная страница истории индийской партии «Гадар», а именно процесс создания и оформления ее центра в Индии. Отмечены трудности, вставшие перед членами партии на пути решения данной задачи: необходимость создания националистами прокоммунистической организации и фактическое отсутствие кадров для этого дела. Рассмотрены основные особенности первой попытки организации штаба в Индии («Сандживал Дал»): структура партии, ее цели, представления о будущем страны, направления деятельности. Охарактеризованы сложные отношения сикхов с Коминтерном в 1923–1925 гг., которые страдали из-за нежелания националистов отказаться от старых, в прошлом потерпевших неудачу, методов борьбы, главным из которых являлась попытка организации восстания в англо-индийской армии. Показан постепенный переход гадаровцев на новую идеологическую базу, начало их агитационной деятельности среди крестьян, рабочих и студенчества, а также отмечена роль генерального секретаря «Гадар» Сантока Сингха Дардео в этом процессе. Этот переход привел к реорганизации «Сандживал Дал» и созданию рабоче-крестьянской партии «Кирти кисан сабха». Проанализированы основные черты новой партии, ее отличия от своей предшественницы, а также ее положение относительно центральной организации – партии «Гадар».

Ключевые слова: партия «Гадар»; «Сандживал Дал»; «Кирти кисан сабха»; Коминтерн; коммунистическое движение в Индии

Одной из организаций, внесших свой вклад в национально-освободительное движение Индии в первой половине XX века, была партия «Гадар». Ее отличительной особенностью являлось то, что она возникла в США в среде индийской диаспоры и изначально действовала за пределами Индии. Первую попытку основать центр этой партии на своей родине ее члены предприняли в 1915 г., однако, она была пресечена британской полицией. Позднее, в начале 1920-х гг., руководство «Гадар» остро ощутило необходимость создать в Индии штаб своей организации и перенести основную деятельность в эту страну. Этим штабом стала «Кирти кисан сабха» («Рабоче-крестьянская партия»), которая окончательно сформировалась только к 1928 г. Создание этой организации было долгим и трудным процессом, который почти не раскрыт ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Благодаря привлечению архивных материалов (РГАСПИ) появилась возможность восполнить этот пробел как в истории «Кирти кисан сабха», так и партии «Гадар» в целом.

Большой вклад в дело создания индийского штаба «Гадар» внесли генеральный

секретарь партии Санток Сингх Дардео и его ближайший соратник Раттан Сингх Дабба, которые летом 1922 г. направились из США в Индию через Советскую Россию. Задача сикхов осложнялась тем, что ими в конце того же года были установлены тесные связи с Коммунистическим интернационалом (КИ). В рамках сотрудничества двух организаций лидеры «Гадар» обязывались организовать в Индии коммунистическую организацию [1, р. 63]. В результате возникла сложная ситуация: будущий индийский центр изначально националистической партии должен был идеологически отличаться от самой «Гадар».

В 1923 г. лидеры индийских националистов США прибыли в Кабул, где их ожидали другие члены партии «Гадар» – Удхам Сингх Касель и Гурмух Сингх Лалтон. Санток Сингх и Раттан Сингх рассказали им о своих планах и задачах, а также договорились о создании так называемой «Сандживал ассоциации»¹ в Пенджабе. При этом эмиссары из СССР отметили, что основание такого органа было согласовано с Коминтерном, и совет-

¹ Согласно индийскому историку Б. Джошу, слово «sanjhiwal» переводится с языка пенджаби как «коммунист» [1, р. 63n].

ская сторона дала обещание оказывать поддержку этой организации.

Однако гадаровцы столкнулись с серьезной проблемой: Санток Сингх – единственный, кто относительно хорошо разбирался в марксизме и принимал требования Коминтерна – был арестован в конце 1923 г. на пути в Индию и в ближайшие два года был полностью оторван от своих товарищей [2, р. 222]. Несмотря на то, что Раттан Сингх в 1924 г. перед своим возвращением в США провел в Индии серьезную подготовительную работу [3, с. 272], остальным сикхам пришлось действовать самостоятельно в меру своего понимания поставленной перед ними задачи.

«Сандживал Дал» возникла в первой половине 1924 г. в Амритсаре (Пенджаб), при этом большую помощь в ее создании оказал Обейдулла Синдхи, известный индийский революционер, долгое время тесно сотрудничавший с партией «Гадар»². В июле 1924 г. Удхам Сингх Касель, назначенный своими однопартийцами представителем этой организации, доставил в Коминтерн письмо, где подробно описывались структура, цели и методы данного центра «Гадар» [4].

Пенджабский штаб индийских националистов возглавлялся коллегиальным органом – Руководящим советом, состоявшим из шести членов – секретарей. Совет должен был собираться раз в год и обладал «абсолютными полномочиями». Его решения вступали в силу только при общем согласии всех его членов.

Каждый секретарь Руководящего совета имел под своим контролем один из шести «департаментов», отвечавших за определенную деятельность партии: 1) пропаганда; 2) вербовка и учет членов организации; 3) сбор средств и террористическая деятельность; 4) сбор и хранение оружия и боеприпасов; 5) зарубежные связи; 6) внедрение членов партии в различные департаменты государственной службы [4].

Структура «Сандживал Дал» предполагала наличие местных отделений, которые возглавлялись «территориальными офицерами». Человек, занимавший эту должность, должен был находиться в контакте с Руководящим

советом и неукоснительно выполнять его решения. «Территориальный офицер» единолично отвечал за свое отделение и его членов.

Свою деятельность партия разделяла на публичную и частную. Под публичной деятельностью гадаровцы понимали создание рабочих кружков при заводах и фабриках, крестьянских организаций, центров пропаганды (школы, библиотеки и т. д.), публикацию газет и листовок, а также проведение публичных мероприятий. К частной деятельности относилось распространение агитационных материалов, сбор денежных средств, внедрение членов партии в органы государственной службы и военные формирования и т. п.

Гадаровцы планировали уделять особое внимание работе с трудящимися, крестьянами и военными.

«Сандживал Дал» ставила перед собой следующие цели:

а) добиться возможности повышения уровня (интер)национального (само)уважения индийцев;

б) установить независимое правительство, осуществляемое коренным населением, освободив страну от бремени политического рабства, ликвидировав все существующие социальные, ментальные и экономические причины бесправия, обусловленные капитализмом и империализмом;

в) отменить все системы, создающие возможность для какой-либо эксплуатации человека человеком [4].

Более конкретно задачи гадаровцев раскрывались в документе, озаглавленном «Программа Индустан Сандживал Дал», который объявлял основной целью партии «создать Рабоче-Крестьянскую Федеративную Республику»³. В этой программе националисты описывали свое представление о будущем устройстве независимой Индии. Фактически они предлагали создание конфедерации, во главе которой должно было стоять Центральное правительство, решавшее вопросы внешней и оборонной политики. Остальные аспекты государственного управления передавались провинциям, которые, кроме прочего, были вправе установить свою религию, пользоваться своим языком и могли формировать местные органы управления

² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 495. Оп. 154. Д. 227. Л. 202.

³ Там же. Оп. 68. Д. 179. Л. 10.

из национальных меньшинств. Программа отводила «Сандживал Дал» роль единственной политической организации страны, внутри которой должны были быть сформированы отдельные партии крестьян, рабочих и служащих, «которые будут проводить работу согласно доле каждой партии по указаниям» «Сандживал Дал»⁴. Вместе с этим гадаровцы обещали жителям Индии ряд социальных гарантий, в частности, бесплатные медицину и образование⁵.

Приведенные выше документы свидетельствуют, что гадаровцы оказались восприимчивы к новой для них идеологии (как минимум, успешно усвоили ряд нужных терминов). Однако фактически они продолжали оставаться во власти своих старых идей. В первый период существования партии (1913–1922 гг.) единственным средством достижения независимости своей страны члены «Гадар» считали организацию восстания в англо-индийской армии. Именно это, несмотря на провал нескольких таких попыток, совершенных в 1915 г., в 1924–1925 гг. являлось основной целью «Сандживал Дал».

Так, летом 1924 г. Удхам Сингх Касель докладывал Коминтерну как о наиболее крупном достижении своей организации, что гадаровцы в Индии вели работу в около 40 различных полках, расквартированных в Пенджабе и Северо-Западной пограничной провинции [4]. Кроме этого, представитель «Сандживал Дал» привез в Москву список требований всего необходимого для начала вооруженного восстания в Индии. Данный перечень включал денежные средства в размере более 200 тысяч рупий, около 500 военных экспертов и инженеров для успешного ведения революции и около 50 тысяч солдат. Сикхи просили предоставить им к началу революции «полную военную амуницию для примерно 500 тысяч [бойцов] акали»⁶ и еще 10 тысяч револьверов в самое ближайшее время [4].

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 179. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Здесь гадаровцы имели в виду членов «Бабар акали» – боевое крыло сикхской организации «Акали Дал», выступившей против колониального господства британцев в Индии. Еще в США Санток Сингх вступил в переписку с лидерами «Бабар акали», и они заверили руководителя гадаровцев в готовности сражаться вместе с ними за свободу их родины [2, р. 219].

Важно отметить, что требования о предоставлении оружия сикхи начали предъявлять Коминтерну еще с 1923 г., что вызывало у деятелей последнего большое раздражение. Судя по отчетам о связях партии «Гадар» с КИ, коминтерновцы старались убедить новых союзников «на ближайший период... отказаться от идеи немедленного вооруженного выступления и перейти к организации политического массового движения», однако, гадаровцы «очень слабо реагировали на все... разговоры»⁷. В свою очередь, члены «Сандживал Дал» и афганского центра партии «Гадар», не получая желаемого от Коминтерна, начали всячески уклоняться от просьб, исходивших из Москвы. Немного позднее, когда гадаровцы смогли перестроить свою деятельность на новых началах, отношения относительно нормализовались, хотя этот период взаимного непонимания наложил тяжелый отпечаток на дальнейшее сотрудничество партии «Гадар» и Коминтерна.

Последнее упоминание о «Сандживал Дал» встречается в ноябре 1926 г., когда представители центрального штаба партии «Гадар» в США Санта Сингх и Притам Сингх предоставили в Крестинтерн отчет о деятельности своей организации в разных странах, в который входила информация и о работе индийского штаба партии. На тот момент число ее членов составляло 1000 человек, «из которых 500 являются «дже-тедар» – руководителями групп – в «Акали Дал», число членов которой достигает 300 тысяч»⁸. «Сандживал Дал» вела активную пропаганду как за увеличение количества своих членов, так и за освобождение политических заключенных. Кроме этого, организация продолжала вести пропаганду в индийских войсках и занималась издательской деятельностью⁹.

Однако к моменту предоставления доклада Притам Сингха и Санты Сингха Крестинтерну в индийском центре «Гадар» уже произошли существенные изменения. В конце 1925 г. свободу получил Санток Сингх Дардео. Первым делом он отправился в Амритсар, где включился в работу «Сандживал Дал» и стал корректировать деятельность своих товарищей. Главным делом Сантока Сингха Дардео стало учреждение марксист-

⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 191. Л. 2а-3.

⁸ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 66. Л. 65об.

⁹ Там же. Л. 66.

ского печатного органа – ежемесячника «Кирти» («Рабочий»), первый номер которого вышел в феврале 1926 г. Впоследствии члены индийского центра «Гадар» вспоминали, что эта газета оказала большое влияние на гадаровское движение в Индии и способствовала появлению в Пенджабе в 1926 г. рабоче-крестьянской партии, а сам Санток Сингх «был первым, кто начал руководить движением в духе марксизма-ленинизма»¹⁰.

В 1926–1927 гг. гадаровцы переключились на активную пропаганду среди крестьян, рабочих и студенчества. Первая крупная конференция их организации (которую к этому времени стали называть партия «Кирти») прошла в Хошиарпуре 6–7 октября 1927 г. под председательством Сохан Сингха Джоша. На этом мероприятии был принят ряд решений, среди которых одним из самых важных являлось принятие резолюции «об объединении всех крестьян и рабочих в единую организацию и начала общей борьбы за «хлеб» (то есть выдвижение экономических требований правительству)»¹¹. Разумеется, главной объединяющей силой должна была стать партия «Кирти».

Видимо, первая конференция «Кирти» оценивалась руководством партии как весьма успешная, и свои публичные мероприятия гадаровцы стали проводить регулярно в разных городах Пенджаба. Ближайшая конференция прошла уже 17 октября 1927 г. в Лалпуре [5, р. 238]. Однако официальной датой создания «Кирти किसान сабха» стало 12 апреля 1928 г. Тогда на площади Джаллианвала Багх в Амритсаре С.С. Джошем и Бхагом Сингхом Канадским было проведено совещание, на котором присутствовало более 60 человек из разных уголков Пенджаба. В номере «Кирти» от мая 1928 г. содержалась посвященная данному собранию заметка, согласно которой главными его достижениями стало учреждение «Кирти किसान сабха» («Рабоче-крестьянской партии»), а также избрание руководящего комитета, который возглавлял С.С. Джош в качестве генерального секретаря [6, р. 287].

Позднее был составлен устав обновленной партии. Руководство «Кирти किसान сабха» разделялось на две части – Генеральный комитет и Исполнительный комитет. Гене-

ральный комитет состоял из девяти человек, среди которых были председатель, генеральный секретарь и казначей¹². Исполком состоял из пяти членов. Оба органа переизбирались раз в год.

Большое место в уставе уделялось задачам организации, среди которых были следующие.

«1. Организовать всеми возможными средствами рабочих и крестьян мира.

2. Стремиться свергнуть империализм, то есть капитализм во всем мире и, в частности, в Индии, и вести борьбу за улучшение положения рабочих и крестьян.

3. Вести агитацию за социализм... Воспитывать в молодежи свободный дух и бороться против религиозных предрассудков.

4. Предпринимать необходимые шаги против каждого... [кто] вредит партии, возбуждая религиозные антагонизмы.

5. Уничтожить все привилегии... дарованные кому бы то ни было на основе кастового или религиозного признака.

6. Наделить рабочих и крестьян землями... после национализации их.

7. Установить 8-часовой рабочий день и одинаковую оплату мужского и женского труда»¹³.

Стать членом партии мог любой человек, независимо от касты и религии, кто верит в социализм, готов платить членский взнос в размере 1 шиллинга в месяц (с безработных плата не взималась), всячески поддерживать печатный орган партии и обходить стороной религиозные споры¹⁴.

Данный устав позднее был предоставлен Коминтерну. Он характеризует «Кирти किसान сабха» крайне обобщенно. Тем не менее документ демонстрирует определенные отличия реорганизованной партии от своей предшественницы «Сандживал Дал». Во-первых, в данном уставе исчезают упоминания об агитации в армии как отдельной важной форме работы, а во-вторых, главной целью партии четко провозглашается освобождение страны не только от британских колонизаторов, но и от капиталистов в целом, а также установление в Индии социалистического государства.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 57а. Л. 74.

¹¹ Там же. Оп. 68. Д. 206. Л. 4.

¹² Там же. Оп. 68а. Д. 24. Л. 12-13.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ Там же.

Важно отметить, что в этом отношении «Кирти кисан сабха» идеологически заметно отходила от партии «Гадар». В связи с этим в Коминтерне два этих формирования чаще всего рассматривались как разные организации, хотя и тесно сотрудничавшие между собой. Однако британская разведка на протяжении всей истории партии «Кирти кисан» предпочитала воспринимать ее как индийский центр партии «Гадар» и неотъемлемую часть этой организации индийских эмигрантов. Сами гадаровцы не проводили строгого разграничения ни между «Кирти» и «Гадар», ни между членами этих партий.

Итак, формирование индийского центра партии «Гадар» было длительным процессом. Главная сложность заключалась в том, что, согласно договоренностям с Коминтерном, созданная организация должна была иметь прокоммунистическую ориентацию. Гадаровцы же, используя марксистскую терминологию, по сути, с большим трудом отходили от своих старых идей, что вызывало напряжение в отношениях между ними и коминтерновцами. Постепенно сикхи научились работать на новых идеологических основаниях, что привело к реорганизации «Сандживал Дал» и оформлению «Кирти кисан сабха». Данная организация действовала на протяжении многих лет, тесно сотрудничала с Коминтерном и являлась важным цен-

тром коммунистической активности в Пенджабе.

Список литературы

1. *Josh B.* Communist Movement in Punjab (1926–47). Lahore: Book Traders, 1979. 224 p.
2. *Josh S.S.* Hindustan Gadar Party: a Short History. New Delhi: People's Publishing House, 1978. Vol. 2. 355 p.
3. *Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М.* Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. М.: Наука, 1978. 336 с.
4. *Singh V.* Bhai Uddham Singh's Letter to the Russian Socialist Federative Soviet Republic, July 1924 // *Revolutionary Democracy*. 2001. Vol. 7. No. 2. URL: <http://www.revolutionarydemocracy.org/rdv7n2/busingh.htm> (accessed 22.08.2017).
5. *Singh B.* The Anti-British Movement from Gadar Lehar to Kirti Kisan Lehar: 1913–1939: a Thesis ... of Doctor of Philosophy in History. Patiala: Punjabi University, 2011. 308 p.
6. Documents of the History of the Communist Party of India. 1928. Vol. 3-C / preface by D. Bose. New Delhi: People's Publishing House, 1982. 817 p.

Поступила в редакцию 18.09.2017 г.

Отрецензирована 27.10.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Жирова Надежда Сергеевна, соискатель, кафедра отечественной и всеобщей истории. Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация. E-mail: nadezdaip@yandex.ru

Для цитирования

Жирова Н.С. Создание индийского центра партии «Гадар» (1923–1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 161–166. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-161-166.

THE ESTABLISHMENT OF “GADAR” PARTY HINDUSTAN CENTRE (1923–1928)

Nadezhda Sergeevna ZHIROVA

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russian Federation
E-mail: nadezdalip@yandex.ru

Abstract. The insufficiently explored page in the history of the Hindustan “Gadar” Party is discussed, namely the process of creation of its center in India. The difficulties are marked that were faced by the members of the party in the way of solving the problem: the need to create a pro-communist organization by nationalists, and the factual absence of manpower for this case. The main features of the first attempts at organization the headquarter in India (“Sanjhiwal Dal”) are reviewed: structure of the party, its aims, vision for the future of the country, directions of activities. The complicated relations of Sikhs with the Comintern in 1923–1925, that suffered because of the reluctance of nationalists to abandon the old, failed in the past, methods of struggle, main of which was the attempt to organize a rebellion in the Anglo-Indian army are characterized. It is showed the gradual transition of gadarits on the new ideological base, the beginning of their agitate activities among peasants, workers and students, and the role of Santokh Singh Dhardeo, the general secretary of the “Gadar” Party, in this process. This transition had led to the reorganization of the “Sanjhiwal Dal” and the establishment of the “Kirti Kisan Sabha”. The main features of the new party, differences between it and its predecessor, as well as its position relative to the central organization – the “Gadar” Party are analyzed.

Keywords: “Gadar” Party; “Sanjhiwal Dal”; “Kirti Kisan Sabha”; Comintern; communist movement in India

References

1. Josh B. *Communist Movement in Punjab (1926–47)*. Lahore, Book Traders Publ., 1979, 224 p.
2. Josh S.S. *Hindustan Gadar Party: a Short History*. New Delhi, People’s Publishing House, 1978, vol. 2, 355 p.
3. Devyatkina T.F., Egorova M.N., Melnikov A.M. *Zarozhdenie kommunisticheskogo dvizheniya v Indii: Ocherki istorii* [The Emergence of the Communist Movement in India: History Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 336 p. (In Russian).
4. Singh V. Bhai Udham Singh’s Letter to the Russian Socialist Federative Soviet Republic, July 1924. *Revolutionary Democracy*, 2001, vol. 7, no. 2. Available at: <http://www.revolutionarydemocracy.org/rdv7n2/busingh.htm> (accessed 22.08.2017).
5. Singh B. *The Anti-British Movement from Gadar Lehar to Kirti Kisan Lehar: 1913–1939: Dr. hist. sci. diss.* Patiala, Punjabi University Publ., 2011, 308 p.
6. Bose D. (preface). *Documents of the History of the Communist Party of India. 1928. Vol. 3-C*. New Delhi, People’s Publishing House, 1982, 817 p.

Received 18 September 2017

Reviewed 27 October 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Zhirova Nadezhda Sergeevna, Applicant, National and General History Department. Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation. E-mail: nadezdalip@yandex.ru

For citation

Zhirova N.S. Sozdanie indiyskogo tsentra partii «Gadar» (1923–1928 gg.) [The establishment of “Gadar” Party Hindustan Centre (1923–1928)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 161–166. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-161-166. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УДК 94(6)

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-167-184

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БРИТАНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИКУ АФРИКАНСКИХ СТРАН К ЮГУ ОТ САХАРЫ В 1960–1980-е гг. В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

© Ольга Сергеевна КУЛЬКОВА

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: kulkova-olga@yandex.ru

Аннотация. Исследована проблема внешнего вмешательства западных держав в дела стран третьего мира в целом и африканских стран в частности, которая имеет давние исторические корни и сохраняет свою актуальность в настоящее время. Изучена проблематика внешнего вмешательства Великобритании в дела африканских стран на протяжении 1960–1980-х гг. и отражения этих событий в зеркале современной зарубежной историографии. Проанализированы современные исторические исследования (книги и статьи) зарубежных ученых (не только британских, но и американских, африканских и др.), посвященные общим и частным вопросам таких вмешательств. Проанализированы попытки западных и незападных авторов если не классифицировать, то хотя бы систематизировать информацию о всех случаях такого британского вмешательства. Также представлен анализ британского вмешательства в частных и конкретных случаях (кейсах), рассмотрены прямое военное участие Великобритании в подавлении вооруженных мятежей 1964 г. в вооруженных силах трех на тот момент недавно обретших независимость африканских стран – Кении, Уганде и Танзании, поддержка лейбористским правительством Г. Вильсона (1964–1970 гг.) центрального правительства Нигерии в ходе гражданской войны 1967–1970 гг. в этой стране, а также менее значимое вмешательство Великобритании в события, связанные с борьбой Португалии против национально-освободительного движения в ее африканских колониях, в частности, Анголе. Показано, что логика британского вмешательства в дела африканских стран во многом определялась не только перипетиями истории «холодной войны», но и собственно британской внутривосточной динамикой, стремлением сохранить свое влияние в бывших колониях после деколонизации, повлиять на политику других колониальных держав на континенте, а также интересами британской экономики и британского бизнеса.

Ключевые слова: Великобритания; вмешательство; третий мир; «холодная война»; внешняя политика; колонии; деколонизация; борьба за независимость

Проблема внешнего вмешательства западных держав в дела стран третьего мира в целом и африканских стран в частности имеет давние исторические корни, однако, сохраняет свою актуальность и поныне. Во все времена такое вмешательство не обязательно должно было носить вооруженный характер и выражаться в свержении или, наоборот, спасении режимов, а могло носить и более завуалированный характер – проявляться в политическом давлении, применении мер экономического принуждения, информационно-пропагандистских кампаниях в СМИ и других формах.

Проблема внешнего вмешательства в политику африканских стран является объектом внимания многих современных исследований, посвященных истории «холодной

войны» применительно к странам третьего мира. В ряде трудов обсуждается вопрос о том, как квалифицировать «вмешательство», в чем оно может выражаться, какими методами осуществляться и к каким последствиям приводить. К числу наиболее значимых работ последнего времени, посвященных проблеме вмешательства западных стран в дела африканских государств, следует отнести получившее широкое международное признание исследование руководителя Центра по исследованиям «холодной войны» при Лондонской школе экономики О.А. Вестада «Глобальная «холодная война». Интервенции в третьем мире и сотворение нашего времени» (2006) [1], фундаментальный труд «Кембриджская история «холодной войны»» в трех томах под редакцией М.П. Леффлера (2010) [2] и все того же О.А. Вестада, а также книгу одного из ведущих африканистов США, профессора истории из Университета

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-01-00363.

Лойолы в Мэриленде Э. Шмидт «Иностранное вмешательство в Африке: от «холодной войны» к войне с терроризмом» (2013) [3]. Эти работы представляются наиболее значимыми из современных исследований проблематики внешнего вмешательства в дела стран третьего мира, поскольку они обладают широким охватом как в плане проблемном, так и плане хронологическом, они создают важное общее представление о проблематике. Эти работы важны в плане методологии и общего анализа проблематики.

Другая группа авторов сосредоточивается на более частных случаях и примерах вмешательств, ограниченных географически или во временной протяженности, а также на вмешательстве со стороны определенных внешних игроков. Такие исследователи уделяют больше внимания именно деталям событий в той или иной стране и регионе.

Мы опирались на вторую группу исследований, поскольку рассматривали вмешательство лишь в одном регионе – в Африке, и лишь со стороны одного внешнего игрока – Великобритании.

На материалах новых зарубежных публикаций, вышедших в свет в XXI веке, нами рассмотрены различные аспекты вмешательства в политику африканских стран к югу от Сахары в 1960–1980-е гг. одного из наиболее влиятельных государств Запада – Великобритании. Это те аспекты проблемы, которые не получили достаточного освещения в отечественной литературе. Тема раскрывается путем сравнительного анализа фактов и выводов зарубежных авторов, опирающихся в том числе на недавно рассекреченные архивные документы, сопоставления их с историческим контекстом событий, выписанным отечественными авторами.

В нашем исследовании использовано понимание внешнего иностранного вмешательства, данное американской исследовательницей Э. Шмидт в ее вышеупомянутой работе: «Внешнее вмешательство имеет место, когда доминирующая страна использует силу или давление с тем, чтобы вмешаться в дела более слабого суверенного субъекта и осуществить свою власть над ним. Во многих случаях, когда политическое давление не приносит результатов, применяется сила. Вмешательство <...> имеет негативные коннотации, когда сильные страны вмешиваются с целью

покорить, колонизировать, свергнуть правительства, привести к власти новые, или расхищать ресурсы» [3, р. 2-3]. Э. Шмидт также указывает на то, что границы между внешним вовлечением и вмешательством могут быть размытыми и что экономическое взаимодействие африканских стран с внешними силами иногда предшествовало вмешательству с их стороны. Определение Э. Шмидт перекликается с трактовкой вмешательства О.А. Вестадом, толкуемым как «любое скоординированное и осуществляемое под руководством правительства усилие одной страны определять политическое направление другой страны» [1, р. 3].

* * *

1960–1980-е гг. – это период, когда распад британской колониальной империи в Африке к югу от Сахары вступил в решающую фазу. Одна за другой обретали независимость такие британские колонии, как Золотой Берег (Гана, 1957), Британский Камерун (Камерун, 1960, был поделен между Британией и Францией с 1922 г.), Нигерия (1960), Сомали (1960, часть страны была колонией Великобритании, часть – Италии), Сьерра-Леоне (1961), Танганьика (1961), Уганда (1962), Кения (1963), Занзибар (1964, в этом году Танганьика и Занзибар образовали Объединенную Республику Танзания), Замбия (1964), Ньясаленд (Малави, 1964), Гамбия (1965), Протекторат Бечуаналенд (Ботсвана, 1966), Басутоленд (Лесото, 1966), Маврикий (1968), Свазиленд (1968), Сейшельские острова (1976), Зимбабве (1980).

С одной стороны, борьба с колониализмом и, в частности, с таким его вопиющим проявлением, как режим апартеида в ЮАР, вышла на новый уровень, а это означало и усиление негативного отношения недавно обретших независимость стран Черной Африки к Великобритании как основному спонсору этого режима, а также другим режимам белого меньшинства на юге Африки. С другой стороны, в 1960-е гг. между бывшей метрополией и бывшими колониями сохранялись достаточно тесные политические, экономические, военные и иные связи, создававшие благоприятную почву для внешнего воздействия и вмешательства в их дела со стороны Великобритании. Следующее же

десятилетие характеризуется постепенным увеличением политической дистанции между Великобританией и ее бывшими колониями.

Британским премьер-министром с 1957 по 1963 г. был консерватор Г. Макмиллан. В 1960 г. он отправился с официальным визитом в Африку, где посетил Гану, Нигерию и Родезию. В Гане он произнес свою знаменитую речь о «ветре перемен» в Африке. Чуть позже Г. Макмиллан повторил эти слова в своем выступлении 3 февраля 1960 г. в южноафриканском парламенте, и на этот раз его речь получила значительно более широкое освещение в прессе: «Над континентом веет ветер перемен. Рост национального самосознания – политический факт, нравится он нам или нет... Это значит, что мы должны с ним примириться. По моему искреннему убеждению, если нам это не удастся, мы можем поставить под удар хрупкое равновесие между Востоком и Западом, от которого зависит мир во всем мире...» [4].

В начале 1960-х гг. многие африканские колонии получили независимость. Однако есть свидетельства того, что Великобритания достаточно долго не могла расстаться с имперской идеей и лишь вынужденно шла на уступки национально-освободительным движениям в африканских странах, пытаясь сохранить свое влияние в бывших колониях в иных формах и зачастую тайно вмешиваясь в динамику их внутривнутриполитического развития.

Разные западные исследователи предлагают различные перечни случаев британского вмешательства, расходясь и в оценках числа подобных примеров, и в интерпретации их причин, характера и последствий. Вместе с тем, если подходить критически, следует отметить, что предложить сколь-нибудь четкую классификацию, основанную на тех или иных принципах или отличительных чертах вмешательства, ни одному из рассматриваемых ниже авторов не удалось. Вместе с тем интересно сравнить их подходы, дополняющие друг друга.

Достаточно подробная характеристика случаев британского военного вмешательства в дела стран Африки к югу от Сахары (АЮС) в эпоху, когда многие из этих стран начали движение к независимости, предложена в книге французского исследователя А. Руве [5, р. 255-256]. Он выделяет следующие

типы британских военных операций в АЮС в интересующий нас период:

– *британские действия непосредственно до или сразу после обретения независимости африканскими странами (например, военные мятежи в странах Восточной Африки – Кении, Уганде и Танзании, так называемые “East African mutinies” в 1964 г.);*

– *попытка наложить санкции на Южную Родезию после одностороннего провозглашения ею независимости (Unilateral Declaration of Independence, UDI) в 1965 г.* Британия предприняла ряд усилий по вмешательству в ситуацию (например, британские военные корабли осуществляли патрулирование порта Бейра – так называемый “Beira Patrol” 1966–1975 гг.), дабы показать недовольство самопровозглашенным правительством Южной Родезии, но никаких серьезных военных шагов сделано не было. Кроме того, были приняты меры, нацеленные на то, чтобы снизить негативное воздействие санкций на соседние страны (например, оказание поддержки Замбии со стороны британских военно-воздушных сил, ограниченная поддержка Ботсваны);

– *прямое военное вмешательство или оказание военной помощи в англофонных странах Африки к югу от Сахары.* А. Руве отмечал: «Прямого вмешательства практически не было, или оно было сокращено до абсолютного минимума». К таким «исключительным» случаям относятся гражданская война в Нигерии 1967–1970 гг., в которой Британия поддержала федеральное правительство, Уганда (1980–1983 гг.), Ботсвана (1986–88 гг.). Упоминает исследователь также предотвращение военного переворота в Гамбии в 1981 г. и беспорядки на Сейшелах в 1981 г.

Сейшельские острова официально стали британским владением с 1814 г. В 1976 г. была провозглашена государственная независимость Республики Сейшельские острова. После того, как от власти в результате переворота 1977 г. был отстранен пробритански настроенный президент Д. Мэнчем, и к власти пришел социалистически ориентированный Ф.-А. Рене, в стране произошли значительные изменения, не понравившиеся Великобритании и Западу в целом. Британские чиновники, работавшие в аппарате прежнего президента Д. Мэнчема, были высланы из

страны, кроме того, были национализированы земли плантаторов и крупные компании, созданы государственные корпорации. Свергнутый президент Д. Мэнчем создал в Лондоне Сейшельское движение сопротивления, которое наладило тесные контакты со спецслужбами США и ЮАР. Д. Мэнчем и его сторонники два раза – в 1978 и 1979 гг. – безуспешно пытались совершить государственный переворот на Сейшелах. Сейшельский президент предпочитал до конца не портить отношения с Западом, однако, политические круги США, Великобритании и Франции все же надеялись добиться смены режима на Сейшельских островах и для этого прибегали к различным методам воздействия². Так, осенью 1979 г. на деньги иностранных бизнесменов оппозиция организовала массовые беспорядки в столице страны. В 1981 г. на Сейшельских островах была пресечена очередная попытка переворота – на этот раз с помощью иностранных наемников, которыми командовал 61-летний М. Хоар – бывший майор британской армии, участник Второй мировой войны, затем ставший профессиональным наемником и воевавший в Конго, а позже обосновавшийся в ЮАР. План переворота на Сейшелах разрабатывала южноафриканская военная разведка. В 1982, 1986 и 1987 гг. также имели место попытки свержения президента Сейшел, не увенчавшиеся успехом.

Осуществлялась военная поддержка «прифронтовых государств» (стран, окружавших ЮАР и нацеленных на борьбу с апартеидом, так называемых “Front Line States”) в виде программ военного содействия и помощи развитию (Зимбабве – с 1980 г., Мозамбику, Ботсване, Замбии – после 1986 г. Интересно, что президент Мозамбика С. Машел сам обратился к М. Тэтчер за военным содействием, и она согласилась его предоставить: в 1986 г. в страну была направлена британская команда инструкторов по подготовке вооруженных сил (BMATT, British Military Assistance Training Team)). Задачей британских инструкторов была подготовка отрядов Фронта освобождения Мозамбика

(ФРЕЛИМО) в его борьбе с антикоммунистическим движением Мозамбикского национального сопротивления (РЕНАМО). Последнее, в свою очередь, получало поддержку от режима апартеида в ЮАР. Ирония заключалась в том, что стратегия М. Тэтчер на юге Африки включала в себя и поддержку ФРЕЛИМО, и всемерную поддержку режима в ЮАР, который помогал РЕНАМО – противнику ФРЕЛИМО. «На одном уровне это могло рассматриваться как попытка Британии поддержать свой имидж в то время, когда режим апартеида падет. Британии лучше было бы оказать давление на ЮАР с тем, чтобы она отказалась от поддержки РЕНАМО» – отмечает британский историк Г. Арнольд [6, р. 720]. Известный британский исследователь, директор Королевского африканского общества Р. Дауден отмечал, что к середине 1980-х гг. М. Тэтчер рисковала сделать Британию последним сторонником режима апартеида в ЮАР [7, р. 141-142]. Постепенно она пришла к пониманию, что необходимо в чем-то менять свою политику в отношении событий на юге Африки. Великобритания не могла предотвратить атаки ЮАР против ее соседей, не могла использовать свою вооруженную мощь, чтобы защитить эти страны, хотя некоторые из них и были бывшими британскими колониями и членами Британского Содружества. Однако равно не могла она и оставить их «на растерзание» ЮАР. Поэтому Британия, продолжая противостоять международному давлению с целью ввести санкции против ЮАР, решила поддержать «прифронтовые государства», особенно Зимбабве, а также Мозамбик, Ботсвану и Замбию.

В классификации, предложенной А. Руве, нет четкого принципа типологизации. Отчасти он использует хронологический, отчасти – «географический» принцип, что вносит некую неясность. Его классификация носит прагматичный характер, подходящий под задачи его исследования, но не обладает методологической проработанностью и требует развития.

Британский историк У. Подмор в своей книге «Британская внешняя политика с 1870 г.» (2008) [8, р. 151] дает несколько иное, более подробное описание случаев британского вмешательства в африканские дела в рассматриваемый период. Он указывает, что до 1968 г. Великобритания все еще обладала

² Сейшелы: независимость, военные мятежи и советский флот // Военное обозрение. 2016. 29 июня. URL: <https://topwar.ru/97326-seyshely-nezavisimost-voennye-myatezhi-i-sovetskiy-flot.html> (дата обращения: 01.09.2017).

глобальными возможностями осуществления военного вмешательства, а также что с 1948 по 1968 г., если не брать в расчет Корею и Вьетнам, британские правительства отправили в Африку, Азию и на Ближний Восток больше военных, чем США [8, p. 152].

У. Подмор выделяет следующие случаи британского вмешательства:

– *оказание поддержки в различных формах режиму апартеида в ЮАР.* По состоянию на 1962 г. доля британских инвестиций от общего объема иностранных инвестиций в ЮАР составляла 60 %. В ноябре 1962 г. ООН призвала к санкциям против ЮАР, однако, британское и американское правительства воспротивились этому, в ноябре 1963 г. Великобритания, США и еще четыре страны выступили против введения нефтяного эмбарго против ЮАР. Кроме того, британское правительство последовательно нарушало эмбарго на поставку вооружений ЮАР: в 1960-х гг. британские компании поставили вооруженным силам ЮАР военного оборудования на сумму 199 млн фунтов стерлингов, которое южноафриканская армия использовала, в том числе для подавления протестов черного большинства;

– *отказ от препятствования одностороннему провозглашению независимости Южной Родезией.* Великобритания наложила вето на резолюцию Совета Безопасности ООН (СБ ООН) по Южной Родезии, главным требованием которой было «никакой независимости до создания правительства большинства», отказалась пригрозить режиму Я. Смиа военным вмешательством в случае провозглашения независимости страны. Кроме того, британские нефтяные компании “Shell” и “British Petroleum” нарушали нефтяное эмбарго, введенное против Родезии, поставляя ей свыше половины импортируемой нефти в период с 1965 по 1979 г. (причем делалось это с ведома британского правительства, как показало правительственное расследование 1978 г.) [9; 10]. Тем самым подрывалась эффективность санкций, наложенных на Родезию ООН, что позволило стране оставаться под властью правительства белого меньшинства вплоть до 1980 г.;

– *вовлечение в кризис в Конго в форме оказания поддержки силам сепаратистского движения М. Чомбе, выступившим против П. Лумумбы.* В 1964 г. британское прави-

тельство разрешило М. Чомбе использовать свое владение, остров Вознесения в Атлантическом океане, для осуществления воздушных рейдов над Конго, также бывшие британские военнослужащие отправлялись в Конго в качестве наемников. В книге британского историка Г. Арнольда «Наемники: бич развивающегося мира» (1999) давалась следующая информация: британский депутат-лейборист Ф. Ноэль-Бейкер подсчитал, что британская компания “Tanganyika Concessions” (TANKS) и бельгийская “Union Minière” совместно выплатили правительству провинции Катанга под руководством М. Чомбе в период 1960–1961 гг. около 15 млн фунтов стерлингов [11, p. 4]. Эти деньги пошли в том числе и на оплату наемников, и на закупку иностранных вооружений. Г. Арнольд пишет, что этот парламентарий «полагал, что Британия перенаправила те деньги, которые должны были поступить центральному правительству Конго, Чомбе, с тем, чтобы содействовать его сепаратизму» [11, p. 5];

– *оказание поддержки португальской империи в Африке.* Великобритания – очень давний союзник Португалии. Половина иностранных инвестиций в эту империю принадлежала англичанам [8, p. 160]. До начала Второй мировой войны Португалия на протяжении десятков лет была постоянным должником Англии, а в 1940 г. стала ее кредитором. В начале 1945 г. А. ди Салазар предоставил новые концессии в Португалии и ее колониях Англии и США, а те сделали большие заказы португальской текстильной промышленности, что дало ей доступ к импортным сырью и топливу [12]. В июне 1946 г. А. ди Салазар предоставил Англии и США на неопределенный срок базы на Азорских островах. А. ди Салазар проводил курс на сближение с Англией, сумевшей сохранить свои позиции в экономике Португалии. Правительство Г. Макмиллана также поставляло вооружения режиму А. ди Салазара, который использовал их для ведения войны против народов Гвинеи-Бисау, Анголы и Мозамбика. У власти А. ди Салазар был до 1968 г., затем премьер-министром стал М. Каэтану, а в апреле 1974 г. произошел бескровный переворот левого толка – так называемая «революция гвоздик», в результате которой было установлено переходное военное правление. Следует отметить, что после апрельской

революции позиция британского правительства во главе с Г. Вильсоном заключалась в том, чтобы содействовать скорейшей независимости португальских колоний. Особенно Англию волновала судьба Мозамбика – если бы он обрел независимость, то было бы удобнее решать родезийскую проблему, очень трудную для Британии [13, р. 234]. В сентябре 1973 г. португальская колония Гвинея-Бисау провозгласила независимость. Позиция Великобритании в отношении этого события была весьма «тонкой». С одной стороны, как «старейший союзник Португалии», Великобритания воспринималась в Лиссабоне традиционно как ключевой источник дипломатической поддержки при трудностях в Африке. Однако отношения двух стран ухудшились, когда правительство белого меньшинства в Родезии в одностороннем порядке провозгласило независимость [от Великобритании] в 1965 г., а Португалия стала оказывать ей поддержку через принадлежащий ей Мозамбик [14, р. 6].

В целом после «революции гвоздик» отношения Британии и Португалии заметно улучшились. Лейбористы поддерживали процесс политических перемен в Лиссабоне, в частности, Социалистическую партию, а к предыдущему режиму А. ди Салазара, с которым правительство Э. Хита выстраивало рабочие отношения, относились негативно – в частности, протестовали против визита португальского премьер-министра М. Каэтану, преемника А. ди Салазара, в Лондон в 1973 г. Министр иностранных дел Дж. Каллаган, будущий британский премьер-министр с 1976 г., посетил Лиссабон в феврале 1975 г. Португальская колониальная империя перестала существовать только в 1975 г. вследствие установления в метрополии демократического режима. Далее началась период политической турбулентности. В 1976 г. были проведены первые парламентские выборы, на которых убедительную победу одержала Португальская социалистическая партия.

Вернемся к списку случаев британского вмешательства в дела третьих стран, предложенному У. Подмором:

– *причастность к перевороту, организованному ЦРУ, в Гане* в феврале 1966 г., который привел к свержению президента К. Нкрумы. Переворот осуществили предста-

вители армии во главе с офицерами, получившими британскую подготовку и пробритански настроенными. Следует отметить, что британская разведка МИ-5 отслеживала деятельность К. Нкрумы еще с тех пор, как он жил в Англии, и не переставала собирать информацию о всех его действиях и после того, как колония Золотой Берег обрела независимость, а сам К. Нкрума пришел к власти в независимой Гане [15, с. 393-425]. Сам К. Нкрума в своей книге «Черные дни Ганы» писал, что переворот был подготовлен ЦРУ совместно с разведслужбами Великобритании и ФРГ при непосредственном участии посла США в Аккре [16, с. 300]. Правительство, пришедшее к власти после переворота, четко переориентировалось на развитие отношений с Западом, разорвало практически все связи с Советским Союзом, были высланы советские и китайские технические специалисты;

– *совместное с Израилем оказание в 1969 г. поддержки сецессионистскому движению Анья-Нья в Судане;*

– *участие британских Вооруженных сил (ВС) в подавлении народных восстаний в Камеруне в 1960–1962 гг., на Занзибаре в 1961 г. и в 1963–1964 гг., в Кении, Уганде и Танганьике в 1964 г., в Свазиленде в 1963 г., на Маврикии в 1965–1966 и 1968 гг.* [8, р. 160].

Что касается 1970-х гг., то, как указывает У. Подмор, в это десятилетие «британские лидеры противостояли демократии и развитию с опорой на собственные силы на всех континентах, особенно в Африке, где их огромные владения позволяли им играть ключевую роль» [8, р. 169]. В 1960-х гг. в фокус интересов британского правительства попала ЮАР. Британские инвестиции в страну постоянно увеличивались: если в 1962 г. британские компании инвестировали в ЮАР 900 млн фунтов стерлингов, то в 1970 г. – 1,98 млрд фунтов стерлингов, а в 1978 г. – уже 6 млрд фунтов стерлингов [8, р. 181]. Сменявшие друг друга британские правительства поддерживали режим апартеида, созданный белым меньшинством ЮАР, что вызывало практическое всеобщее осуждение и противодействие, особенно со стороны стран Британского Содружества. Великобритания нарушала санкции, введенные ООН и запрещавшие поставку нефти и вооружений режиму апартеида. В октябре 1974 г. Вели-

кобритания, Франция и США наложили вето на резолюцию СБ ООН, предлагавшую исключить ЮАР из ООН. В октябре 1977 г. они наложили вето на резолюции, призывавшие прекратить сотрудничество с ЮАР в области атомной энергетики и ввести эмбарго на торговлю с режимом апартеида. Великобритания стремилась отвести от ЮАР критику за ее незаконные атаки на Замбию, Ботсвану и Намибию. В 1960 г. ООН формально отозвал мандат ЮАР на Намибию. В 1971 г. Международный суд ООН постановил, что ЮАР должна остановить свою незаконную оккупацию этой страны. В 1974 г. ООН также признало эту оккупацию и сотрудничество с оккупационными силами незаконными [8, p. 182-183].

Профессор Э. Шмидт в своей уже упоминавшейся ранее книге дополняет список случаев британского вмешательства на Африканском континенте, указывая, что Британия и Израиль оказывали поддержку диктаторскому режиму И. Амина в Уганде, который пришел к власти в результате переворота 1971 г. [3, p. 32].

В целом, как и отмечалось ранее, А. Руве, У. Пэдмор, Э. Шмидт также пошли по пути описания конкретных случаев вмешательства Великобритании в дела стран третьего мира и африканских в частности. Попытки прийти к неким обобщениям, а тем более классификациям оказались неудачными. Видимо, это происходило потому, что каждый случай вмешательства носил уникальный характер. Британские методы вмешательства могли быть сходными, но местная специфика каждой страны-объекта вмешательства была слишком разной.

В силу этого далее нами предпринята попытка показать на конкретных кейсах особенности британского вмешательства, как они анализируются в современной исторической литературе. Это даст более полное понимание вероятных механизмов такого вмешательства, варьирующегося от случая к случаю.

Рассмотрим теперь некоторые из изученных в историографии эпизодов вмешательства Великобритании в дела африканских стран несколько подробнее, чтобы квалифицировать степень и характер британского участия в событиях. Они выбраны отчасти по хронологическому принципу – в стремлении

показать, как менялся характер и степень британского вмешательства с течением времени после обретения независимости (в случае ее бывших колоний, первые два кейса), а также взаимосвязь интенсивности вмешательства с тем, находилась ли страна – объект вмешательства в сфере британского влияния или нет (пример Анголы, где вмешательство было намного более точечным и ограниченным, нежели в первых двух кейсах).

В качестве первого примера можно взять прямое военное участие Великобритании в подавлении *вооруженных мятежей 1964 г. в вооруженных силах трех на тот момент недавно обретших независимость африканских стран – Кении (дата провозглашения независимости – декабрь 1963 г.), Уганды (октябрь 1962 г.) и Танганьики (впоследствии – Танзании, декабрь 1961 г.)*.

После обретения независимости Кенией и Угандой Англия сохранила в этих странах сильное военное влияние, чего не удалось добиться в Танганьике. Поворотный пункт наступил в начале 1964 г., спустя всего лишь месяц после ликвидации британской власти над этой территорией. После предоставления независимости Танганьике и Уганде английские офицеры остались на командных постах в вооруженных силах. Кроме того, в Кении, на территории которой были расположены важные военные, военно-морские и военно-воздушные базы Великобритании, остались и британские части. В соответствии с соглашением, заключенным между английским и кенийскими правительствами, они должны были быть эвакуированы из Кении к концу 1964 г. [17, с. 304].

В январе 1964 г. африканские полки сначала в Танганьике, а затем в Уганде и Кении отказались подчиняться как английским, так и африканским офицерам.

В своем фундаментальном труде «Восстания в армиях 1964 г. и становление современной Восточной Африки» американский историк (Университет Вашингтона в Сент-Луисе) Т.Н. Парсонс [18] указывает на три основные причины данных мятежей. Во-первых, сказалась неспособность британских офицеров правильно оценить воздействие политических перемен предшествующих пяти лет на солдат африканского происхождения. Несмотря на имевшиеся «сигналы», большинство офицеров полагало, что нацио-

нальные батальоны Королевских африканских стрелков будут просто следовать британскому образцу, оставаясь профессиональными солдатами вне политики, и будут нуждаться в течение определенного времени в британских офицерах. Убежденность в этом присутствовала и у Уайтхолла. Второй причиной, по мнению Т.Н. Парсонса, стала неспособность новых политических элит в трех рассматриваемых странах уделить достаточное внимание физическим и психологическим потребностям своих солдат, обусловленная различными факторами, в том числе и принадлежностью властных элит и солдат к разным этническим группам (как было в Уганде и Кении). Наконец, третьей причиной стали реальные проблемы африканских солдат (аскари), озабоченных медленными темпами «африканизации» в армии, недостаточным уважением со стороны новых политических лидеров их стран к солдатам со значительным опытом службы и заслугами, низким уровнем жалования. В ответ на мятежи правительства всех трех государств обратились к Лондону с просьбой направить войска для восстановления порядка. В то время у власти в Соединенном Королевстве находилось консервативное правительство А. Дуглас-Хьюма (1963–1964 гг.). Британия откликнулась на просьбу, что привело к крупнейшему после Суэцкого кризиса вооруженному вмешательству Соединенного Королевства в Африке [19]. В эти три страны, недавно обретшие независимость, были отправлены свыше 4000 британских военных: на подавление волнений были брошены подразделения, уже находившиеся в Кении, а также десантные части, присланные из Адена. Британским контингентам удалось подавить мятежи.

Интересно, что в Кении президент Дж. Кениатта, прибегнувший к британской поддержке для подавления армейского мятежа, еще десятилетие назад сам сражался против британского господства во время восстания Мау-мау. В своих публичных высказываниях о событиях 1964 г. он не стал упоминать участие британских войск. Дело в том, что с момента прихода к власти Дж. Кениатта стремился убедить население как раз в том, что после независимости процесс «африканизации» стремительно набирал силу, а восстания в армии были вызваны до опреде-

ленной степени именно «африканизацией», поскольку многие высшие посты в армиях бывших колоний были заняты британскими офицерами-экспатами, и мятежные солдаты призывали к их смещению.

Этот эпизод в Кении повлек заключение соглашения с Великобританией об установлении более тесных, чем это ранее допускали кенийские лидеры, военных связей. В июне 1964 г. Кении были бесплатно переданы военные объекты, снаряжение и вооружение общей стоимостью примерно 10 млн фунтов стерлингов, было также достигнуто соглашение об использовании личного состава ВС Великобритании для обучения кенийских армий, военно-морского флота (ВМФ) и военно-воздушных сил (ВВС). Взамен кенийское правительство разрешило подразделениям британских вооруженных сил время от времени возвращаться в Кению для тренировки и совместных маневров с кенийскими силами. Британские ВВС и ВМФ получили право и далее использовать кенийский порт Момбаса и аэродромы в Кении.

В Уганде, в свою очередь, после мятежа в воинских частях правительство страны договаривалось с Лондоном, что британские офицеры временно останутся на командных постах в вооруженных силах. Была оговорена также возможность использования британских военных объектов за пределами Уганды для обучения военных этой страны [17, с. 305]. Правительство Танганьики вместе с тем, в отличие от своих соседей, отклонило предложение Лондона о направлении в страну военной миссии и предоставлении объектов для обучения личного состава ВВС Танганьики.

Несомненным является то, что вооруженное вмешательство Великобритании в подавление армейских мятежей в трех странах Восточной Африки в 1964 г. было, по сути, продолжением британской имперской внешней политики и повлияло на дальнейшую расстановку политических сил в регионе.

Одним из крупнейших кризисов в Африке, с которым пришлось иметь дело лейбористскому правительству Г. Вильсона (1964–1970 гг.), стала *гражданская война 1967–1970 гг. в Нигерии*. Ставшая одним из самых кровопролитных конфликтов 1960-х гг., она была спровоцирована попыткой отделения восточных провинций страны, которые про-

возгласили создание Республики Биафра. Великобритания выступила на стороне центрального правительства, возглавляемого генералом Я. Говоном в Нигерии.

Следует отметить, что в Нигерии в течение шести лет после обретения страной независимости в 1960 г. британской дипломатии практически не приходилось сталкиваться с какими-то проблемами. Этой ситуации способствовала тщательно разработанная под руководством Лондона Конституция, которая, в частности, создавала значительные преимущества для Северного района, являвшегося опорным пунктом старых союзников Лондона – мусульманских правителей.

С 1960 по 1966 г. Федерация Нигерии управлялась коалиционным правительством, во главе которого находился представитель северных вождей – А.Т. Балева. Его правительство придерживалось политики открытых дверей для иностранного, в особенности английского, капитала. Нигерия была единственной из всех африканских колоний, которая подписала после обретения независимости формальное военное соглашение с Великобританией [20]. Оно предусматривало совместную оборону, прикомандирование британских военнослужащих к нигерийским штабам для руководства и обучения вооруженных сил страны, снабжение Нигерии британским вооружением и военно-морскими кораблями, предоставление британским ВВС неограниченного права совершать полеты над территорией бывшей колонии и использовать ее аэродромы. Однако уже через год в январе 1962 г. договор это был аннулирован по взаимному согласию, правительства двух стран указали, что соглашение аннулируется, так как его неправильно интерпретируют как документ, якобы ограничивающий свободу действий Нигерии. Однако правительства двух стран, несмотря на расторжение договора, согласились оказывать друг другу и впредь помощь в вопросах обороны.

Этот период достаточно выгодных для Лондона отношений с Нигерией закончился катастрофой в январе 1966 г., когда режим А.Т. Балева был свергнут. Возникли трудности для британской дипломатии, однако, она оставалась весьма активной и сумела нейтрализовать последствия этого и других событий. Однако, хотя британское экономическое, военное и политическое влияние в Ни-

герии еще ощущалось достаточно сильно, одним из конечных результатов переворотов в январе и июле 1966 г. и гражданской войны 1967–1970 гг. стало окончание опеки над Нигерией.

Что касается двух переворотов в январе и июле 1966 г., то Лондон сумел в обоих случаях направить ход событий в выгодном для себя направлении. Британский исследователь Д. Маклэйн указывал, что, по его мнению, восстание народа игбо (ибо), повлекшее за собой гражданскую войну в Нигерии, не было спровоцировано англичанами (такое мнение существовало в то время в левых кругах). Он писал: «На самом деле гораздо ближе к истине противоположная точка зрения. Уайтхолл исходил в своих планах из новой колониальной тактики – «объединяй и властвуй». Поступая так, он на первых порах добился больших успехов, установив тесное сотрудничество с федеральным правительством, находившимся под господством сил Севера. Восстание народа ибо и гражданская война создали серьезную угрозу этому искусственному образованию, которое уже испытало на себе серьезные удары событий 1966 г. Это фактически ставило под угрозу и ослабляло контроль Лондона над Нигерией» [17, с. 317]. Поэтому британские власти стремились всеми силами поддерживать федеральное правительство Нигерии и пытались убедить лидеров народа игбо признать власть центра. Поступая так, Уайтхолл также исходил из опасений, что советская помощь федеральному правительству Нигерии с 1967 г. [16, с. 304], включая поставки оружия, в конечном счете могла привести к опасному взаимопониманию между их бывшей колонией и СССР. Английский министр иностранных дел Р. Стюарт, оправдывая поставки британского оружия Лагосу, отмечал, что прекращение поставок «приведет к значительному росту русского влияния в Нигерии и создаст большую угрозу для английского народа и английских интересов в Нигерии» [17, с. 318].

Опубликованные в последние десять лет статьи на тему британского участия в гражданской войне в Нигерии раскрывают ранее неизвестные или недостаточно исследованные аспекты такого вмешательства. Так, нигерийский исследователь У. Чибуйе в своей статье «Нефть, британские интересы и граж-

данская война в Нигерии» 2008 г. [21], опираясь на рассекреченные архивные материалы из Национального архива в Лондоне, раскрывает подлинное значение британских интересов в сфере нефтедобычи в том, что британское правительство приняло решение настаивать на варианте «Единой Нигерии» в конфликте между центральным правительством Нигерии и непризнанной республикой Биафра. Автор отмечает, что, хотя официальная позиция британского правительства в отношении конфликта в Нигерии гласила, что его главным интересом было предотвращение распада страны по линиям межплеменных раздоров, настоящая позиция Лондона была намного более сложной. Доказательства, приводимые в статье, заставляют думать о том, что интересы британских нефтяных компаний сыграли намного более важную роль в определении официальной позиции Лондона по отношению к гражданской войне в Нигерии, чем ранее признавалось. Великобритания была заинтересована в защите инвестиций компании «Shell-BP» в нефтедобычу в Нигерии. Кроме того, в то время официальный Лондон всеми силами стремился обеспечить поставки нигерийской нефти, с тем чтобы смягчить нехватку нефти на внутреннем рынке. Оптимальным вариантом достижения этих целей представлялось оказание поддержки проекту «Единой Нигерии» [21, p. 111].

Другой нигерийский исследователь, Дж.О. Акинби, в своей статье «Рассмотрение вмешательства Великобритании и России в гражданскую войну в Нигерии в историческом контексте» 2015 г. [22] дает новый взгляд на проблему внешнего вмешательства в гражданскую войну в Нигерии. Апеллируя к трудам Дж. Розенау [23; 24] и Э. Луарда [25], автор отмечает, что они выделили три типа внешнего вмешательства, среди которых:

1) оккупация одним государством территории другого с целью предотвратить падение правящего режима;

2) финансирование одним правительством мятежных сил с целью свержения другого легитимного правительства, идеологическую ориентацию которого первое правительство не приемлет;

3) государство поставяет оружие одной из сторон во внутреннем противоборстве

(гражданской войне), идущем в другом государстве [22, p. 2].

По сути, как указывает исследователь, все государства, которые поставляли оружие той или иной стороне в гражданской войне в Нигерии, занимались третьим типом вмешательства. Он полагает, что без внешней поддержки в виде поставок вооружения ни одна из сторон гражданского противоборства в Нигерии не смогла бы вести широкомасштабных и продолжительных военных действий, а значит, обе стороны вскоре осознали бы бесполезность вооруженного конфликта, и появился бы шанс на мирное урегулирование путем переговоров [22, p. 2]. Исследователь также указывает, что для урегулирования внутреннего конфликта в Нигерии важна была на определенном этапе готовность вмешивавшихся иностранных акторов прекратить продажи оружия обеим сторонам конфликта, когда это могло дать эффект, в случае Нигерии – к июлю 1968 г., когда все страны, поставлявшие оружие, либо приостановили поставки, либо выразили готовность наложить мораторий на продажу оружия обеим сторонам конфликта. Единственные две страны, которые не прекратили поставки оружия в Нигерию и не выразили готовности сделать это, были СССР и Великобритания. Исследователь приходит к выводу о том, что такое поведение этих двух стран в 1968 г. не способствовало поиску мирного разрешения конфликта [22, p. 5-6].

Интересным аспектом противостояния Биафры центральному правительству Нигерии и борьбы против его поддержки со стороны Британии являлась пропаганда со стороны властей непризнанного государства, направленная на формирование образа геноцида против народности игбо в международном политическом и медийном пространстве, в том числе путем отсылок к еще свежим воспоминаниям о холокосте. Такие аналогии между происходящим с Биафрой и холокостом и в целом дискуссии о данном конфликте проводились особенно интенсивно в Великобритании как бывшей метрополии Нигерии. В самой Великобритании существовало целое лобби сторонников Биафры (из диаспоры и не только), были сочувствующие ей в британских СМИ и в обеих палатах парламента. К лету 1968 г. правительство Г. Вильсона оказалось под огнем их критики на основании то-

го, что Уайтхолл причастен к геноциду игбо. В 1969 г. британский журналист, сочувствовавший Биафре, Ф. Форсайт опубликовал книгу «История Биафры: создание африканской легенды» [26], которая была очень быстро распродана (в 2007 г. книга была переиздана). В ней он стремился показать, что британские власти были причастны к поддержке преследования центральным правительством Нигерии биафрийцев, по его мнению, носившего характер геноцида и напоминавшего преследование евреев во время Второй мировой войны. Г. Вильсон отмечал, что биафранская пропаганда была весьма умелой и обеспечила мятежной республике определенный уровень морального контроля над западными СМИ [27, р. 180].

В течение ряда лет после обретения Нигерией независимости Лондон создал и поддерживал здесь политическую структуру, которая должна была обеспечить ему уникально высокую степень контроля над ситуацией в бывшей колонии. Однако поскольку эта структура не отражала реального соотношения социальных, этнических и политических сил в Нигерии, то тем самым британские политики помимо своей воли способствовали зарождению трагических событий гражданской войны, которая принесла страшные страдания народам Нигерии, и в результате которой политическое влияние Великобритании в Африке также значительно ослабело.

Интересны изменения характера вмешательства Великобритании в события, связанные с борьбой Португалии против национально-освободительного движения в ее африканских колониях, в частности, в Анголе, и отчасти в событиях гражданской войны в этой стране уже после обретения ею независимости.

На протяжении долгого исторического периода Португалия в Африке играла роль буфера между Британией, Францией и Германией, что позволило ей сохранить контроль над Анголой и другими зарубежными территориями в XX веке [28, р. 3].

Как отмечал российский ученый-африканист А.Ю. Урнов, «в 60-е гг. с колониальной системой в Африке было в основном покончено. Отчаянно сопротивлялись переменам на континенте португальские колонизаторы, южноафриканские и родезийские расисты,

объединившиеся в альянс, который получил в Африке название «Союз нечестивых». Это привело к тому, что освободительная борьба на юге Африки приобрела вооруженный характер. США и их союзники по НАТО поощряли и поддерживали этот альянс» [16, с. 321].

Ангола, будучи богатейшей из всех португальских колоний и наиболее стратегически значимой, привлекала наибольшее внимание внешних игроков в эпоху «холодной войны». Страна была крупным производителем промышленных алмазов и кофе, в силу чего там присутствовали значительные инвестиции со стороны американских, британских, бельгийских, французских и западногерманских фирм [3, р. 92]. Колония граничила с мобутовским Конго (переименованным в Заир в 1971 г.) и Намибией, оккупированной ЮАР. Ангола стала одним из театров военных действий «холодной войны», где основными участниками событий были США, ЮАР, СССР, Китай и Куба, помогавшие разным сторонам из числа трех существовавших в Анголе освободительных движений (МПЛА – Народное движение за освобождение Анголы – Партия труда, ФНЛА – Национальный фронт освобождения Анголы, УНИТА – Национальный союз за полную независимость Анголы).

Из них МПЛА, по сути, было единственным общенациональным движением, которое вело борьбу против колонизаторов, и эту силу поддерживали СССР, Куба, Китай (последний в то же время оказывал содействие и ФНЛА), в то время как Португалия, США использовали ФНЛА и УНИТА для раскалывания ангольского освободительного движения и ослабления МПЛА.

К началу 1960-х гг. вооруженное сопротивление уже началось в трех главных африканских колониях Португалии: Анголе, Гвинее-Бисау и Мозамбике.

Хронология основных событий в Анголе была следующей: с 1961 по 1975 г. шла война за независимость Анголы. В 1975 г. Ангола обрела независимость. Сразу же после началась гражданская война между тремя соперничающими группировками: МПЛА, ФНЛА и УНИТА, которая длилась с 1975 по 2002 г.

Что касается аспектов британского вмешательства в войну в Анголе, то в книге профессора истории из Сенегала, работавше-

го в Университете Форталезы (Бразилия) Г. Экве-Экве «Конфликт и вмешательство в Африке: Нигерия, Ангола, Заир» (1990) [29], отмечалось, что США поддерживали ФНЛА и УНИТА не только вооружением и деньгами, но и рекрутированием солдат-наемников для этих движений. ЦРУ называла их «иностранными военными советниками». Среди этих сотен наемников были британцы, португальцы, французы, американцы, конголезцы, южноафриканцы [29, р. 81]. В целом, отмечает этот исследователь, вовлеченность западноевропейских стран в гражданскую войну в Анголе во многом была номинальной. Это заметно контрастировало с их поддержкой португальского правительства во время колониальной войны. Тогда Великобритания, а также Франция и ФРГ систематически поставляли Португалии оружие в нарушение эмбарго, введенного ООН [30, р. 180-185]. Следует отметить, впрочем, что лидером по поставкам оружия Португалии была не Великобритания, а Франция. Однако после смены власти в результате переворота в Португалии в апреле 1974 г. вовлеченность этих держав в последующую конфронтацию между движениями за независимость Анголы стала достаточно незначимой (*marginal*) [29, р. 87]. Как отмечает Г. Экве-Экве, «нет свидетельств прямой поддержки какой-либо из конфликтующих сторон в Анголе со стороны британского правительства. УНИТА закупала коммуникационное оборудование в Лондоне через частные источники. В приобретение и переправку оборудования были вовлечены два британских пилота. Правительство Дж. Каллагана в целом призывало к политике невмешательства всех внешних сил в конфликт в Анголе и к созданию «правительства национального единства» (включающего ФНЛА, МПЛА и УНИТА) в качестве средства от этого кризиса. Однако вместе с тем в Лондоне ЦРУ завербовало около 200 британских наемников для борьбы с МПЛА» [29, р. 88]. В целом, приходит к выводу автор, союзники США в Западной Европе были намного меньше вовлечены в конфликт, чем США, СССР и другие внешние акторы в Анголе. В общих чертах они разделяли позицию Вашингтона о наличии «советской угрозы» и вероятности попадания Анголы в сферу влияния СССР, но они не были заинтересованы в более активном вовлечении в кон-

фликт на стороне альянса, боровшегося с МПЛА. Похоже, что в то время большее беспокойство в западноевропейских столицах вызывали перспективы политического курса новой, революционной Португалии [29, р. 89].

Проблеме участия британских наемников в событиях в Анголе в 1975–1976 гг. посвящена статья Дж. Хьюза «Солдаты неудачи: гражданская война в Анголе, вмешательство британских наемников и политика Великобритании в отношении юга Африки, 1975–1976 гг.» [31]. Он анализирует достаточно противоречивое вмешательство британских наемников на ранних этапах гражданской войны в Анголе и воздействие их вмешательства на внутреннюю и внешнюю политику Великобритании. Автор приходит к выводу о том, что британские наемники, сражавшиеся за ФНЛА в январе 1976 г., были наняты в основном в результате частной инициативы и что имеющиеся свидетельства, по его мнению, позволяют предположить, что британское правительство не было официально причастно к их вербовке, вопреки бытовавшим подозрениям о том, что оно тайно поддерживало такую вербовку в помощь тайной операции ЦРУ (IAFEATURE). Правда, есть моменты в авторской аргументации, которые вызывают сомнения, тем более он сам указывает, что его заключения о заговоре британских наемников в Анголе и роли британского правительства в этом носят «предположительный» характер, поскольку более точно сказать трудно в силу «скудости первичных источников по поводу обстоятельств, приведших к вербовке свыше 200 «собак войны» со стороны ФНЛА, даже среди раскритикованных британских правительственных архивов» [31, р. 500]. Статья Дж. Хьюза также показывает, что участие наемников в ангольской войне обострило партийно-политические противоречия между Консервативной и Лейбористской партиями по вопросам взаимоотношений между Востоком и Западом.

Дж. Хьюз описывает, как лидер ФНЛА Х. Роберто в 1975 г. в попытках укрепить ряды своего движения на средства ЦРУ нанял 230 наемников, большинство из которых были британскими гражданами – как бывшими военными, так и людьми без военного опыта. Первая группа их прибыла в Анголу в середине января 1976 г. Один из британских наемников, К. Георгиу, грек-киприот по про-

исхождению, бывший военный служащий британской армии, даже был поставлен во главе армии ФНЛА. Однако последняя терпела в то время одно поражение за другим. К. Георгиу жестоко вел себя по отношению к ангольским солдатам, находившимся у него в подчинении и по отношению к гражданскому населению, а также расстрелял группу наемников из числа греков-киприотов за попытку дезертирства. Эту сцену удалось запечатлеть журналисту Би-би-си, что вызвало шквал недовольства у британской общественности и британского правительства. Как пишет Дж. Хьюз, впоследствии К. Георгиу и группу из девяти британских и трех американских наемников захватила в плен МПЛА, их показательно судили, К. Георгиу и еще троих расстреляли, несмотря на просьбу премьер-министра Великобритании Дж. Каллагана об их помиловании [31, р. 497].

В 1976 г. премьер-министр Г. Вильсон создал правительственную комиссию для расследования обстоятельств участия британских наемников в гражданской войне в Анголе. Комиссию возглавил лорд Диплок. В этом же году комиссия, расследовав дело, подготовила так называемый доклад Диплока. Его основным заключением было то, что британским гражданам не должно быть запрещено участие в зарубежных войнах, однако, рекламирование наемнических контрактов и вербовка наемников должны быть поставлены вне закона. Однако Дж. Хьюз подчеркивает, что рекомендации доклада так и не были впоследствии реализованы в силу противодействия со стороны Министерства обороны [31, р. 503-504]. Дело о британских наемниках в Анголе породило противоречия между представителями двух основных британских партий. Если в среде лейбористов превалировало осуждение деятельности наемников и самого факта их вмешательства во внутренние дела Анголы, то консерваторы смотрели на это достаточно снисходительно, возлагая вину на Кубу, пославшую в Анголу на помощь МПЛА 12 000 солдат [31, р. 504]. Следует отметить, что вплоть до настоящего момента практически не существует контроля за предоставлением частных военных услуг/услуг в сфере безопасности. ООН в 1989 г. приняла Международную конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников в попытке поставить

наемническую деятельность под контроль, но многие государства, среди которых Великобритания и США, так и не ратифицировали эту конвенцию [32].

Как уже упоминалось выше, такое косвенное вмешательство Великобритании в ангольскую ситуацию не оказало критически значимого влияния на ход противостояния в стране. Напротив, в период 60-х гг. XX века и в странах, лишь недавно переставших быть британскими колониями, Великобритания вмешивалась намного более активно, вмешательство было разносторонним и разноплановым.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что в рассматриваемый период Великобритания регулярно осуществляла вмешательство военного, политического и экономического характера во внутренние дела независимых африканских государств. Основные эпизоды таких интервенционистских действий были известны и достаточно хорошо описаны ранее, однако, в последние годы открылись новые архивные документы в Великобритании, которые позволили западным и африканским исследователям вернуться к ним и оценить события по-новому.

Основные выводы, к которым приходят исследователи, заключаются в следующих моментах.

1. Великобритания недобровольно содействовала процессам деколонизации в Африке, это была, скорее, вынужденная мера, уступка национально-освободительным движениям на континенте. При этом Великобритания стремилась сохранить свое военное, политическое, экономическое присутствие и влияние в бывших колониях, делая это различными способами (сохраняя и наращивая инвестиции в их экономики, осуществляя тайный сбор информации о новых лидерах и политической жизни бывших колоний [15], зачастую активно влияя на формирование их служб разведки, органов безопасности, армии и полиции, оказывая военную, техническую и экономическую помощь и т. д.).

2. Великобритания оказывала влияние на формирование постколониальной истории путем изъятия из архивов своих спецслужб и колониальных ведомств в африканских стра-

нах, обретших независимость, секретных документов о своей деятельности в этих странах. Эти документы долгие десятилетия были недоступны общественности как в Великобритании, так и в ее бывших колониях. Там, где британские спецслужбы продолжали взаимодействие с новыми правительствами африканских стран, они тщательно фильтровали предоставляемую лидерам независимых стран разведывательную информацию, тем самым зачастую направляя процесс принятия политических решений в выгодную им сторону [15; 33, р. 40].

3. Интересы британской экономики и британского бизнеса играли большую роль в том, как осуществлялся процесс деколонизации, и во многом предопределяли вмешательство Великобритании во внутренние дела той или иной африканской страны. Так, недавние исследования показывают, что роль британских нефтедобывающих компаний во вмешательстве Великобритании в гражданскую войну в Нигерии была сильно недооценена [21].

4. Альянс Великобритании с Соединенными Штатами как союзником по «холодной войне», помимо прочих значимых причин, в том числе был обусловлен и их общим нежеланием допускать распространения влияния СССР в африканских странах. Тем не менее позиции двух стран по поводу возможностей и перспектив вмешательства в дела тех или иных африканских стран не всегда совпадали. Где-то они действовали совместно (как например, при подготовке переворота 1966 г. в Гане), где-то участие Великобритании было незначительным, принимало формы негосударственного и в силу этого практически не поддающегося внешнему контролю вмешательства (эпизод с участием большой группы британских наемников в гражданской войне в Анголе).

5. Особенности положения Великобритании в Африке в период деколонизации во многом определялись тем, что в ряде стран юга Африки присутствовали значительные сообщества белых поселенцев британского происхождения, долго сохранявшие политическую власть, несмотря на протесты черного большинства (это Родезия, ЮАР, Намибия). Страны Черной Африки, где к власти уже пришли лидеры народного большинства, оказывали политико-дипломатическое да-

вление на Великобританию с тем, чтобы она не поддерживала режимы белых меньшинств, исповедующих расистские и антидемократические подходы, однако, давление на нее оказывали и политики стран, где сохранялись правительства белого меньшинства и где значительны были британские политико-экономические и стратегические интересы. В силу этого Великобритании приходилось лавировать между двумя этими полюсами, что способствовало затягиванию процесса деколонизации на юге Африки.

Эти новые аспекты изучения истории британского вмешательства во внутренние дела стран Африки заслуживают дальнейшего более подробного изучения. Наше исследование вносит вклад в это направление исторического поиска, поскольку рассматриваемые в ней новые работы западных и африканских исследователей по проблематике вмешательства получили мало освещения в отечественной науке или вообще не были введены в научный оборот.

Логика британского вмешательства в дела африканских стран во многом определялась не только перипетиями истории «холодной войны», но и собственно британской внутривнутриполитической динамикой, стремлением сохранить свое влияние в бывших колониях после деколонизации, повлиять на политику других колониальных держав на континенте, а также интересами британской экономики и британского бизнеса. Нельзя не отметить, что все случаи британского вмешательства во внутреннюю политику африканских стран в первую очередь диктовались интересами британской политики, стратегии, экономики, а не интересами народов африканских стран. Нельзя не согласиться с профессором Э. Шмидт, которая утверждала, что в период с 1945 по 2010 г. внешнее вмешательство в африканскую политику приносило больше вреда, чем пользы [3, р. 229]. Внешнее вмешательство часто делало африканские конфликты намного более интенсивными и смертоносными для местного населения. Мнения самих африканцев редко принимались во внимание. Все это полностью применимо и к общей характеристике картины и последствий британского вмешательства в дела африканских государств в эпоху «холодной войны». Британский исследователь Г. Арнольд суммировал отношение

стран третьего мира к вмешательству великих держав в их внутреннюю политику следующим образом: «Какие бы обоснования своему вмешательству ни приводили великие державы, такие их действия подвергались общему осуждению стран третьего мира в целом: они рассматривались, в лучшем случае как упражнения в неоколониализме, как продолжающееся манипулирование властью и контролем после обретения этими странами независимости, в худшем случае как полностью необоснованные попытки заинтересованных великих держав заставить эти страны принять те политические решения, которые бы соответствовали интересам Вашингтона, ...Лондона или Парижа» [34, p. 119].

Список литературы

1. *Westad O.A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
2. The Cambridge History of the Cold War / ed. by M.P. Leffler, O.A. Westad. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1–3.
3. *Schmidt E.* Foreign Intervention in Africa. From the Cold War to the War on Terror. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
4. *Macmillan H.* “Wind of Change” Speech. 3 February 1960. URL: http://africanhistory.about.com/od/eraindependence/p/wind_of_change2.htm (accessed: 01.09.2017).
5. *Rouvez A.* Disconsolate Empires: French, British and Belgian Military Involvement in Post-Colonial Sub-Saharan Africa. Lanham; London: University Press of America, 1994.
6. *Arnold G.* Africa: a Modern History. L.: Atlantic Books, 2017.
7. *Dowden R.* Africa: Altered States, Ordinary Miracles. L.: Portobello Books, 2015.
8. *Podmore W.* British Foreign Policy since 1870. L.: Xlibris Corporation, 2008.
9. *Bingham T., Gray S.M.* Report on the Supply of Petroleum Products to Rhodesia. L.: Foreign and Commonwealth Office, HMSO, 1978.
10. *Nossiter B.D.* British cover-up charged on oil flow to Rhodesia // The Washington Post. 1978. 20 Sept.
11. *Arnold G.* Mercenaries: Scourge of the Developing World. L.: Macmillan Press Ltd, 1999.
12. Антониу ди Оливейра Салазар // Дипломатический словарь / под ред. А.Я. Вышинского, С.А. Лозовского. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948.
13. *Cooke S.* The Response of the Labour Government to the “Revolution of Carnations” in Portugal, 1974–76. PhD Thesis. L.: University College London, 2014.
14. *McQueen N.* “A Friend in Need”? Britain, the Caetano Regime and Guinea-Bissau. 2007. URL: http://www.mod-langs.ox.ac.uk/files/windsor/9_macqueen.pdf (accessed: 01.09.2017).
15. *Уолтон К.* Британская разведка во времена «холодной войны». Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М.: Центрполиграф, 2016. 544 с.
16. *Урнов А.Ю.* Внешняя политика СССР в годы «холодной войны» и «нового мышления». М.: РФК-Имидж Лаб, 2014.
17. *Маклэйн Д.* Внешняя политика Англии после Суэца. М.: Изд-во «Прогресс», 1972.
18. *Parsons T.H.* The 1964 Army Mutinies and the Making of Modern East Africa. Westport: Greenwood, 2003.
19. *House A.* From the archive: January 26, 1964. British troops move into three East African countries to restore order // The Telegraph. 2014. 26 Jan.
20. *Balewa Sir A.T.* The Anglo-Nigerian Defence Agreement’, 12 April 1960 // Nigeria Speaks: Speeches Made between 1957 and 1964 / selected and introduced by S. Epelle. Ikeja: Longmans of Nigeria, 1964.
21. *Uche C.* Oil, British interests and the Nigerian Civil War // Journal of African History. 2008. No. 49. P. 111–135.
22. *Akinbi J.O.* Historicising British and Russian intervention during the Nigerian Civil War, 1967–1970 // International Affairs and Global Strategy. 2015. Vol. 34. P. 1–7.
23. *Rosenau J.* The concept of intervention // Journal of International Affairs. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 165–176.
24. *Rosenau J.* International Aspects of Civil Strife. Princeton: Princeton University Press, 1974.
25. *Luard E.* The International Regulation of Civil Wars. L., Oxford University Press, 1972. P. 1–45.
26. *Forsyth F.* The Biafra Story: The Making of an African Legend. L., 1969.
27. *Heerten L., Moses A.D.* The Nigeria–Biafra war: postcolonial conflict and the question of genocide // Journal of Genocide Research. 2014. Vol. 16. No. 2–3. P. 169–203.
28. *Guimaraes F.A.* The Origins of the Angolan Civil War Foreign Intervention and Domestic Political Conflict. Basingstoke; London: Macmillan Press Ltd, 2001.
29. *Ekwe-Ekwe H.* Conflict and Intervention in Africa: Nigeria, Angola, Zaire. N. Y.: St. Martin’s Press, 1990.
30. *Fedorowich K., Thomas R.* International Diplomacy and Colonial Retreat. L.: Routledge, 2013.
31. *Hughes G.* Soldiers of misfortune: the Angolan Civil War, the British mercenary intervention, and UK policy towards Southern Africa, 1975–6

- // The International History Review. 2014. Vol. 36. No. 3. P. 493-512.
32. *Hoefler A.* Can International Interventions Secure the Peace? URL: https://www.econrsa.org/system/files/publications/working_papers/working_paper_314.pdf (accessed: 01.09.2017).
33. *Cormac R.* Confronting the Colonies. British Intelligence and Counterinsurgency. Oxford: Oxford University Press, 2014.
34. *Guy A.* Wars in the Third World since 1945. L.: Bloomsbury Publishing, 2016.
- Поступила в редакцию 12.11.2017 г.
Отрецензирована 15.12.2017 г.
Принята в печать 23.01.2018 г.

Информация об авторе

Кулькова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры международной безопасности. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; старший научный сотрудник. Российская академия наук, Институт Африки, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: kulkova-olga@yandex.ru

Для цитирования

Кулькова О.С. Некоторые аспекты британского вмешательства в политику африканских стран к югу от Сахары в 1960–1980-е гг. в современной зарубежной историографии // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 167-184. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-167-184.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-167-184

SOME ASPECTS OF BRITISH INTERVENTION IN THE INTERNAL POLITICS OF SUB-SAHARAN AFRICAN COUNTRIES IN THE 1960–1980s IN MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Olga Sergeyevna KULKOVA

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation
E-mail: kulkova-olga@yandex.ru

Abstract. The problem of external intervention of the Western powers in the internal affairs of the Third World countries in general and African countries in particular, which has long historical roots and remains relevant today, is studied. It is devoted to the problem of external intervention of Great Britain in the affairs of African countries during the 1960–1980s and to the reflection of these events in the mirror of modern foreign historiography. Contemporary historical studies (books and articles) of foreign scientists (not only British, but also American, African, etc.) on general and particular issues of such interventions are analyzed. The attempts of Western and non-Western authors, if not to classify, at least to systematize information about all cases of such British intervention are analyzed. The analysis of British intervention in private and specific cases is also given. The direct military involvement of Great Britain in the suppression of the army mutinies of 1964 in three newly independent African countries – Kenya, Uganda and Tanganyika, is analyzed, the second case is the support of the Labor government of G. Wilson (1964–1970) of the central government of Nigeria during the civil war of 1967–1970 in this country, the third case is less significant intervention by Great Britain in the events connected with the struggle of Portugal against the national liberation movement in its African colonies, in particular, in Angola. It is shown that the logic of British intervention in the affairs of African countries was largely determined not only by the twists and turns of the history of the Cold War, but also by British internal political dynamics, the desire to maintain its influence in the former colonies after decolonization, to influence the policies of other colonial powers on the continent, and also by the interests of the British economy and British business.

Keywords: Great Britain; intervention; Third World; “Cold War”; foreign policy; colonies; decolonization; struggle for independence

References

- Westad O.A. *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.
- Leffler M.P., Westad O.A. (eds.). *The Cambridge History of the Cold War*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, vols. 1–3.
- Schmidt E. *Foreign Intervention in Africa. From the Cold War to the War on Terror*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013.
- Macmillan H. “Wind of Change” Speech. 3 February 1960. Available at: http://africanhistory.about.com/od/era independence/p/wind_of_change2.htm (accessed 01.09.2017).
- Rouvez A. *Disconsolate Empires: French, British and Belgian Military Involvement in Post-Colonial Sub-Saharan Africa*. Lanham, London, University Press of America, 1994, 468 p.
- Arnold G. *Africa: a Modern History*. London, Atlantic Books Publ., 2017.
- Dowden R. *Africa: Altered States, Ordinary Miracles*. London, Portobello Books Publ., 2015.
- Podmore W. *British Foreign Policy since 1870*. London, Xlibris Corporation Publ., 2008.
- Bingham T., Gray S.M. *Report on the Supply of Petroleum Products to Rhodesia*. London, Foreign and Commonwealth Office Publ., HMSO Publ., 1978.
- Nossiter B.D. British cover-up charged on oil flow to Rhodesia. *The Washington Post*, 1978, September 20.
- Arnold G. *Mercenaries: Scourge of the Developing World*. London, Macmillan Press Ltd, 1999.
- Vyshinskiy A.Y., Lozovskiy S.A. (eds.). Antoniu di Oliveyra Salazar [Antonio di Oliveira Salazar]. *Diplomatičeskij slovar'* [Diplomatic Dictionary]. Moscow, State Publishing of Political Literature, 1948. (In Russian).
- Cooke S. *The Response of the Labour Government to the “Revolution of Carnations” in Portugal, 1974–76. Cand. hist. sci. diss. abstr.* London, University College London Publ., 2014.
- McQueen N. “A Friend in Need”? Britain, the Caetano Regime and Guinea-Bissau. 2007. Available at: http://www.mod-langs.ox.ac.uk/files/windsor/9_macqueen.pdf (accessed 01.09.2017).
- Walton C. *Britanskaya razvedka vo vremena kholodnoy voyny. Sekretnye operatsii MI-5 i MI-6* [British Intelligence Service during the Cold War. Secret Operations of MI-5 and MI-6]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016, 544 p. (In Russian).
- Urnov A.Y. *Vneshnyaya politika SSSR v gody «kholodnoy voyny» i «novogo myshleniya»* [USSR Foreign Policy during the Cold War and “New Thinking” Years]. Moscow, RFK-Imidzh Lab Publ., 2014. (In Russian).
- Maclane D. *Vneshnyaya politika Anglii posle Suetsa* [British Foreign Policy after Suez]. Moscow, “Progress” Publ., 1972. (In Russian).
- Parsons T.H. *The 1964 Army Mutinies and the Making of Modern East Africa*. Westport, Greenwood Publ., 2003.
- House A. From the archive: January 26, 1964. British troops move into three East African countries to restore order. *The Telegraph*, 2014, January 26.
- Balewa Sir A.T. *The Anglo-Nigerian Defence Agreement', 12 April 1960*. Nigeria Speaks: Speeches Made between 1957 and 1964. Ikeja, Longmans of Nigeria Publ., 1964.
- Uche C. Oil, British interests and the Nigerian Civil War. *Journal of African History*, 2008, no. 49, pp. 111-135.
- Akinbi J.O. Historicising British and Russian intervention during the Nigerian Civil War, 1967–1970. *International Affairs and Global Strategy*, 2015, vol. 34, pp. 1-7.
- Rosenau J. The concept of intervention. *Journal of International Affairs*, 1968, vol. 22, no. 2, pp. 165-176.
- Rosenau J. *International Aspects of Civil Strife*. Princeton, Princeton University Press, 1974.
- Luard E. *The International Regulation of Civil Wars*. London, Oxford University Press, 1972, pp. 1-45.
- Forsyth F. *The Biafra Story: The Making of an African Legend*. London, 1969.
- Heerten L., Moses A.D. The Nigeria–Biafra war: postcolonial conflict and the question of genocide. *Journal of Genocide Research*, 2014, vol. 16, no. 2-3, pp. 169-203.
- Guimaraes F.A. *The Origins of the Angolan Civil War Foreign Intervention and Domestic Political Conflict*. Basingstoke, London, Macmillan Press Ltd, 2001.
- Ekwe-Ekwe H. *Conflict and Intervention in Africa: Nigeria, Angola, Zaire*. New York, St. Martin's Press, 1990.
- Fedorowich K., Thomas R. *International Diplomacy and Colonial Retreat*. London, Routledge Publ., 2013.
- Hughes G. Soldiers of Misfortune: the Angolan Civil War, the British Mercenary Intervention, and UK Policy towards Southern Africa, 1975–6. *The International History Review*, 2014, vol. 36, no. 3, pp. 493-512.
- Hoefler A. *Can International Interventions Secure the Peace?* Available at: https://www.econrsa.org/system/files/publications/working_papers/working_paper_314.pdf (accessed 01.09.2017).
- Cormac R. *Confronting the Colonies. British Intelligence and Counterinsurgency*. Oxford, Oxford University Press, 2014.
- Guy A. *Wars in the Third World since 1945*. London, Bloomsbury Publishing, 2016.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research is fulfilled under financial support of Russian Foundation for Basic Research in the framework of scientific project no. 15-01-00363.

Received 12 November 2017

Reviewed 15 December 2017

Accepted for press 23 January 2018

Information about the author

Kulkova Olga Sergeyevna, Candidate of History, Senior Research Worker of International Security Department. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Senior Research Worker. Russian Academy of Sciences, Institute for African Studies, Moscow, Russian Federation. E-mail: kulkova-olga@yandex.ru

For citation

Kulkova O.S. Nekotorye aspekty britanskogo vmeshatel'stva v politiku afrikanskikh stran k yugu ot Sakhary v 1960–1980-e gg. v sovremennoy zarubezhnoy istoriografii [Some aspects of British intervention in the internal politics of sub-Saharan African countries in the 1960–1980s in modern foreign historiography]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 167-184. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-167-184. (In Russian, Abstr. in Engl.).

